

В то время как в сотнях километрах к востоку и югу совершались грандиозные горообразовательные процессы, воздвигались системы горных хребтов, происходили мощные сбросы, вырывались на земную поверхность вулканические излияния, здесь господствовал вековой покой и ровная поверхность района не была нарушена ни одним катастрофическим явлением. Над созданием рельефа здесь работали только ветры и солнце, реки и ледники.

В.А. Некипелов, землеустроитель, автор книги

О Тутуре много слышал, что там живут тунгусы, что они замечательные охотники и при этом очень меткие, что в белку на высокой лиственнице и на кедре стреляют только в глаз. И даже женщины молодые и старые не уступают в стрельбе мужчинам. А Тунгусия – край, богатый рыбой, всяким зверем и птицей, ягодами, орехами, что кроме лошадей и коров много держат оленей, а вот хлебопашеством не занимаются. Это было очень удивительно: как же простонародие не занимается хлебопашеством, а чем же, собственно, занимаются?

И.И. Бурлаев, бухгалтер, автор книги

Кого-то, возможно, привлечет в книге описание родных мест, заинтересуют встреченные знакомые фамилии, или книга станет историческим источником, материалом для будущих исследовательских озарений и обобщений; географ найдет в ней данные о природе, социолог – об отношениях людей, этнолог почерпнет огромный пласт информации о малоизученном периоде в жизни верхоленских эвенков и русских старожилов, а учитель, краевед смогут использовать ее, чтобы лучше понять свою малую родину и привить школьникам более осознанную любовь к ней.

*д.г.н. М.В. Рагулина,
д.и.н. А.А. Сирина,
редакторы-составители книги*

ПО ВЕРХОВЬЯМ ЛЕНЫ И КИРЕНГИ

ПО ВЕРХОВЬЯМ ЛЕНЫ И КИРЕНГИ

|

По верховьям Лены и Киренги

**Отчет землеустроителя. Воспоминания бухгалтера эвенкийского колхоза
(1920–1940-е годы)**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая

Сибирское Отделение
Институт географии им. В.Б. Сочавы

Иркутский областной краеведческий музей

По верховьям Лены и Киренги

Отчет землеустроителя. Воспоминания бухгалтера эвенкийского колхоза
(1920–1940-е годы)

Москва–Иркутск, 2018

УДК 332 (571.5) (091)
ББК 65.9(2)32-5(2P5)
ISBN 978-5-6043313-0-9

Серия: Землеустроительные экспедиции / Отв. редакторы серии: М.В. Рагулина, А.А. Сирина. Вып. 2. 2018.

(Вып.1: Копылов И.П., Погудин А.А., Романов Н.Я. Промысловое хозяйство туземного и русского населения в верховьях Нижней Тунгуски. / отв. ред. А.А. Сирина, М.В. Рагулина. Иркутск: ИГ СО РАН, 2009. – 148 с., илл.)

Отв. редакторы и составители: д.и.н. А.А. Сирина, д.г.н. М.В. Рагулина

Рецензенты: д.г.н. Л.М. Корытный, д.и.н. С.В. Чешко

По верховьям Лены и Киренги. Отчет землеустроителя. Воспоминания бухгалтера эвенкийского колхоза (1920–1940-е годы) / Отв. ред. А.А. Сирина, М.В. Рагулина. Вып. 2. М., Иркутск, 2018. – 346 с., ил.– ISBN 978-5-6043313-0-9

В книге опубликован отчет землеустроителя В.А. Некипелова о работах 1927 г. в верховьях Лены и Киренги и воспоминания бухгалтера И.И. Бурлаева о повседневной жизни эвенкийского колхоза в 1940-х гг. в том же регионе. Два текста и два взгляда взаимодополняют друг друга: географическое региональное исследование и воспоминания, содержащие много этнографического материала. В книге содержатся новые данные о природе, населении, истории территории, сегодня относящейся к Качугскому и Казачинско-Ленскому районам Иркутской области. Публикацию предваряет вступительная статья. Для географов, этнографов, историков, краеведов.

© А.А.Сирина, М.В. Рагулина, отв. ред., составители, вступит. статья

© Институт этнологии и антропологии
им.Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2018

© Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2018

© С.Ю. Писарев, рисунок на обложке

**Верховья Лены и Киренги
в научно-прикладном и народном знании первой половины XX в.**

В этой книге под одной обложкой публикуются два текста, очень разных по жанру и стилю. Первый текст представляет собой официальный отчет, который написан по итогам комплексной землеустроительной экспедиции ее начальником В.А. Некипеловым в 1927 г. Второй текст – воспоминания бухгалтера эвенкийского колхоза И.И. Бурлаева, относящиеся к периоду 1940-х годов. Объединить эти тексты позволил интерес их авторов к территории верховьев восточносибирских рек Лены и Киренги, взятой в совокупности природы и населения. В книге представлены два разных взгляда на эту территорию: научно-прикладной и традиционный, объективно-отстраненный и личностно-заинтересованный. Исследование Некипелова и воспоминания Бурлаева являются взаимодополняющими.

Описание Некипелова имело свои особенности, где научный язык соседствует с образным. Раскинувшиеся горы с обнаженными скальниками, долины, сырые пади, реки, таежные озера встают перед глазами читателя, и картина получается живой, потому что автором пройдены многие километры конных и пеших троп, сплавов по рекам. Вот как Некипелов описывает рельефообразование территории: *«Это осушенное дно Кембро-Силурийского океана, после его отступления так и застыло в своем первоначальном положении. В то время как в сотнях километрах к востоку и югу совершались грандиозные горообразовательные процессы, воздвигались системы горных хребтов, происходили мощные сбросы, вырывались на земную поверхность вулканические излияния, здесь господствовал вековой покой и ровная поверхность района не была нарушена ни одним катастрофическим явлением. Над созданием рельефа здесь работали только ветры и солнце, реки и ледники. Поэтому весь район имеет мягкий, сглаженный рельеф, здесь нет ни ясно выраженных хребтов, ни отдельных сопок, ни глубоких ущелий, существующие в районе возвышения, носящие у местного населения название хребтов, являются только хребтообразными водоразделами с широкими плоскими вершинами, причём эти вершины по всему району очень мало разнятся по своей высоте, и если бы их соединить между собой, то они представили бы лишь волнистую равнину».*

Некипелов – внимательный исследователь, он эрудирован и хорошо подготовлен к полевой работе, имея познания в области геоморфологии, ботаники, геологии, климатологии*. Он опирается не только на собственный опыт, но и на результаты работ других участников экспедиции.

В географическом отношении территория Верхоленья к началу 1930-х гг. была почти белым пятном, и отряд во главе с землеустроителем Некипеловым собирает сведения о растениях и животных, копает почвенные разрезы, измеряет гипсометрические уровни, проводит геодезическую съёмку, опрашивает русских крестьян, наблюдает за жизнью тунгусов. Землеустроитель Некипелов остается внимательным ученым – то, что сообщают ему местные жители, ложится на бумагу, и встраивается им в картину академического знания. Собственный путь побуждает перепроверять уже известное: на страницах отчета автор спорит с ботаником Дробовым, соглашается с лесоустроителем Солтышем, в описании населения проводит параллели с наблюдениями охотоведа и экономико-географа Копылова, сравнивает свои данные с материалами Приполярной переписи.

Это классическое, в понимании отечественной дореволюционной географической школы, региональное описание. Через несколько лет традиции синтеза, свойственные досоветской географии и этнологии, покинут страницы статей и книг: под комплексностью будут пониматься свойства объекта, а не его научного образа, портрета. География станет отстраненной, «бесчеловечной», изъясняющейся научным «канцеляритом». Возвращаться к живому человеку в природе ей придется только после перестройки, когда ослабнут идеологические ограничения.

А пока в тексте есть и живая природа и люди, и конечно, присутствует цель – выполнить «инвентаризацию» природных, человеческих ресурсов, которые могут быть использованы для строительства нового советского общества. Даже в этом плане рукопись Некипелова подкупает минимальной политической ангажированностью: прежде всего он ученый, а уже потом – носитель политических и научных предпочтений.

Целью прикладного исследования землеустроительного отряда под руководством Викторина Некипелова из Иркутского окружного земельного управления было изучить территорию на предмет возможности дальнейшей колонизации в условиях

* Сын В.А. Некипелова, Николай Викторович (1911–1993) пошел по стопам отца, стал доктором биологических наук, в течение 34-х лет заведовал зоологическим отделом Иркутского противочумного института, был профессором кафедры зоологии Иркутского государственного университета.

малоземелья в Центральной России. Однако совсем скоро вопрос сельскохозяйственной колонизации был снят с повестки дня, поскольку в СССР начался этап индустриализации, сопровождавшийся отчуждением крестьян от земли, их массовым исходом в города и превращением в рабочий класс и интеллигенцию. К 1970-80-м годам, в связи с демографическими последствиями Великой Отечественной войны, политикой укрупнения 1960-х гг. многие сёла Верхоленья совсем обезлюдели. По данным, собранным В.А. Некипеловым, в 1927 г. в д. Куница было 57 дворов с 248 чел. населения. Когда в 1981 г. один из авторов побывал в этнографической экспедиции на Верхней Лене, в той же д. Куница оставалось всего три «живых» дома, где жили старики, к ним на лето приезжали дети и внуки; так было в большинстве верхнеленских и среднеленских деревень. Эта тенденция еще более усугубилась к настоящему времени. Сегодня в Качугском и Казачинско-Ленском районах еще сохраняется промысловое и сельское хозяйство, но с 1970-х годов широкими масштабами развивается лесодобывающая промышленность. В Казачинско-Ленском районе складывается промышленный вектор экономического развития: работает БАМ, идет лесодобыча и планируется газодобыча на Ковыктинском газоконденсатном месторождении. Хотя последнего в 1920-е гг. никто не мог предположить, Некипелов прогнозировал изменение типа ландшафта под влиянием деятельности человека: *«Возможно, что в будущем, после интенсивного освоения района, лесостепь вслед за человеком разовьет свое наступательное движение на север и в конечном результате через более или менее продолжительный период времени придет на смену современной тайге».*

В рукописи Некипелова есть не только ландшафты, но и описания повадок и местообитаний диких зверей: *« в прошлом году медведь забрался во двор тунгуса Х.Х. Дорофеева в Кычегировском стойбище, задавил несколько коров и вступил в борьбу с людьми. В Белоусовский сельсовет (в низовьях Куленги) среди белого дня забежала медведица и заставила все население попрятаться по домам, а потом удалилась невредимой...»*, годового цикла крестьян и тунгусов, особенностей их быта и труда. Все это сохраняет неповторимый аромат места и времени, притягательный для потомков, которые не порвали связи с родными местами.

Изучая рельеф, растительность, климат и почвы, автор имеет в виду грядущее сельскохозяйственное освоение, новых поселенцев, которым предстоит здесь сводить ерниковую растительность и осваивать пахотные земли. Ерники – это заросли кустарников и низкорослых чахлах берез, которые сплошным массивом покрывают

речные долины. Одни исследователи считают, что ерники, раз появившись, остаются в этой местности навсегда, другие, в том числе и сам автор, склоняются к тому, что ерники в будущем сменяются лесом. Но *«благодаря отсутствию материала данному вопросу можно дать несколько толкований, часто априорных, которое из них окажется правдоподобным, может решить лишь само исследование и ряд научно поставленных экспериментов. А сделать это крайне необходимо, и как можно скорее, так как территория, занятая ерниковыми формациями, имеет огромное значение в хозяйственном эквиваленте района. Хозяйственное же значение ерников, безусловно велико, прежде всего уже потому, что они занимают самые удобные по рельефу места; речные долины и отлогие склоны, почвы под ерниками пригодны для обработки и наконец расчистка ерников должна обойтись гораздо дешевле, чем расчистка лесных площадей»*. Этот отрывок интересен с точки зрения научного метода: Некипелов не принимает на веру «априорные толкования» и утверждает на основе заключений коллег, что только длительное наблюдение, исследование и научный эксперимент могут дать требуемые ответы. Действительно, на основе многолетних полевых экспериментов и наблюдений несколько десятилетий спустя академик Виктор Борисович Сочава [1978] обнаружит закономерности эволюции и динамики географических систем на примере сибирской тайги, где смена ерников лесной растительностью будет одной из обязательных фаз развития ландшафта. Это пример не только и не столько фактической правоты Некипелова: он показывает, насколько бережно и взвешенно, используя все доступные на тот момент источники, подходит исследователь к формулировке выводов о том, как устроена Верхоленинская природа. Не предполагая чего-либо заранее, ведомый опытом и практикой, внимательный наблюдатель приходит к правильным, надежным и достоверным выводам.

Но совершенно иначе обстоит дело с выводами о социальной и культурной среде региона: здесь автор идет вслед за уже высказанными до него тезисами о слабой и сильной «расах», вымирании тунгусов и о спасительной роли советской власти, неосознанно подгоняя под них увиденное.

Перед проведением колонизации района в качестве первоочередной меры автор предлагает «разработать тип хозяйства, приспособленного к местным условиям». Вместе с тем, представленные характеристики хозяйств русских старожилов и эвенков (тунгусов) как раз и служат такими адаптационными моделями в условиях прежней экономической системы. Возможно, под новым типом хозяйства автор имел в виду

грядущие коллективизацию и переформатирование хозяйственно-экономических моделей местного населения. В воспоминаниях Бурлаева эти новые советские типы хозяйства будут хорошо показаны на примере эвенков.

Некипелов считает тунгусов пионерами освоения тайги и признает их роль в формировании современного таежного ландшафта: *«они своими стойбищами с многочисленными стадами оленей отоптали и осушили площади, которые потом занимались русскими под луга и даже под поселения»*. Однако одновременно он характеризует центральный массив Лено-Киренгского района как «безлюдное таежное пространство», которое «давит», и которое «мы должны оживить и сделать более производительным». И это не только дань советскому проекту модернизации, но и подход человека, принадлежащего к иной культуре.

Тутуро-очеульские тунгусы воспринимаются автором через военную метафору, как арьергард *«бывшего великого тунгусского племени, теснимого русским и бурятским населением и постепенно отступавшим к северу. Этот арьергард тутуро-очеульских тунгусов, охваченный с трех сторон русскими старожилами, все более и более сжимающими свой обхват, почти совсем не борется за свое существование, отчасти постепенно вымирая, отчасти в силу создавшихся экономических условий переходя на более оседлую жизнь, инстинктивно приспособливаясь и приравниваясь к хозяйственному укладу своих русских соседей»*. Очевидные парадоксы между отмечаемой им утратой антропологической и хозяйственной самобытности тунгусов и отсутствием взаимообратных связей с русскими и бурятами (кстати, вывод, не подкрепленный фактами и потому очень сомнительный) автор объяснить не может, прибегая к заведомо слабым аргументам «естественного отбора»:

«Причина вымирания тунгусов заключается, очевидно, в общем биологическом законе, по которому слабая раса, внезапно столкнувшись с более сильной, не успевает приспособиться к новым условиям и гибнет в борьбе за существование. Гибель эту можно приостановить, или поставив слабую расу в изолированное положение, или помогая ей как можно быстрее приспособиться к образу жизни своих более сильных соседей ...».

И, вслед за многими послереволюционными исследователями жизни коренных народов, связывает их будущее процветание с коренным изменением хозяйственного уклада. В этом противоречие текста: Некипелов внимательно и детально описывает быт тунгусов, значимость для них охоты и оленя, высокую приспособленность к

таежным условиям, отмечает хозяйственные заимствования между ними и русскими старожилами, и в то же время признает курс на переустройство кочевого быта, перевод на оседлость как единственно правильный и решенный. Причем решение будет принято за тунгусов: *«только переход тунгусов на оседлое хотя бы на первое время, скотоводческое хозяйство, поможет им успешно бороться за свое существование. На это обстоятельство, по-видимому, и должно быть обращено внимание как государственных, так и общественных организаций. Для того чтобы успешнее осуществить этот переход на оседлую жизнь было бы целесообразно сконцентрировать разбросанные и затерянные среди тайги группы тунгусов в одном месте. Наиболее удобным в этом отношении является водораздельное плато в районе озер, где и сейчас сосредоточена большая часть тунгусских стойбищ. Эта ровная возвышенность покрыта на большей своей площади свежей, еще уцелевшей от пожаров тайгой и большими моховыми болотами, что даст возможность тунгусам кормить своих оленей и заниматься охотой в небольших размерах. Кроме того, сеть больших крупных озер обеспечит хороший рыбный промысел. Эти условия нужны тунгусам для того, чтобы при перестройке своего хозяйства они не были бы сразу оторваны от привычных условий своего быта»*. Но «оторвать» от привычного быта все же придется, и для этого нужны ресурсные основы будущего земледельческого хозяйства, поэтому автор так тщательно изучает луговую и прибрежную растительность, рельеф и почвы в долине рр. Келоры и Ковылей, окрестностях Вершино-Тутурского стойбища. Признавая важность оленя в охотничьем промысле эвенка и несовместимость его содержания с крупным рогатым скотом и заведением пашни, автор понимает, что в новую жизнь тунгусы вступят уже без оленей, почти ничем не отличаясь от русского старожильского населения. Автор сравнивает оленя с коровой с точки зрения преимуществ оседлого образа жизни, используя подход экономической рациональности, а не ценностно-культурный. После образования в районе культбазы, где будет школа, лавка, агрометеостанция, фельдшерский пункт *«поставленные в культурные условия тунгусы сами собой быстро перейдут на оседлую жизнь и впоследствии безболезненно сольются с русским населением»*.

И в этом высказывании отражается еще один парадокс: спасти тунгусов от слияния с русскими и «утеснения» с их стороны предполагается поглощением, «безболезненным слиянием» с русскими, и в то же время, установлением границ тунгусского района. *Предоставленную тунгусами территорию необходимо оградить межевыми признаками, чтобы обезопасить тунгусов от вторжения русских... Но при*

перевосе тунгусов на оседлую жизнь, само собой разумеется, не следует лишать их и охотничьего промысла, т.к. тунгусы еще надолго останутся лучшими охотниками».

Спасать, реорганизовывать, переводить на оседлость, улучшать условия жизни и быт людей извне, «сверху», с высоты административных полномочий и готового политического курса для ученых и практиков того времени казалось настолько же естественным, как осушать болота и готовить под распашку обширные территории, занятые лесом и кустарниками. Но подход экономгеографов к природе, в отличие от людей, был в те годы более внимательным и чутким: в отношении эвенков и так все было понятно, а растительные сообщества и климат еще предстояло изучать.

Подход внешнего наблюдателя дал глубокие корни. Теперь приходится преодолевать его отголоски, признавая, что априорное, объективное знание о человеке, выраженное в цифрах и схемах, не заменит для антрополога, географа и краеведа контакта глаза в глаза, беседы и взаимного доверия. Пройдет много времени, прежде чем в отечественную науку вернется понимание ценности повседневного жизненного уклада простого человека.

Этнографов, работавших в конце 1920-х годов по заданию и на средства государства, называли «государственными этнографами». Ученые не подвергали сомнению политику государства, направленную на проведение социально-экономических преобразований у «малых» народов Севера. Вместе с тем была возможность обсуждать конкретные способы реализации этой политики. На территории нынешней Иркутской области в эпицентр внимания власти попали карагасы (тофалары) и группы киренско-хандинских и тутуро-очеульских эвенков. В поисках наиболее оптимальных путей преобразований среди них на средства Комитета Севера профессор Иркутского государственного университета Б.Э. Петри в 1928–1930 годах выезжал в экспедиции. Передвигаясь верхом на лошадях, оленях и пешком, он обследовал практически все небольшие поселения-стойбища эвенков нынешнего Качугского и Казачинско-Ленского районов. Его интересовал состав населения, особенности типов хозяйства, переходных от охоты и оленеводства к скотоводству и земледелию для выбора путей оседания. В экспедициях его сопровождали охотовед и медицинский работник, обследовавший состояние здоровья эвенков и оказывавший им необходимую медпомощь. Среди важнейших вопросов, которые предстояло решить, был выбор места для постройки культбазы – центра оседания. К единому мнению относительно расположения культбазы сами эвенки прийти не смогли: каждый считал свое поселение самым лучшим и предлагал в нём

организовать культбазу. В конечном итоге, после обсуждений на разных уровнях, культбазу решили строить на Вершино-тутурском лугу, где и сейчас стоит поселок Вершина Тутуры. Как можно узнать из воспоминаний И.И. Бурлаева, о которых пойдет речь ниже, несмотря на советизацию и политику оседания, в целом система дисперсного расселения сохранялась вплоть до периода укрупнения 1960-х годов. И, пожалуй, она была наиболее оптимальной при сложившихся разнообразных типах комплексного хозяйства эвенков.

Второй текст книги, воспоминания Ивана Ивановича Бурлаева наполнены жизнью обычных людей в том же регионе. Воспоминания насыщены описанием повседневной жизни эвенков, сетей социальных отношений, жизни локального социума и взаимоотношениями с советским государством. Воспоминания написаны не каким-то выдающимся деятелем и не о каких-то известных событиях и людях, а простым человеком, и восстанавливают этнографию и повседневную социальную историю эвенков Верхоленья и Киренги сквозь призму собственных наблюдений и опыта жизни их автора.

Они отстоят от наблюдений Некипелова на полтора-два десятка лет, за которые и свершились глубокие преобразования жизни тунгусов: были созданы колхозы, люди переселились в дома русского типа, стали учиться грамоте и включаться в жизнь советского государства. В военный 1942 год Иван Иванович приезжает в Тутуру, «край, богатый рыбой, всяким зверем и птицей, ягодами, орехами», и интересуется, «как же простонародие не занимается хлебопашеством, а чем же, собственно, занимаются»? В беседе с бондарем он узнает, что тунгусы непрестанно трудятся, что труд этот таежный, и не только для своего пропитания, но и для воюющей Родины: *«В бочки в летнее время теперь затаривают ягоды, рыбу, мясо сохатинное, медвежье, а зимой-то мясо, рыбу сдают замороженное. Тунгусы круглый год работают. С наступлением холодов все: старики, старухи, женщины уезжают на оленях со своими маленькими детьми на охоту за пушниной и попутно других зверей добывают. И так до глубокой зимы они находятся в тайге, кочуя с места на место с оленями. У женщин еще больше работы: вся домашняя работа, уход и воспитание детей кроме охоты, рыбалки и сбора орех. Каждой женщине надо выделывать шкуры и шить одежду и обувь для семьи, вязать и ремонтировать сети и невода, возиться с оленями и доить их. А у кого корова есть, то и корову надо доить и ухаживать за ней, да у многих семей много собак, которым также надо готовить еду и кормить. Мне думалось, что лесные люди ничего не делают, а тут выяснилось, что они*

занимаются разнообразным трудом усердно, и труд этот надо хорошо знать. ... узнал, что не каждый сможет работать как эвенки, которые из поколения в поколение передают веками выработанный опыт работы и жизни в тайге».

Это новый опыт для Бурлаева, но вникает он в него медленно и деликатно: *«Таким образом, я уже многое узнал, о чем раньше не представлял, но многое предстояло выяснить, и неудобно было все расспрашивать, так как в ходе работы и жизни среди эвенков все выяснится помаленьку».* Гуманитарное знание еще через полвека придет к тому, чтобы методы внимательного слушания, жизни рядом с другими людьми и вхождения в их повседневность стали настолько же распространенными и необходимыми для ученого, как сбор статистики, анкетирование, картография, наблюдение и фиксация объектов материальной культуры. И в этом смысле текст И. И. Бурлаева важен не только как научный источник, в котором содержатся ценные сведения – Бурлаев показывает направление, как нужно проводить само исследование. Наблюдательность, деликатность, уважение, когда Другой «не превращается в вещь или отражение собственных эмоций», как писал Сергей Аверинцев, и сейчас первостепенно важны для ученого, работающего в этнографическом и гуманитарно-географическом «поле».

Природа Верхоленья раскрывается со стороны человека: Иван Иванович пишет о богатых ягодами, дичью, орехом и зверем лесах, рыбных реках и озерах, об умении эвенков выбирать местожительство, чтоб как можно дольше пользоваться этими богатствами, сохраняя запасы для потомков.

Постоянным лейтмотивом воспоминаний Бурлаева является мотив дороги. Иван Иванович вовлекается в мобильный образ жизни таежных жителей, передвигается между отделениями колхозов и другими крошечными эвенкийскими поселениями, в том числе наиболее отдаленными, которые в 1960-е годы будут укрупнены; автор очень метко назвал этот неоднозначный по последствиям шаг «окучиванием населения». Справившись со своей бухгалтерской работой, он вместе с эвенками принимает участие в выездах на охоту и рыбалку, слушает охотничьи истории, ведя, можно сказать, этнографическую работу, интересуясь новой для него культурой, которую он искренне старается понять и принять. В воспоминаниях Бурлаева тайга тех лет предстает не как дикий и первобытный безлюдный мир, а как населенная эвенками и активно осваиваемая ими территория, которую они прекрасно знают: поохотившись и порыбачив в одном месте, дают ему «отдохнуть», переходя на новое место, чтобы через две-три недели вернуться сюда снова. Он описывает

испытанные им самим особенности разных видов охоты и рыбаловства, эвенкийские средства передвижения, утварь, пищу в контексте повседневности, частью которой он сам является. Благодаря воспоминаниям Бурлаева впервые открылась детальная картина экономической и повседневной жизни небольших эвенкийских колхозов Верхоленья и Киренги 1940-х годов до периода их укрупнения, вклад тыла в общую Победу.

Но, пожалуй, наиболее ценное – это зарисовки и характеристики людей, которые так и остались бы неизвестными, если бы не любопытство, равнодушие и желание автора рассказать об эвенкийском мире, который он открыл для себя, другим людям, никогда с этим миром не пересекавшимся.

Конкретные заимки, стойбища, участки колхозов, существующие поныне, но уже покинутые людьми, наполняются жизнью. На стойбище Назима колхозник с женой *«добывает порядком рыбы, много сохатых в летнее время, когда сохатые кормятся подводной растительностью. За речкой начинается большой хребет, покрытый густым кедровником, там хороший орешник, кругом богатые ягодники, а по долине реки хорошие сенокосные луга. Пушнину он добывает прямо из дома и никуда не надо выезжать, словом, все вокруг да около и впрямь от такого богатого места не согласится добрый охотник уехать. У него одна дойная корова, рабочая лошадь и собак штук пять было. Были построены райповские ледник, склад и сарай. Из Тутуры заготовитель в месяц раз-два приедет, примет рыбу, мясо, засоленное в бочках в леднике и произведет расчет с ним и уедет, оставив для присмотра принятые заготовки, а Александр Иванович дальше продолжает добывать и заготавливать, а зимою все на лошадях вывозится»*.

Стойбище Вершина Ханды – Хикагна, помимо богатых орешников и ягодников, славилось подледной рыбалкой, когда добыча составляла до ста и более тонн, большими заготовками дикого мяса, перевыполнением плана по национальному совету. Когда в 2002 г., посещая эти места, один из авторов беседовал с жителями Вершинохандинской эвенкийской общины, оказалось, что воспоминания о военном прошлом довольно смутны, стариков почти не осталось, экономические проблемы кажутся почти нерешаемыми: тайга еще относительно богата, но конкуренция с пришлым населением, охотниками-любителями возросла в разы, рыба в реках и озерах водится, есть ягоды и орехи, но наладить их переработку и сбыт местным жителям без поддержки властей не под силу.

В военные годы от таежных тружеников зависело многое, И.И. Бурлаев пишет: *«я убедился, как неустанно наше государство уделяет огромное внимание малым народам даже в дни войны. На складах были разнообразные, качественные промышленные, продовольственные товары по сравнению с другими райпотребсоюзами, ОРСами в городах. Все знали, какое тяжелое военное время. А здесь, в райпо, можно сказать, все было. Но строгий расход всех товаров был не только для эвенков, было еще: встречное отоваривание при приемке пушнины, при выполнении и перевыполнении личных планов всех остальных видов заготовок, ограниченная продажа рабочим и служащим, хорошее снабжение интерната, школы, больницы».*

Но это хорошее снабжение и интернатское обучение вело к тому, что по словам стариков – собеседников Бурлаева, «эвенки облениваются», предпочитают теплый дом холодной юрте и костру, отвыкают от охоты, рыбалки и домашнего труда, «и мы не знаем, как они будут жить дальше».

Отношения эвенков и русских показаны И. И. Бурлаевым с большой теплотой. Посетить русское село эвенкам – «поехать на Русь»: *«Когда русские приезжают в гости к эвенкам, эвенки не знают, чем и как угостить, а также и русские, когда к ним в гости приезжают эвенки. И каждые приезжают с гостинцами. Особенно хандинские русские и эвенки часто друг друга посещали, а многие даже разговаривали по-эвенкийски. И мне говорили, что некоторые хандинские – метисы с эвенками и действительно некоторые хандинские были смуглые».* И все же, описание быта эвенков и русских Верхоленья в сороковые годы показывает, что новый, колхозный образ жизни вписался и в природную среду, и в социальные традиции. Тяжелая таёжная работа, близкие дружеские родственные связи, ценность совместного труда, осознание его важности для Родины сплачивают людей и побуждают пересмотреть критические подходы раннего перестроечного времени и взгляды зарубежных ученых на болезненность и неэффективность нового, советского образа жизни.

Два текста, две книги под одной обложкой объединены территорией, временем, людьми, относясь, хоть и с небольшим разрывом, к жизни одного поколения. Они взаимно дополняют друг друга, хоть и не свободны от идеологических рамок. Это беспристрастный научный взгляд «извне» и наполненный живыми деталями, теплом и любовью к людям рассказ «изнутри», обе части книги ценны уникальным видением непростой эпохи, живые свидетели которой почти ушли.

Кого-то, возможно, привлечет в книге описание родных мест, заинтересуют встреченные знакомые фамилии, или книга станет историческим источником, материалом для будущих исследовательских озарений и обобщений, географ найдет в ней данные о природе, социолог – об отношениях людей, этнолог почерпнет огромный пласт информации о малоизученном периоде в жизни Верхоленинских эвенков и русских старожилов, их отношениях с государством, экономике и культуре, а учитель, краевед смогут использовать ее, чтобы лучше понять свою малую родину и обучить школьников более осознанной любви к ней.

Книга продолжает начатую в 2009 г. серию «Землеустроительные экспедиции», цель которой – введение в научный оборот отчетов землеустроительных экспедиций 1920-х–1930-х годов, отложившихся в центральных и региональных архивах.

Машинописный текст В.А. Некипелова «Лено-Киренгский колонизационный район» с фотографиями хранится в рукописном отделе книжного фонда Иркутского областного краеведческого музея (№ 52377), он никогда не публиковался. Текст был оцифрован сотрудником ИОКМ А. Марченко и набран на компьютере М.В. Рагулиной и А.А. Сириной. Благодаря использованию современных компьютерных технологий В. Астапенкову удалось восстановить качество фотографий.

Рукописные воспоминания И.И. Бурлаева много лет хранят жители деревни Вершина Ханды Казачинско-Ленского района. Текст «книги про Ханду» (пачку тетрадных ученических листов) передал М.В. Рагулиной, побывавшей в 2002 г. в Вершине Ханды в экспедиции, для публикации Александр Иванович Чертовских. Рукопись привезли в Иркутск Зоя Васильевна Городилова и Любовь Витальевна Чинагина.

Виктор Алексеевич Кузнецов, в начале 2000-х годов руководитель общественной организации «Байкальская экологическая волна», исполнительного директора Ассоциации коренных малочисленных народов Иркутской области, вспоминал:

«В 1970-х–1980-х годах прошлого века я работал районным охотоведом по Казачинско-Ленскому району Иркутской области. Это было время самого активного строительства Байкало-Амурской магистрали (БАМ), а основная часть трассы, проходящей по Иркутской области, как раз приходится на Казачинско-Ленский район.
<...>

В это время мне довелось встретиться с И.И. Бурлаевым, который был уже на пенсии и практически безвыездно жил в единственной в районе эвенкийской деревне Вершина Ханды. К сожалению, встреча наша была непродолжительной, но в его лице я нашел единомышленника в оценке некоторых вопросов охраны и рационального использования природы, а также эффективной организации труда эвенков. Он рассказал о том, что пишет воспоминания о работе в эвенкийских колхозах, и мы договорились, что он даст мне почитать рукопись. Он пригласил меня в Ханду, а я попросил его в следующий приезд привезти рукопись воспоминаний в районный центр Казачинское. <...>

При жизни автора мне так и не пришлось прочитать рукопись. А вот когда уже в начале этого века я работал по проектированию ТТП (территории традиционного природопользования) Хандинских эвенков, со мной начала сотрудничать этнограф Рагулина М.В. Именно она принесла ксерокопию рукописи к нам в офис и попросила посмотреть.

. Возможно это продолжалось бы еще довольно долго, но при нашей Ассоциации удалось организовать информационный центр и его сотрудница Надежда Задруцкая быстро набрала этот текст. После этого мне пришлось бросить все другие дела и заняться этой рукописью.

При активном участии В.А. Кузнецова воспоминания И.И. Бурлаева были набраны волонтерами «Байкальской экологической волны», изданы методом самиздата минимальным тиражом без присвоения ISBN. Издание не попало в Российскую книжную палату, нет гарантии его сохранности и доступности для читателя. Данная публикация исправит это положение.

Мы благодарим всех тех, кто на разных этапах был вовлечен в подготовку книги и оказался причастен к её публикации: В.А. Кузнецова, Д. Саттон, Н. Задруцкую, А. Марченко. Выражаем признательность А.Г. Шахнович, М.Ю. Мартыновой, Л.М. Корытному, С.Г. Ступину за помощь в реализации данного проекта.

Надеемся, что книга найдет своего благодарного читателя и будет востребована не только учеными разных специальностей, краеведами, но и жителями Верхоленья и Киренги.

В.А. Некипелов

Отчет землеустроителя

Положение и границы

Лено-Киренгский район расположен в северо-восточной части Иркутского округа по системе левых притоков верхнего течения р. Лены и правых притоков Киренги. Обследованная часть этого района граничит на западе с Леной от с. Верхоленска до д. Козловой, далее с р. Тутурой до устья р. Келоры, на северо-западе с р. Келорой и р. Нотай до впадения последней в р. Ханду; на востоке с реками Киренгой, Шоной и Большой Ангой и на юге с р. Леной от с. Качуга до с. Верхоленска. (Фото 1, 2)**

Северная оконечность района лежит под 55° широты, южная под 54°, восточная под 107° долготы от Гринвича и Западная под 105,5°. Вот географическое положение некоторых населенных мест.

Табл. 1

1.	С. Ханда	54 59 56	107 12 55
2.	С. Чикан	54 54 20	105 38 25
3.	С. Келора	54 39 35	105 40 36
4.	С. Шевыкан	54 5 40	106 46 6
5.	С. Верхоленск	54 58 40	105 34 03
6.	С. Анга	53 58 40	106 4 46
7.	С. Качуг	53 57 24	105 54 -

Площадь района в вышеуказанных границах достигает 950 000 га или 9500 кв. км. Наибольшее притяжение с северо-востока на юго-запад до 150 км, с запада на восток до 75 км. От города Иркутска до с. Качуга (лежащего в южной части района) 255 км.

Строение поверхности

Являясь частью великой Сибирской платформы наш район, как и вся эта платформа, характеризуется своим значительным поднятием над уровнем моря и спокойным залеганием древних палеозойских отложений. Это осушенное дно Кембро-Силурийского океана после его отступления так и застыло в своем первоначальном положении. В то время как в сотнях километрах к востоку и югу совершались грандиозные горообразовательные процессы, воздвигались системы горных хребтов, происходили мощные сбросы, вырывались на земную поверхность вулканические

** Фотографии выполнены: И.А. Соловьевым (летние снимки), И.П. Копыловым (зимние снимки), В.А. Некипеловым (размер 6х9 [Фото 5, 9, 10, 11, 15, 24, 27, 42, 46, 47 – Ред.]) (Здесь и далее прим. автора).

излияния, здесь господствовал вековой покой и ровная поверхность района не была нарушена ни одним катастрофическим явлением. Над созданием рельефа здесь работали только ветры и солнце, реки и ледники. Поэтому весь район имеет мягкий, сглаженный рельеф, здесь нет ни ясно выраженных хребтов, ни отдельных сопок, ни глубоких ущелий; существующие в районе возвышения, носящие у местного населения название хребтов, являются только хребтообразными водоразделами с широкими плоскими вершинами, причём эти вершины по всему району очень мало разнятся по своей высоте, и если бы их соединить между собой, то они представили бы лишь волнистую равнину. Но речные долины, врезаясь в эту равнину придали ей умеренно гористый и даже волнистый характер. При этом чем крупнее, а, следовательно, и древнее реки, тем более углубились они в размытые горные породы, тем резче обособились сопровождающие долину горы. И в то время как разница в высоте долин и прибрежных гор на Лене и Киренге достигает до 400 м, на Тутуре и Ханде 200 – 250 м, долины второстепенных речек не опускаются глубже 50–100 м.

В зависимости от глубины речной долины меняется и характер сопровождающих ее горных склонов. У больших рек Лены, Киренги, Тутуры, Ханды склоны довольно круты, часто даже утесисты, к речкам средней величины горы спускаются обыкновенно отлого, особенно в нижней части склонов, так что иногда они незаметно сливаются с самой долиной. Вершины же этих рек и их мелкие притоки проходят в еще более «разложистых», едва намеченных долинах. В отдельных частях поверхность района рисуется в таком виде: наиболее возвышенной частью является центральная площадь районов в виде широкого и ровного плато, проходящая с лёгким уклоном с юго-запада на северо-восток. Это плато со средней высотой около 800 м над уровнем моря весьма сильно заболочено и залесено, а посередине его протянулась цепь крупных озер Верикульских, Акья, Тутуры, Эконора и Бачинора. Между озером Тутурой и Эконором через плато проходит поперечная хребтообразная гряда, служащая водоразделом между Ленскими и Киренгскими бассейнами, высота этого водораздела достигает 1000 м. С северо-запада плато окаймлено довольно узким водоразделом, отделяющим от озер реки Назиму и Келору, это возвышенность также около 1000 метров. К югу и западу от плато высота водораздельный хребтов лишь немного понижается (до 950 м) но здесь речные долины (Тутура, Келора, Лена) врезались глубже и придали местности более резкий рельеф. Только долина р. Назимы с прилегающими склонами имеет мягкий разложистый характер, в восточной половине района долины рек Нотая, Шевыкана, Шоны, Малой Анги широки, сопровождаются

отлогими склонами. Междуречные пространства широки и потому поверхность отличается мягким волнистым рельефом. Еще далее к северо-востоку реки Киренга, Ханда и верхнее течение большой Анги, глубоко опустившись в свои долины снова изменили рельеф в гористый.

В заключение приведем несколько данных по высотам района. Причем в основу этих данных мы берём высоты вычисленные инженером. Половниковым при изысканиях железнодорожного пути Иркутск – Бодайбо в 1907–1908 гг., так как эти наблюдения велись с несколькими точно выверенными барометрами и контролировались гипсометрами. Между тем как нам приходилось оперировать с параметрами уже старыми и дающими большие ошибки. Свои отметки и мы попытались увязать с данными Половникова. Вот эти данные:

Табл. 2. Водоразделы

№	Направление	Высота, метров
1.	Лена– Тутура к СВ от дер. Козловой	950
2.	Лена – Убура к СВ от с. Верхоленска	965
3.	М. Анга – Б. Анга к ЮЗ от оз. Ачеуля	790
4.	Шевыкан – Б. Анга к ЮВ от с. Шевыкана	783
5.	Убура – М. Анга к СЗ от с. Бутакова	795
6.	Убура – Тутура	780
7.	Оз. Эконор – оз. Тутура	1003
8.	Оз. Эконор – р. Назима	990
9.	Оз. Эконор – р. Келора	990
10.	Р. Ханда – р. Нотай к ЮЗ от с. Ханды	831

Табл. 3. Центральное плато

№	Объект	Высота, метров
1.	Поверхность оз. Акея	840
2.	Поверхность оз. Тутуры	851
3.	Поверхность оз. Эконора	796
4.	Поверхность оз. Бачинора	745

Табл. 4. Речные долины

№	Направление	Высота, метров
1.	Р. Лена у с. Качуга	532
2.	Р. Лена у с. Верхоленска	515
3.	Р. Лена у с. Козловой	505
4.	Р. Тутура у выхода из оз. Тутуры	850
5.	Р. Тутура у устья реки Назимы	753
6.	Р. Тутура у устья реки Убуры	704
7.	Р. Тутура у стойбища Кычыгырова	660
8.	Р. Тутура у с. Келоры	540
9.	Р. Убура у устья р. Конора	730
10.	Р. Убура при впадении в Тутуру	704
11.	Р. Назима верховья при устье р. Стана	780
12.	Р. Назима при впадении в Тутуру	753
13.	Р. Келора у стб. Ковылей	770
14.	Р. Келора у устья р. Буаректая	670
15.	Р. Келора при впадении в Тутуру	530
16.	Р. М. Анга при выходе из оз. Ачеуля	680
17.	Р. М. Анга у с. Шеина	603
18.	Р. М. Анга у с. Бутакова	598
19.	Р. Б. Анга верховья (против с. Шевыкана)	702
20.	Р. Б. Анга у устья р. Орокон	675
21.	Р. Б. Анга у ул. Турчинского	590
22.	Р. Б. Анга у сел. Анга	534
23.	Р. Шевыкан у сел. Шевыкана	695
24.	Р. Киренга у выс. Чинанды	600
25.	Р. Киренга у стб. Мурины	570
26.	Р. Киренга у сел. Ханда	550
27.	Р. Нотай при выходе из оз. Бачинора	745
28.	Р. Нотай при устье р. Бирей	725
29.	Р. Нотай при устье р. Сумнуткана	673
30.	Р. Нотай при устье р. Суджи	600
31.	Р. Нотай при впадении в р. Ханду	575

Реки и озера

Район довольно густо орошается водной системой. В любом направлении через 2–3 км можно встретить речку или ручей. Они переплетаются в самую причудливую сеть, направляясь во все стороны света. Часто одна и та же речка идет под разными, иногда противоположными румбами. Общее течение быстрое, но спокойное, без порогов, каскадов, только частые перекаты «шиверы» чередуются с короткими плесами, дно каменистое, самые берега крепки; только реки, протекающие по Центральному плато до Шевыкана–Шоны имеют тихое течение с илистым дном и крутыми берегами. Все речки мелководные, но от дождей они быстро прибывают и бурно разливаются, зато также быстро и скатываются при наступлении ясной погоды. В сухое время большинство ручьёв и небольших речек пересыхает. Кроме того, многие из них, а иногда и большие речки в нижнем своем течении имеют сухое русло: в то время как в верхнем и среднем течении их бежит вода, здесь она уходит под землю в каменистое дно. Зимой только большие речки в своём нижнем течении не промерзают, да и то не везде, по перекатам их перехватывает льдом до дна, и тогда они «кипят», т.е. вода выходит из-под льда и разливается по его поверхности. Зимой «кипят» также и ключи, исходящие из горных склонов и образуют мощные наслоения льда – «наледы». В этих кипящих речках и ключах в зимнюю пору только и можно достать в тайге свежую воду. Начала свое все речки и ручьи берут из болот, расположенных на широких водоразделах. Наибольшая часть речек стекает с центрального плато. Долины их в верхних частях широки, едва намечены (калтуса) и заболочены, они заросли ерником и реже чахлым ельником с примесью такой же лиственницы. В среднем и нижнем течении речные долины, углубляясь в среде сопровождающих их гор, сохраняют, а иногда и увеличивают свою ширину, дополняя ее ещё отлогими склонами, также большей частью заболоченными и заросшими ерником: по сухим берегам их растут тощие ели, черемуха, ивы, а подле самой реки встречаются иногда узкие песчаные полосы, заросшие густой травой – «пабереги».

Долины крупных рек в большинстве случаев заполнены наносами, перемытым материалом, песком и галечником, хорошо дренированные, сухие и крепкие, и дали место для оседания оседлым людям. Меняя свое русло в широких долинах, речки часто образуют старицы и озерки, постепенно зарастающие сначала осокой, а впоследствии мхами. Речки, протекающие по Центральному плато, а также некоторые реки Восточной части района протекают через ряд довольно крупных озёр: так, Букрей, Конор проходят через оз. Акей; Уларима – Тутура через Тутурское озеро; Уларима – Нотай через озёра Эконор и Бачинор; Малая Анга через оз. Ачеуль и т.д. Озера эти по

своей поверхности довольно значительные, ширина их достигает километра, а длина до 2–5 км. Они имеют или округлую форму (Акей, Ачеуль, Тырка) или вытянуты в длину и короткими перехватами-проливами делятся на две, на три части (Тутура, Эконор, Бачинор). Глубина их в общем незначительна, от 1,5 до 5 м. Акей, например, на всем своем протяжении имеет почти одинаковую глубину в 1,5 м, но иногда встречаются и глубокие ямы достигающие до 40 м.

Озеро Эконор. Дно озера илистое, часто ил находится во взвешенном состоянии, поэтому дно является очень вязким и переход от чистой воды к твердому дну делается незаметным. Вода чистая, мягкая, слегка красновата от перегнивших растений. Берега большей частью болотистые, так как озера по краям постепенно зарастают травами и уменьшаются в своей поверхности, но, с другой стороны, есть озера, – например, Бачинор, где по берегам образуются провалы и эти провалы заливаются водой, что происходит, очевидно, вследствие протаивания мерзлоты. Долины имеют наиболее важное колонизационное значение, так как только здесь земледелец и будет строить свою базу, чтобы от долин начать дальнейшее завоевание тайги, то мы подробнее остановимся на описании более крупных рек и их долин.

Река Лена проходит по юго-западной границе обследуемого района от с. Качуга до д. Козловой на протяжении до 50 км (считая извилины). Она идёт в неширокой долине, глубоко врезавшись в берега, которые, благодаря этому с высоких гор (100 – 150 м над уровнем реки), часто с крутыми травяными склонами, которые иногда спускаются отвесными утесами из красных грубо-слоистых песчаников. Более отлогие северные склоны заросли мелким смешанным лесом, а иные безлесны, покрыты редкой и невысокой горной травяной растительностью; такие безлесные склоны здесь называют «морьянами». Вершины этих гор плоски и широки, в общем представляют очень выровненную поверхность со слабым уклоном в сторону реки, лишь местами они прорезаны падами. На вершинах, а частью и по склонам, где это позволяет их крутизна, раскинулись пашни местного населения. В более расширенных частях долины и на мысах расположились деревни с небольшими площадями выгонов степного характера. Около Верхоленска долина Лены представляет значительное расширение, здесь есть даже заливные луговые площади, но далее горы снова сближаются. На всем описываемом протяжении Лена течёт почти одним руслом, островов мало, течение реки извилисто, длинных прямых плесов нет, но много быстрых и мелких перекатов, некоторые из них настолько мелки, что в малую воду крестьяне переезжают по ним через Лену даже на телегах. Благодаря этим перекатам участок Качуг – Верхоленск для

сплавщиков считается самым тяжелым. Ширина русла напротив Качуга более 150 м, но против Верхоленска оно расширяется до 250 м. Быстрота течения Лены в среднем 4–5 км в час. Вода не отличается большой прозрачностью, но мягкая с хорошими вкусовыми качествами. (Фото 3, 4)

Замерзает Лена в 20-х числах октября, при этом она встаёт не сразу. Наступит ряд холодных дней и на реке появится густая шуга, а у берегов образуются забереги. Но при первом же потеплении и шуга и забереги исчезают. Во время рекостава уровень воды низкий.

Расходится она в начале мая. Лед взламывается сначала на быстринах, громоздится друг на друга, потом рвутся плёсы и начинается сплошной ледоход, который продолжается здесь всего несколько часов, всегда при более или менее значительном подъеме воды. Изредка случаются заторы, «споры», когда река прибывает до 4–6 м.

От дождей в летнее время Лена также сильно разливается, поднимаясь метров до двух и выше, но большие разливы бывают редко. Прибывает и скатывается Лена довольно быстро, имеет характер горной реки. По Лене от Качуга вниз производится сплав грузов в особых судах «паузках», «карбазах» и больших лодках. До Качуга ходят также и мелко сидящие пароходы.

Река Тутура – правый приток Лены. Длина ее до 160 км. Система этой реки орошает всю юго-западную большую часть района. Верхнее ее течение имеет юго-западное направление, в среднем течении она идет на север, а в низовьях снова поворачивает на юго-запад. Вытекает Тутура из Тутурского озера уже довольно значительной речкой с шириной русла до десяти метров, но с глубиной в 10–20 см и с тихим едва заметным течением, берега ее здесь низки, заболочены и русло по краям зарастает травой.

В 0,5 км от выхода Тутуры из озера на её правом берегу расположилось тунгусское стойбище Вершино-Тутурское, отсюда по долине реки тянутся сенокосные луга, используемые частью тунгусами, частью русскими поселенцами.

Километров через пять луга сменяются ерниками. Склоны долины здесь очень низки, отлоги и широки, покрыты то гарью, то свежим лиственничным лесом. Как ерниковая долина и долина, так и нижние части склонов сильно заболочены. Ширина долины вместе с отлогими склонами от 1,5 до 2 км. От устья р. Назимы (25 км) долина несколько суживается (до 1 км), делается суше и покрывается ерником, среди которого растут редкие травы, главным образом осоки, но встречаются и сырые торфяники. На

этом протяжении Тутура имеет быстрое течение с частыми перекатами, каменистое дно и крепкие сухие берега, заросшие тальником и елью. От выхода из озера до Назимы Тутура зимой промерзает насквозь, а отсюда ее перехватывает льдом только на перекатах. Через 30 км от выхода долина Тутуры уже делается луговой. Луга косятся уже жителями Верхоленска и приленских деревень. Горы здесь также невысоки, но довольно круты, покрыты преимущественно ельником, частью горелым. Свежие гари довольно густо зарастают травами. (Фото 5) От урочища Догара до устья реки Убуры (35 км) долина Тутуры поросла ельником и сырая, лишь подле русла реки встречаются пабереги, которые выкашиваются приленцами. Горы большей частью крутые, умеренной высоты и лесисты. В 50-ти км от выхода на правом берегу Тутуры находится второе тунгусское стойбище Кычыгырово. Отсюда долина Тутуры сузилась до 200–300 м, она частью лесиста, частью поросла ерником, у реки по-прежнему тянутся пабереги. Горы делаются ещё выше, но отложе, покрыты они то смешанным лесом, выросшим на месте старых гарей, то старым лесом из лиственницы и ели. (Фото 6) От урочища Коринова (60 км) на протяжении до 15 км до устья р. Тыменя берега Тутуры поросли черемухой с тальником, елью. Долина, достигая шириной до одного километра, покрыта большей частью мелким смешанным лесом с преобладанием березняка с порядочным травяным покровом или ерником с осокой по чёрным суглинкам, местность сухая. Здесь много и паберег и отдельных лужаек. Горы невысоки, покрыты или смешанным лесом, или лиственницей, встречаются и сосновые боры. От р. Тыменя в 75-и км начинается уже землепользование старожилов: вначале обширные луга, а потом и пашни. На 80-м км первая деревня Большой Луг. На 90-м км с. Келора, отсюда весной вниз по Тутуре уже гонят пустые паузки, которые здесь строгают, пользуясь окрестными сосновыми борами. Далее Тутура уже выходит из пределов обследованного района. По Тутуре от самого ее выхода из озера тунгусы во время охоты плавают на лодках.

Река Келора – наиболее крупный правый приток Тутуры в обследованном районе, длина ее до 65 км. Начинается Келора вблизи Эконорского озера с общего водораздела с двумя речками Уларимами, впадающими в озера Тутурское и Эконорское. Общее ее направление с востока на запад. Вершина Келоры в виде небольшого ручейка проходит в узкой ерниковой долине с низкими отлогими, но сухими склонами, поросшими лиственницей, сосной и елью. По такой местности Келора, постепенно увеличиваясь в своем русле пробегает до устья реки Ковылей, где разбито тунгусское стойбище Ковылейское; отсюда вниз по долине Келоры тянутся

тунгусские луга, а сама речка, достигшая уже значительной величины, уходит под землю, обнажая сухое, покрытое круглыми валунами русло. Однако через километр она снова появляется на дневную поверхность с холодной и прозрачной водой. Берега Келоры густо заросли черемухой, ивами и крупной елью. В 4 км от Ковылея в Келору справа впадает р. Мука, при устье которой есть значительный луг, выкашиваемый тунгусами. Далее Келора идет по сырой долине, заросшей большей частью еловым лесом с примесью ерников. Склоны горы вначале отлоги, а далее делаются круче, они или заросли лесом из лиственницы, ели и кедра (изредка встречается и сосна), или покрыты гарями. Почвы по склонам: средние красные суглинки, иногда сухие, но чаще сырые заболоченные. В вершинах коротких притоков Келоры – Кедровый, Кимея, Байханов по водоразделам растут хорошие кедровые леса, «орешники», где добывают орехи тутурские крестьяне и отчасти тунгусы. Через 30 км от Ковылея Келора превращается уже в значительную речку метров в десять шириной, по ней часто встречаются луговые «пабереги», долина ее покрыта то ерником, то смешанной чащей из березы, ивы, сосны и лиственницы с редкими травами, а довольно высокая и крутая правая гора поросла тайгой с примесью сосны по сухим суглинистым почвам.

Через 45 км в Келору справа впадает большая речка Монка, отсюда по долине Келоры км на 5 идут луга, перемешиваясь с зарослями черемухи, тальника и ельника. Келора здесь шириной до 20 м, быстрая и светлая с каменистым дном. Километров за 5 до устья долина Келоры сильно заболочена, по ней растёт мелкий березняк и крупные единичные лиственницы. По правой стороне идёт высокая гора с лиственничным бором вверху и березняком внизу. Перед устьем Келоры гора эта лишена леса и спускается крутым травянистым склоном «моряна». Перед своим впадением в Тутуру Келора проходит в широкой долине, частью луговой, частью заросшей черемухой и тальником. Здесь Келора сливается с другой большой р. Биреей и обе вместе впадают в Тутуру, вливая в нее почти такое же количество воды, какое несет она сама.

Река Бирея длиной до 40 км. Она берёт начало двумя вершинами с водораздела, окаймляющего правую сторону бассейна реки Назимы, течет на северо-запад и сливается с Келорой при устье последней. Вершина Биреи протекает по узким лесистым распадкам с большим уклоном и отличается быстрым течением, вода в них держится всё лето. После слияния вершинок долина Биреи расширяется, лес по сторонам редет, имеет чахлый вид, а долина поросла ерником и почти на всем протяжении заболочена. Ширина ее 600–700 м. По мысам ее группами растут ели, а подле русла местами встречаются «пабереги» с травянистыми лужайками. По левому

склону долины почти на всём протяжении Бирей тянутся старые и свежие гари. Местами гари попадаются почти чистые, с совершенно выгоревшим подростом, по большинству же старых гарей поднимается подрост из березняка, ельника и осины, по сгоревшему моховому покрову растут редкие травы. Правый склон долины обрывист, часто с утесистыми обнажениями и зарос сосновым лесом с примесью лиственницы. Течение речки быстрое, дно каменистое. Во время лета в среднем течении Бирей часто пересыхает. Восточные и юго-восточные склоны распадов и речек, впадающих в Бирею, являются наиболее пригодными для разработки, они покрыты темно-бурыми тяжелыми суглинками, достаточно обсохшими.

Река Назима длиной до 45 км начинается на общем с Келорой водоразделе. В верхнем течении, направляясь сначала на север, делает полукруг и идет дальше в совершенно прямой долине, держа юго-восточное направление до самого своего впадения в реку Тутуру. Долина Назимы на всем ее протяжении открытая, широкая. Ширина ее вместе с отлогими склонами не менее 1 – 1,2 км, она более или менее сухая, заросла ерником, который переходит и на склоны, среди ерника растут редкие приземистые сосны, почва и по долине и по склонам более или менее сухая. Местами по долине попадаются небольшие лужайки с хорошими луговыми травами.

Горы, сопровождающие долину р. Назимы, невысоки, отлоги и широки, левая гора ровная, правая прорезана короткими падями, горы покрыты лесом из лиственницы и ели, местами встречаются гари. По правым горам между речками Голутэем и Хаканьей растут хорошие кедровники, которые являются главным ореховыми угожьями для верхоленцев. Сама речка течением средней длины, с каменистым дном, низкими сухими берегами, иногда она уходит в почву, оставляя сухое русло. На устье ширина Назимы до 5 м. Долина здесь вместе с отлогим правым склоном достигает до 1,5 км, здесь есть луга и заимки верхоленцев; горы тут также невысоки и лесисты. На правой горе есть пашни, заброшенные за смертью хозяина. Долина Назимы одна из самых удобных для заселения.

Река Убура протяжением до 20 км. Начинается с хребта водораздела, проходящего по правой стороне реки Малой Анги. Общее направление ее на северо-запад. Впадает Убура в Тутуру в урочище Догар. Долина Убуры почти от самой вершины широкая с низкими отлогими склонами. Как сама долина, так и ее склоны покрыты ерником, среди которого встречаются лужайки, почва сухая, суглинистая, верхние части склонов поросли лиственницей с небольшой примесью ели. Около устья р. Келоры ширина долины Убуры вместе со своими склонами не менее 3 км, она здесь

по преимуществу луговая. В разных местах разбросаны зимовья верхоленцев, в которых последние живут во время пастбы скота и сенокосов. По склонам выше ерника растет главным образом лиственница, которая здесь часто достигает мощных размеров, примесью встречается и сосна. От Конора долина Убуры делается глубже и лесистее, хотя ширина ее всё-таки значительна, и здесь она также изобилует лугами. На середине расстояния между устьем Убуры и слиянием ее с Конором в долине Убуры залегает большое лесное озеро Кандаган до километра в диаметре. При впадении своём в Тутуру Убура проходит по хорошему, обширному лугу, выкашиваемому старожилками. (Фото 7)

Русло Убуры каменисто с невысокими обрывистыми берегами, заросшими высокой травой. Во время засухи Убура сильно пересыхает, а местами русло бывает совсем без воды. Ширина Убуры около Конора до 4 м, а при устье до 8 м.

Река Конор длиной до 20 км, выливается из оз. Акея, идет на юго-запад и впадает справа в р. Убуру. Сначала он проходит в длинной, тесной долине, заросшей мелким угнетенным лесом из лиственницы и ели с толстым моховым покровом.

Далее долина Конора шириной 200 м покрывается ерником, по склонам невысоких гор растет мелкая смешанная чаща из лиственницы, березы и осины, выросших на месте старых гарей. Еще дальше долина Конора значительно расширяется, ерник покрывает уже и отлогие склоны, которые сначала от долины поднимаются постепенно едва заметно, а потом переходят в более крутые, но невысокие скаты, заканчивающиеся широкими плато. Перед крутыми скатами, по ним и по плато растет густая лиственница среднего возраста, при этом правая по течению Конора сторона большей частью выгорела. Почвы здесь тяжелые красные суглинки, травяной покров беден. Конор здесь быстро и шумливо течет по каменистому дну. Подле русла растёт ельник. В урочище Голутэй километров за семь-восемь до устья долина Конора сильно расширяется, она здесь покрыта мелкими озерами, соединенными между собой проливчиками, и сам Конор разлился по этим озерам. Озера то постепенно зарастают травой (осокой), часто вдающейся в водную поверхность длинными языками, или полуостровами, то истекают, обнажая илистое дно, а то вновь появляются в образовавшихся провалах от оседания почвы. Между этими озерами разбросаны более или менее обсохшие луговые площадки, которые косятся верхоленцами. От Голутэй долина Конора принимает прежний ерниковый характер. При впадении в Убуру Конор проходит по широкой луговой долине. Ширина русла его здесь до 8 м.

Река Уларима впадает в Тутурское озеро и является как бы началом р. Тутуры, начинается она на водоразделе Лено-Киренгского бассейна, сходясь своей вершиной с другой р. Уларимой, текущий в оз. Эконор (системы р. Киренги). Длина ее до 12 км. Вершина проходит по узкой долине, по склонам растёт смешанный лес с преобладанием хорошо развитой, крупной березы и с довольно густым травяным покровом по сухой суглинистой почве, километра через четыре от вершины долина Уларимы достигает до 15 км шириной с пологими, едва заметными склонами покрытыми красной лиственницей и елью во втором ярусе. Долина покрыта ерником по сухой почве и травянистыми лужками. Еще через 4 км настоящие луга с разнообразной травой: осоки, пырей, вика, борщевик, лютики и др. Эти луга косятся тутурскими тунгусами, но иногда травы вымерзают. Тянутся луга версты на 3, дальше снова начинается ерник, а затем и ельник. Долина становится сырой и заболоченной. Все эти реки составляют бассейн р. Тутуры. Чтобы покончить с ним опишем и озера, принадлежащие к этому же бассейну.

Озеро Акей лежит в южной части центрального плато, и дает начало р. Конор. Верхним продолжением последней является р. Булурей, впадающая в Акей. Озеро это имеет грушевидную форму, ширина его около 3 км, длина до 4, берега низкие, заросшие елью и лиственницей по сырой торфяной почве. Лес по берегам сильно выгорел (Фото 8, 9). В северном конце озера есть луг до 20 га, который выкашивается жителями с. Зусай. Около берегов много небольших озерков, отделяющихся от главного неширокими торфяными перешейками. По краям озеро заросло травой или кочками, так что подойти к нему почти всюду очень затруднительно. Зеркало главного озера чисто, глубина его почти везде около одиннадцати метров, но дно покрыто тонким илом, который в верхних слоях находится во взвешенном состоянии. Шест уходит в этот ил глубже 3 м. Только в южном конце озера около выхода Конора есть ямы глубиной до 5 м. Вода в озере красновато-черноватая, но чистая, теплая и мягкая. В нём водится много карасей, очень жирных, достигающих весом иногда до трех-четырёх фунтов*, но обыкновенно около полутора фунтов. Озеро окружено невысокими плоскими лесистыми горами.

Озеро Тутура состоит из трех частей, соединенных между собой широкими каналами длиной до 200 м. Самое большое – верхнее озеро. Длина всех трёх озер около 7 км, ширина в общем около 1 км. Глубина и характер дна такие же, как в Акее,

* 1 русский фунт составляет примерно 0,4 кг.

но есть ямы до 12 и 15 м. Берега озера лесисты, низки, но местами близко подходят невысокие горы. Это озеро также изобилует карасями, хотя и не такими жирными и крупными как в Акее. В оз. Тутуру впадает р. Уларима, а вытекает р. Тутура.

Река Большая Анга длиною до 100 км. Берёт начало вблизи Тулонского озера, течет на юго-запад и впадает в Лену немного выше с. Качуга. Обследована она вниз по течению от впадения в неё ручья Рассолова (20 км от вершины). В верхнем течении Анга проходит хотя и в широкой, но глухой таежной долине, покрытой то сильно заболоченными калтусами с ерником, то уродливым еловым лесом. По долине часто встречаются небольшие озёрки; горы, ее сопровождающие, невысоки и отлоги, заросли в нижних частях преимущественно ельником, выше преобладает лиственница, покров моховой, почвы сырые глинистые. Много свежих гарей. Течение реки быстрое с каменистым руслом шириной до десяти метров. Километрах в 35-ти от вершины Анга принимает слева большую р. Аракон с шириной русла до 5 м, долина Аракона в нижнем течении шириной до 1 км, открытая и разложистая, поросшая ерниками, выходящими и на склоны. От Аракона характер местности сразу меняется, долина Анги сделалась открытой, поросшей только ерником по подсыхающей суглинистой почве, среди ерника начинают пробиваться редкие травы, главным образом осока. Отлогие склоны покрыты хорошим лиственничным лесом, к которому в значительном количестве подмешивается берёза и немного ели, травяной покров делается лучше. Чем дальше вниз, тем места делаются светлее и приветливее. Горы покрываются некрупным и смешанным лесом, или чистыми лиственничными борами с редко растущими деревьями с густым травяным покровом. Всё ещё ерниковая долина становится еще суше, среди ерников появляются лужайки, а подле речного русла, заросшего елью, черемухой и тальниками тянутся травянистые пабереги. Через 50 км от вершины долину Анги прорезает просека, отграничивающая старожильческие наделы. Отсюда начинаются уже настоящие луга, которые иногда сменяются ерниками. Вскоре по отлогим невысоким горкам начинают попадаться пашни. Через 65 км от вершины находится бурятский Улус Турчинский. Отсюда, постепенно расширяясь, долина Анги приобретает все более степной характер, она покрыта то лугами, то пастбищами, отошедшие в сторону горы заняты плодородными пашнями. Часто встречаются бурятские улусы и русские селения. Наконец, долина р. Б. Анги сливается с долинами М. Анги и Лены и местность представляет широкую смешанную равнину. В своем нижнем течении р. Анга из быстрый и бурливой делается тихой, едва текущей рекой с озеровидными расширениями, наилистым руслом и илесто-песчаными берегами.

Река Малая Анга берет свое начало в оз. Ачеуль, течет она параллельно Б. Анге на юго-запад и впадает в последнюю в 25 км от своего выхода из озера, на всём протяжении Малая Анга проходит среди обжитой полосы в широкой долине от 2 до 3 км шириной. Склоны долины отлогие, особенно правый, который медленно поднимается и только км в 3-х от долины переходит в высокую и крутую гору – водораздел с бассейном р. Тутуры. Долина Анги почти на всём протяжении покрыта лугами или выгодными площадями, по склонам раскинулись пашни. Местами встречаются перелески из лиственницы, сосна здесь отсутствует. По Малой Анге разбросаны довольно многочисленные бурятские улусы и русские селения. Сама речка имеет быстрое, но извилистое течение, дно и берега крепкие, с песком и мелким галечником. Ширина русла около селения Бутаково до 5 м. Подле русла растёт обыкновенно тальник и ельник, черемухи здесь нет.

Озеро Ачеуль, из которого вытекает Анга, имеет овальную форму, длиной оно до 3 км, а шириной до 2 км. Берега его низки и заросли травой, на западе поднимается пологий склон, по которому распаханы пашни. На северном конце озера небольшая деревня Улун. Глубина озера незначительна, только местами достигает 4–5 м. Дно илистое, как и в Акее, в нём водятся некрупные караси и окуни.

Вот это и [есть] все более значительные водоемы Ленского бассейна. Северо-восточная часть района орошается реками Киренгского бассейна.

Река Киренга ограничивает район с восточной стороны на протяжении 45 км от устья р. Шоны до устья р. Ханда. До тунгусского стойбища Мурины (Фото 10, 11) Киренга проходит в долине шириной до 3-х км, последняя вся заболочена, изрезана сетью зарастающих и заросших осоковым покровом озерков и стариц. Среди них по кочковатой почве растут редкие ели и лиственницы с погнутыми дряблыми стволами с подлеском из багульника и березового ерника, покров из толстого слоя мха с клюквой. Значительная часть долины выгорела. Сопровождающие Киренгу горы сложены известняком, потому имеют вид острых невысоких сопочек, поросших сосной по южным склонам, и лиственницей с елью и кедром по северным. Ширина русла Киренги 150–200 м, течение быстрое с каменистым дном и частыми перекатами «шиверами», река образует много островов с ельником. Встречаются редкие травянистые пабереги, вообще же берега реки заросли елью и кустарниками из ив. От Мурины долина Киренги суживается до 1 км. Река идет почти одним руслом с ровным течением скоростью до 7-и км в час. Горы высоки и лесисты, сильно выгорели. Склоны крутые, каменистые, часто утёсистые. Более отлогие склоны в южных частях поросли хорошей

строевой сосной, а в северных – лиственницей и елью, большей частью горелыми. По самой долине часто встречаются мысы с намывной песчаной или галечной почвой, вначале эти мысы покрыты горелым лесом и несколько заболочены, но ниже по течению они делаются суше и на них растет хороший редкий смешанный лес с преобладанием сосны, с густым травяным покровом. Побережья здесь встречаются чаще и обширнее. Население по Киренге плавают на лодках, а также сплавляют плоты с грузом до ее устья к Киренску.

В настоящее время Киренга пока очень рыбная река, в ней водятся ленки, хайрузы, таймени, сиги, щуки, налимы и другие.

Река Ханда исследована от устья на 35 км до впадения в нее р. Нотая. В нижнем течении долина Ханды сопровождается высокими горами с крутыми, часто покрытыми осыпями или утесистыми склонами. Слагаются эти склоны известковыми песчаниками разных цветов: красного, зеленоватого, синеватого, серого. Река идет между горами, переходя от одной стороны к другой и образуя неширокие террасы мысы, поросшие по наносной почве лиственницей или смешанным лесом. По окраинам мысов, подле русла реки тянутся узкие луговины, побережья, которые косятся населением. Долина Ханды очень извилиста, и изгибается иногда под острым углом, например, около урочища Белозёра в 15 верстах от устья. От Белозёра горы, окружающие долину, сильно понижаются и склоны их делаются отлогими, при этом южные и прилегающие склоны Ханды поросли лиственницей, березой и осинкой с покровом из мхов, голубики, брусники, грушанки и багульника по тяжелым суглинкам. Плоские вершины водоразделов покрыты мелкой лиственницей и редкой сосной с моховым покровом и голубичником, а иногда растет почти чистый стройный березняк с таким же моховым покровом. Северные склоны покрыты лиственницей, елью и кедром, и сырые пади и отлогие нижние части склонов заросли ерником. Течение Ханды быстрое, до 7-и км в час, дно каменистое, русло глубиной в среднем до 1 м, шириной до 7-и м. Ханда берет свое начало из Хандинских озер, лежащих всего в 35–40 км от реки Киренги, течет она на юг в направлении прямо противоположном Киренге, причём в верхней своей части Ханда имеет очень тихое течение, воды ее почти стоят, часто образуя озерные расширения.

Река Нотай длиной до 75 км. Выходит из оз. Бачинора нешироким 5–7 м руслом, с тихим течением, илистым дном и болотистыми берегами. Долина его в верхнем течении почти сливается с отлогими склонами. Как долина, так и склоны заняты сырыми калтусами с чахлым еловым лесом и ерником по торфяному покрову.

По берегам реки растет густой ельник. Такой характер долина Нотая имеет км на 20-ть от выхода, до устья реки Магды, впадающей в Нотай слева. Отсюда долина Нотая сильно расширяется, особенно широка она напротив устья Чавиды. По обе стороны долины идут невысокие отлогие возвышенности или с ерником, или с мелким смешанным лесом, почвы сухие, суглинки красно-бурого цвета с небольшой примесью мелкого щебня, известкового песчаника. Покров состоит из редких трав, мхов очень мало, далее широкие отлогости выгорели на огромных пространствах и начинают зарастать ерником и негустыми травами по темно-бурым суглинкам; в ложках, где остался еще моховой покров, сейчас же под дерновиной наблюдалась еще в начале июля мерзлота, на сухих местах мерзлоты нет, но в почве близко залегает щебень известняка. (Фото 11)

От устья реки Толхимы (в 40 км от вершины Нотая) долина Нотая начинает опускаться все глубже. Ширина ее около одного километра, заросла она елью и лиственницей. Прилегающие склоны иногда круты в виде высоких гор, иногда отлоги, покрыты ерником и редкой лиственницей. Река здесь образует террасовидные мысы, вблизи русла многочисленные луговые пабереги, которые косятся хандинцами. Земель, удобных для распашки, здесь много.

Ширина русла Нотая в нижнем течении до 30 м, он идет то быстрыми шиверами, то тихими, почти стоячими плесами с крутыми берегами. Глубина его на шиверах – 25–30 см; в плесах есть ямы до 2 м и глубже. Впадает Нотай в Ханду км в 35 от ее устья. При слиянии ширина обеих рек почти одинакова. Системе реки Нотая принадлежат два озера Бачинор и Эконор; озера эти, лежащие на расстоянии 15 км друг от друга, соединены между собой протоком – каналом Амнак. (Фото 12)

Озеро Эконор состоит из двух частей, перехваченных широким проливом – Чинник. Верхняя часть продолговатой формы длиной около 3-х км, шириной от 0,5 до 1 км, нижняя – округлая, диаметром до 1,5 км. На самом берегу Эконора поднимается лесистая гора средней крутизны и вышиной до 100 м, южный берег низменный, также весь поросший лесом, местами выгоревшим. На западном берегу сухое возвышенное место занято тунгусским летним стойбищем (Фото 13). Прибрежная часть озера болотиста и зарастает осокой и водорослями, так что доступ к воде затруднителен. Глубина озера вообще незначительна, но в нём встречаются ямы, достигающие до 40 м глубины. Дно илистое, как и во всех здешних озерах. В озере Эконор с западной стороны впадает речка Уларима, берущая начало вместе с тутурской Уларимой, течет она в узкой и глубокой долине с крутым падением. С обеих сторон долины высокие,

лесистые горы; только в верхнем течении долина Уларимы расширяется и по ней встречаются небольшие лужайки. Зимой русло речки сильно закипает и наледи лежат нарастаявшие до половины лета.

Озеро Бачинор меньше Эконора, оно состоит из трёх расширений, соединенных между собой короткими широкими проливами. Общая длина всех трех расширений до 3 км, ширина от 0,25 до 0,5 км.

Лежит Бачинор среди широкой ровной местности, напоминающий маленькую тундру: с толстым слоем торфяника, заросшего мхом, багульником, клюквой и мелкой карликовой березой. Но по берегам озеро обросло лесом из лиственницы и березы. Здесь есть возвышенные бугристые места, на одном из таких бугров в юго-западной части расположилось летнее тунгусское стойбище. Берега озера постоянно меняются, то образуются провалы и заливаются водой, то от озера выпучиванием почвы обособится небольшая отдельная часть и, зарастая травой, постепенно обсыхает. Поэтому берега усеяны маленькими, «паразитирующими» озерками, то исчезающими, то появляющимися вновь. Глубина Бачинора от 0,5 до 1 м, но встречаются ямы до 4–5 м. В озерах Эконор и Бачинор водятся окуни, сорожины, щуки, последние часто достигают крупных размеров, в 20–30 фунтов, а иногда и до полупуда*.

Река Шевыкан длиной до 80 км, начинается она на болоте, на Лено-Киренгском водоразделе, сходясь вершинами с речкой Малой Ангой. Это речка носит три названия: от вершины до с. Шевыкан она называется Шевыканом, отсюда среднее её течение носит название Берилея, а в нижнем течении – Моны. Шевыкан – речка равнинного характера, идет в крутых берегах, имеет илистое дно и тихое извилистое течение, долина его широкая, частью заболоченная, но большей частью луговая. Сопровождают долину невысокие лесистые горки. К системе Шевыкана – Шоны относится и оз. Тырка, оно такого же характера как Очеуль, только берега его больше заболочены и заросли травами. Соединяется Тырка с Шоной короткой речкой Унчугун.

Геологическое строение

Район сложен осадочными породами, возраст которых пока условно считается кембро-силлурийским. Залегают эти породы очень спокойно, почти всюду горизонтально, изредка только на севере по рекам Ханде и Нотаю наблюдается слабое

* 1 пуд равен 16,3 кг.

падение пластов в юго-восточном направлении. Здесь, по-видимому, не было места ни горообразующим процессам, ни выходам изверженных пород. Можно сказать, что после отступления кембро-силлурийского моря земная поверхность нашего района находилась в непрерывном покое, подвергаясь лишь поверхностному изменению от действия водных и атмосферных агентов. Эти коренные осадочные породы состоят преимущественно из красных мелкозернистых плоских песчаников, то грубо слоистых, то тонко расслаивающихся, рассланцованных, они очень обогащены известью, от действия соляной кислоты бурно вскипают, на поверхности их часто появляется известковый налет, а иногда даже корка кальцита. Выветриваются эти песчаники очень легко, давая окончательным продуктом своего разрушения мягкую глину и придавая всем почвам района красноватый цвет. Типичные обнажения этих песчаников можно наблюдать на левом берегу реки Лены между Качугом и Верхоленском в виде живописных отвесных, метров до ста пятидесяти, утесов, под которыми у самой реки вьётся часть Якутского тракта, так называемая Польская дорога. (Фото 14, 3, 4)

Только в самом Верхоленске также есть выходы этих песчаников. Здесь они выступают из нижних частей горных склонов в виде утесистых обнажений плотностных мелкозернистых красных песчаников в горизонтальном грубо слоистом напластовании. Вертикальные их плоскости обточены действиями размыва и гладкая поверхность их с такими же вымоинами и углублениями, как наблюдается у известняков.

На горизонтальных поверхностях очень часто выступают известковые налеты, или в виде тонкой, более или менее гладкой корки, или в виде шероховатых туфообразных натеков. В обломках, залегающих в подпочве, при их разломе часто наблюдается красноватая сердцевина, окруженная бурой, влажной, начавшей выветриваться толстой корой.

На севере района долина р. Киренги от с. Чинонги до с. Мурины прорезает чистые известняки полукристаллического сложения белого, черного и пестрого цвета. Эти известняки придали своеобразный остроугольный рельеф сопровождающим Киренгу горкам-сопочкам. Далее по Киренге, а также в низовьях рек Ханды и Нотая залегают снова красноцветные песчаники, но вместе с ними переслаиваются серые, зеленоватые и синеватые песчаники и тех же цветов глинистые сланцы, а иногда и известняки.

Все эти породы или входят скалистыми обнажениями в долины больших рек, или залегают по склонам и вершинам водоразделов в виде обломочного материала, очень редко на поверхности обыкновенно на глубине 50–70 см.

Иногда по крутым склонам гор наблюдаются довольно значительные оползни, происходят они после гарей, когда сгорит верхний моховой покров, оттает мерзлая почва, и по мокрой глине образуется область скольжения. Тогда сползают целые склоны, и вместе с горелым лесом и ломом нагромождают у подошвы огромные навалы земли, камня и леса.

В бассейне р. Шевыкан от перевала Анга–Шевыкан и до с. Шевыкан встречена широкая полоса, по-видимому, ледникового наноса в виде окатанной, но не рассортированной, запутанной в красной глине гальки, состоящей из кварцитов, а иногда из кварцево-сланцевых метаморфических сланцев. Очевидно, ледник спускался с востока с Прибайкальских гор, так как только там встречаются эти породы. Здесь же в десяти километрах к северо-западу от с. Шевыкана повышается бугор до семи метров высотой и ста метров в окружности, около него чашеобразные неглубокие провалы, залитые водою в виде небольших озерков. Бугор сложен белым порошкообразным, иногда спрессованным в тонкослоистую рассыпчатую массу известняком с обильным включением мелких улиток и редкой, хорошо окатанной до 5 см в диаметре кварцевой и кремнистой галькой. Это образование, очевидно, представляет отложение ледникового ила.

Из полезных ископаемых в районе известны:

1) Обнажение гипса по р. Киренге. (Фото 15) Здесь на правом берегу км в 3-х выше тунгусского стойбища Муринья возвышается гора, в которой в 50 м от уровня воды обнажаются утесистые выступы гипса, сильно измятого, потрескавшегося, выветренного черного и белого цвета, при этом белая разновидность имеет кристаллическое, а черная плотное сложение. С четверть километра ниже по течению в той же горе метров на 100 над рекой вырыта яма, в которой находится белая мучнистая порода, продукт разрушения гипса, эту породу жители называют «белой глиной», добывают ее и вывозят зимой в деревни, где она заменяет известь.

2) На левом берегу реки Лены против поселка Селивановского (2 км выше Верхолеска) на высокой горе есть вырытая яма около 2 м в диаметре и около 1 м в глубину, здесь залегают небольшие глыбы конгломерата, состоящие из галечника, размером от кедрового ореха до куриного яйца, сцементированного черно-бурым с синеватым металлическим отливом бурым железняком. Такие же валуны единичными

экземплярами встречаются и вообще по горе. Подстилаются конгломераты грубо-слоистыми глинисто-песчаными сланцами, которые выходят к реке утесистыми выступами шириной 40–50 м. Образование этих конгломератов – очевидно продукт отложения высокого стояния воды Лены, а затем цементизации глин железной рудой. По словам населения, один кузнец (он будто бы и выкопал яму) переплавлял ее в железо. Других полезных ископаемых и минеральных источников в районе не встречено.

Почвы

Из геологического очерка видно, что господствующей коренной породой района являются красные известковистые песчаники, они легко разрушаются и продуктом своего разрушения дают вязкую красную глину, которая в верхних горизонтах переходит в красные или бурые суглинки. Этот основной тип почвы в зависимости от рельефа и экспозиции склонов различается по своим физическим и механическим признакам.

На северных склонах, обычно заболоченных и заросших густым лиственнично-еловым лесом, залегают сырые тяжелые суглинки, значительно оподзоленные. Сверху они покрыты толстым слоем мохового покрова в 10–15 и более см, на глубине 20–30 см, в середине лета обнаруживается мерзлота, к концу лета мерзлота опускается до 50–60 см. Распространение этих почв равняется 20%. Плато и южные более или менее отлогие склоны одеты суглинистыми почвами с очень слабой оподзоленностью, по своему строению напоминающими лесные суглинки. Сверху эти почвы покрыты лесной подстилкой темно-коричневого цвета.

Гумусовый горизонт достигает 10–15 см, редко 27–28 см, а иногда его почти не бывает. Структура верхнего горизонта А неясно мелко-зерниста, цвет темно-коричневый и темно-красный, иногда с сероватым оттенком. Мощность его 6–12 см, следующий горизонт В состоит из ореховатых отдельностей, покрытых белесоватой присыпкой. На глубине 25–30 см обнаруживается вскипание, которое ниже усиливается. Общая мощность почвенного слоя невелика, обыкновенно щебень песчаника начинает примешиваться на глубине 30–40 см, а на 80–100 см уже залегают сплошные плиты коренной породы. По механическому составу это большей частью средние и тяжелые суглинки. Почвы эти считаются местными земледельцами очень плодородными, они дают хорошие урожаи и долго не выпахиваются. Занимают они

около 45% всей поверхности обследованного района. На крутых склонах почвы являются сильно хрящеватыми, а часто материнская порода выходит и совсем наружу, прикрываясь иногда только моховым слоем. Таких почв немного, их можно насчитать не более 5%. По нижним отлогим частям склонов и по некоторым речным долинам находятся почвы полуболотного типа, мощность гумусового слоя доходит в них до 60–100 см, он окрашен в равномерно-серый цвет, часто переходящий в черный. Эти почвы занимают лугами, а там, где позволяют климатические условия, и пашнями. Распространены они незначительно, занимая до 5% всей поверхности района. Болотные почвы встречаются в большинстве долин второстепенных рек, наиболее же сильно развиты они по поверхности центрального плато, они сверху прикрыты дернистым или торфяным слоем, под которым залегает иногда серовато-черный илистый горизонт мощностью 20–25 см. На глубине 30 см в середине лета встречается мерзлота. В речных долинах при сведении ерников эти почвы используются как луга.

Площадь, занимаемая болотными почвами, составляет около 25% всей поверхности района. Супесчаные почвы, встречающиеся пятнами и занятые сосновым лесом, и аллювиальные почвы долин больших рек, главным образом Лены, занимают очень незначительные площади.

Таким образом, из почв района можно считать пригодными для сельскохозяйственного использования до 65% всей поверхности района, они состоят из 45% суглинков возвышенных мест, 5% полуболотных почв нижних частей склонов и 15% болотных почв (исключая 10% последних, залегающих на центральном плато).

Растительность

По отношению к растительности Лено-Киренгский район можно охарактеризовать как лиственнично-таежно-ерниковый. Почти вся поверхность возвышенностей и склонов покрыта лиственничными лесами, иногда чистыми, а большей частью в сообществе с елью и кедром и реже пихтой и сосной. Речные долины, а иногда и нижние части склонов заняты ерниками. Только на центральном плато встречаются чистые торфяно-моховые площади.

Лиственница занимает до 50% всех древесных насаждений (по Солтышу), она встречается всюду, то сплошными насаждениями, то чахлой и угнетенной по заболоченным речным долинам, то достигает мощных размеров и широко раскидывает свои ветви, возвышаясь редкими единичными экземплярами на сухих

долинах рек и по сухим нижним частям южных склонов. Хорошие прямоствольные лиственничные леса встречаются обыкновенно по возвышенностям некрутых южных склонов на суглинистых почвах. (Фото 16)

За лиственницей следует *ель*, их всегда почти можно встретить вместе (Фото 17), но ель уже менее распространена (около 18 %) и никогда не достигает такого мощного развития как лиственница, она предпочитает северные склоны и вообще более сырые нижние части склонов, растет она и по долинам, окаймляя густой чащей речные берега.

Кедр (12%) как примесь к лиственнице и ели встречается довольно часто, а иногда является и преобладающим настолько, что лес принимает вид кедровника, или по-местному, «орешника». Такие «орешники» находятся по возвышенностям, сопровождающим реку Назиму, по водоразделам правых притоков реки Келоры, по возвышенностям, окружающим озера Тутуру и Эконор и по хребту между реками Ангой и Шевыканом. Вообще более чистые кедровники занимают возвышенные места.

Сосны (7%) в районе немного, чистые сосновые бора и то небольшими площадями наблюдаются только около больших рек: Лены, Киренги и Тутуры по южным более или менее крутым склонам. В сообществе с лиственницей сосна встречается чаще, занимая или сухие плато или опять-таки южные склоны. Но зато есть целые массивы, где сосны нет совершенно, например, по дороге от с. Бутаково до с. Шевыкана.

Пихта (3%) встречается единичными экземплярами, береза и осина (10%) попадают только как примесь среди хвойных пород, занимая второй ярус. Чистых березовых насаждений почти нет, если они и находятся на старых гарях, то как временное сообщество, быстро вытесняемое хвойными породами, и здесь они всегда имеют угнетенный вид, кривые и тонкие стволы, растущие от одного корня кустом и никогда не достигают хорошего роста.

Травяной покров в лесах Лено-Киренгского района очень беден, во всех лесных сообществах основным фоном покрова являются мхи, густые и мощные по северным склонам и более редкие по южным и по плато. На северных склонах ко мхам присоединяются: голубика, брусника, багульник, грушанка, хвощ; на южных эти растения делаются реже и появляются кое-какие травы: осока, вейник, башмачки, майник, василистник, герань, жарки, фиалки. Вообще здесь в лесу не только не встречается сенокосных полей, но даже нет места и для подножного корма скоту.

Только на гарях травяная растительность несколько обильней, хотя и здесь она отличается развитием большей части грубых полукустарниковых форм.

Техническое значение местного леса очень невелико, так как лес здесь имеет плохую древесину, часто с сердцевидной гнилью, не отличается чистотой и прямизной стволов. Сосны мало, да и та неважного качества, а лиственниц как строевой и поделочный материал расценивается весьма низко. Так что говорить о каком-нибудь промысловом значении местных лесов пока не приходится. Они могут иметь лишь значение для обслуживания нужд местного населения. Большого внимания заслуживают кедровники, которые благодаря орехам дают хороший заработок населению, но площадь их, к сожалению, с каждым годом заметно уменьшается вследствие небрежного отношения к ним человека. И несмотря на то, что Лено-Киренгский район сейчас является по преимуществу охотничьим, а охотники вообще более бережно относятся к лесам, тем не менее лесные пожары случаются почти ежегодно. Особенно распространены площади старых гарей по бассейнам рек Нотая, Бирей и Келоры. Общее количество гарей по Солтышу доходит до 17% всей площади обследованного района. (Фото 18, 19)

При лесном пожаре лес целиком не сгорает, на нем только обгорают ветви и корни, выгорает и моховой покров, мерзлая почва оттаивает, делается очень сырой и вязкой. Затем, года через два, она начинает подсыхать, появляется чахлый березняк и кое-какие травы: кипрей, злаки, костяника, шиповник, борщевик и др., но следом за ними снова поднимаются лиственница и ель, почва делается опять влажной, зарастает мхом, голубичником и багульником и прежнее лиственнично-еловое сообщество быстро восстанавливается.

В речных долинах и нижних частях склонов гари занимают ерником и, по-видимому, довольно прочно. Ерники в районе пользуются таким широким распространением и притом площади, занятые ими, представляют настолько большой интерес в смысле сельскохозяйственного их освоения, что вопросы о жизни ерников и способах борьбы с ними должны быть детально изучены. (Фото 21)

На основании исследований ботаников Дробова и Кузнецова при изучении растительных формаций Лено-Киренгского района в 1909 и 1910 гг. и наших наблюдений установлено, что ерники состоят из приземистых берез, низкорослого ивняка, лапчатки, спирей, иногда жимолости; располагаются ерники главным образом по речным долинам, откуда заходят на их отлогие склоны вне зависимости от экспозиции склона. Встречаются ерники и по широким плоским возвышенностям, но

никогда не наблюдаются на крутых склонах. Дробов подразделяет ерники на долинные и ерники более высоких мест, последние он делит еще на сырые и сухие, хотя нужно заметить, что в долинах иногда встречаются сухие ерники. Поэтому будет правильнее делить ерники только на сырые и сухие.

В составе *сырых ерников* преобладают ивы, а в покрове основным фоном является мох, голубика, багульник, среди этих растений единичными экземплярами встречаются: осока, вейник, грушанка, майник, княженика, калужница, белозор. Почвы сырые заболоченные с толстым всегда кочковатым моховым покровом. Верхний горизонт состоит из буро-черной полуторфяной массы средней плотности и мощностью до 10–15 см, второй горизонт бесструктурный, очень влажный, и связный суглинок мощностью до 50 и более см. Подпочва – тяжелая мокрая глина со щебнем песчаников. Вскипания на всей глубине не наблюдается.

Сухие ерники выражены почти исключительно карликовой березой, в травяном покрове мхи отсутствуют, или их очень мало, мало и голубики с багульником, преобладают травы: осока, подмаренник, горошек, клевер, лилия, живокость, аконит, колокольчик, тысячелистник.

В почвах гумусовый горизонт достигает 10–12 см мощности. За ним обыкновенно следует темный буроватый средний суглинок зернистого строения, средней влажности и вязкости со слабой реакцией в кислотность. Мощность этого горизонта 25–40 см. Нижний горизонт состоит из красно-бурого суглинка ореховатой структуры, достаточно вязкого и плотного. В глине запутаны мелкие и более крупные обломки полуразрушенного песчаника. Мощность этого горизонта 25–55 см. Подпочвой являются обломки красного песчаника с глинистой примазкой. Ботаник Дробов распространение ерников объяснил таким образом: сухие ерники возникают на месте гарей по сухой почве; сырые же могут образоваться тремя способами: 1) на месте гарей по сырому грунту; 2) на месте сырых листвягов, переплетаясь своими корнями и не давая лиственнице рост; 3) на месте сухих ерников, так как последние часто ведут за собой заболачивание почвы. При этом Дробов считает, что ерники, раз захватили местность, остаются уже навсегда, и смена их лесной формацией, по-видимому, невозможна. К этому же мнению присоединяется и производитель работ Шамахов, делавший обследование по левой стороне Лены в бассейнах рек Тальмы, Куленги и Илги. Лесовод Солтыш, принимавший участие в Лено-Киренгской экспедиции 1927 г., доказывает обратное: а именно, что смена ерниковой формации лесной возможна и рядом примеров и соображений подтверждает такую замену. Мне

также пришлось встретить в окрестностях реки Конора на южном склоне, среди ерниковой формации молодую поросль лившиа, уже переросшего ерники и чувствующего себя здесь прекрасно.

Солтыш не соглашается с Дробовым и в том отношении, что ерники заболачивают почву, он считает, что ерник служит скорее дренирующим средством, и осушая почву, сам подготавливает её для жизни будущих лесных формаций.

Приводя свои соображения, Солтыш оговаривается, что он не считает их окончательными, поскольку они не подтверждены подробным и точным исследовательским материалом, он только хочет указать, что благодаря отсутствию этого материала данному вопросу можно дать несколько толкований, часто априорных, которое из них окажется правдоподобным, может решить лишь само исследование и ряд научно поставленных экспериментов. А сделать это крайне необходимо, и как можно скорее, так как территория, занятая ерниковыми формациями, имеет огромное значение в хозяйственном эквиваленте района. Хозяйственное же значение ерников безусловно велико, прежде всего уже потому, что они занимают самые удобные по рельефу места; речные долины и отлогие склоны, почвы под ерниками пригодны для обработки и наконец расчистка ерников должна обойтись гораздо дешевле, чем расчистка лесных площадей. Но под пашню ерниковые площади нашего района сразу обращены быть не могут, вследствие их вообще низкого положения, подверженного наиболее сильным заморозкам. В первое время ерниковые заросли могут освободить обширные площади для лугов и пастбищ.

Для освобождения площадей от ерниковых зарослей население прибегает обычно к выжиганию ерников, это выжигание производится или весной, когда в лесу еще лежит снег, и в ерниках уже сойдет, или осенью, после выпадения первого снега, растаивающего в ерниках и остающегося в лесу. Делается это для того, чтобы палы, пущенные по ерникам, не распространялись на лесные насаждения.

После первого сжигания выгорают только наземные части растений, а корни остаются и пускают от себя молодые побеги, вместе с которыми вырастают полукустарники и грубые травы «дурнина», тогда пускают вторичные палы и уже после этого начинают расти хорошие травы. Насколько вредно действует выгорание ерников на почву, мы не имеем точных данных для решения этого вопроса, но там, где ерники растут на толстом торфяном покрове, выжигание их ведет за собой и выгорание верхнего торфяно-гумусового слоя, вплоть до глины и тогда такие площади остаются без всякой растительности на несколько лет. Наблюдается и другое

неблагоприятное явление при выгорании ерников по склонам долин: после уничтожения ерников почвы иногда обсыхают настолько, что хорошие луговые травы расти здесь не могут и распахать землю нельзя, так как мерзнет хлеб и потому такие площади могут служить лишь как довольно скудный выгон.

Но тем не менее местные жители ведут с ерником длительную борьбу и можно с уверенностью сказать, что большая часть луговых площадей, которыми пользуется население, получилась после уничтожения ерников.

Луговые формации Дробов разделяет на четыре группы:

1) *Суходолы* располагаются в частях долин, не заливаемых водой, а потому сухих, иногда они заходят и на отлогие низкие склоны долин. Растительность суходолов состоит из луговых и степных форм, с преобладанием последних. Здесь растут арканец, батлачок, пырей, мятлик, полевица, костер, тысячелистник, клевер, борщевик, кровохлебка, вика, ветреница и другие. Суходольные луга наблюдаются в верхнем течении речки Гульмы, впадающей в Лену, выше Козловой, по долине речек Убуры и Конора, по р. Качугу, а также по нижнему течению Малой и Большой Анги, вообще же они не пользуются широким распространением (фото 20).

2) *Сухие заливные луга*,¹ наиболее часто распространенная луговая формация, раскидываются они в хорошо осушенных речных долинах, сложенных наносным материалом, поэтому они встречаются преимущественно по долинам более значительных рек: по Тутуре, ниже устья Назимы, по Келоре в нижнем течении, по М. и Б. Анге, по Шевыкану и Шоне. Они занимают часто обширные площади, но иногда отделяются друг от друга перелесками. Растительность выражена преимущественно злаками и главным образом ботлачком, затем мятликом, пыреем, диким овсом, кроме того здесь растут дикая гречиха, пионы, герань, лилия, вика, борщевик, тысячелистник, горошек и др.

3) *Сырые заливные луга* представляют заболоченную формацию, располагаются они по долинам менее значительных рек, но и по большим рекам они обыкновенны, занимая в этом случае более низкие, заливаемые водой площади. Распространение их также значительно. Встречаются они в верхнем течении Тутуры по речкам Тутурской Улариме, по р. Конору, в районе Бирикюльских озер, по р. Лене. Растительность их складывается из полуболотных форм с небольшой примесью водолюбивых луговых трав.

¹ Понятие «заливные» луга кажется не совсем точно, т.к. если эти луга и заливаются, то только при исключительно высоких разливах, поэтому, пожалуй, лучше бы было назвать их «сухие долинские луга».

Здесь встречаются: вейник, ботлачок, ячмень, мятлик, калужница, лютик, чемерица, хвощ, василистник, осока, рогоз, вероника и др.

4) *Пабереги* – это неширокие полосы, покрытые травяной растительностью, расположенные по берегам рек, около самой воды, окаймленные с другой стороны густой чащей из черемухи, ив, ельника. Пабереги занимают прибрежные части, сложенные наносами речной гальки с песком и илом. Они встречаются также по большим рекам: Киренге, Ханде, Нотаю, Тутуре и Келоре. На паберегах растет: василистник, горошек, подмаренник, зверобой, ботлачок, вика, смолевка, чемерица, лук, хвощ и др. (Фото 21)

В общем же луговая площадь в районе настолько незначительна, что все имеющееся налицо луговые пространства уже захвачены местным населением, которое часто ездит косить за 40–50 км, вывозя сено зимой.

Болота здесь двух типов: 1) падевые по речным долинам и 2) озерные, расположенные вблизи озер. Первые болота встречаются по долинам речек, они обыкновенно не широки и не особенно вязки, покрыты они кочками и мхом, и при этом почти всегда залесены. Вообще падевые болота здесь не пользуются большим развитием, они вытеснены ерниковыми зарослями.

Озерные болота занимают по преимуществу центральную часть района, своим образованием они обязаны усыханию и зарастанию бывших здесь прежде значительных водных бассейнов, остатки которых сохранились и по настоящее время в виде перечисленных выше озер. Болота эти делятся на осоковые и торфяные, первые всегда наблюдаются ближе к водной поверхности озера, а вторые располагаются обыкновенно уже в некотором отдалении. Дробов дает такую схему развития этих болот: «сначала прибрежная растительность, заходя в воду озера, начинает затягивать вводную поверхность сплошным ковром. Сперва образуется осоковое болото, затем, если на ковре осокового болота поселятся мхи, то начнется отложение сфагнового торфа и в результате появляется торфяное болото». Болота эти отличаются глубиной торфяного слоя, они часто бывают зыбки, вязки и не везде проходимы. (Фото 22)

Растительность осоковых болот бывает представлена осокой, пушицей, цикуттой, камышом, калужницей, хвощем; на торфяных, кроме мхов, растет карликовая береза, багульник, голубичник, клюква, морошка. В юго-восточном углу района между Качугом и Большой Ангой залегает лесостепная площадь, это северный отрывок Манзурской лесостепи, и возможно, что в будущем, после интенсивного освоения района, эта лесостепь вслед за человеком разовьет свое наступательное движение на

север и в конечном результате через более или менее продолжительный период времени придет на смену современной тайге.

Животный мир

Не имея возможности изучить с достаточной полнотой животный мир Лено-Киренгского района, мы остановимся в этом очерке только на некоторых наиболее интересных животных.

Медведь водится по всему району, но больше всего он предпочитает кедровые леса, где осенью перед зимней спячкой отъедается кедровыми орехами, добывая их сам или разоряя запасы бурундуков. Летом он приближается к населенным местам и частенько давит скот. Иногда он бывает настолько смел, что залезает в стайки в тунгусских стойбищах или даже днем забредает в русские деревни. Например, в прошлом году медведь забрался во двор тунгуса Х.Х. Дорофеева в Кычегыровском стойбище, задавил несколько коров и вступил в борьбу с людьми. В Белоусовский сельсовет (в низовьях Куленги) среди белого дня забежала медведица и заставила все население попрятаться по домам, а потом удалилась невредимой, так как охотников в это время не было дома. На людей в обыкновенное время медведи не нападают, но во время охоты на них часто вступают в бой с охотниками и нередко их задирают. Охотятся на медведей, главным образом, на берлоге с собаками, непременно первоначально заламывая берлогу. А осенью ходят с собаками по кедровникам и бьют медведей, выслеженных и остановленных собаками. Шкура медведя теперь подешевела, стоит она 15–20 руб. Мясо не продают и едят его не все. (Фото 23)

Росомаха встречается довольно часто, она больше всего охотится за зайцами и за кабаргой, но предпочитает добывать дичь не сама, а отбирать у рыси, которая ей всегда уступает добычу. Люди за росомахой не охотятся, а бьют ее лишь при случайных встречах. Шкура ее стоит 20–30 руб.

Рысь водится по всему району. Добывают ее большей частью капканами, а также загоняют на дерево собаками. Шкура ценится 20–30 руб.

Выдра встречается большей частью в вершине Киренги, отчасти и в верховьях Лены. Изредка она попадает в центре района, например в низовьях Тутуры. Бьют ее случайно, хорошая шкура ценится до 80 руб.

Соболь уцелел только в Прибайкальских горах, но и то в незначительном количестве, добывают его мало.

Колонок встречается часто, охотятся за ним с собакой, также как и за белкой. Шкурка 2–2,50 руб.

Горноста́й попадаете́ся всюду. Его ловят плашками. Шкурка его ценится 3,5—4 руб.

Волк водится только по р. Лене и по р. Анге вблизи обжитых мест, где часто нападает на мелкий крестьянский скот. В глубине района «по хребтам» не встречается. Ловят его капканами обыкновенно русские охотники. Шкура волка стоит 10–15 руб.

Лисица встречается по всему району, но в небольшом количестве. Ловят ее капканами. Шкурка ценится в среднем в 25 руб.

Сохатый (лось) живет по всему району, но больше всего в северной части в бассейнах рек Ханды и Нотая и по верховьям р. Чикана. Зимой он предпочитает держаться вблизи гарей и ерниковых долин, где питается молодым березняком и ивняком. Летом уходит в хребты, в чащу, а во время сильных жаров, когда его начинает донимать гнус, главным образом, овод, он спускается к речкам; здесь, забираясь иногда по самые уши в воду, он спасается от надоедливых насекомых. В то же время сохатый питается около берегов водорослями, которые он очень любит. На сохатого охотятся круглый год: весной загонивают по насту, летом скрадывают по речкам на лодках, осенью во время гоньбы с собакой, которая останавливает сохатого; зимой выслеживают по снегу. Ям для ловли сохатого здесь не делают. Шкура сохатого ценится руб. 20-ть, а выделанная в виде замши, так называемая «половинка» – 35 руб. Мясо продают 3–4 руб. за пуд.

Северный олень летом живет в Байкальских гольцах и в верховьях притоков Нотая, речки Бирей и Егудер, заходит вниз по Киренге, а больше всего по реке Ханде, а также вверху р. Анги к югу от Тулонского озера. Здесь он выкапывает из-под снега ягель, бууруй (хвощ) и объедает с деревьев лишайники. Держится он главным образом в «сырниках» (не горелых лесах). Ходят они небольшими табунами от 3–4 до 10 голов. Охотятся на оленей осенью во время переходов, подкарауливая их или скрадывая, а также зимой выслеживая по снегу. Шкура оленей ценится до 10 руб., а мясо 3–4 руб. пуд.

Дикая коза, косулька – много ее в районе озер в верховьях Нотая и Тутуры, а также и по всему району, но к северу от реки Чавиды (левый приток Нотая) коз уже не встречается. Летом они держатся большей частью по хребтам или около болот, зимой подходят к более открытым местам и лугам. Ходят козы зимой небольшими табунками в 5–6 голов. Весной и осенью их караулят во время переходов, устраивая

лабазы на окраинах открытых долин и, завидя идущую козу, соскакивают и скрадывают ее на расстоянии выстрела. Но весной их бьют мало, так как тогда и мясо и шкура не представляют большой ценности. Летом караулят коз на озерах, где они едят троелистку, а также на солонцах. Зимой выслеживают по снегу. По насту коз не гоняют вследствие малоценности весной. Шкурка козы стоит зимой 3 руб., летом 2 руб., мясо 3–4 руб. пуд.

Сайга (кабарга) водится по Нотаю, Ханде, Тутуре и везде «по хребтам». Зимой их гоняют самогоном (т.е. без собаки на лыжах) и загоняют на отстои на утес или сваленное дерево, где стреляют; ловят также петлями. Летом русские бьют маток, приманивая их на «пикульку», подражая писку детеныша, но тунгусы этой охоты не знают. Тунгусы охотятся только за самцами из-за «струи» (половая железка), а самок не бьют, т.к. шкурка кабарги ценится дешево, около рубля, а мяса мало, немного больше, чем у зайца, при том же если кабаргу долго гонять, то мясо ее приобретает неприятный вкус.

Заяц встречается везде. Его ловят зимой кулемками, пастушками и петлями. Русские иногда охотятся и с ружьем по следу. Шкурка зайца стоит до 60-ти коп., мясо до 40-ка коп.

Белка больше всего водится в гольцах по верховьям рек Киренги и Лены в кедровниках. В пределах района она встречается преимущественно в бассейне р. Назимы и отчасти Келоры. Летом ее в районе вообще очень мало, почти совершенно нет, но к осени она появляется в более или менее в значительном количестве, поэтому тунгусы думают, что она размножается не здесь, а в «далях» и сюда приходит на зиму кормиться. Питается белка и кедровыми орехами, и семенами лиственницы. Охота на белку начитается со середины осени, когда выпадает снег и продолжается почти всю зиму, бьют ее ружьем из-под собаки и ловят плашками, которых у каждого охотника бывает штук по 200–300, у богатых (главным образом русских) иногда чуть ли не до тысячи. Вследствие усиленного истребления к концу охотничьего сезона белка бывает уничтожена иногда почти целиком, спасаются только единичные экземпляры. В гольцах добывают белку на ружье от 200 до 300 штук, а в центре района штук 20–30.

Бурундук встречается всюду, но в ограниченном количестве. За ним пока еще не охотятся. Посевам чувствительно не вредит.

Водяная крыса, по местному крот, водится по долинам рек, вырывая норы, набрасывает довольно значительное количество земли и часто портит прибрежные сенокосные луга.

Из крупных животных, обыкновенных для всего Иркутского округа, здесь не встречается изюбря (благородного оленя), кабана и барсука, нет также суслика.

Птицы. Уже из описания растительности нашего района можно заключить, что он не богат пернатым населением. Царство птиц там, где веселые лиственные леса, где луга, покрытые пестрыми цветами, перелесками кустарников, где речные поймы и заводи, окаймленные кудрявой чащей черемухи, ивы, шиповника, а здесь среди моря хвойного леса, среди речных долин, заболоченных, поросших ерником, птицам не живется. Но всё-таки и здесь есть свое пернатое население, хотя оно и не отличается разнообразием.

Больше всего здесь распространена пестрая крикливая кедровка. Ее можно встретить всюду, и в лесу по берегам рек, особенно осенью во время поспевания кедровых орехов они собираются большими стаями и своим резким криком наполняют всю тайгу. Они сильно в это время опустошают кедровники, за что не любят их промышленник орехов. Вместе с кедровкой уживается и клест еловик, но он предпочитает ельники, где небольшими стайками, перелетая с вершины на вершину, оглашает воздух мелодичным свистом. Обилие сухостоя в тайге дает приют и пропитание разнообразным дятлам и черной красноглазой желне и пестрым и трехпалым. Их стук по коре сухого дерева раздается в продолжение целого дня. Изредка перепархивают по деревьям бесшумные кукушки, еще реже высоко пролетит с карканьем и щелканьем ворон. Иногда встретится пискливая стайка синичек. Кое-когда увидишь на дереве мрачно сидящего филина и сову, – вот, пожалуй, и все птицы, которые наполняют здешние леса.

По болотистым речным долинам среди ерников в начале лета раздаются трели овсянок, и по зарям тысячами играют бекасы-барашки и, поднявшись высоко в воздух, с веселым треском спускаются на землю. Журавли встречаются довольно редко.

По берегам больших рек, по песчаным отмелям снуют разнообразные кулики, а подле берегов часто можно встретить солидного черного аиста, (Фото 24) высматривающего в прозрачной воде рыбу. В прибрежной чаще копошатся мелкие птички: овсянки, зяблики, снегири, иногда камчатский соловей –красношейка.

На пашнях и лугах, вблизи населенных мест, выются жаворонки.

Около озер в центре района собирается водяная дичь, здесь над гладкой водной поверхностью с пронзительным криком носятся чайки, плавают гагары и разнообразные утки, которые тут же по берегам выводят и своих детей. Гуси и лебеди

бывают только пролетом. Тут же над озером часто парят могучие белоголовые орлы, гроза всей водяной птицы.

Из промысловых лесных птиц в лесу встречается глухарь, самку которого население зовет кополухой или пеструхой, в ельниках по падам водится рябчик, а вблизи населенных мест попадают тетерева и куропатки, которые предпочитают лесам открытые места.

Из земноводных и пресмыкающихся водятся мелкие ящерицы и лягушки, змеи встречаются редко.

Рыбы наполняют речки и озера, при этом в речках водится преимущественно ленок и хариуз, а также налим и щуки. В озерах карась, щуки, окунь сорожина.

Из насекомых прежде всего бросается в глаза разный гнус, т.е. овод, комары и разнообразная мошка. Но гнуса здесь не так много, как, например, в Нижнеудинском районе, это доказывается уже тем обстоятельством, что местное население и работает и ходит в лес без сеток. Правда, бывают глухие дни, когда мошка прямо слепит человека, или когда овод поднимается тучами и своим гуденьем заполняет воздух, но это случается редко и обыкновенно уже на другой день и мошка и овод унимаются.

Гусеницы кедрового шелкопряда, который губит огромные площади кедровника на юге Иркутского округа здесь не наблюдается. Точно так же и кобылка не встречается в больших количествах, наиболее распространена она в юго-восточной части района по долине реки Анги.

Климат

За основу этого очерка взят труд Вознесенского и Шостаковича «Основные данные для изучения климата Восточной Сибири».

Лено-Киренгский район в климатическом отношении представляет ту невыгодную для него особенность, что на юго-востоке он прилегает к мощной цепи Прибайкальских хребтов, заграждающих его от теплых юго-восточных ветров, тогда как к холодному северо-западу он совершенно открыт и это положение района налагает тяжелый отпечаток на его температуру. В то время как средняя общая годовая изотерма для всего Иркутского и соседнего с ним Тулунского округа лежит в пределах между -1° и -3° С, Лено-Киренгский район замкнут в кольцо изотермы -4° , представляя собою как бы обособленный центр холода; но это значительное понижение годовой температуры, к счастью для района, относится более за счет зимних, чем летних месяцев, температура же последних отличается незначительно от

температуры других пунктов Иркутского и Тулунского округов; для сравнения мы приведем данные как для двух пунктов нашего района Карамы и Верхоленска, так и для станций обоих упомянутых округов, лежащих в центре обжитой полосы (Табл. 5)

Табл. 5.

Пункт	Широта	Долгота	Высота	Зима			Весна			Лето			Осень			Год
				XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	
Карам	55.5	107.5	50.7	- 24.2	- 25.2	- 22.9	- 12.9	- 2.6	5.8	14.8	17.5	14.8	5.0	- 2.8	- 15.9	-4.0
Верхоленск	54.0	105.5	51.8	- 25.8	- 32.2	- 24.8	- 13.4	- 1.3	7.2	14.9	17.0	14.7	6.3	- 3.3	- 15.3	-4.7
Усолье	52.7	103.5	40.3	- 19.6	- 24.0	- 20.7	- 10.1	- 1.0	9.2	16.5	19.0	16.6	9.1	- 0.2	- 11.6	-1.2
Тулун	54.5	100.3	48.2	- 19.0	- 22.7	- 18.6	-9.3	0.3	8.8	15.6	18.0	15.4	7.3	- 0.9	- 11.2	-1.4
Нижнеудинск	55.0	99.0	40.7	- 19.2	- 22.8	- 19.0	-9.5	0.9	8.9	15.7	18.2	15.7	8.6	- 0.2	- 11.0	-1.1
Братск	56.0	102	33.8	- 21.9	- 25.1	- 21.5	- 11.2	- 0.8	7.9	16.	18.8	16.1	7.8	- 1.4	- 12.3	-2.3

Из этой таблицы видно, что высота над уровнем моря играет большую роль в понижении температуры как месячной, так и годовой. Но здесь бросается в глаза противоречие, а именно: с. Карам, лежащее на 1,5° севернее Верхоленска и почти на одной с ним высоте обладает более мягкой температурой, чем Верхоленск. Это противоречие за недостатком точных и более систематических изучений климата пока что должно быть оставлено без разъяснений.

Для сельского хозяйства гораздо большее значение имеет температура вегетационного периода, то есть за месяцы май–сентябрь. Из таблицы мы видим, что в мае температура обследованного района отстает от температуры центральной полосы на 2°, в июне–августе на 1,5–2° и в сентябре на 2° а затем уже быстро возрастает, достигая в декабре и январе 5–6°. Однако растительный период здесь все же изначально короче, в среднем он равняется 132 дням, тогда как для центральной полосы около 145 дней. Для культурной растительности этот период еще должен быть несколько сужен. Но тем не менее его хватает для созревания хлебов. Очевидно, сравнительная краткость вегетационного периода возмещается обилием тепла за

летние месяцы, а главным образом, избытком солнечного сияния, которым особенно отличается Восточная Сибирь.

В Иркутской губернии и Забайкальской области, говорит Шостакович, средняя продолжительность солнечного сияния не уступает, а местами даже превосходит самые южные части Европейской России: Херсонесскую губернию и Крым. В.К. Писарев в своей работе «Тулунское опытное поле» даёт и сравнение солнечного сияния наших станций со станциями Европейской части Союза, мы из этого сравнения возьмем Карам, для которого средняя годовая продолжительность солнечного сияния за сутки в часах равняется 5,9, в то время, как для Москвы она всего 3,5, а для Полтавы 5,6.

Большим злом для местного хлебопашества являются заморозки, которые здесь возникают в течение всего лета. И несмотря на жаркие дни с температурой, часто доходящей до 30° и выше, ночи всегда бывают прохладными. Но когда после продолжительного ненастья небо прояснится, то в первую же вёдренную ночь население уже со страхом ожидает выпадения инея и довольно часто опасения эти подтверждаются. В текущем 1927 г. такие заморозки случились 14 и 15 июня, и 9 и 10 июля, а в августе они стали повторяться довольно часто; перед рассветом выпадал густой иней, вода в котелках замерзала, температура опускалась до -4° С. Если после инея случится туман, то он позволяет растениям медленно оттаять, и тогда они переносят временное замерзание без вреда, но если сразу проглянет горячее солнце, то все более нежные растения, в том числе хлеба и овощи (картофель, огурцы) гибнут; гибнут даже молодые побеги на листовниках и елях. Заморозки бывают не по всему району одинаковы: в центральной, более возвышенной и таежной части они бывают сильнее, в обжитой полосе, более повышенной и открытой, они слабее; по отношению к микрорельефу наблюдается обратное явление: в низинах иней падает чаще и сильнее, а на горах реже и меньше, поэтому-то население, особенно на новых местах, распаивает свои пашни по горам и по наиболее высоким частям склонов, и только после широкого осветления и осушения местности начинают понемногу спускаться к долине. Возможно, впрочем, что здесь на интенсивность заморозков влияет не столько высота местности, сколько влажность почв. Заморозки, случающиеся среди лета, вообще явление исключительное, в обжитой полосе случаются они раз в 7–8 лет, но в притаежных деревнях они наблюдаются чаще, через 3–4 года. Что касается осадков, то для нашего района у Шостаковича имеются следующие данные для Верхолеска:

Табл. 6. Годовой ход осадков

	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	Год
В мм	7	5	4	4	10	21	39	74	68	33	12	7	284
В %	2,6	1,8	1,4	1,4	3,2	7,2	13,9	26,3	23,8	11,6	4,2	2,6	100

Из этой таблицы прежде всего бросается в глаза незначительное количество годовой суммы осадков, а между тем район страдает избытком влаги: такое явление, по-видимому, можно объяснить сильной залесенностью, способствующей сохранению влаги в почве, а также широким распространением тяжелых глинистых почв, к тому же часто в мерзлом состоянии, не обладающих водопроницаемостью. Наибольший процент осадков падает на летние месяцы, это еще нагляднее видно из следующей Таблицы:

	Зима	Весна	Лето	Осень
В миллиметрах	16	35	181	52
В %	5,8	11,8	64,0	18,4

В тесной зависимости от количества осадков находится и число дней с осадками. Для Верховленска они следующие:

Табл. 7.

	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	Год
Число дней с осадками	7	6	4	4	5	9	9	13	13	10	8	6	94

Обращая внимание только на летние месяцы, когда идет дождь, мы заметим некоторую непоследовательность в возрастании дождливых дней по сравнению с количеством осадков. В то время как в июле и августе количество осадков увеличилось почти вдвое против мая, июня и сентября, число дождливых дней возросло только на одну треть, это обстоятельство объясняется тем, что июль и август особенно обильны ливнями. В это время здесь часто проходят грозовые тучи, разряжающиеся проливными дождями. Ливни эти часто приносят большой вред населению: бурными дождевыми потоками, несущимися с гор, размываются и смываются пашни, расположенные по горным склонам, заносятся грязью и илом луга и пастбища по долинам рек, а иногда даже гибнет скот и люди, захваченные

бушующими потоками. От таких ливней, также от продолжительного ненастья ручьи и реки выходят из берегов, разливаются по долине, заливают луга и уносят уже накошенное сено. (Фото 25)

Весна и начало лета, наоборот, страдают недостатком атмосферных осадков, это явление в нашем районе значительно сглаживается общей его сыростью и вследствие этого обилием рос и туманов. Но при массовом осушении местности в будущем весенний недостаток влаги встанет пред земледельцем острее, и при осушительных работах это обстоятельство необходимо будет учесть.

Зимой осадков в виде снега выпадает сравнительно немного, вследствие чего толщина снегового покрова незначительна; по данным Шостаковича, по месяцам он распределяется так:

Табл. 8.

	X	XI	XII	I	II	III	IV
В см	2	9	19	23	23	6	1

Но по опросам населения получаются несколько иные цифры, а именно около Лены до двух четвертей аршина, то есть до 35-ти см, а в центре района, в окрестностях озер, до половины сажени, то есть 100 и более см. Во всяком случае, снега выпадает столько, что несмотря на суровые зимы с морозами, нередко превышающими -50°C , снежный покров с успехом защищает озимые хлеба, замерзания которых здесь не наблюдалось.

Благодаря мягкому рельефу и водонепроницаемости тяжелых глинистых почв в районе получилась общая заболоченность и повсеместно развился моховой покров, а вследствие низкой годовой температуры и суровости зим явилось глубокое промерзание этих почв. Таким образом, в конце июня и начале июля в местах, прикрытых толстым слоем мха, мерзлота встречалась тотчас же под моховым покровом; на более прогреваемых местах все же можно было встретить мерзлоту в середине лета на глубине 60–70 см. Мы нарочно избегаем термина «вечная мерзлота», так как этим термином часто злоупотребляют: если случится встретить в июне мерзлую почву, ее тотчас же приравнивают к «вечной мерзлоте», упуская из виду, что согревание почвы идет медленно и продолжается до глубокой осени. Поэтому о вечной мерзлоте можно говорить только после исследования почвы на более или менее значительной глубине. Мы же, делая почвенные разрезы на глубину не более одного метра, не имели достаточно данных для суждения о вечной мерзлоте района.

Необходимо также заметить и то, что «вечной мерзлоте» часто придают преувеличенное какое-то зловещее значение. Присутствие ее считается крайне неблагоприятным фактором для земледелия, а между тем, «вечная мерзлота» ничего страшного для земледельца не представляет, во-первых, с осветлением и осушением местности уровень её значительно понижается, а во-вторых, мерзлота залегает обыкновенно в местах пониженных, заболоченных и отсутствует на сухих горных склонах, особенно южных, и редко наблюдается на плато, а эти-то последние места, главным образом, и избираются населением под пашни.

На заморозки и на общее понижение температуры воздуха близкий от поверхности уровень мерзлоты несомненно влияет, но при понижении ее уровня, вследствие осушения поверхности, это влияние должно свестись к нулю.

На основании приведенных данных, а также опросов населения и личных наблюдений, мы можем набросать приблизительную картину изменения климатических условий по месяцам:

В *декабре* здесь стоят суровые морозы с более низкой температурой, чем в соседних районах. Реки покрыты толстым слоем льда, достигающим на Лене 70 см. Мелкие речки уже промерзли насквозь, а более значительные на перекатах начинают давать наледи.

«Кипят» ключи, выбиваясь из-под гор, и покрывая всё нарастающим ледяным слоем склоны. Снег покрывает всю поверхность слоем от 20-ти до 100 см. Погода ясная и тихая. Только в сильные морозы в воздухе стоит густой туман.

В *январе* морозы делаются еще крепче, редко достигая 50°С и выше. Реки сильнее сковываются ледяным панцирем, а снеговой покров несколько увеличивается. В воздухе тихо.

В *феврале* начинает «отдавать». Дни делаются заметно длиннее. Солнце светит ярче. При сухой атмосфере от усилившегося нагревания солнцем незначительный слой снега местами «на солонопеках» исчезает, и земля, нагреваясь, успевает повысить среднюю месячную температуру на 7° С. Снега выпадает мало. Но толщина льда продолжает нарастать, а наледи делаются больше. Стоят большей частью ясные, тихие дни.

В *марте* начинается быстрое потепление, температура воздуха повышается еще на 11° С, но все-таки она ниже, чем в соседних районах. Снег усиленно тает. Южные безлесные склоны уже освободились от снегового покрова. Стоит сухая и ясная погода, но начинают дуть резкие юго-западные ветра. (Фото 26)

В *апреле* среднемесячная температура поднимается еще на 12°, но еще не достигает 0° С. Земля уже освобождается от снега. Но в центре района и в лесах он еще лежит. Начинают перепадать дожди, а иногда мокрый снег. Мелкие речки и ручьи днем несут мутные снеговые воды по ледяной поверхности, а ночью снова подмерзают. На Лене лед делается рыхлым и синим. Осадков выпадает несколько больше, чем в марте. Погода стоит большей частью ветреная. В конце апреля начинается посев яровых.

В *мае* средняя месячная температура воздуха уже поднялась до 7° С. Снег исчез и только в глухих падах, да под «сиверами» лежат еще его остатки. Дождей выпадает сравнительно немного. Земля одевается зеленью, но только в конце мая травы поднимаются настолько, что могут служить подножным кормом. В начале мая вскрывается Лена, а в половине вскрывается лед и на центральных озерах. В конце мая начинается перелет гусей и уток, появляются стрижи, кукушка, дикий голубь. В половине мая посев яровых, в конце мая идет посадка овощей, вспашка мягкой пашни, и выгоняют на пастбище скот.

В *июне* наступает настоящее тепло со средней месячной температурой в 15° С. Снега нет, только мощные наледи еще лежат в глухих таежных распадках, здесь они пролежат до августа месяца. По лесу и в почве всюду стоит вода и вязкая грязь. Дожди выпадают уже обильнее, чем в мае, но большей частью стоит ясная и сухая погода. В начале июня зацветает одуванчик, черемуха, шиповник. В половине июня прилетают ласточки. На огородах высаживают рассаду капусты и помидоров. В полях полют сорные травы и пашут пары на первый ряд.

В *июле* начинаются жары, вызывающие усиленное испарение. Таежные почвы просыхают, но вместе с этим усиливаются дожди, часто набегают грозовые тучи с ливнями. Реки бурно разливаются, но при первых же ясных днях быстро спадают. В начале июля в огородах цветут огурцы и помидоры. На целинах поднимают пласт. Со второй половины июля пашут пары на второй ряд. Начинается сенокос. В конце июля поспевают земляника, малина, красная смородина.

В *августе* днем стоит такая же жаркая погода, как и в июле, но ночи делаются холоднее, часто падает иней. Выпадают обильные дожди, проходят грозовые тучи. Во второй половине августа сеют озимую рожь. В конце месяца убирают сено, начинают жать овес и рожь.

В *сентябре* температура быстро падает, днем еще пригревает солнышко, но ночи холодные. Выпадение инея по утрам делается обычным явлением. Количество осадков

против июля и августа уменьшается вдвое. Грозы прекращаются. Идет большей частью мелкий холодный дождь, иногда с ветром. Лист на деревьях пожелтел и осыпается, травы вянут и сохнут. В начале сентября уборка картофеля и овощей. В половине месяца выпас скота в лесу прекращается и его выпускают на поля и пары. Улетают дикие гуси.

В *октябре* месячная температура падает уже на два градуса ниже 0° С. Устанавливается ясная, сухая и тихая погода с легкими морозами. Выпадает немного снега, который часто стаивает днем. В половине октября замерзают речки и озера, а в конце октября встает и Лена.

В *ноябре* при ясной тихой погоде усиливаются морозы. Снег сплошь покрывает всю землю, устанавливается санная дорога. Наступает продолжительная и суровая зима.

Население

Оседлое население живет только по окраинам обследованного района, преимущественно по долинам больших рек. Это и понятно, так как при полном бездорожье района реки являлись единственными путями сообщения, а их широкие и сухие долины представляли площадки, наиболее доступные для населения. Таким образом, в пределах нашего района находятся следующие селения:

Табл. 9. Селения по реке Лене

	Селение	Дворов	Едоков
Качугский сельсовет (с/с)	с. Качуг	213	1801
Кистеневский с/с	с. Макарово	53	272
	с. Кистинево	102	554
Верхоленский с/с	с. Шишкино	75	353
	с. Куртухай	78	413
	с. Степаново	20	90
	с. Селищево	28	103
	с. Верхоленск	232	1527
	с. Ремизово	25	160
	с. Куницыно	57	248
	с. Козлово	51	359
Итого		934	5880

Табл.10. Селения по р. Большой Анге

	Селение	Дворов	Едоков
Чептыхаевский (с/с)	ул. Красноярский	63	203
	ул. Басайский	46	155
	ул. Кытыргайский	33	103
	ул. Сухотайский	14	148
	с. Малые Голы	45	237
	ул. Байбетский	25	81
	ул. Чептыхаевский	44	156
	ул. Алятский	15	53
	ул. Хартаневский	14	39
	ул. Бухарейский	32	115
Ангинский с/с	с. Рыкова	163	731
	с. Анга	233	1413
	с. Щапово	80	421
	с. Тарай	125	650
	с. Мыс	59	209
Даратуйский с/с	с. Даратуй	45	225
	ул. Кузнецовский	11	31
	ул. Тумунтейский	15	54
	ул. Турчинский	24	106
	ул. Букунорский	30	124
	ул. Загульновский	17	75
	ул. Дугурский	7	21
ИТОГО		1141	5350

Табл. 11. Селения по р. Малой Анге

	Селение	Дворов	Едоков
Бутаковский сельсовет (с/с)	с. Костромитино	51	344
	с. Бутакова	169	849
	с. Шеина	45	282
Ацикакский	ул. Бугай	22	86

с/с	ул. Ацикак	29	140
	ул. Буретай	26	141
	ул. Улхун	7	40
	ул. Бол. Улун	36	151
	ул. М. Улун	13	44
	выс.Будагонский	11	57
	выс. Хабютинский	12	46
	выс. Имехнутский	31	195
	выс. Юхтинский	11	72
Итого		484	2550

Табл. 12. Селения по р. Шевыкану

Селение	Дворов	Едоков
с. Шевыкан	37	207
с. Тырка	5	35
выс. Куруля	6	39
Итого	48	281

Табл. 13. Селения по р. Киренге

	Селение	Дворов	Едоков
	Выс. Чинонга	11	50
Карамский с/с Киренского округа	с. Ханда	37	218
Итого		48	268

Табл. 14. Селения по р. Тутуре

	Селение	Дворов	Едоков
Келорский с/с Киренского округа	с. Большой Луг	15	93
	с. Келора	86	488
Итого		101	582

Кроме того, в пяти тунгусских стойбищах живет 181 едок, сельский житель.

Таким образом, по соседству с обследованным районом и отчасти внутри его находятся 59 населенных пунктов с 2 756 хозяйствами и 15 092 едоками. Из числа этого населения приходится на долю русских 12 872 едока или 85% всего населения, бурят 2 019 едоков (14%), тунгусов 181 едок (1%). Метисы русских с бурятами и тунгусами причислены к русскому населению. При этом русские живут по рекам Лене, Шевыкану, Киренге и Келоре и отчасти по М. Анге и Б. Анге, буряты по долинам рек М. и Б. Анги, тунгусы преимущественно в центре района.

Аборигенами района были тунгусы, которые до прихода сюда других народов привольно охотились в девственных лесах, в изобилии добывая и мясо и пушнину. Но широкая степная долина реки Анги привлекла с юга скотоводов бурят, которые занимались также и охотничьим промыслом.

Нашествие в тунгусский район чужого народа не обошлось без борьбы. Между тунгусами и бурятами часто происходили кровавые стычки и как памятник одного из таких эпизодов еще и до сегодняшнего времени сохранилось небольшое земляное укрепление в виде полукруглого вала на берегу озера Акей. (Фото 27) Это укрепление, по словам тунгусов, построили буряты, где они устроили засаду, поджидая тунгусов со стороны озера, но тунгусы обошли укрепление с берега, напали на бурят с тыла и перебили всех, кроме одного, который бросился в воду и переплыл все озеро. Но все-таки в результате борьба окончилась тем, что буряты потеснили тунгусов и заняли долину Анги.

Затем в половине XVII века появились и русские в виде небольших партий «воинских людей», в состав которых входили и казаки и «охочие» люди и промышленники. Пришли они с реки Енисей через Ангару и Илим. Под предводительством атамана Ивана Галкина первый русский отряд вышел на Лену при устье реки Куты и здесь построил зимовье. Галкин вернулся в Енисейск, а вместо себя оставил на Лене сотника Бекетова. Последний после удачных для себя столкновений с бурятами продвинулся вверх по Лене до устья реки Тутуры, объясачив местных тунгусов. При устье Тутуры было заложено первое поселение Верхоленского края – Тутурский Острог (в 1631 г.). Вскоре русские прошли по Лене еще выше и основали Верхоленский острог.

В 1632 г. Бекетов спустился вниз по Лене и положил основание Якутскому острогу, который стал резиденцией воеводы. После этого уже якутские воеводы руководили завоеванием Верхоленского края. При этом русским приходилось выдерживать с бурятами неоднократные жестокие бои; дело доходило несколько

раз даже до осады Верхоленского острога соединенными силами ангарских и верхоленских бурят. Вскоре к этим «воинским людям» частью по принуждению, частью своей волей стали прибиваться и пашенные люди. И уже в конце XVII столетия долина Лены и Тутуры была заселена земледельцами, которые очень энергично принялись за разработку земли.

Преследуя в первое время, с одной стороны, стратегические цели, а с другой, чисто земледельческие, не нуждаясь в степях в виду малочисленности скота и не имея сил бороться с тайгой, русские и избрали для своих поселений долину Лены, как наиболее доступную для обработки.

Что касается звериного промысла, то первые русские засельщики им почти не занимались, довольствуясь ясаком, который они накладывали на местных «инородцев», но впоследствии, обжившись, познакомившись с тайгой и установив с соседями нормальные мирные отношения русские и сами принялись за охоту, занимаются ею и по настоящее время, хотя как охотники значительно уступают не только тунгусам, но и бурятам. Усиленная беспорядочная охота быстро повлекла за собой сокращение зверя и пушнины, это заставило русских и бурят более интенсивно заниматься земледелием, а тунгусов частью удалиться на север в Якутию, а частью остаться здесь и начать переходить на оседлый образ жизни. В то время как тунгусы в своем количестве сильно уменьшаются и сокращают площадь оставшихся у них земельных и лесных угодий, а буряты, хотя и увеличиваясь, но сравнительно незначительно, удерживают за собой захваченные ими степи, русские, проявляя большую тенденцию в размножении, чувствуют себя уже тесно на занятых ими землях, они ищут новых площадей для заселения и, направляясь в наиболее доступные районы, начинают двигаться на север по рекам М. Анге, Шевыкану и Киренге, где, кстати, проходит и зимний транзитный тракт из Качуга на Киренск. Русские внедряются также и между бурят, основывая свои деревни среди бурятских улусов, при этом здесь происходит широкая метисация, образуется новая русско-бурятская раса, известная в дореволюционное время под названием «ясашных». Русские не оставляют своим вниманием и тунгусов, они уже оттеснили их с реки Тутуры, основав на бывших тунгусских стойбищах деревни Келору и Большой Луг, здесь также произошла метисация с тунгусами. Селения Тырка и Ханда также были прежде тунгусскими стойбищами. Русские захватили уже своими покосами выморочное стойбище Догарское на устье Убуры,

пытаются забраться и в центр тунгусского района около Тутурского озера.

Русские и буряты

Русские селения по долине Лены являются типичными сибирскими деревнями, но Лена не дала широких площадей для поселения, и потому все деревни, не исключая и бывшего города Верхоленска, вытянуты в одну улицу, по которой проходит и Якутский тракт. (Фото 28) Только Качуг, расположенный по обоим берегам реки Лены, занимая широкую, ровную площадь, раскинулся в несколько улиц. Деревни по Малой Анге, Большой Анге и по Шевыкану имеют смешанный русско-бурятский тип, здесь среди построек и русских дворов часто встречаются большие площади, занятые утугами и телятниками, но села Анга и Бутаково носят тип настоящих русских деревень. Бурятские улусы ничем не отличаются от обычных бурятских зимников, здесь среди утугов и телятников разбросаны отдельные жилые дома и амбары.

Основным занятием как русского, так и бурятского населения является земледелие. Пашни располагаются преимущественно по возвышенностям и их склонам, где они наиболее застрахованы от заморозков; и только после достаточного осушения окрестностей спускаются в нижние части склонов и даже речные долины. Пашни находятся в родовом пользовании, у каждого хозяина свои пашни, обыкновенно в разных местах, кто где успел расчистить. Почти все пашни расчищены из-под лиственничного леса. Расчистку ведут посредством очерчивания крупных деревьев и уборки мелкой чащи. После этого поднимают залог, оставляя на пашне крупные, уже засохшие старые деревья, которые убираются постепенно. (Фото 30, 31) Но в старых селениях разработка новых площадей, благодаря трудности расчистки, подвигается медленно. Население довольствуется своими старыми пашнями, которые служат лет по 20–30, а иногда и по 100 лет. Выпаханные земли пускаются в залежь и отдыхают лет по двадцать, потом снова засеваются. Но иногда пашни, расположенные по более или менее крутым склонам, смываются или размываются дождевыми потоками, и тогда совсем выходят из обращения. Сеют здесь главным образом рожь и ярицу, а затем пшеницу, овес и немного ячменя. Проса и конопли сеют мало, а гречихи и совсем нет. Со льном делают опыты, но как-то неудачно, и пока что он здесь не прививается. При этом соотношении посевов наблюдается своя эволюция. Еще при завоевании русскими этого края ангинские буряты сеяли просо. «А на усть тое Онги (Анги) реки по обе стороны живут Брацкие люди, а хлеб у них родитца

просо, и оне, Васька Витезев с товарищи, то просо у него Можеула видели» (Писарев 1916. С. 57).

В прежние годы, по словам старожилов, у русского населения были широко распространены посевы ячменя; а теперь проса не сеют, ячменя сеют мало, зато посевы пшеницы быстро увеличиваются в своих размерах и, возможно, в недалеком будущем выйдут на первый план, как это наблюдается в соседнем Жигаловском районе. После всхода хлебов их всегда пропалывают, но все-таки сорных трав бывает достаточно, особенно осота. Средний урожай хлебов бывает сам 10-сам 12, а в урожайные годы и выше. Своего хлеба не только хватает населению, но даже получается избыток, который прежде продавали для сплава на Лену, а в настоящее время он идет на пополнение хлебных запасов Союза. Полных неурожаяев не бывает, частичные же случаи от недостатка влаги в начале лета, главным образом в районе реки Анги и от заморозков, большей частью в притаежных селениях. Луга приурочены исключительно к долинам рек, они или расчищены от ерников, или расположены на старых тунгусских стойбищах, где от долгого пребывания больших оленьих табунов был вытоптан ерник и моховой покров и появилась луговая растительность. Луга находятся в общинном пользовании и переделываются каждый год, но в последнее время замечается стремление делить покосы на года. Есть и собственные покосы, это чистки и небольшие пабереги. Вообще лугами население обеспечено слабо. Лучшие луговые площади находятся по долинам рек Анги и Шевыкана. А киренгские и приленские жители сильно страдают от недостатка покосов, первые косят почти исключительно пабереги, разбросанные по долинам рек Киренги, Ханды и Нотая, уезжая на покосы за 40–50 км и доставляя сено зимой; вторые имеют сенокосы «за хребтом» по рекам Убуре, Гульме, Тутуре, Келоре. Здесь у них есть свои заимки, где живут они сами во время работ и куда гоняют скот для кормежки. Часть же сена вывозят зимней дорогой. В Верхоленске есть несколько сельскохозяйственных артелей, которые довольно удачно начинают применять травосеяние. Кроме того, во всех селениях имеются утуги. Хороших выпасов для скота также не много, опять-таки с этим дело лучше обстоит у шевыканцев и ангинцев, где есть обширные открытые площади по долинам рек. А по Лене и Киренге выгоны только присельные небольшие, расположены они или по речным террасам, или по крутым южным безлесным склонам «морьям». К середине лета эти выгоны выбиваются начисто. По лесу же корм плохой и туда скот не ходит. Скотом наиболее обеспечено ангинское и шевыканское население. По Лене и Киренге, вследствие недостачи кормов, скота держат меньше. Но приленские жители

держат сравнительно достаточно лошадей, это вызывается потребностями извоза. Извоз является значительным подспорьем в хозяйстве, благодаря наличию Якутского и Куленгского трактов. Многие крестьяне возят груз из Иркутска в Качуг и летом и, главным образом, зимой, при этом, если не случится попутного груза в Иркутске, едут туда порожняком. За доставку груза в один конец берут по 40–50 коп. (за 240 км). Иногда возят и пассажиров туда и обратно по 15–25 руб. с человека. Груз завозится в Качуг для сплава вниз по Лене к Якутску или до Жигаловой и Усть-Кута, где его захватывают пароходы для доставки на Бодайбинские золотые прииски. Сплав груза также является одним из крупных побочных заработков местного населения. Лишь только разойдется Лена, как начинается сплав грузов на «паузках», «карбазах» и больших лодках и продолжается все лето до рекостава. На сплав в качестве рабочих и лоцманов нанимается местное население или артелями, или в одиночку. Сплавив судно до обусловленного пункта, сплавщики возвращаются обратно до Жигаловой на пароходе, и оттуда обыкновенно пешком. Сплавные суда или «посуды» строятся в Качуге, в верховьях Лены, а частью в с. Келоре, откуда они сплавляются в с. Жигалово, чтобы забрать груз, привозимый по Тыреть-Жигаловскому тракту. Постройка судов тоже занимает в зимнее время много рабочих рук (Фото 32, 33, 34).

Охота в настоящее время уже потеряла свое значение, приленцы и ангинцы уже почти и забросили ее. Лучшими охотниками из русских считаются «захребетные», т.е. жители Келоры, потомки тунгусов. Много охотится также население Шевыкана и Киренги. Но во время белковья и сейчас еще вооружается почти все население и идет общее истребление белки, хотя результаты этой охоты у русских, за исключением притаежных охотников, получаются незначительные.

Рыбная ловля производится только по рекам Лене и Киренге, главным образом сетями, затем заездками и лучением. На Лене рыбачат немногие и рыба идет для собственного потребления, а на Киренге, благодаря обилию рыбы, этот промысел сильно развит и является хорошим подспорьем; но он не регулируется ни сроками, ни правилами.

Не останавливаясь дольше на экономических условиях жизни всего русского населения района мы рассмотрим более подробно лишь хозяйство сравнительно молодых поселков, жители которых только что начинают борьбу с тайгой, являясь вольными колонизаторами наших северных окраин.

Поселки эти Шевыкан, Кулуря, Чинонга и Ханда. Из них Шевыкан и Ханда являются более старыми по заселению, а Кулуря и Чинонга начали заселяться в недавнее время.

Шевыкан расположен по речке Шевыкану километрах в ста от с. Качуг. Население его еще в 1909 г. при обследовании Кокоулина состояло из 15 семей с 83 едоками, а в 1927 г. в Шевыкане было уже 37 дворов с 207 едоками, т.е. за 18 лет оно возросло на 250%. Землеустройства здесь не было не только советского, но и дореволюционного. Пашни разбросаны в семи местах в 2–16 км от селения. Причем под пашни занимались площади наиболее легкие для разработки (гари). Такой способ расчистки, когда распаханная площадь представляет небольшие размеры и со всех сторон окружена лесом, конечно, не даст хороших результатов, а потому в Шевыкане хлеба часто страдают от заморозков. Шевыканцы говорят, что у них хлеб вызревает как следует только через два года в третий. Общая площадь мягкой пашни до 130 га, т.е. по 3,5 га на двор. Из них до 50% всей пашни находится под паром, а остальная под посевом, причем до 52% всего посева под озимой рожью, до 44% под яровыми (пшеница, овес, ячмень, ярица), и до 4% под картофелем и коноплей.

Урожай, когда хлеб не замерзает, в среднем следующий: рожь 80, ярица 70, пшеница 60, овес и ячмень 120, картофель 450 пудов.

Вообще в Шевыкане своего хлеба при нормальном урожае хватило бы на все население. Но здесь наблюдается сильное расслоение деревни. Большая часть пашни сосредоточена у двух-трех зажиточных хозяев, которые и пользуются львиной долей урожая, продавая избытки хлеба в Качуг, или ссужая бедных соседей в долг под работу, таких «благодетелей» в Шевыкане зовут «королями» (Максимов 1927).

Скота в Шевыкане имеется 439 голов, из них:

Табл. 15.

Порода скота	Количество голов	В среднем на хозяйство
Лошади	93	2,5
Коровы	161	4,4
Овцы	184	5,0
Свиньи	—	—

Шевыкан луговыми угодьями обеспечен сравнительно хорошо. Здесь насчитывается до 90 га переделяемых лугов, расположенных по долинам Шевыкана и

речки Тончихи, т.е. по 2,4 га на двор, да кроме того есть много мелких не учтенных покосов по таежным речкам. Выгон у населения также хорош по долине Шевыкана. И вообще шевыканский скот производит впечатление сытого, хорошо откормленного.

В огородах сажают картофель, капусту, лук, морковь, горох и немного огурцов.

Из других промыслов наиболее развита охота, которая составляет 10% всего бюджета, охотятся, главным образом, за сохатым и белкой, в Шевыкане насчитывается 24 охотника. Извоз, который устанавливается здесь зимой, не занимает большого места в крестьянском бюджете. Рыболовство и ореховый промысел развиты слабо.

Годовой бюджет зажиточных 1500–3000 руб.; середняков 500–850 руб. и бедняки 200–300 руб.

Село *Ханда* (Фото 35) входит в состав Киренгского округа. Состоит она из четырех поселков, из которых три расположены при впадении в Киренгу реки Ханды, четвертый на полтора километра ниже по левому берегу Киренги. В 1909 г. население Ханды состояло из 20 дворов и около 100 едоков. В 1927 г. в Ханде было уже 37 дворов и 218 едоков, т.е. население увеличилось в два раза.

Долины Киренги и Ханды здесь неширокие и глубокие, с крутыми прибрежным горами. Пашни у хандинцев, так же, как у шевыканцев, разбросаны небольшими клочками в восьми местах, расстояние до них от 2 до 7 км. Часто пашни располагаются по склонам значительной крутизны, а потому страдают от смыва. Всей мягкой пашни у хандинцев 135 га, из них под паром 68 га и под посевом 67 га. Хлебные культуры распределяются так:

Табл. 16.

Сельхозкультура	Площадь посева (га)	% от всего посева
Рожь	28	41,8
Пшеница	21	31,3
Ярица	5	7,4
Овес	6	9,0
Ячмень	6	9,0
Конопля и картофель	1	1,5

За последнее время площадь посева пшеницы стала увеличиваться за счет посева ржи. Пашни приходится на одно хозяйство 3,65 га. Урожай ржи до 60, пшеницы до 85, ярицы до 55, овса и ячменя до 10 и картофеля до 600 пудов.

Вообще здесь климат несколько теплее, чем в Шевыкане и заморозки случаются не так часто. Скота в Ханде имеется 389 голов, из них

Табл. 17.

Наименование скота	Количество голов	% на хозяйство
Лошади	103	2,7
Коровы	130	3,5
Овцы	148	4,0
Свиньи	8	0,2

Лугов у хандинцев меньше, чем в Шевыкане, площадь их насчитывает всего до 60 га, т.е. по 1,6 га на хозяйство, кроме того они не представляют сплошных луговых площадей, а разбросаны мелкими клочками по речным «паберегам» Киренги, Ханды и Нотая. Иногда они отстоят от селения км на 50. Но травы на паберегах рождаются хорошие и средний укос составляет 120–180 пудов с десятины. Выгон у хандинцев плохой, скот ходит большей частью по безлесным горным склонам, но их немного и травы на них мелкие, в лесу тоже нет трав.

Хорошим подсобным промыслом являются охота и рыбная ловля. Охотятся на сохатого и на белку, а из рыб ловят хариуза, ленка, щуку, налима. Охота и рыбная ловля составляют до 10–15% всего дохода в хозяйстве. Кроме того, некоторый заработок дают орехи, а зимой извоз и дворничество.

Бюджеты хозяйства деревни Ханды выражаются в 250–400 руб. для бедняков, 600–850 руб. для середняков и 1250–2500 руб. для зажиточных.

Село Кулуря расположено на возвышенности подле маленькой речки Кулуры, впадающей в Шону. Здесь первые засельщики, из местных же старожилов из Верхолenska, Анги и др. поселились лет 15 тому назад, некоторые из них уже ушли, но зато приселились новые. Сейчас живет 7 семей с 40 едоками. На выбор места повлияло богатство рек рыбой, обилие зверей и близость больших лугов по Кулуре, а также и удобное, легкое для расчистки место из-под старых гарей. Сначала главное внимание было обращено на промысел, но с упадком последнего начали сильнее заниматься пашней. Пашню расчищают тут же вблизи усадеб на юго-восточном, отлого спускающемся в долину речки Кулуры, склоне. Расчищали старую гарь,

покрытую колодником и мелким березняком, теперь начали подчеркивать свежий лес из лиственницы и сосны, выбирая место, где лес пореже. При расчистке убирают с корнем только молодняк и деревья среднего возраста, оставляя стоять старые засохшие деревья, которые опахивают кругом и уже потом постепенно убирают. При корчевке подрубают у дерева корни и валят его веревками, или оставляют стоять, пока его не свалит ветром. Иногда при расчистке применяются «помочи», т.е. к одному хозяину собираются соседи на работу на один день и чистят всю артелью.

Расчистка десятины из-под недавней гари с корчевкой пней и уборкой мелкого березняка и колодника занимает около 50 поденщин, т.е. в 75 руб., если считать поденщину в 1 руб. 50 коп. Расчистка подсеченного леса обойдется лишь немногим дороже, т.к. корчевать пень или целое дерево разница небольшая. Эту же цифру стоимости расчистки дает и Максимов в «Отчете о летней работе за 1927 г.», Какаулин в 1909 г. исчислял расчистку одной десятины с зачерчиванием в 30–50 руб. Пашни у Кулуры до 25 га. Сеют большей частью рожь, потом пшеницу, овес и ячмень. Хлеб родится хорошо: рожь 60–70 пудов с десятины, а пшеница 100–120 пудов. Более лучшими для пашни считают почвы из-под листвяга с ельником, здесь они чернее и жирнее, под лиственницей и сосной почвы слабее, к тому же они более каменисты. Сорных трав в хлебах бывает мало, особенно по новым пашням, но пшеницу портит головня (грибная болезнь растений. – *Ред.*). Скота держат пока еще мало: лошади, коровы, немного овец.

Выгона хорошего нет, пасется скот по ельнику среди воды и кочек, есть расчищенные из-под леса телятники, но они быстро выедаются. Луга в двух километрах среди озер по долине речки Кулуры, в настоящее время они в плохом состоянии, от палов во многих местах выгорел торфяной слой и осталась глина. Охота быстро падает, белки раньше добывали по 300–500 штук на ружье, а теперь по 30–40. Но сохатых еще достаточно. Сохатиное мясо едят почти все лето.

Чинонга. (Фото 36) Поселились здесь местные старожилы также лет двадцать пять тому назад в количестве десяти семей, разбив поселок на самом берегу реки Киренги, на единственном сухом бугорке, окруженном ельником, растущим по мокрому болоту. Сюда привлекло новоселов исключительно обилие рыбы в Киренге и близость сохатиного промысла. Солонцы всего в 3 км от поселка. Но мест, легких для распашки, поблизости нет, пашни у них в 15 км около Кулуры, куда и ездят верхом по плохой тропе. Во время работы там же, на пашне, и живут в балаганах. Лугов тоже мало, косят на устье Шоны и по паберегам Киренги, собирая здесь по 10–15 копен с

лужка. Возят сено уже зимой. Расчистки пашни, посевы и урожайность те же, что и в Кулуре. Пашни имеют до 30 га. Скот также пасется по ельнику среди болота, которое все же мало-по-малу обсыхает.

Опишем еще две небольших заимки:

Заимка Иванова по речке Нотаю при устье речки Сукджи. Здесь живут двое: Иванов Семен, переехавший сюда два года тому назад, и его шурин Аверьянов, поселившийся только с прошлого года. Переселились они из деревни Ханды, главным образом для того, чтобы было под рукой сено, которое хандинцы косят здесь по паберегам и зимой возят в деревню километров за 30 через хребет. Кроме сенокоса есть здесь и хорошая рыбная ловля, а также много сохатых. Иванов принялся и за пашню, они расчистил около десятины земли из-под довольно густого свежего листвяга среднего возраста, употребив на эту работу около месяца времени. Засеял около $\frac{3}{4}$ десятины ярицей и ячменем и немного картофеля, на остальной четверти только поднял залог. Хлеба и картофель, несмотря на сильный иней, бывший в июне, не замерзли, а через сотню сажень, на более низком и сыром месте, ближе к речке, в огородах картофель прихватило инеем. Как перенес хлеб последующие заморозки, мне неизвестно. На пашне бурые суглинки, среди которых попадает мелкий слабо окатанный щебень.

Заимочник Иванов (отец его выходец из Тобольской губернии) вообще отличается неутомимой энергией. За два года он успел построить дом, амбарчик, теплую стайку с сенником, огородил выгон, огород, пашню, расчистил десятину пашни, да еще успевает охотиться и плотничать на стороне, т.к. средств не имеет, а семья состоит из 8 человек: самого, жены, пятерых детей, из которых старшему 12 лет, да чужого старика-инвалида. Хозяйство его состоит из двух лошадей, двух дойных коров, трех молодых бычков, двух телок, пяти овец и десятка кур. Здесь живут они хорошо, почти каждый день едят сохатиное мясо или рыбу, хлеб пока покупают. Если здесь хлеб не будет вымерзать, то скоро из этой заимки вырастет поселок, т.к. место для хозяйства удобное, а под рукой и охота и рыбная ловля.

Заимка Войкова находится по долине речки Тутуры, километрах в четырех от Вершино-Тутурского тунгусского стойбища. Здесь живут три семьи, переселившиеся из соседних деревень. Они захватили тунгусские луга и живут, главным образом, сенокосом и охотой. С тунгусами у них обостренные отношения и вообще народ здесь подобрался беспокойный.

В виде опыта на соседнем горном склоне у них разработано около 1 га пашни, где они уже два года сеют рожь и пшеницу, хлеб, несмотря на высокое местоположение, – около 900 м над уровнем моря, не мерз, хотя и родился плохо, вследствие небрежной обработки. Более подробные сведения о хозяйстве русского таежного населения даны И.П. Копыловым в книге «Тунгусское хозяйство Лено-Кириенгского края».

А теперь мы дадим обзор техники сельского хозяйства селений Шевыкана, Ханды и Карама, обработанных А.И. Максимовым в «Отчете о летней работе за 1927 г.».

Техника крестьянского хозяйства

Направление хозяйства – земледельческое и отчасти является животноводческим. Наибольшее товарное значение из продуктов земледелия имеет пшеница, рожь и овес. Посевы пшеницы с каждым годом увеличиваются за счет ржи. Из животноводства наибольшее товарное значение имеют: живой рогатый скот, лошади и мясо. Овцеводство имеет, главным образом, потребительское значение.

Пашня обычно делится на два поля: 1) паровое и 2) озимое плюс яровые хлеба, которые обычно занимают половину всей посевной площади. Залежи нет. Расширение пашни идет за счет лесных площадей. Раскорчевка сопряжена с большой затратой труда ввиду залесенности района. На новых местах из-под леса сеют овес или ячмень. Парование мягких земель является обычным в условиях крестьянского хозяйства Кириенского района. Лушение не применяется совсем. Навозное удобрение применяется в хозяйствах на 75–90%. На удаленные и лишенные колесных дорог участки навоз вывозят зимой, правда, это встречается редко, обычно же навоз вывозится на пашню, расположенную ближе к дому. Количество навоза вносится на десятину 1500–1800 пудов, через 2–3 года. По удобренному пару обычно идут: озимая рожь, картофель, пшеница. Сельскохозяйственные работы с наступлением весны ведутся в таком порядке: в первой половине мая по новому стилю идет неглубокая двухвершковая вспашка под яровое. Под яровое идет вспашка парового поля, часть которого засеяна озимой рожью осенью в предыдущем году. Посев яровых идет под борону. Сев идет в следующем порядке: яровая рожь, яровая пшеница, картофель, овес, ячмень, конопля. Картофель сажают под лопату и обычно на приусадебной земле. Горох сеют в одно время с картофелем и на огороде, т.к. в поле его

растаскивают. Борона обычно при заделке употребляется деревянная, зубья расположены в шахматном порядке. Заделка семян происходит в 2–3 следа.

В начале июня производится вспашка жнивья под паровое поле на глубину 20–30 вершков. В первой половине июля идет вывозка навоза на паровое поле. Вывозка навоза часто продельвается «помочами», т.е. несколько соседей на лошадях работают в одном хозяйстве. Разбивка навоза производится не в момент свалки последнего на пашню, а перед вспашкой, т.е. спустя 5–8 дней. Навоз вывозится в первой половине июля, вначале обычно сверху свежий солоmistый, а потом снизу перепревший, заделка его происходит на глубину 2–3 вершков. Боронование парового поля до вывозки на него навоза, иногда происходит в зависимости от количества сорных трав. В начале августа происходит третья вспашка глубиной три с половиной вершка. Раньше третьей вспашки не делали, т.к. зарастание паров сорной растительностью было незначительно. Под озимой рожью обычно находится лишь часть пара (около половины), вторая половина остается до весны под посев яровых.

В средних числах июня женщины и подростки заняты полкой сорных трав среди озимых и яровых хлебов и окучиванием картофеля. На огороде обычно можно встретить из возделываемых культур: картофель, капусту, лук, огурцы, горох. Огородные культуры ведутся в целях личного потребления.

Посев хлебов разброской производится вручную. Посевной материал обычно не сортируется и только за последнее время, например, в с. Караме, появился триер (сельскохозяйственная машина, сортировщик. – *Ред.*), в связи с чем идет агитация за улучшение посевного материала.

Перед посевом пшеницу протравливают 15–20% хозяйств. Овес обычно не протравливают перед посевом. Улучшенных семян почти не встречается, обычно распространены «местные» сорта. Время посева: пшеницы – 10–25 мая, овса – 8–15 мая, ячменя – 15–25 мая, озимой ржи – 15 августа–5 сентября. Обычный промежуток времени от последней вспашки пара под озимь до посева озими 4–12 дней. Осот еще не имеет широкого распространения на полях деревень Шевыкана, Ханды и Карамы. В Ханде, например, осот отсутствует совсем. Осот попадает на поля, очевидно, с посевным материалом. Из сорняков имеет широкое распространение: полынь, лебеда, крестовик, повилика, бадяк, сурепка, осот полевой, одуванчик, хвощ полевой и пр. (Фото 37) Боронование озимой ржи весной не происходит. Уборка хлебов производится обычно серпами. Сжатый хлеб вяжут в снопы и укладывают в суслоны по 10 снопов ржи, ярового же по 6 снопов. Хлеб обычно в ноябре месяце перед

молотьбой сушат в овинах. Обмолот происходит чаще всего на усадьбе под открытым небом. На ледяных ладонях – цепами и только 10% – молотилками. Размол зерна происходит на местных водяных мельницах.

Соотношение сенокосов разных видов в процентах следующее: речных заливных – 65%, суходольных – 15%, болотных – 10% и лесных – 10%. Травokoшение производится литовкой, конных граблей при уборке сена не встречается. Начало, конец и продолжительность сенокосного периода будет с 20 июля по 20 августа. Заливные луга часто в июне месяце от сильных дождей страдают от наносного песка. Сухое сено собирают на волокушках к одному месту и мечут в стога. На усадьбу сено доставляют зимним трактом.

За полеводством второе место по доходности в крестьянском хозяйстве занимает животноводство. Из крупного рогатого скота имеет широкое распространение по Киренскому району комолый скот. Содержание скота происходит довольно примитивно. Средний живой вес коровы 9–11 пудов. Средний годовой удой 60–90–120 пудов. Удой в 120 пудов встречается реже. Период лактации обычно 6–7 месяцев. Летом скот находится под открытым небом: ночью обычно в лесу (в тайге), а днем в деревне, т.к. в лесу много насекомых. Скот пасется без пастуха. В зимние ночи крупный рогатый скот находится в утепленных хлевах, где вода обычно не замерзает, днем же на дворе под открытым небом. Двор обычно имеет одни стены без крыши или просто огороженное место, не защищенное даже от ветра. Хлев чаще утепленный, где окна и крыша обычно отсутствуют, т.к. потолок заменяет и крышу. Лошади содержатся отдельно от крупного рогатого скота, овцы с молодыми телятами тоже отдельно. Крупный рогатый скот и лошадей гоняют обычно на водопой на речку или озеро. Кормушек нет, корм чаще всего дается в ноги на навоз. Кормление крупного рогатого скота общее и только отелившуюся корову в момент кормления отделяют первых две недели и после отела от других коров, т.к. обычно улучшают кормовую дачу. Содержание скота в теплых помещениях повышает его продуктивность, это утверждение крестьяне вполне разделяют. Солома в корм скоту дается овсяная и пшеничная в цельном не резанном виде, чаще смешанная с сеном. Мякина дается в сухом виде с осени. На подстилку идет озимая ржаная солома, которая вносится 1–2 раза в неделю. Хранение навоза происходит под скотом, это создает несколько утепленные условия содержания скота. Соль скоту не дается. Концентрированные корма в виде корнеклубнеплодов вообще скоту не даются. Картофель дается скоту в

вареном виде. Мука для приправы идет скоту, а также и печеный хлеб. Весной, если не хватает сена лошадям, мешают солому.

Телят не отлучают от матери обычно неделю; после недели допускают к матери перед доением на 2–5 минут. Средний вес теленка при рождении 25 фунтов. Воспитание телят на племя или предназначенных к убою одно и то же. На убой и в продажу молодняк обычно идет в возрасте 1,5–2,5 года. Кобыла освобождается от работы за неделю до жеребления. Жеребенок находится под маткой год. Подкармливание жеребят до годовичного возраста обычно не производится.

С наступлением весны, т.е. с 15 апреля, как только сойдет снег, обычно скот выгоняют в лес. С появлением травы, с весны скот пасется на паровом поле, для уничтожения сорных трав.

После уборки сена с лугов и хлеба с полей скот пасется и там. Площадь покоситины обычно невелика, т.к. слишком велика залесенность. С наступлением летних жарких дней для доения скот приходит сам домой. Продолжительность пастбищного периода обычно с 15 апреля по 15 октября.

Тунгусы

Тутуро-очеульские тунгусы являются, можно сказать, арьергардом бывшего великого тунгусского племени, теснимого русским и бурятским населением и постепенно отступавшим к северу. Этот арьергард тутуро-очеульских тунгусов, охваченный с трех сторон русскими старожилами, все более и более сжимающими свой обхват, почти совсем не борется за свое существование, отчасти постепенно вымирая, отчасти в силу создавшихся экономических условий переходя на более оседлую жизнь, инстинктивно приспосабливаясь и приравниваясь к хозяйственному укладу своих русских соседей.

Разбросанные по отдельным стойбищам тунгусы нашего района и по соседству с ними общим количеством едва достигают до 300 едоков.

По отдельным стойбищам они распределяются так:

Табл. 18.

	Название стойбища	Едоков обоего пола
1.	Кычыгировское	28
2.	В. Тутурское	34
3.	Ковылейское	34
4.	Тыркинское	32

5.	Муринское	43
ИТОГО		181

Кроме того, вне обследованного района, в верховьях Лены, в селах Дудовке и Чанчуре живет 71 тунгус и по рекам Ханде, Чинану, Илге разбросанными группами живет еще 64 едока (Копылов 1927).

Что тунгусы вымирают, это не подлежит сомнению, достаточно только сравнить цифры, приводимые И.П. Копыловым в его труде «Тунгусское хозяйство Лено-Киренгского края». По его данным, в 1851 г. было 773 едока тутуро-очеульских тунгусов.

Табл. 19.

Год	Количество едоков
1858–1859	773
1897	586
1927	306

При этом чем дальше, тем вымирание идет быстрее, увеличиваясь от 0,5% ежегодной убыли в течение времени до 1897 г. до 1,5% в течении последних 30 лет. Это вымирание идет настолько быстро, что бросается в глаза даже самим тунгусам. Мне мой проводник вершино-тутурский тунгус рассказывал, что на его памяти по речке Нотаю жили нотайские тунгусы до 40 душ, но потом, будто бы потому, что случайно один отец убил сына, они, как бы в наказание за такое преступление внезапно в два–три года все вымерли. Еще и теперь можно видеть остатки вымерших стойбищ по Тутуре на устье р. Убуры – Догарское и на оз. Тулоне – Тулонское. К вымиранию тунгусов ведет, главным образом, чрезмерная смертность, особенно в детском возрасте. Рождаемость же как будто не менее, чем у русских. Мне одна старуха тунгуска с грустью жаловалась: «Ведь вот мы, бабы, детей носим не меньше, чем русские, а не стоят наши дети, как родятся, так и умирают».

Причина вымирания тунгусов заключается, очевидно, в общем биологическом законе, по которому слабая раса, внезапно столкнувшись с более сильной, не успевает приспособиться к новым условиям и гибнет в борьбе за существование. Гибель эту можно приостановить, или поставив слабую расу в изолированное положение, или помогая ей как можно быстрее приспособиться к образу жизни своих более сильных соседей. И.П. Копылов, исследуя вопрос о вымирании тунгусов, приходит к тому

выводу, что в лучшем положении в смысле семейного и возрастного состава находятся тунгусы, перешедшие на оседлую жизнь.

Нельзя, впрочем, сказать, чтобы тутуро-очеульские тунгусы до сих пор оставались в косном положении бродячих звероловов, наоборот, они в значительной степени утратили свои самобытные черты как во внешнем облике, так и в укладе своей жизни и хозяйства и понемногу ассимилируются с русским населением. Если сравнить тутуро-очеульских тунгусов, с одной стороны, с амурскими и забайкальскими тунгусами, сохранившими свой тип в большей чистоте, а, с другой стороны, с нашими бурятами, то, пожалуй, большее сходство нашли бы мы с последними. Старики еще сохранили более типичные черты лица, свойственные тунгусам, но молодежь уже сильно отличается своим бурятским обликом. А между тем смешанные браки между тунгусами и бурятами, или русскими, явление очень редкое. Если тунгуски ещё выходят замуж за тех или других, – но тогда они покидают свои стойбища, выходя из состава тунгусской семьи, – то мужчины тунгусы не женятся ни на русских, ни на бурятках. Это и понятно, какая же женщина захочет переменить оседлую жизнь на полубродячую жизнь бедняка-тунгуса, т.к. богатых тунгусов среди описываемой группы нет. Поэтому изменение типа тунгусов нужно отнести скорее на счет общего изменения их быта. (Фото 38)

Характер здешнего тунгуса тоже значительно отличается от характера его более чистых сородичей. Настоящие тунгусы характеризуются прежними исследователями, как люди живые, находчивые, добродушные, ласковые, с мягким характером, гостеприимные и честные. Наши тунгусы кое-что из этих качеств и сохранили, но кое-что и утратили. Живость характера у них осталась, но добродушие осталось мало и находчивость изменилась в коммерческую смекалку. Они, например, точно рассчитывают возможность взять лишний рубль за свою работу или за проданную вещь. Они, правда, сговорчивы и уступчивы, но в то же время частенько бывают дерзкими и грубыми (бурятские черты), особенно пьяные они делаются в этом отношении невозможными, но зато они и пьют не с таким азартом, как настоящие бродячие тунгусы, к вину они часто проявляют сдержанность и частенько между ними попадаются люди вовсе не пьющие, чего среди кровных тунгусов не бывает.

Прежнее безграничное гостеприимство у здешних тунгусов также утратилось, правда, гостя они встречают радушно, но ждут, чтобы их угощение было соответственно оплачено. Но все же они еще настолько доверчивы и простодушны, что при столкновениях с русскими и бурятами обыкновенно они являются

страдательной стороной. Семейный быт тунгусов имеет в себе много положительных сторон. Женщина у них не находится в том забитом состоянии, как у большинства дикарей. Правда, на ней лежит вся домашняя работа и уход за скотом и оленями, но с мужем она стоит на равном положении. Правда, что, когда в гостях посторонний человек, то хозяйка за стол не садится, это наблюдается и у русских крестьян, но она и не питается обедами со стола. Отношения между мужем и женой обыкновенно ровные, спокойные, ссоры и драки если и имеются, то только в пьяном виде, т.к. и тунгуски пьют наравне с мужчинами, но табак женщины обыкновенно не курят. Отношение к детям всегда ласковое и нежное. Не говоря уже о матерях, часто и отцы ласкают своих детей, особенно мальчуганов. Зато и ребятишки у них бойкий, живой и находчивый народ. Любовью к упорному труду тунгусы не отличаются, но зато они неутомимы на охоте и выносливы в отношении голода и холода. Замечательны у тунгусов наблюдательность, способность ориентироваться в направлении и умение распознавать следы. Эти их способности делают их незаменимыми проводниками при всех таяжных путешествиях. Они очень любознательны и с новым человеком, да и между собой, готовы проговорить целую ночь, хотя предпочитают больше слушать, чем говорить сами. Язык же их краткий, живой и картинный. По-русски все они, даже большинство детей, говорят очень хорошо. Они способны и предприимчивы, всякую работу, за которую берутся, они делают чисто и аккуратно. Каждое новое дело они быстро усваивают и умело его выполняют. Стреляют тунгусы хорошо, хотя и не так идеально, как обыкновенно про них пишут, например, что они бьют белку пулей только в головку. В бытовых условиях тутуро-очеульские тунгусы также значительно утратили свою самобытность, переходя постепенно к оседлому образу жизни, все они обзавелись избами, в которых и живут в продолжении зимы, летом же они предпочитают жить по-прежнему в юртах. Избы у тунгусов стоят в их зимних стойбищах, (Фото 40) а юрты в летних. (Фото 39, 41, 42). При этом здесь наблюдается целый ряд переходов. В Тырке тунгусы живут вместе с русскими, они здесь даже занимаются земледелием, оленей почти не имеют (всего две головы), поэтому они почти совсем обрусели и круглый год живут в избах, то же можно сказать и про Кычыгировское стойбище, здесь тунгусы живут хотя бы обособленно от русских, но вполне оседло. Те и другие имеют во дворах юрты, крытые лиственничным лубком, но юрты эти служат больше для варки пищи, чем для жилья. Вершино-Тутурские тунгусы не имеют отдельно летнего стойбища, они круглый год живут в своем зимнике около оз. Тутуры, но на лето покидают избы и поселяются в

юртах, которые у них устроены тут же во дворе. Наконец, ковылейские и муринские тунгусы имеют обособленные летники, первые на берегах озер Бачинора и Эконора, вторые по речке Нюрutkan верстах в 20–25 от их зимника. По типу тунгусские избы ничем не отличаются от русских, точно также и домашняя обстановка вполне напоминает русскую, разве только здесь можно встретить больше берестяных изделий, турсуков, чуманов и т.д. Точно также и хозяйственные постройки, амбары, стайки и бани и т.п. взяты с русского образца, кроме того при всех зимниках имеются утуги (удобряемые сенокосы), это уже заимствовано от бурят. Таким образом, тунгусский зимник очень напоминает собой небольшой бурятский улус.

Но летники еще сохранили черты полубродячего быта. Здесь где-нибудь на зеленом пригорке вблизи озера в беспорядке разбросаны островерхие переносные юрты, крытые лиственничной корой. Подле них стоят на высоких столбах амбарчики-лабазы, также крытые корьем, подле опушки елового леса загорожены жердью пригоны для оленей с небольшими навесами, защищающими оленей от жары. В юртах (в поперечнике до 5 м и в высоту до 4 м) подле стен устроены невысокие нары, заваленные разной домашней рухлядью, в центре горит костер, к которому на висающих таганках подвешиваются чайники и котелки. Двери у юрт дощатые на шарнирах, окон нет, вверху выходное отверстие для дыма.

При перекочевках во время охоты тунгусы имеют легкие переносные юрты, которые кроются особо выделанной (вареной) березовой корой.

В своем хозяйстве тунгусы, также вынужденные обстоятельствами, постепенно переходят к оседлому скотоводческому быту*. Вследствие сокращения оленьего стада и падения охотничьего промысла тунгусы начали мало-помалу заводить сначала лошадей, а потом и рогатый скот и даже овец и свиней. Интересно проследить как соответственно оседлости развивается и скотоводство. Так, по данным И.П. Копылова, на одно хозяйство приходится:

Табл. 20.

Стойбище	Лошади	Рогатый скот	Овцы	Свины
Кычыгоровское	2,8	5,4	1	1
Тыркинское	2,5	3,8	1,5	0,3
Дудовское	2,1	3,3	—	—

* Про земледелие я не говорю, т.к. оно находится в зачаточном состоянии. Только тыркинские тунгусы имеют около 8 га пашни.

Ковылейское	1,8	2,8	—	—
В. Тутурское	1,7	2,0	—	—
Муринское	1,7	1,3	—	—
Чанчурское	1,4	—	—	—

То есть наиболее оседлые кычыгыровцы и тыркинцы имеют и более скота.

В общем же на всех обследованных тунгусских стойбищах, заключающих в себе 63 хозяйства, имеется 105 лошадей, или по 1,6 на хозяйство; 103 головы рогатого скота по 1,6; овец 14, свиней 7. При этом тыркинцы и кычегыровцы разводят главным образом крупный рогатый скот, в В. Тутурском и Ковылейском имеется почти равное количество лошадей и крупного рогатого скота, а в прочих стойбищах преобладают лошади. (Фото 43) «Поэтому, — говорит Копылов, — развитие крупного рогатого скотоводства при меньшем количестве лошадей уже знаменует у тунгусов сдвиг хозяйства в сторону интенсификации и большей товарности». По качеству тунгусский скот ничем не отличается от русского крестьянского скота. Содержание скота то же, что и у русских. Летом коровы и лошади ходят на подножном корму, сначала на лугах, а когда их запрут перед сенокосом, по выгону и по окрестным лесам, причем в лесу корма добывают мало. Те тунгусы, у которых есть отдельные летники, переводят скот туда. После сенокоса скот пасется на «атаве» до снега. Зимой кормят сеном, соломы нет, за отсутствием пашен. Стайки для скота холодные, кое-как сбитые. Овса лошади видят также очень мало. Но отношение тунгусов к скоту, особенно к лошадям, заботливое и ласковое. Коровы доятся с телком и молока дают мало. Лошади летом служат исключительно для верховой и вьючной езды, а зимой их запрягают в сани.

Для кормежки скота в зимнее время тунгусы заготавливают сено. Поэтому каждый тунгусский зимник располагается в речной долине, где есть луга, луга эти или естественные в виде паберег, или получились искусственно вследствие продолжительных стоянок тунгусов с оленями в прежние времена, благодаря чему обсохла и отопталась местность и по долинам получились луга, или, наконец, луга получают путем расчистки. Луговых площадей у тунгусов пока достаточно, а если расчищать ерниковые долины, то их можно получить еще гораздо больше, но удерживать за собой луговые угодья тунгусам трудновато. Дело в том, что соседнее русское население испытывает острый недостаток в лугах и потому не прочь захватить, где это возможно, и тунгусские сенокосы, а случаи к этому частенько представляются; иногда останется выморочный тунгусский участок, как, например, на

Догаре и русские прибирают его к своим рукам, или купят луга у тунгусов под пьяную руку, и уже держат их крепко (на Кычыгыровском), а то и прямо приедут, выстроят заимку, и начинают косить тунгусские покосы, заявляя: «С вас хватит» (например, около В.Тутурского, три заимочника Байков, Бутаков и Воронин). Против таких захватов тунгусы не борются и все свои протесты выражают только жалобами на несправедливость русских.

Сено косят тунгусы кое-как между делом; они и начинают косить поздно, после «Ильина дня», когда трава уже желтеет. Делают это они потому, что «некогда», в это время у них идет горячая охота на сохатого. Убирают сено так же небрежно и не всегда вовремя.

Олени (Фото 44) это исконные животные тунгусов и в прежние времена тунгус без оленя был немислим. Эти кроткие, ласковые животные составляют как бы членов тунгусской семьи, и что замечательно, они и по характеру обнаруживают сходство со своими хозяевами. Еще Пржевальский подметил это сходство характеров у животных и их хозяев. И если верблюд характеризует медлительного и апатичного монгола, свирепый и упрямый як – дикого тибетца, горячая лошадь – пылкого араба, то кроткий привязчивый олень точно также характеризовал незлобивых и робких тунгусов. И в то время как характер хозяев тунгусов под влиянием своих соседей русских и бурят меняется, и нужно сказать, в худшую сторону, олень все еще остается таким же ласковым и ручным животным, как был прежде. Он издали бежит к человеку, обнюхивает его и ждет подачки. Если вы сидите где-нибудь на пеньке, он уляжется у ваших ног, как собака. И поймать его может маленький ребенок. При этом олени никогда не проявляют ни злобы, ни упрямства, ни уроса. Говорить о той пользе, которую приносит олень кочевым охотникам, нет необходимости – это всем хорошо известно. Но когда эти охотники начинают переходить на оседлую жизнь, то олень для них является уже не только лишним, а, пожалуй, и вредным. Вредным потому, что в поисках за кормом он должен бродить по обширной тайге, увлекая за собой и своих хозяев, отрывая их таким образом от постоянного жилья и мешая заниматься оседлым хозяйством. А между тем и лошадь и корова при оседлой жизни вполне заменяют оленя. При езде и перевозке грузов лошадь является несравненно выгоднее оленя, т.к. поднимает тяжесть раза в три более, чем олень, последние к тому же теперь настолько измельчали, что могут взять груза на себя не более двух пудов, а поднять взрослого человека, даже легковесного тунгуса, совершенно не в состоянии. Правда, олени лучше лошади ходят по тайге и болоту, но теперь, когда по всей тайге проложена

целая сеть троп, и это качество оленей делается ненужным. Корова же заменяет оленя в мясном и молочном отношении. Мяса она дает раза в два больше, да коровье мясо и питательнее, а молоко оленей, хотя и очень густо, как сливки, но дают они его в таком ничтожном количестве, около чашки в день, что их удой сравнивать с удоем коровы никак нельзя. Остается еще шкура оленей, но и здесь их могут заменить овцы и собаки. Некоторые тунгусы, защищая оленей, говорят, что с ними гораздо выгоднее охотиться зимой, т.к. они всюду находят для себя корм, поэтому, перевозя на оленях груз, можно всюду проникнуть. Но русские охотники в этом отношении и без оленей устраиваются хорошо. Они завозят на лошадях с осени необходимые припасы в самую глубь тайги, складывают их около зимовья и отсюда делают охотничьи экскурсии в разные стороны, имея вблизи прочную продовольственную базу. Поэтому если бы олени у наших тунгусов исчезли, конечно, с компенсацией их стоимости скотом и лошадьми, то тунгусы, пожалуй от этого не только бы не потеряли, но даже бы выиграли. А оленье стадо у тутуро-очеульских тунгусов и так с каждым годом все уменьшается и уменьшается. Олени гибнут и от эпизоотий, и вырождаются от недостатка кормов, которые все уменьшаются вследствие выгорания девственной тайги, и, наконец, сильно страдают от русских собак, которые во время белковья частью давят оленей, частью разгоняют оленьи табуны по тайге, так что потом многие олени уже не возвращаются к своим хозяевам. Количество оленей у тутуро-очеульских тунгусов незначительно, по обследованию И.П. Копылова общее число их до четырёхсот, при этом до 50% всех хозяйств совершенно не имеют оленей, остальные их держат в пределах от 5 до 40 голов на хозяйство, в среднем же на оленьее хозяйство приходится до 12-ти голов. Ухода за собой олени почти не требуют, им не нужно запасать корма, не нужно делать теплых помещений, убирать за ними. Они круглый год бродят по лесу, питаются летом травой и мхом, осенью лакомясь и лишайниками, отъедаясь грибами, а зимой и ранней весной мхом и лишайниками. Единственная забота по отношению к оленю со стороны тунгусов проявляется лишь в перекочевках на новые места для кормежки, когда олени выедают корм в окрестностях. Бродят олени по лесу одни без пастухов и возвращаются к стойбищам только во время жары, да при чрезмерном нападении гнуса, чтобы здесь, у дымокуров, отдохнуть от назойливых насекомых. Хищный зверь их мало беспокоит, потому что волков в этом районе нет, а медведь очень редко нападает на оленей. Используются олени, главным образом, под перевозку имущества при перекочевках и для кочевья во время охоты на белку. На мясо оленей убивают редко ввиду их малого

количества, а молоко служит лишь как лакомство, так как слишком ничтожен их удой, чтобы оленьё молоко могло иметь значение продукта питания.

Говоря о домашних животных тунгуса, необходимо сказать несколько слов и о собаке, его первом помощнике на охоте. Без собаки тунгус уже не охотник, она ему не только находит белку, главный предмет промысла, но гонит зверя: сохатого, диких оленей, козу, кабаргу, останавливает и выгоняет из берлоги медведя, отыскивает рысь, росомуху, колонка. Многие тунгусы имеют очень хороших и ценных охотничьих собак, но настоящих породистых лаек здесь нет. Большинство тунгусских собак – ублюдки. Чистая порода перевелась. Причины этого, по-видимому, заключаются в том, что тунгусы совершенно не обращают внимания на скрещивания, и во время встреч с русскими дворнягами происходит самое беспорядочное смешение крови. Затем, вследствие того, что во время начала белковья у собак начинается течка, тунгусы обыкновенно холостят своих кобелей, чтобы они не отвлекались от охоты и здесь уже совсем не принимают во внимание их производительские качества, холостя сплошь и рядом лучших собак. Наконец они сами часто приобретают у русских и бурят собак, совершенно не обращая внимания на породу, ценя только индивидуальные охотничьи качества. Обращение у тунгусов с собаками, как это ни странно, оставляет желать много лучшего. Хозяин не стесняется пнуть ее, ударить. Ласки она не видит, кормят собак жидкой болтушкой и разными помоями, так что для того, чтобы хоть немного напиться, собака вместе с болтушкой должна проглотить огромное количество воды. Для того чтобы собаки не гоняли оленей, им или подвязывают одну из передних лап к шее, или навешивают на шею тяжелую палку. От этого тунгусские собаки хитрые, вороватые и трусливые. Если собака не обнаружит хороших охотничьих качеств или состарится, хозяин ее удавит и воспользуется шкурой, которая стоит около 3 руб.

Теперь мы перейдем к охоте (Фото 45), которая еще до сих пор является и средством и целью тунгусской жизни. Все интересы тунгуса вращаются вокруг охоты, так же как интересы русского крестьянина около хлеба. Охота для тунгуса удовлетворяет не только материальные потребности, но и духовные. Это его стихия, без которой он уже перестает быть тунгусом. Охота тем и отличается от всех других промыслов, что в нее вливается большой процент борьбы, азарта, а азарт всегда сильно захватывает все малокультурные народы. Поэтому-то сойдутся ли тунгусы друг с другом, или встретятся с русскими и попадут в спокойную обстановку, у костра ли в тайге, у самовара ли в крестьянской избе, как начинаются бесконечные разговоры

и рассказы про охотничьи приключения, удачи и неудачи. Охотится тунгус круглый год. Лишь только станет обогрывать солнышко, появятся проталины на солнопеках, начнет подтаивать снежная корка, тунгус надевает лыжи и гоняет зверя – сохатого и козу – по насту. Защелкают глухари, – он отправляется сторожить их на токах. Сойдет снег, появится первая трава, распустятся ароматные лиственницы, – тунгус садится на солонцы караулить с лабаза коз и сохатых. Наступят жары, появится овод, мошка, комар и для тунгуса начинается самое горячее время летней охоты, он садится на легонькую лодочку и плавает по рекам и озерам, выслеживая сохатых, которые, одолеваемые гнусом, бегут спасаться к воде, а попутно и покормиться сочными водорослями. Эта последняя охота является самой прибыльной, здесь тунгусы в изобилии запасаются мясом, которое частью съедают сами, частью продают. Чтобы мясо не портилось в летние жары, если его нельзя сразу вывезти, ободранную и разрубленную на куски тушу укладывают в вырытую яму на мерзлоту, закрывают снятой шкурой, потом толстым слоем мха, а сверху еще наваливают валежника и хвороста, чтобы не достал хищный зверь. На эту охоту отправляются или поодиночке, или артелью непременно без собак, т.к. последние здесь только бы мешали. Если идут артелью, то убитых зверей делят поровну, причем дележка происходит так: убивший зверя раскладывает куски мяса на ровные кучки и предоставляет их на выбор всем участникам артели, а сам берет последнюю оставшуюся. Конечно, этим достигается наиболее справедливый раздел. Тут же попутно охотятся тунгусы на козу и на «сайгу» (кабаргу) на пищик, подражая писку детей, плавают по озерам на лодках и при помощи собак вылавливают молодую водяную птицу. Схлынут жары, наступит осень, у сохатых начинается «гоньба» (течка) и тунгусы скрадывают их на гоньбищах. Но вот приближается зима и все охотники начинают деятельно готовиться к самой главной своей охоте – белковой. Запасают провизию, необходимые припасы, готовят собак и еще до наступления охоты большая часть тунгусов снимается со своих стойбищ, выучит оленей или лошадей и откочевывает в дальнюю тайгу, где рассчитывает на более добычливый промысел. Идут или небольшими артелями по два-три человека, или в одиночку со своей семьей. Придя на место или занимают уже готовые балаганы, или разбивают походные юрты. Семья остается на месте, ребяташки пасут оленей, помогают матери, тунгуска большую часть времени проводит за шитьем или выделкой шкур, а сам хозяин с утра до позднего вечера рыскает с собаками по тайге, белкует: бьет белок из ружья, осматривает расставленные плашки, которых у одного охотника бывает по несколько сот. Когда

наступят морозы, выпадет глубокий снег, а вся белка в окрестностях будет уничтожена, охотники с дорогой добычей возвращаются домой. Но и зимой тунгус не остается без дела, он охотится на медведей в берлогах, выслеживает сохатых, оленей и коз, а попутно бьет попадающуюся лесную птицу и мелкого зверя: рысь, росомаху, выдру и др.

Охотничьих районов сейчас у тунгусов можно назвать два: ближний в черте описываемой территории и дальний к востоку от нее в предгорьях Байкальских гор по вершинам рек Лены и Киренги. В то время как дальний район еще богат дичью, водящейся среди хребтов по нетронутой старой тайге, ближний район уже сильно истощен: леса большей частью повыгорели, зверь поистреблен и распуган многочисленными охотниками тунгусами, русскими и бурятами. Сохатый здесь еще в сравнительно достаточном количестве водится в северной части по рекам Нотаю, Ханде и Киренге. Козы только в южной части да и то их немного. Кабарга встречается всюду, но в единичных экземплярах. Белка здесь летом совсем не водится, она плодится где-то в «далях», а сюда приходит только осенью питаться семенами хвойных деревьев, но с каждым годом ее появляется здесь все меньше и меньше. Так же и остальной зверь сильно уменьшается. И понятно, что ближний район, почти замкнутый кольцом русского оседлого населения, а в своем центре имеющий всюду разбросанные тунгусские стойбища, в самом недалеком будущем, особенно после того, как будет открыт для колонизации, совершенно утратит свое промысловое значение. Что касается дальнего района, то его гористость и каменистость, а также сильная затаеженность делают его малодоступным, да и не заманчивым для оседлого населения, а положение его в стороне от обжитой полосы более или менее гарантирует его от выгорания. Поэтому здесь можно надеяться еще на долгие годы сохранить охотничий промысел, нужно лишь принять энергичные меры против беспощадного массового истребления зверей и против лесных пожаров.

А охота в настоящее время здесь ведется самым первобытным способом: бьют все, что попадется, когда ни попадется и как попадется. Ни сроков охоты, ни запрета на истребление самок и телят, ни запрещения на ловушки здесь не признаются. Тунгусам, как бродячим охотникам, и дано такое право ничем не ограниченной охоты, ну а под их фирмой, конечно, пользуются этим и русские, ссылаясь на то, что «тунгусам можно, а нам почему нельзя?». Еще в местностях, ближайших к административным пунктам, охота, хотя и с грехом пополам, регулируется. Но в далекой тайге кто будет следить за правилами охоты?

В конце этого очерка мы еще вернемся к вопросу о том, как упорядочить охотничье дело. А теперь перейдем к другим занятиям тунгусов, которым они посвящают свое время в промежутках между охотой.

В промежутках между охотой тунгусы занимаются и другими делами. Сильно развито у них рыболовство, особенно на озерах, где в течение всего лета они добывают рыбу сетями, мордами и острогой, вылавливая щуку, карася, окуня, сорожину. В речках ставят заездки, реже сети и добывают хайрюза, ленка, налима, щуку. Рыба является хорошим подспорьем в питании тунгусов, часть же ее вывозят на продажу в русские деревни. (Фото 46)

При ловле рыбы, особенно в озерах, тунгусы пользуются лодками, которые они делают сами: или долбленки из осины (т.к. тополя здесь почти нет), или реже берестянками, сшитыми из березовой коры, плавают на этих лодках при помощи двухлопастного весла и шеста, а при скрадывании зверя употребляют «гаванки» – тонкие палочки по полтора метра длиной, которые берут по палочке в каждую руку и, сидя в лодке, подталкиваются ими, упираясь в речное дно. Осенью, если случится урожай кедровых орехов, который бывает приблизительно раз в три года, тунгусы принимаются за сбор орехов, но в то время как русские бывают вынуждены отправляться за орехами за десятки верст от своих селений и жить в лесу в зимовьях и балаганах, тунгусы, имеющие кедровники под боком, занимаются этой работой почти у себя дома, во всяком случае, этот промысел не связан у них с продолжительным пребыванием в лесу. Сбор орехов происходит следующим образом. Шишки с кедров сбиваются при помощи колотня – тяжелой колотушки, насаженной на длинную, около трех метров, палку; эту палку одним концом упирают в землю и, размахнувшись ею, бьют колотушкой по дереву, от сотрясения дерева уже созревшие шишки падают на землю, их собирают в кули и сносят в одну кучу к балагану. Далее идет обработка шишек, нужно выбить из них орехи. Для этого устраивается корыто на ножках длиной до 2 м и шириной 70 см, дно корыта делается из толстых упругих продольных палок со щелями между ними такой ширины, чтобы в них могли проскакивать орехи (Фото 47). В корыто насыпают шишки и бьют по ним кривыми палками. Орехи выбиваются из шишек и проваливаются сквозь щели корыта на землю, но вместе с ними проваливается и отскочившая от шишек чешуя. Чтобы очистить орехи от чешуи их просеивают сквозь проволочное сито. От мелкого сора орехи отвеивают таким же способом, как веют хлеб. Очищенные орехи нужно еще прокалить, иначе они скоро портятся. Прокаливают орехи уже дома в русских печах, при этом нужно дать

надлежащую прокалку, это особое искусство, которым и славятся тунгусы. Каленые ими орехи считаются лучше орехов, приготовленных русскими. На месте орехи продаются от 2 до 6 руб. пуд, смотря по урожаю. За осень семья при хорошем урожае может заготовить от 70 до 100 пудов орехов.

Кустарный промысел среди тунгусов развит слабо, им занимаются преимущественно женщины. Большое значение имеет выделка лосиных, оленьих и козьих шкур, из которых получается замша «половинка». Эту половинку или продают целиком, или шьют из нее унты и рукавицы. Из шкур с шерстью шьют короткие дошки «парки», из шкуры, снятой с ног оленей, «камаса», делают меховые унты. Прежде делали искусно расшитые коврики-«кумаланы», но теперешние тунгуски уже не умеют их шить. Вообще по мере обеднения тунгусов среди них падает и искусство делать красивые и нарядные вещи. Из бересты тунгуски делают турсуки, тусеки и чуманы, украшая их иногда красивой резьбой, прокладывая среди нее цветные лоскутки. Мужчины делают лодки, седла, трубки и чашки из древесных корней, все это делается обыкновенно только при помощи топора и ножа. Вообще тунгусы и ножом и топором владеют очень хорошо, и при их наблюдательности и сообразительности легко бы могли сделаться прекрасными кустарями. Вся беда только в том, что им нечему научиться у русских соседей. Пока что одному только они научились, это гнать самогон, несмотря на трудность доставки хлеба в таежные стойбища, тунгусы большие любители выпить, и при каждом удобном случае перегоняют хлеб в вино, правда, только для собственного потребления.

Все изделия тунгусов изготавливаются в таком незначительном количестве, что идут только для собственного потребления и лишь изредка случайно продаются русским. Предметом продажи служат только продукты охоты: звериные шкуры, отчасти мясо и рыба и главным образом беличьи шкурки. Общая продукция охоты в переводе на деньги по исследованию И.П. Копылова определялась в 1926 г. в 21 000 руб., или до 337 руб. на хозяйство. На какую сумму продается этой продукции, обследованием не установлено. Во всяком случае для собственного потребления тунгусы оставляют очень немного: только мясо и незначительную часть шкур сохатых, оленей и коз. На вырученные от продажи деньги тунгусы покупают предметы первой необходимости и домашнего обихода. Не останавливаясь подробно вообще на торговле тунгусов, которая в своих главных чертах описана И.П. Копыловым, заметим только, что так называемые «дружки» пользуются большой симпатией тунгусов. Происходит это потому, что дружки, скупая у тунгусов

их добычу, не только оказывают им широкий кредит, что для тунгусов очень существенно, но и являются для них надежными приятелями, у которых всегда можно остановиться, прожить самому и прокормить лошадь, и все это бесплатно «по дружбе». Конечно, от этой дружбы русские не остаются внакладе, но тунгусы такое гостеприимство очень ценят и потому всегда искренно относятся к своим «дружкам», и сами оказывают им всевозможные услуги.

В настоящее время с уничтожением частной торговли по деревням опасность крупных кабальных сделок со стороны «дружков» по отношению к тунгусам уже отпала. С развитием кооперативной торговли и с урегулированием вопроса о кредитовании, тунгус сам пойдет в потребиловку. Что касается вопроса о наемном труде, то тунгусы кочевые, несмотря на свою бедность, в батраки к русским не идут, наоборот, иногда сами нанимают русских косить сено или строить избы. Оседлые же тунгусы, случается, что и нанимаются на работу к русским. Вообще же тунгусы еще настолько сохранили свою независимость, и, пожалуй, гордость, что в своих сношениях с русскими держат себя так, что всегда заметен тон как бы их некоторого превосходства. И отношение русских к тунгусам совсем иное, чем к бурятам. Они хоть и называют тунгусов заочно, так же, как и бурят, «тварью», но при разговоре всегда тунгуса величают по имени и отчеству, между тем как бурят сплошь и рядом называют полуименем «Лапсонка», «Джамбылка». Чем сумели тунгусы завоевать такое более привилегированное положение, трудно сказать, может быть, своим знанием тайги и искусством охоты, в чем русские поневоле чувствуют над собой превосходство тунгусов, и сами близко заинтересованные в охоте, как притаженные жители, очень ценят их авторитетные указания.

И все-таки тутуро-очеульские тунгусы в настоящее время являются жалкой вымирающей группой, быстро идущей к своему полному исчезновению, ближайшими причинами их обнищания и вымирания являются: сокращение охотничьего промысла в зависимости от выгорания тайги и истребления зверя, а также большая смертность, вследствие распространения среди них болезней, заносимых из русских деревень, а с болезнями тунгусский организм, как неприспособленный, борется слабо. Но, как мы указывали выше, статистические выводы И.П. Копылова приводят к тому, что у тунгусов, перешедших на оседлый образ жизни, замечается значительное улучшение как в смысле оздоровления семьи, так и в смысле укрепления хозяйства. Эти выводы, а также и вся создававшаяся обстановка, с очевидностью говорят за то, что только переход тунгусов на оседлое, хотя бы на первое время, скотоводческое хозяйство поможет им

успешно бороться за свое существование. На это обстоятельство, по-видимому, и должно быть обращено внимание как государственных, так и общественных организаций. Для того чтобы успешнее осуществить этот переход на оседлую жизнь было бы целесообразно сконцентрировать разбросанные и затерянные среди тайги группки тунгусов в одном месте. Наиболее удобным в этом отношении является водораздельное плато в районе озер, где и сейчас сосредоточена большая часть тунгусских стойбищ. Эта ровная возвышенность покрыта на большей своей площади свежей, еще уцелевшей от пожаров тайгой и большими моховыми болотами, что даст возможность тунгусам кормить своих оленей и заниматься охотой в небольших размерах. Кроме того, сеть больших крупных озер обеспечит хороший рыбный промысел. Эти условия нужны тунгусам для того, чтобы при перестройке своего хозяйства они не были бы сразу оторваны от привычных условий своего быта. В то же время верховья реки Тутуры и ее притоков, а также верховья реки Келоры и реки Ковылей изобилуют лугами, большие ерниковые площади после расчистки также могут дать хорошие луга. Поэтому тунгусы здесь с успехом могут заниматься скотоводством. Прилегающие горные склоны впоследствии могут быть использованы под распахку. И теперь уже трое русских заимочников, поселившиеся вблизи В.Тутурского стойбища, с успехом начинают распахивать здесь землю и сеять хлеб. Этих самовольцев придется, конечно, выселять, это тем более необходимо, что заимочники проявляют хищнические инстинкты и терроризирующе действуют на тунгусов. Мысль о переселении сюда тунгусов является и у них самих, поэтому она может быть вполне осуществимой. Предоставленную тунгусами территорию необходимо оградить межевыми признаками, чтобы обезопасить тунгусов от вторжения русских. Норму надела едва ли следует устанавливать, а если установить, то только ориентировочную минимальную, при этом, если надел будет отведен и выше этой нормы, то беды большой не будет, т.к. эти места в колониационном отношении не имеют большого интереса.

В центре этого района около оз. Тутура можно образовать и культурно-экономическую базу, оборудовав здесь потребительскую лавочку, школу, фельдшерский пункт, агро-метеорологическую станцию. Пункт этот обязательно должен быть связан колесной дорогой с Качугом или Верхоланском. Таким образом, поставленные в культурные условия тунгусы сами собой быстро перейдут на оседлую жизнь и впоследствии безболезненно сольются с русским населением. Но при переводе тунгусов на оседлую жизнь, само собой разумеется, не следует лишать их и

охотничьего промысла, т.к. тунгусы еще надолго останутся лучшими охотниками. Это можно видеть из того, что живущие в селе Келоре русские крестьяне ведут свое происхождение от ясачных тунгусов, и как охотники славятся среди всего русского населения района. При устройстве местного населения и при образовании колониционного фонда необходимо выделить особые охотничьи районы, такие районы следует отвести, как уже упоминалось, в верховьях Лены и Киренги. Эти районы должны быть предоставлены на равных основаниях, как тунгусам, так и русским, чтобы между охотниками не возникло нежелательных осложнений.

Но охота здесь должна быть организована на законных началах с соблюдением всех установленных правил. Помимо административного надзора, было бы желательно организовать все охотничье население в артели и только таким артелям разрешать право охоты в отведенных районах. Чтобы не было столкновений между артелями, можно весь район разбить на отдельные «ухожья», и предоставить их каждой артели в пользование, или в арендное, но непременно долгосрочное, или, может быть, лучше в постоянное на таких же основах, как предоставляются населению земельные угодья. Такое пользование заставит артели более бережно и внимательно относиться к своим ухожьям. Если это будет достигнуто и артели начнут сознательно относиться к сохранению своих охотничьих запасов, то охотничий промысел будет существовать еще долгое время.

Пути сообщения

Лено-Киренгский район связан с полосой железной дороги колесными трактами: Якутским, Куленгским и отчасти Тыреть-Жигаловским.

Якутский тракт в настоящее время является основной магистралью для района. От Иркутска до Качуга он тянется на 254 км. На этом протяжении по нему рейсируют почтовые и грузовые автомобили и идет массовая гужевая перевозка грузов для сплава по Лене. Автомобили доходят только до левого берега Лены, где устроена плашкоутная переправа. От Качуга Якутский тракт направляется вдоль правого берега Лены вниз по ее течению. Здесь на перегоне Качуг-Верхоленск дорога то поднимается на крутые и высокие горы, то спускается к самой реке и идет по ее берегу под утесистой стеной. (Фото 48, 49) Этот отрезок тракта, вследствие его гористости, является наиболее трудной частью дороги и препятствует дальнейшему автомобильному движению вниз по Лене. От Верхоленска до Жигалова дорога идет уже по долине Лены и не поднимается на горы.

Куленгский тракт отходит от Якутского тракта в 78 км от г. Иркутска, переваливает в долину реки Куленги и этой долиной доходит до реки Лены против с. Верхоленска, где через плашкоутную переправу соединяется с Якутским трактом. Этот тракт был проложен в дореволюционное время частью для того, чтобы обслуживать долину реки Куленги, где была нарезана группа переселенческих участков, частью для того, чтобы соединить Верхоленск наиболее коротким путем. Но движение по Куленгскому тракту не развилось вследствие его пустынности, а также и вследствие падения значения Верхоленска перед Качугом как пристани. Поэтому тракт заглох, летнее движение на нем почти замерло и только зимнее оживает.

А между тем транзитное значение Куленгского тракта несравненно выгоднее, чем Иркутского, т.к. он, сокращая путь на 35 км, в то же время выбрасывает наиболее трудный отрезок Якутского тракта Качуг–Верхоленск. А в случае перенесения сплавной пристани в Верхоленск выбросится также и наиболее опасная для сплава часть плеса по реке Лене. Колонизационное же значение Куленгского тракта, в случае заселения северных окраин, настолько очевидно, что мы не будем здесь об этом распространяться.

Тыреть-Жигаловский тракт, выходящий на Лену ниже Лено-Киренского района, имеет для него лишь косвенное отношение. Да и вообще он, вследствие того, что большая часть грузов направляется на Лену из Иркутска, имеет в настоящее время значение местной проселочной дороги.

Кроме того, район связывается и с Байкалом дорогой, идущей от Качуга вверх по Лене, а далее через горный перевал к сел. Онгурен на Байкале. До сел. Бирюльки на протяжении 35 км идет колесная проселочная дорога, а далее горная, летом – верховая, а зимой – санная тропа. Общая длина этой дороги от Качуга до Онгурина около 130 км.

Внутри района существуют следующие дороги:

1) сквозная дорога Качуг–Ханда (на Киренге) протяжением около двухсот километров. От Качуга до с. Юхты на расстоянии около 75 км по ней ездят на колесах, (Фото 50) а далее идет верховая тропа, причем до Шевыкана (до 25 км от Юхты) дорога хорошая, но дальше, особенно после перехода речки Бирилея (Шевыкан) тропа идет почти по сплошным болотам, особенно труден переход между Чинонгой и Муриньей (около 25 км), где тропа проходит по сильно заболоченной долине Киренги. От Муриньи до Ханды дорога уже сухая, идет то горками, то самым берегом Киренги. От Ханды до г. Киренска при устье Киренги еще до 550 км. По этой

дороге летом происходит только местное сообщение, но зимой она превращается в транзитную, по ней направляется часть ленских грузов. Этим путем, с одной стороны, сокращается расстояние до Киренска, с другой, используются заготовленные по Киренге корма, на которые по Лене большой спрос, и поэтому там они дороже.

2) Колесная проселочная дорога от Качуга до улуса Турчинского по долине Анги до пятидесяти километров.

3) Колесная дорога от с. Тутуры по Лене по долине реки Тутуры до с. Большой Луг длиною до 70 км. Была еще колесная дорога из Келоры на Тутуру прямо через хребет до 35 км, но она вследствие трудности перевала заброшена.

Кроме того, район пересекается целой сетью таяжных троп, проделанных большей частью тунгусами, а отчасти русским населением, ездящим на покосы. Дороги эти делятся на зимники и летники, первые прокладываются по более ровным и безлесным местам, обыкновенно по заболоченным речным долинам, и приспособлены для езды на санях. Летом же они с трудом проходимы. Поэтому для летней верховой езды выбирают наиболее сухие места по горным склонам среди леса. Но и эти летники не отличаются удобством передвижения. Они обыкновенно завалены валежником, особенно если здесь прошла гарь, часто пересекают болотистые речки, заросли чащей. Население обыкновенно своих дорог не чистит, только каждый проезжающий не преминет ругнуться, что «вот мол столько народу здесь ездит и никто не потрудится убрать с дороги хотя бы одну валежину». Особенно трудна езда здесь в начале лета, когда почва еще не просохла, тогда лошади все время идут по грязной вязкой дороге, проваливаясь в грязь иногда по самое брюхо, и в то же время нужно перелезть через колодник и продираться сквозь густую чащу. Вообще здесь очень мало таких троп, где можно бы было ехать спокойно, не обращая внимания на дорогу, все время приходится держать в руках поводья и следить за лошадыю.

Отметим еще здесь речные пути сообщения. Река Лена сплавной является от с. Чанчур, километров за сто выше Качуга, и от Качуга уже и судоходной для мелко сидящих пароходов.

Киренга – сплавная на всем протяжении в пределах района. По Тутуре сплав пустых «посуд» производится от устья Келоры.

Кроме того, тунгусы на своих легких лодочках, занимаясь охотой, плавают насквозь по рекам Тутуре, Нотаю и Ханде. Русские плавают на лодках в нижнем течении рек Келоры и Анги.

Выводы

Резюмируя все сказанное о Лено-Киренском районе, мы придет к таким выводам.

Оседлое население живет только по окраинам района, на юго-западе и юго-востоке, а весь центральный массив, если не считать несколько тунгусских стойбищ, представляет собой безлюдное таежное пространство.

Массив этот характеризуется в общем мягким холмистым или слабо-гористым рельефом, он довольно обильно орошен речной сетью, несущей достаточный запас воды в летнее время, но промерзающей зимой.

Залесенность района очень значительна, преобладает лиственный лес с примесью ели и кедра, травянистая растительность в лесах почти отсутствует, уступая место моховому покрытию и ягодникам.

Речные долины заросли ерником. Почвы в большинстве случаев представлены слабо-оподзоленными средними и тяжелыми красно-бурыми суглинками, они плодородны, но сильно заболочены и местами щебенисты.

Климат района суров с холодной зимой и частыми заморозками в начале и в конце лета, а иногда и в середине. Местное население с трудом отвоевывает от тайги незначительные площади пашен и лугов, которые прежде были покрыты такими же лесами и ерниками. Но для приведения этих площадей в культурное состояние потребовались десятки лет упорной борьбы с природой. Пионерами здесь являлись тунгусы; они своими стойбищами с многочисленными стадами оленей отоптали и осушили площади, которые потом занимались русскими под луга или даже под поселения. При этом центр тяжести первых русских засельщиков заключался в зверином промысле и только постепенно переносился на земледелие и скотоводство. И в настоящее время продвижение вглубь тайги местных старожилов идет медленно, едва заметно, при этом, передвигаясь на новые места, старожилы имеют за собой прочное хозяйство на старом месте, знание местных условий и навык в борьбе с природой. Что же касается переселенцев из европейской части Союза, то, если они с большим трудом устраиваются вблизи обжитой полосы, где и климат мягче и залесенность не так велика, где богатый травяной покров среди лесов, а по речным долинам встречаются луга, где, наконец, кругом живут люди, то здесь, в этих лиственных труппах с моховым покровом вместо трав, с ерниками вместо лугов,

вдали от экономических центров с редким оседлым населением, при крайне суровых климатических условиях, вряд ли переселенцы будут в состоянии развить свое хозяйство.

Но, несмотря на все это, на вопрос: возможна ли колонизация Лено-Киренгского района? – мы должны будем ответить определенно: возможна, и не только возможна, но и необходима, потому что нас давят эти безлюдные мертвые пространства, мы их должны оживить и заставить быть производительными.

Данные для колонизации Лено-Киренгского района имеются, это доступный рельеф и плодородные почвы, а также и обеспеченность водными источниками.

Неблагоприятными признаками являются его залесенность и заболоченность, суровость климата и оторванность от крупных экономических центров. Но и с залесенностью и с заболоченностью бороться можно, а после осветления местности наступит и смягчение климатических условий, они ведь и в настоящее время не безнадежны, т.к., хотя и с трудом, местное население всюду выращивает хлеба. Конечно, чтобы привести район в состояние, пригодное для массового заселения, потребуется много упорной и дорогой работы в продолжение целого ряда лет, но зато в результате этих затрат мы будем иметь по меньшей мере 400 000 га удобной земли.

Теперь уже прошли те времена, когда мы для колонизации брали готовый фонд, теперь мы должны сами его делать.

Для приведения района в доступное для оседлой жизни состояние необходимы следующие мероприятия:

- 1) устройство здесь агро-метеорологической сети, чтобы изучить точно климатические условия района и влияние их на произрастание культурных растений, наметить меры для более успешной борьбы с залесенностью, ерниками и заболоченностью, разработать тип хозяйства, приспособленного к местным условиям.

- 2) проведение сети грунтовых дорог с магистралями, приспособленными для автомобильного движения с ветвями типа проселочных дорог.

- 3) оборудование одного или двух культурно-экономических центров.

Колонизация Лено-Киренгского района должна начаться после того, как будут заселены Илимско-Куленгский и Тальминский районы, чтобы не было разрыва в продвижении колонизации на север. Предварительная подготовка района должна быть начата в самое ближайшее время, переделать естественно-исторические условия быстро нельзя, но если не начинать подготовки теперь, то район будет оставаться в

прежнем первобытном состоянии, а когда наступит необходимость в его колонизации, он окажется таким же недоступным, как и в настоящее время.

Предварительная же подготовка должна вылиться в агро-метеорологическом изучении, дорожных и гидротехнических изысканиях, а затем должны быть начаты работы по осветлению и осушению района. После надлежащей подготовки можно будет получить в Лено-Киренгском районе фонда, пригодного к заселению, до 400 000 га с общей емкостью до 57 000 едоков, считая по 7 га на едока.

В частности, удобные земли могут быть взяты в районе:

Табл. 21.

Реки	Количество га	Количество едоков
Убура, Конора, оз. Бирикюль	70 000	10 000
Тутура	30 000	4 300
Назима	60 000	8 600
Келора	40 000	5 700
Большая и Малая Анга	40 000	5 700
Шона	40 000	5 700
Киренга	40 000	5 700
Нотай	80 000	11 400
ВСЕГО	400 000	57 100

Водоразделы 1) между Леной и Тутурой – 137 000 га, 2) между Тутурой-Назимой и Келорой – 101 000 га; 3) между Нотам-Киренгой – 97 000 га; 4) Занадельные хребты Ангинских и Шевыканских старожилов – 38 000 га, а всего 373 000 га, ввиду их непригодности для колонизации необходимо сохранить залесенными, как запасы лесного материала для нужд будущего населения, а также как хранилище водных источников.

Центр района на пространстве до 136 000 га, охватывающий озера Акей, Тутуру, Эконор, Бачинор, верховья рек Келоры, Нотая и Тутуры, мало интересный в колонизационном отношении, следовало бы оставить как тунгусскую территорию, достаточную для того, чтобы наличное тунгусское население могло здесь перейти на оседлую жизнь и вместе с тем, первое время обеспечивающую тунгусам и пастьбу оленей, и рыбную ловлю, и сбор кедровых орехов и отчасти охоту. Настоящие охотничьи районы должны быть отведены в пределах Байкальских гор, в вершинах

Лены и Киренги, где еще сохранилась и девственная тайга, и достаточное количество зверя.

Дорожную магистраль, приспособленную для автомобильного движения, необходимо было бы провести из Верхоленска по долинам рек Назимы и Нотаю, с выходом на р. Киренгу у с. Ханды. Этот тракт был бы прямым продолжением Куленгского тракта и прошел бы по наиболее ценным в колониационном отношении и центральным массивам. Вторая побочная магистраль для конного движения могла бы пройти из Качуга по Анге и Шевыкану, соединившись с первой у с. Ханды.

Культурно-экономические пункты в первую очередь можно бы основать на реке Тутуре при устье р. Назимы и на р. Нотое при устье речки Толхимы, пункты второй очереди можно оборудовать: в старожильческих селениях Келоре, Шевыкане, Чинонге и Ханде и в тунгусском стойбище Вершино-Тутурском.

В заключение приведем отзывы о Лено-Киренгском районе прежних исследователей и специалистов.

Кокоулин В.П. Производитель работ Иркутского Землеустроительного отряда: «Волнистый спокойный рельеф, обеспеченность водой, господство развитых почв, не суровые климатические и хорошие экономические условия, при благоприятных данных земледельческого опыта старожилов, позволяют надеяться на использование для целей колонизации значительной части обследованной площади».

«Пригодными для колонизации следует признать места, прилегающие к рекам Большой и Малой Анге, Шевыкану, Шоне, Киренге, среднему течению Нотая, среднему течению Тутуры с Назимой и Убурой и отчасти Келорой. Площадь их, за исключением числящихся в фактическом пользовании крестьян и оседлых инородцев земель, равна приблизительно 369 000 десятин».

«Остальные земли признаются непригодными для колонизации главным образом по резкой заболоченности долин и склонов (около озер Акей, Тутурское, Эконорское, Бачинор, Тулонское и прилегающих к ним долинах) и отчасти по хрящеватости и маломощности почв (между Назимой и Келорой, между Нотоем и Киренгой, в верховьях Лены). Площадь этих земель до 459 000. Таким образом, из всей обследованной площади 1 019 000 десятин, пригодных для колонизации – около 399 000 или 39%. Фонд этот, по отсутствию в большей его части сколько-нибудь значительных открытых или легких для разработки мест, должен быть отнесен к разряду трудных.

Изложенные ранее сведения побуждают еще сделать некоторые выводы и относительно условий колонизации указанных земель. Прежде всего, отсутствие дорог, при трудности вьючного сообщения, будет серьезным тормозом к заселению, если не позаботиться о заблаговременном устройстве их. В первую очередь нужны колесные дороги от Очеуля до Шевыкана, а затем до Киренги (например, Мурины). Первая часть будет около тридцати верст, и вторая около шестидесяти. Затем от г. Верхоленска через Убуру по Тутуре до Назимы – верст на пятьдесят. Эти дороги могут обслуживать большую часть указанного колонизационного фонда.

Завоевание тайги обследованного района земледельцем идет медленно и почти исключительно под влиянием промыслов. Они обеспечивают средствами к жизни первых засельщиков на долгое время. Самая же жизнь этих засельщиков создавала условия (вырубками, выжиганием, пастьбой скота), при которых явилось возможным и занятие земледелием.

Постепенная подготовка для этого земель и выгоднее (дешевле), и надежнее в смысле урожайности в первые годы. Поэтому было бы целесообразным, если бы при проектировании и нарезке переселенческих участков в удаленных от старожилов таежных местах одновременно с образованием группы участков, на которых из них производилась «подсочка» (зачерчивание, вырубание кольца коры) хотя небольшой площади (по 100-200 десятин) для будущей пашни и выжигание в долине кустарников и даже еловых насаждений (для луга и выгона). Расход на зачерчивание не превысил бы 2 руб. 50 коп. – 3 руб. с десятины, а польза его была бы несомненной.

В заключение считаю долгом оговориться, что колонизационная оценка района работ почвенно-ботанической экспедиции без подробных, с обработанным научным материалом, отчетов почвоведов и ботаника, не может быть достаточно полной и обоснованной. По необходимости приходится ограничиваться очень широкими обобщениями, не затрагивая в то же время некоторых существенно важных деталей, например, связи между выжиганием леса и колебанием уровня мерзлоты, как фактора заболачивания» (Кокоулин 1909).

Дробов В.П., ботаник: «Как удалось выяснить на основании изучения хозяйства старожилов, под пашни расчищаются, главным образом, площади, занятые не заболоченным лиственничным лесом. Отчасти используются также лиственничные леса с подростом или вторым ярусом ели и кедра, а также гари и сухие ерники... Эти формации и гари занимают значительную часть площади исследованной местности. Таким образом, площадь, годная для использования под пашни, является значительной

... Если таким образом в пахотной земле не будет недостатка, то при нарезке участков придется считаться с недостатком лугов Поэтому нужно иметь в виду, что для того, чтобы население могло иметь необходимо количество сена, ему придется расчищать долины рек из-под ерников, или же вводить травосеяние на залесенных полях» (Дробов 1910).

Райкин А.Я., почвовед. Говорит, что в почвенном отношении большая часть местности, если исключить озерно-болотные пространства, может считаться пригодной для культуры, но предварительно необходимо изучить климатические условия края (Райкин 1910).

Копылов И.П. Экономист при Иркутской Переселенческой Партии. «Обследованный район, несмотря на обширную площадь, является освоенным лишь в очень слабой степени. Несколько десятков семей тунгусов и столько же русских семейств составляют население этого края. Сельское хозяйство находится здесь в зачаточном состоянии и бюджет населения в большей своей части строится на неземледельческих промыслах. Существующая обстановка не благоприятствует развитию здесь сельскохозяйственной жизни. Слабая плотность, отсутствие путей сообщения и оторванность от рынков и экономических центров оказывают свое влияние на темп местной жизни.

Освоение и уплотнение данного района путем колонизации должно изменить его хозяйственную физиономию» (Копылов 1928).

Солтыш М.К., лесовод. «Не имея под руками серьезно обоснованных предпосылок для более правильного освещения вопроса о пригодности земель исследованного района для целей колонизации, я тем не менее считаю необходимым высказать кое-какие личные соображения по этому вопросу, а также и относительно лесных массивов для той же цели.

Принимая во внимание, что местное старожильческое население находит возможным при данных климатических условиях заниматься сельским хозяйством (огородничеством, хлебопашеством и, отчасти, скотоводством) по старой залежной, или двупольной системе, терпя, правда, при этом немало разочарований, а иногда и бедствий, можно безошибочно сказать, что в районе имеются площади, которые смело можно использовать для колонизации. К таким площадям нужно отнести: долины р. Назимы и ее притоков, р. Тутуры почти на всем протяжении, отчасти р. Бирей (10 км от устья), по р. Нотай, рекам Убуры и Конора и, пожалуй, р. Большой Анги от д. Дурунтуй вверх на 30-40 км.

Весь вопрос, конечно, заключается в том, как рациональнее использовать эти площади под переселение: считать ли их пригодными для полеводства или скотоводства.

Лично я склонен думать, что рационализация использования земельного фонда в данном районе должна пройти путем наименьшей затраты средств со стороны государства и наибольшего использования наличных естественных сил (богатств) колонизируемых площадей данного района.

Для того чтобы удовлетворить этим двум условиям необходимо, как мне думается, подойти к колонизируемому пространству, в первую очередь, как скотоводческому, а затем постепенно, путем опытных данных, переходить к полеводству, где окажется это выгодным, улучшая в то же время и систему его (переходить от двуполья к многополью). На такой способ использования земель под колонизацию наталкивают следующие данные.

- 1) Занятие этой отраслью сельского хозяйства в прошлом (по Назиме – смотни голов скота);
- 2) Наличие значительных пространств ерников по долинам рек, которые до сжигания их в первые года (в пять-десять лет) уступят место сенокосным угодьям, где возможно будет производить впоследствии травосеяние;
- 3) Наличие, вообще, кормовых трав в диком состоянии: как клевер красный и белый, костер безостый, пырей, люцерна, горошек, вика, эспарцет, тимофеевка и пр.

Таким образом, исследованный район за исключением центральной и северо-восточной части является пригодным для колонизации, но требует предварительных забот со стороны правительства в отношении:

- 1) снабжения населения необходимым сельскохозяйственным инвентарем;
- 2) установления опытных агростанций;
- 3) проведения дорог;
- 4) осушения, а местами снабжения водой;
- 5) рационального использования лесов и
- 6) устройства заказников и охотрайонов.

Без удовлетворительно поставленных предварительных работ надеяться на безболезненное заселение района, мне думается, никак нельзя» (Солтыш 1927).

Королева Е.М., помощник почвовед. «Большую часть почв края можно считать пригодной под культуру, если исключить болотные пространства и крутые каменистые склоны.

Почти все почвы, за небольшим исключением, о которых я говорю как о пригодных, имеют отрицательную сторону – близость камня. Но имеющееся население такие почвы распахивает и получает удовлетворительные урожаи. Плодородие и «сила» земли, как говорят крестьяне, достаточны, главный бич – это заморозки. Всюду господствует двупольная система земледелия «пар-хлеб», многие пашни пахутся уже сотни лет подряд не отдыхая, и все-таки дают в среднем 80 пудов на десятину. А в хорошие годы гораздо больше.

Почвы, залегающие на более низких частях рельефа, иногда по качеству выше хребтовых, но до сих пор на этих местах ничего нельзя было сеять, так как все мерзнет.

Если сравнивать отдельные части края в почвенном отношении, то на первое место нужно поставить северо-западную часть – район реки Тутуры с некоторыми из ее притоков, например, Назимы, Бирей. Сюда же можно присоединить реку Улариму Тутурскую и верхнюю половину реки Нотая.

На второе место можно поставить северо-восточную часть края. Там больше каменистых почв, ближе камень, да и гумусовая часть почв беднее.

Центральная часть края значительно заболочена.

Вообще же почвенные условия края не могут служить большим препятствием к колонизации» (Королева 1927).

Список литературы

Дробов В.П. Растительные формации Лено-Киренгского края 1909 года. Издание Переселенческого Управления. Петербург, 1910.

Кокоулин В.П. Колонизационное значение района работ Лено-Киренгской почвенно-ботанической экспедиции в 1909 г. Рукопись в Иркутской Переселенческой Партии.

Кокоулин В.П. Колонизационная оценка района работ Лено-Киренгской почвенно-ботанической экспедиции в 1910 г. (Северо-Западная часть). Рукопись в Иркутской Переселенческой Партии.

Копылов И.П. Тунгусское хозяйство Лено-Киренгского края (статистико-экономическое обследование). 1927. Новосибирск: Издание районного Переселенческого управления Сибири, 1928.

Королева Е.М. Предварительный отчет почвенного обследования Лено-Киренгского края в 1927 г. Рукопись в Иркутской Переселенческой Партии.

Кузнецов Н.И. Предварительный отчет о ботанических исследованиях. Растительность Лено-Киренгского края (северо-западная часть) в 1910 г. Издание Переселенческого Управления. Петербург, 1911.

Максимов А.И. Отчет от летней работе за 1927 г. (Экономическо-агрономическое описание). Рукопись в Иркутской Переселенческой Партии.

Половников В.П. Рекогносцировочные изыскания железнодорожного пути Иркутск–Бодайбо в 1907–1908 гг. Петербург, 1910.

Писарев В.Е. (сост.) Тулунское опытное поле. Вып.1. Иркутск, 1916.

Райкин А.Я. Предварительный отчет о почвенных исследованиях Лено-Киренгского края в 1909 г. Издание Переселенческого Управления. Петербург, 1910.

Райкин А.Я. Предварительный отчет о почвенных исследованиях Северо-Запада Лено-Киренгского края в 1910 г. Издание Переселенческого Управления. Петербург, 1911.

Солтыш М.Н. Типы лесов Лено-Киренгского района. 1927. Рукопись в Иркутской Переселенческой Партии.

|

И.И. Бурлаев

Воспоминания бухгалтера эвенкийского колхоза

Глава 1. Пушкинский тунгус – уникальная нация нашей планеты

Кто не знает эти строки из стихотворения А.С. Пушкина, начиная от школьников до старых людей, и не только в нашей стране, но и по всему миру. Это стихотворение будут читать и изучать грядущие поколения, веками, но мало кто знает, какую нацию* великий поэт назвал «тунгусом» и при этом «ныне дикой».

В пушкинские времена, конечно, многие не знали нацию тунгусов, но он, пожалуй, впервые упомянул эту нацию в литературе того времени как еще дикуую нацию, так же, как впервые описал жизнь цыган в своей поэме «Цыгане».

А.С. Пушкин эвенков называет «ныне дикой тунгус»**. Великий поэт предвидел, что пока эвенки дикие, а вот настанут времена «слух обо мне пройдет..., и назовет меня всяк сущий в ней язык», то есть различными национальными языками вместе с гордыми внуками славян узнают меня, станут грамотными, образованными.

И такое время настало буквально через восемьдесят лет после его трагической гибели. Об этом писал также в своем послании ссыльным декабристам в Сибирь, что «не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление». Всенародная мечта свергнуть самодержавие в России и дать свободу народу сбылась. Это великий Октябрь, Советская власть – власть трудящихся.

До Советской власти эвенки были полудикими, хотя цивилизация проникала, но жили они разобщенно, уединенно, в большинстве ведя кочевой образ жизни на огромных таежных просторах Сибири и Дальнего Востока и по звериному закону: кто сильнее и здоровее – живи, а кто слабее или заболел – умирай. Не было никаких социальных благ, а в глубинках был настоящий «дикой тунгус...». В школах, при изучении стихотворения А.С. Пушкина, сотни миллионов учащихся неоднократно повторяли и продолжают повторять о нации тунгус, а учителя лишь подправляют слово «дикой», чтобы учащийся выговаривал с ударением на букву «о» – дикой, под рифму строки стихотворения, так, как говорил сам великий поэт. А в учебниках довоенных и послевоенных выпусков нет объяснений, что великий поэт называл эвенков тунгусами.

Большинство учителей не знают, что тунгус – это есть эвенк и не объясняют учащимся. Поэтому большинство людей в европейской части нашего Союза, с Кавказа, из Средней Азии, и многие сибиряки молодые утверждают, что тунгус и

* В тексте сохранена терминология автора.

** Так у автора.

эвенк совершенно разные нации, и люди с высшим образованием утверждают, что глубокая ошибка считать эвенка бывшим тунгусом. И вполне оправданно бытует мнение, особенно за рубежом, что в пушкинские времена жили какие-то дикие племена – тунгусы. И даже до начала тридцатых годов нашего (XX – *Ред.*) века, уже при Советской власти, еще были тунгусы, которых описывали в своих произведениях писатели, а затем исчезли поголовно все, вымерли с начала тридцатых годов.

Слух обо мне пройдет по всей Руси Великой

И назовет меня всяк сущий в ней язык

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой

Тунгус, и друг степей калмык

А.С. Пушкин

Вместе с тунгусами вымерли все гольды^{***}, национальность, к которой относил себя Дерсу Узала. Произведения Арсеньева «Дерсу Узала», «По Уссурийской тайге» будут читать грядущие поколения, где говорится о национальностях гольд и тунгусы, или замечательную книгу Вячеслава Шишкова «Угрюм-река», где также немножко упоминается о тунгусах и ряд других книг будут выпускаться и у нас и за рубежом, и сейчас, и грядущими поколениями. Поэтому во всех последующих изданиях учебников, книг, следовало бы обязательно нацию тунгус разъяснять, что тунгусы – это эвенки, люди тайги, люди суровых климатов нашей планеты. Одно слово Сибирь ранее страшило, а эвенки – коренные жители Сибири, аборигены Сибири и Дальнего Востока. Без каких-либо разъяснений сейчас продолжают выпускать рассказы, очерки, романы, и по радио говорить: Всесоюзное радио ежедневно говорит о погоде в Эвенкии Красноярского края.

К примеру: иркутский ученый, охотовед и писатель К. Янковский во всех своих рассказах, очерках, упоминает о встречах, разговорах с этой нацией, но уже называет эвенками. Он много раз проезжал по эвенкийским селениям Иркутской области, Красноярского края, Бурятской АССР и во многих местах по эвенкийским водоемам выпускал для акклиматизации ондатр в 1936–1939 гг., и его все старые эвенки знали. А он, изучив язык эвенкийский, с ними разговаривал по-эвенкийски. В своем рассказе «Лючеткан», Лючеткана он называет по нации эвенком и частично с ним разговаривает по-эвенкийски, а Лючеткан же был очевидцем при падении Тунгусского метеорита, как местный житель.

^{***} Совр. – нанайцы, численность в России в 2010 г. 11 671 чел.

К. Янковский рассказывает, как в молодости принимал участие в изучении на месте упавшего этого загадочного метеорита в экспедиции ученого Кулика, и этот метеорит называет Тунгусским Дивом, и при этом нет никаких объяснений о происхождении названия этого метеорита. Ведь он, сибиряк, прекрасно знал, что эвенков раньше называли тунгусами. (Константин Янковский. «Таежное сердце». Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985). К. Янковский умер в декабре 1983 г.

Различные издательства продолжают публиковать и о тунгусах, и об эвенках, тем самым в корне вводя в заблуждение тех, которые не знают, что эвенков раньше называли тунгусами, и тех, которые «уверены», что тунгусы и эвенки совершенно разные нации, а тунгусы все до единого вымерли, приводя там «веские» доказательства. В начале тридцатых годов что-то о вымерших племенах вспоминали, а затем описывали диких тунгусов в пушкинские времена.

Итак, до каких же пор одну нацию будут и тунгусом и эвенком называть? У большинства людей крепкое мнение, что эти названия принадлежат к двум совершенно разным нациям, а уж с тех пор как тунгус стал эвенком, или эвенк есть настоящее название национальности, прошло более пятидесяти лет, почти человеческая жизнь. За это время миллионы людей погибли во время Гражданской и Отечественных войн, и миллионы умерли, так и не узнав о существовании этой нации.

Кроме выше предлагаемых разъяснительных приемов в учебниках и литературе, было бы целесообразно выпустить книгу о народностях Севера нашей страны этнографического характера массовым тиражом. Перечислив в ней все двадцать шесть малочисленных наций и народностей*, примерную численность каждой нации, географическое расположение, их основной род занятий и т.д. Какие нации только у нас в Советском Союзе и какие малочисленные нации проживают за рубежом, как эскимосы, и есть ли разница в роде занятий, языке, быте и т.д. Какие нации ранее называли иначе, чем сейчас? В каких годах образованы автономные округа, национальные районы, национальные Советы, и как это протекало? Об огромной работе, проведенной Советской властью в первые годы становления (открытие факторий, культбаз и др. мероприятий). На что выделяло государство огромные средства. Некоторые крупные постановления СНК СССР о возрождении малых народов нашей страны и многие другие данные с множеством иллюстраций,

* В настоящее время в Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока входят 40 народов – *Ред.*

фотоснимков большинства наций, показывающие их в национальных одеждах, жилища (балаганы, чумы, яранги и другие национальные сооружения), снимки с хорошей добычей песцов, соболей, белок, ондатр, с богатой добычей рыбы, ход рыбалки, промысла и другое. А также хорошие фотоснимки крупных зверей (медведь, лось и др.), а также пушных зверьков, за которыми они охотятся, снимки природы разных зон, где проживают малые народы, в том числе снимки крупных оленеводческих совхозов, колхозов, снимки больших стад оленей, больших звероферм. Большинство звероферм было у малых народов в дни Отечественной войны и только малые народы были способны откармливать клеточных пушных зверьков мясом, рыбой, столь ценными продуктами в дни войны. О военных годах – их труде в тылу, о вернувшихся с победой с орденами и медалями, о Героях Советского Союза и Социалистического Труда. А также об очень многих факторах подъема материального и культурного уровня возрожденного народа с первых дней Советской власти. Много хороших фотоснимков было в различных журналах довоенных лет и в дни войны. Да и в послевоенных были хорошие фотоснимки, которые волеются в одну книгу, будет очень интересным, как настольный календарь не только для малых народов, но и для массового читателя в нашей стране и за рубежом. Но это очень огромная работа, брать данные в различных местах, но особенно много данных и очень ценных – в Ленинградском Пединституте им. Герцена, где учатся и оканчивают этот ВУЗ (северное отделение) все студенты малых народов. Многие стали известными писателями в нашей стране и за рубежом, как чукча Юрий Рытхэу, манси Юван Шесталов, нанец Григорий Ходжер и другие, нации которых до Великого Октября были такие как «дикий тунгус». Ведь корякский самодеятельный народный ансамбль с большим успехом выступал не только в нашей стране, но и за рубежом. Очень много экспонатов в музеях. Для составления такой книги обзорной есть все материалы и составители: ученые, писатели, профессора, артисты, медицинские, культурно-просветительные и другие работники. Такую огромную книгу только в нашей стране под силу издать. Ни одна капиталистическая страна не возьмется, так как для них малые народы – это люди последнего сорта, и на это не будут тратить средства. Наша страна огромная и при желании везде объехать и посмотреть, можно сказать, невозможно. А будет такая книга, можно сделать путешествие от Мурманска и по всему Северу: побывать на острове Врангеля, на Чукотке, дальше на юг до Приморского края, на острове Сахалин, на Камчатке, по реке Амур, в Саянах, в центральной Сибири и Дальнем Востоке. Такая книга будет

очень ценной и большого труда будет стоить эта книга – энциклопедия*. Эта книга покажет, как малые народы нашей страны, под постоянной заботой нашей партии и правительства, возродились.

Весь мир услышал об упавшем в 1908 г. в сибирской тайге огромном, загадочном метеорите, который называли «Тунгусским метеоритом» и который изучают ученые всего мира до сих пор.

Мощные сибирские реки – правые притоки реки Енисея, также называются Нижняя Тунгуска, Средняя (Подкаменная) Тунгуска, и ранее называли Верхней Тунгуской реку Верхнюю Ангару. Все эти названия произошли от местности, где проживали и проживают тунгусы (эвенки). В первом номере журнала «Вокруг Света» 1984 года опубликована старинная карта XVIII века Охотского моря и дополнительно указано: «По-тунгусски Лама», то есть эвенки Охотское море называли Ламой, а места проживания эвенков у Охотского моря указаны «Тунгусье».

Исследователь Приморского края, этнограф и писатель В.К. Арсеньев в своих произведениях в 1930 году эвенков Приморского края еще называл «тунгусами». Геодезист и писатель Г.А. Федосеев в своих романах эту нацию уже называет эвенками, особенно своего опытного проводника и верного друга Улукиткана, который помог ему составить точную карту от Станового и Яблонового хребтов до Тихого океана и ликвидировать «белые пятна» на этой огромной труднопроходимой территории. И благодаря Улукиткану на этой огромной территории навечно занесенные на карту названия хребтов, местностей, озер, рек, речушек, которые Улукиткан знал как свои пять пальцев, а названия, конечно, большинство эвенкийские. В знак признательности и уважения к Улукиткану, с которым Г.А. Федосеев проработал шесть лет, когда Улукиткан в 1963 году трагически погиб, еще трудясь в тайге в возрасте около девяноста лет, Г.А. Федосеев сам лично своими руками на его могиле водрузил железобетонный памятник. И вмонтировал в этот памятник чугунные плиты с надписями, где особо выделил его некоторые изречения. Улукиткан похоронен на высоком берегу реки Зеи Амурской области.

Следует отметить, что по роману Г.А. Федосеева поставлена одноименная кинокартина «Злой дух Ямбуя» с участием эвенков Дальневосточного Эвенкийского

* Можно порекомендовать: Северная энциклопедия» /Сост. Е.Р. Акбальян. М.: Европейские издания, 2004; Народы мира. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007; Сибирь. Атлас Азиатской России. / А.П. Деревянко, П.А. Терский. М.- Новосибирск: Изд-во Феоория, «ДИК», 2007. – Ред.

оленоводческого колхоза, частично с разговорами на родном эвенкийском языке, и эта кинокартина прошла с огромным успехом среди эвенков. По их просьбе несколько раз ее продемонстрировали, так как эвенкийский разговор одинаковый.

Следует отметить, что когда я начал работать у эвенков и впервые попал в тайгу, то просто поражался тому, что особенно пожилые, старые эвенки (и мужчины и женщины), с которыми я ездил, рыбачил и ночевал в тайге и сколько мог, охотился, настолько они были «грамотными» в таежной обстановке и на воде. Что с одного взгляда все для них было ясно. И знали, что может получиться наперед и когда, и что предпринять, а также «читали», что произошло.

Позже, когда прочитал произведения Г. Федосеева, где описывает о «грамоте» Улукиткана, то сразу сравнил, что все пожилые и старые эвенки – все «улукитканы» и «дерсу узалы», а молодые впоследствии становятся ими, и Федосеев и Арсеньев еще многое не заметили.

Ведь Дерсу Узала очень боялся хунхузов, а при его жизни в его тайге еще были многочисленны тигры. Он не боялся тигра и даже великий грех был его убить, хотя он мог по следу преследовать или выждать подхода. Он, имея человеческий разум, ничего подобного не допускал, вечно передвигаясь и живя в тайге среди различных зверей, перенял все навыки своих предков, когда еще кишела уссурийская тайга своими тиграми и другим зверьем, а дремучая тайга для него была родным домом. Если таежный человек не будет знать все «секреты» тайги, то он погибнет. По тем временам каждый вынужден знать все до самых мелочей и только тогда человек станет хозяином тайги, а тайга, она сурова, безжалостна.

Одновременно хочется упомянуть о книге В.А. Туголукова в 284 страницы Академии наук СССР ордена «Дружбы народов» Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая «Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири». М.: «Наука», 1985 г., которая начинается словами И.Э. Фишера: «Тунгусы разнствуют не только от Сибирских, но и от всех народов на Земле». У Фишера И.Э. первый его труд о Сибири после неоднократных поездок и изучения народов Сибири опубликован в 1774 г.: «Сибирская история с самого открытия Сибири и до завоевания сей земли Российским оружием». СПб.

У тунгусоведа Туголукова В.А. множество трудов об эвенках, они опубликованы с 1960 по 1980 годы и эта вышеуказанная его книга – последняя. Во «Введении» он отмечает, что эвенки и эвены – два малых народа Советского Севера. Численность эвенков, по данным Всесоюзной переписи 1979 г. определяется в 28 тысяч человек.

Несмотря на скромную численность эвенки заселяют огромное пространство Восточной и Западной Сибири. На западе границей их расселения является Обь в ее среднем течении, на севере – лесотундра между низовьями Лены и Енисея, на востоке – побережье Охотского моря (южная часть), а на юге – левобережье Амура и правобережье Ангары.

По нашему мнению до недавнего времени за пределами СССР (в северо-восточных районах Китая и Монголии) проживало 13–14 тысяч эвенков.

И далее отмечает: «Столь широкое расселение тунгусов относительно их небольшой численности представляет собой уникальное явление в истории человечества».

Эта книга предназначена для историков, этнографов и широкого круга читателей, хотя многим неизвестна, так как тираж ее всего лишь 1400 экземпляров. В ней собраны материалы с множества архивов, трудов ученых-тунгусоведов, многих исследователей различных экспедиций со времен освоения русскими Сибири и Дальнего Востока.

Несмотря на такой огромный охват территории этих огромных регионов, у эвенков язык, культура оставалась почти одинаковой, так как у них существовали группы, роды, взаимосвязанные между собой, а также взаимные браки, совершенно не родственные. Но быт менялся в зависимости от нового местожительства при кочевках и даже при тесных контактах с другими нациями они теряли свою нацию, и многие эвенки объякутились, обурятились, обрусели, но большинство не потеряли свою нацию со всеми присущими обычаями, как кочевой таежный народ. И один и тот же род появлялся в Прибайкалье, исчезнув в Нижней Тунгуске, или наоборот, а также появлялись в южных таежных зонах Якутии и вплоть до Охотского побережья, покрывая при кочевках по таежной глухомани тысячи километров. И, возможно, многие рода из Нижней Тунгуски или с Охотского побережья остались в северо-восточных таежных зонах Китая и Монголии после установления твердой границы.

Заканчивая свою книгу, В.А. Туголуков в своем «Заключении» отмечает: «Проведенное нами исследование позволяет, как кажется, ответить на вопрос, что способствовало тунгусам, при их незначительной численности, освоить столь огромное пространство Сибири.

У них, по нашему мнению, можно выявить следующие присущие им, как этносу, качества: во-первых – необычайную географическую мобильность, которая, вероятно, обусловлена их охотничье-оленоводческим комплексом; во-вторых – замечательную

способность к адаптации в различных климатических зонах. Наряду с этим, нужно отметить легкую восприимчивость эвенков к усвоению новых форм хозяйства и быта и слабую резистентность к ассимиляции со стороны своих более многочисленных соседей».

В этой книге, почти наполовину, одну и ту же нацию В.А. Туголуков называет тунгусами и эвенками, и при том нигде нет разъяснения, почему эвенков раньше называли тунгусами, а сейчас назови школьника тунгусенком или тунгусишкой, он еще в лицо харкнет.

Если бы в середине тридцатых годов нашего XX века поднялся бы наш великий поэт А.С. Пушкин, то сразу бы сделал опровержение насчет им же написанного о диком тунгусе и написал бы такое стихотворение о настоящих советских эвенках. Да так, что у всех с уст не сходило бы, и все поняли бы, что не только у нас в Союзе, возможно еще в Китае и в Монголии, и сейчас их называют тунгусами или совсем иначе. Давно пора исследователей-этнографов называть эвенковедами, а не тунгусоведами, как именует В.А. Туголуков.

А теперь посмотрим на эту уникальную нацию нашей планеты, бывших «диких тунгусов», таежных «улукитканов», на эвенков, воспитанных Советской властью, патриотов и тружеников нашего многонационального Советского государства.

В.А. Туголуков и его сотрудники отмечали, что у эвенков замечательная способность к адаптации к любым условиям, т.е. они легко воспринимают и усваивают новые формы хозяйства и быта. Эти свои качества эвенки показали и доказали в дни войны, в суровых, жестких условиях жизни, труда и быта военного времени.

Об огромных заготовках продукции тайги эвенками, несмотря на свою малочисленность, не только я удивлялся, но и сами, особенно старые эвенки, восхищались своим трудом, что неужели они так способны трудиться с большой отдачей и с хорошими результатами. Так как они ранее так не трудились и не видели такого результата труда. Да. Эвенки в дни войны трудились от мала до стара, и мужчины, и женщины, но особенно женский труд преобладал во многом. Все трудились во имя спасения завоевания Великого Октября, на разгром фашизма, не жалели ни сил, ни здоровья.

Следует отметить, что эвенкийская фауна и флора в этом регионе была первозданной, не тронутой цивилизацией. То есть тайга была дикая, не охваченная пожарами, лесовырубками, отсутствовали большие дороги, такие как шоссе, и тем

более, железные дороги, как БАМ, передвижение различных механизмов, создающих шум, разрушающих экологию и другие разрушительные факторы. Тайга была богата животным миром, а водоемы были тихими, экологически чистыми, богатыми разнообразной рыбой, не знающие движения лодочных моторов различной силы, разливов различных нефтепродуктов и даже случаев злостных браконьеров со взрывчатками и др.

Особенно разрушительны экспедиции геологов и различных других, которые на своем пути разрушают все, обычно имея собак, которые за лето на обширной территории тайги уничтожают молодняк всех животных, разоряют гнезда птиц и уничтожают птенцов. А сами люди, вооруженные различными ружьями, так же все живое уничтожают независимо от сроков отстрела и нормативов. Уже проходят десятилетия, а жестких строгих законов на всякие рода экспедиции нет, чтобы главное – не иметь оружия и самое вредное – собак, чтобы большая ответственность легла за соблюдение противопожарной безопасности в тайге и другие экологические правила по тайге и на водоемах.

Русские после завоевания Сибири Ермаком в 1582 году по всей вероятности встретились с ранее неизвестными нациями Сибири и Дальнего Востока и начали именовать их своими своеобразными названиями. А насчет тунгусов есть предания, и возможно еще сохранилось в старинных архивах о том, что когда русские впервые увидели эвенков и спросили у уже знакомых якутов: «Что за люди?» – и якуты ответили, что это тунгусы. И так русские первопроходцы стали эвенков называть тунгусами, а затем всемирно известными стали названия эвенков – «тунгусы», и выходит, якуты эвенков по-своему называли тунгусами. Ведь все сибирские нации и народности (азиаты) друг друга именовали по-своему. К примеру, буряты эвенков именуют «хамнаган», а эвенки бурятов именуют «даур», но каждая нация и народность неизменно именовали испокон веков свою нацию по-своему, и эти названия укоренились только при Советской власти.

Допустим, украинцев теперь никто не называет хохлами или хохлятской республикой, а только лишь тому доказательством осталась знаменитая картина великого русского художника Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», где запечатлены украинцы того времени с волосатыми хохолками на головах у богатырского телосложения мужчин – воинов, весело смеющихся над содержанием письма.

При Советской власти не только нации стали именовать так, как они сами свою нацию именовали испокон веков, но и более правильно называют местности, населенные пункты. Допустим, столицу Грузии раньше именовали город Тифлис, а грузины именовали Тбилиси, и это название теперь укрепилось навечно.

Итак, когда в конце двадцатых – начале тридцатых годов, молодая советская республика начала объединять малые народы, а также остальные нации и образовывать административные деления (автономные республики, округа, национальные районы, советы, колхозы), тогда настала насущная необходимость все нации и народности называть так, как каждая нация именует свою нацию и народность испокон веков. Но географические названия, присвоенные до этого, остались навечно, в том числе и реки Тунгуски и Тунгусский метеорит.

В.К. Арсеньев в своем замечательном произведении «Дерсу Узала», – кстати, по этому роману поставлена одноименная кинокартина, своего опытного проводника Дерсу Узалу, такого же, как Улукиткан, называет по национальности гольдом. А сейчас насчитывается двадцать шесть наций и народностей Севера (малая народность Советского Союза), и среди них нет народностей гольдов, тунгусов и других, которых ранее называли иначе. Как будто Дерсу был последним из народностей гольдов, проживший до двадцатых годов. Тогда в Приморском крае еще многочисленны были уссурийские тигры, и такой большой охотник, физически здоровый, погиб трагически.

В.К. Арсеньев гольдом называл национальность нанайцев, которые проживают по р. Амур, но ни в каких изданиях книги «Дерсу Узала» нет первоначального объяснения, что такое национальность нанайцев. В.К. Арсеньев называл его гольдом, так как при царизме, и в начале Советской власти нанайцев также называли гольдами. Нет также словесного звукового объяснения в кинофильме «Дерсу Узала», в котором не в полном объеме показаны или полностью упущены многие интересные моменты из описания В.К. Арсеньева.

При царизме и в первые годы Советской власти не только малые, но и более крупные нации называли иначе, чем сейчас. Допустим, бурята-мужчину называли братским, а женщину-бурятку – братчѐхой. Сейчас от прежнего побратима русских, от старого названия осталось также навечно – бурятский населенный пункт, где раньше жили буряты и русские ездили к братским, который так и стали называть Братск на реке Ангаре. Там сейчас построена мощная Братская ГЭС и на месте старого поселка вырос современный город Братск, а река стала Ангара, переборол бурятское название, а не Верхняя Тунгуска. Также как в названии реки Лена, перебороло

эвенкийское название, и русские только ударение изменили. По-эвенкийски – Лена, а сейчас говорят Лена. Буряты же реку Лена называли Зулха, а озеро Байкал осталось за бурятским названием и лишь переменяло одну букву (вместо «х» – на букву «к»). Буряты называли Байхал, а эвенки оз. Байкал называли – Лама, также как Охотское море эвенки называли Лама (по-эвенкийски «Лама» – море).

Уж стоит об Иркутске упомянуть коротко. Левый приток реки Ангары буряты называли рекой Ирху, а русские первопроходцы называли Иркут. И недалеко от устья Иркуты боярский сын Яков Похабов построил острог, который назвал Иркутским. Его население начало быстро, по тем временам, расти, особенно после проложения Московского тракта, по которому начали курсировать почтовые дилижансы, конные грузовые транспорты, этапы ссыльных в Сибирь, предприимчивые купцы, промышленники. И буквально через 104 года после завоевания Сибири Ермаком в 1686 году ему был присвоен статус города, и стали именовать с тех пор город Иркутск. В 1986 году иркутяне отметили трехсотлетие Иркутска.

И сейчас все буряты город Иркутск называют по-своему – просто Ирху. Аборигены Иркутской области – буряты, эвенки, и в Присянье малочисленная народность – тофы, которые до Великого Октября были на грани полного исчезновения. Поэтому многие местности и населенные пункты остались до сих пор либо с эвенкийскими, либо с бурятскими названиями.

Можно привести интересные названия тех городов Иркутской области, которые русские немного изменили. Вот название золотопромышленного города Бодайбо произошло от двух бурятских слов. До прихода русских в основном бурятские феодалы со своими рабами за золотом добивались. Да, по тем временам, далеко было то золото и в пути понукали своих рабов словами: «Бода Яба», в переводе на русский: «бода» – вставай, «яба» – иди, езжай, плыви – по-бурятски одно выражение почти – «яба». Когда русские первопроходцы добрались до золота, русские освоили, что означали эти два тяжелых слова в пути. И, по всей вероятности, и русские начали своих подчиненных понукать одним словом: бодаяба, а в последствие это золотоносное место стали называть Бодайбо*. С города Киренска проложена сухопутная дорога через хребты до Бодайбо, возможно, впервые бурятами. Название города Черемхово произошло также от двух бурятских слов. Буряты, до прихода русских, видимо давно знали каменный уголь Черембасса и называли железным углем.

* Автор приводит один из вариантов народной этимологии топонима «Бодайбо». Точная этимология этого слова не выяснена, скорее всего, оно имеет эвенкийское происхождение. – *Ред.*

По-бурятски «шерем» – железо, «хо» – уголь – «Шеремхо». Железо также называют «томэр», но все буряты железную дорогу называют «шерем харгуй» – железная дорога. Таким образом, этот угольный бассейн буряты называли «шерем хо», а русские объединили в одно слово и для хорошего выражения стали называть не шеремхо, а Черемхово, добавив суффикс – «во», как большинство именуют населенные пункты: Новоселово, Комарово, Кистенево и т.д.

А город Тулун почти без изменения остался. По-бурятски «тулун» – это кожаный мешок, сшитый из более тонкой скотской кожи и из ссученных сухожильных ниток, продубленный, и конечно же без единой дырочки, емкостью в шесть и даже поболее пудов зерна. Кто с земли поднимал и уносил тулун зерна, тот человек был в славе. Мелкие крестьяне намолот зерна со своей пашни измеряли тулунами и рассчитывали на годовой прокорм семьи, скота (овес, ячмень), и если что-то остается, то можно продать. Особенно в средних и южных районах Иркутской области многие названия местностей, населенных пунктов остались бурятскими названиями, из которых многие названия сохранились с древнейших времен и современные буряты некоторые названия не в состоянии перевести, хотя большинство бурят родной язык и культуру свою еще не потеряли.

Эвенки же многие свои названия сейчас не в состоянии перевести, так как многие названия именуются с древнейших времен, и многие слова ушли в забвение или же остались чуть схожими. Да и современные эвенки теряют свой родной язык, свою культуру, таежный образ жизни, правила промысла и при этом эвенков здешних мест остается совсем мало по сравнению с военными годами, когда в Вершино-Тутурском эвенкийском Совете было пять колхозов, двенадцать населенных пунктов, именуемых стойбищами. Сейчас на этой огромной территории остались всего три населенных пункта с количеством эвенков меньше, чем было в Эвенкийском колхозе им. Куйбышева.

Я не могу сказать о других эвенках Эвенкийского национального округа Красноярского края и до Тихого океана, а также о других малых нациях севера, но здесь после войны катастрофически изменяется – уменьшается эвенкийская национальность. Они претерпели хрущевский метод ликвидации малых населенных пунктов, и укрупнение населенных пунктов, то есть окучивание населения, которое для малых народов очень плохо сказалось на экономике. Вторым бичом послужил брежневский застойный период, когда с 1965 года образовались коопзверпромхозы и ликвидировались национальные колхозы. Полными хозяевами стали промхозы. и за

это время директоров и охотоведов перебивали десятки, как на испытательном полигоне, то есть менялись хуже медицинских перчаток, но каждый по-своему ставил себя «начальником». Многие далекие от промыслов, а на коренных жителей – эвенков не обращали никакого внимания: отобрали всех колхозных лошадей, отобрали многие охотучастки, эвенкам невозможно стало приобрести оружие и орудия лова и др., но главное, эвенков многие не принимали на работу в охотники. Словом, как колонизаторы оказались, а советские и партийные органы на местах не оказывали помощи в сохранении нации – они были застывшими и поэтому этот период называют застойным периодом.

Сейчас в связи с перестройкой, вся жизнь, быт, культура у всех народностей Севера должны обратно возродиться, иначе у многих народностей исчезнут все накопленные веками язык, культура, быт, охотничьи промыслы и т.д. не физическим путем, а стихийно. Но возрождение каждой нации и народности опять, как в начале Советской власти, только при помощи нашего государства и крупных организаций восстановятся.

Возрожденный народ, в прошлом «дикий тунгус», стал в кратчайший исторический срок образованным, увидел мир настоящий и прошлый и назвал А.С. Пушкина великим поэтом. Этот народ начал давать отдачу своему родному государству, влившись в единую семью многонационального советского государства. У него появилась своя национальная интеллигенция: ученые, учителя, врачи.

В дни Великой Отечественной войны эвенки рядовыми солдатами, отличными снайперами, офицерами, в содружестве со всеми нациями во главе великого русского народа стойко сражались с коварным врагом, отстаивая завоевания Великого Октября до полного разгрома немецко-фашистских оккупантов на Западе и японских милитаристов на Востоке. Об одном забайкальском эвенке, отличном снайпере, Герое Советского Союза Номоконове написана книга «Трубка снайпера». Номоконов уничтожил своими меткими выстрелами более 300 фашистов! Из эвенков еще один Герой Советского Союза – Увачан.

Глава 2

О Тутуре много слышал, что там живут тунгусы, что они замечательные охотники и при этом очень меткие, что в белку на высокой лиственнице и на кедре стреляют только в глаз. И даже женщины молодые и старые не уступают в стрельбе мужчинам. А Тунгусия – край, богатый рыбой, всяким зверем и птицей, ягодами,

орехами, что кроме лошадей и коров много держат оленей, а вот хлебопашеством не занимаются. Это было очень удивительно: как же простонародие не занимается хлебопашеством, а чем же, собственно, занимаются? И о многом другом думалось. И вот поехали мы с Хахунаевым Иннокентием, который в Тутуре работал бондарем уже давно, круглогодично работая по поделке деревянных бочек.

В первый день мы проехали на грузовой четырехколесной телеге – фургоне до поселка Зусай по грунтовой дороге. С наступлением холодов и в сухую погоду летом автомашина-полуторка может пройти, а это лето было дождливое и особенно в одном месте, называемое Чебартуй (по-бурятски Шабарта, в переводе на русский – «грязное место») вязли колеса и лошадь с трудом проходила. Районный доротдел на ремонт этой дороги направлял от колхозов незначительные рабочие силы, так как до райцентра Качуг перевозили различные грузы отдаленным сельскохозяйственным колхозам. Но топкое болотистое место продолжало поглощать все работы, а сейчас шел 1942 год – тяжелый год войны, но дорогу все равно ремонтировали конно-ручным способом и конно-гужевой транспорт не останавливался, хотя и трудно было проезжать даже не с полной загрузкой.

Зусай оказался небольшим поселком, где жили несколько семей эвенков-охотников, у которых на приусадебных участках созревали овощи, картошка, мычали коровы, а уж лай собак прямо оглушающим показался, но пашен не было видно, а вокруг к поселку подступали высоченные, вековые лиственницы. За речушкой Зусай сразу начинался сосновый хребет со сплошными, как свечи, высокими соснами. Кроме охотников здесь в основном жили рабочие и служащие Вершино-Тутурского райпо – районного потребительского общества эвенков, которое, снабжая всеми необходимыми продовольственными и промышленными товарами всех на местах жительства, принимало всю таежную продукцию: пушнину, рыбу, ягоды, орехи, мясо диких животных, лекарственное сырье, а также продукцию оленеводства и звероводства. Постройки: контора, магазин, склады, жилые дома еще были (выглядели) новыми, так как это райпо организовалось в начале тридцатых годов, вернее, некоторым постройкам не было и десяти лет. Вид Зусая мне очень понравился своей неразбросанностью на этой маленькой таежной площадке около незамерзающей речушки Зусая с хрустально-чистой водой.

Назавтра с Хахунаевым на двух верховых лошадях поехали до Тутуры. Я впервые поехал по таежной тропе верхом на коне, а день, как на грех, выдался дождливым. Тропа по хребтам была сравнительно твердой, но где хребты кончались и

начинались таежные пади и топкие болота, лошадям было трудно передвигаться, они часто падали, вязли – ехали тихо. Хахунаев возмущался на погоду: «Нынешнее лето дождливое. Сейчас уже середина августа подходит, а еще в некоторые дни идут дожди, мешают сенокосщикам готовить сено. Да совсем не нужно сейчас дождей. У нас, в Тутуре, дожди мешают ягоды собирать женщинам, а ягоды народилось полно, и рыбу-то в плохую погоду рыбаки плохо добывают».

Для меня тогда было не все ясно о занятиях таежных жителей. Одно меня интересовало: если совсем не занимаются землепашеством, то все же чем занимаются эти люди – эвенки (тунгусы)? Этот вопрос я задал Хахунаеву. «Что ты, у тунгусов совсем времени не хватает, а сейчас на войну с Гитлером забрали и забирают самых хороших и работающих мужчин и никуда рабочей силы не хватает, а планы заготовок сейчас больше, чем до войны были. До войны мы, два бондаря, свободно работали и в некоторые года оставались пустые бочки, а сейчас мы работаем усиленно, а бочек не хватает – нам еще помогают со стороны. И во всех стойбищах у бондарей такая штука. Я на пять дней отпросился, а теперь ночами мне надо упущенное догонять.

Мы дорогой пили чай – обедали, и почти весь день я расспрашивал у него о жизни, работе эвенков, так как он давно работает у эвенков. Меня интересовало: сколько бочек за год один бондарь выпускает? Он сразу ответил: «До войны бондарь за год выпускал до 250 бочек, а сейчас дают задание на 320 и более бочек, но и их еще не хватает».

Удивляясь, спрашиваю: «Неужели около 700 бочек для одной Тутуры не хватает? И что же в них затаривают?». «Да. Не хватает теперь. В бочки в летнее время теперь затаривают ягоды, рыбу, мясо сохатинное, медвежье, а зимой-то мясо, рыбу сдают замороженное. Тунгусы круглый год работают. С наступлением холодов все: старики, старухи, женщины уезжают на оленях со своими маленькими детьми на охоту за пушниной и попутно других зверей добывают. И так до глубокой зимы они находятся в тайге, кочуя с места на место с оленями. У женщин еще больше работы: вся домашняя работа, уход и воспитание детей кроме охоты, рыбалки и сбора орех. Каждой женщине надо выделывать шкуры и шить одежду и обувь для семьи, вязать и ремонтировать сети и невода, возиться с оленями и доить их. А у кого корова есть, то и корову надо доить и ухаживать за ней, да у многих семей много собак, которым также надо готовить еду и кормить.

Мне думалось, что лесные люди ничего не делают, а тут выяснилось, что они занимаются разнообразным трудом усердно, и труд этот надо хорошо знать. От

Хахунаев узнал, что не каждый сможет работать как эвенки, которые из поколения в поколение передают веками выработанный опыт работы и жизни в тайге.

Несмотря на то, что день был дождливый и я почти весь промок, прошел этот день очень быстро в интересных разговорах, и мы в пути отемнели. Впотьмах мы доехали до жилищ, где собаки нас встречали лаем, а дождь все шел, и видно было силуэты ближних построек.

Хахунаев мне сказал, что мы доехали до старой Тутуры. Что завтра уже доедем до Культбазы, а сегодня переночуем у старика Сидора в юрте. У костра быстро отогреемся и высушимся.

Заходим в эту юрту-чум, покрытую лиственничной корой. Юрта оказалась просторной, кругом нары, а в середине горит веселый костер, который мы готовы обнять. Внучата резвятся около деда. Дед Сидор спокойно сидит, поджав ноги под себя, с трубкой во рту, недалеко от костра, а старуха сразу навешивает на костер суп, чай и в костер подбрасывает дрова. Мы быстро отогрелись и плотно поужинали. Я впервые нахожусь в таком помещении и часто, вставая, ударяюсь головой о наклонные стенки юрты. Дым не ощущается почти, утягиваясь в дымоход. Когда забрякало множество разнозвучных колокольчиков, я, прислушавшись, спрашиваю: «Что за колокольчики появились?», мне сразу спокойно отвечают: «Это олени прибежали соли просить».

Я оленей ни диких, ни домашних еще не видел, и не подавая знака об этом вышел из юрты посмотреть. Впотьмах увидел силуэты огромных животных с огромными ветвистыми рогами, и поспешно зашел обратно в юрту и свое недоумение высказываю: «Вот сейчас олени ко мне начали подходить и своими огромными рогами могут боднуть или юрту своротить». На это хором засмеялись и объяснили, что они просят лизнуть соли, что они не бодаются, смирные, и их где угодно поймаете, протянув мешочек с солью. А Сидор добавляет: «А вот скоро в сентябре у них начнется гон. Во время гона быки-производители становятся злыми. Дерутся между собой, и они могут боднуть и человека, и своротить юрту во время драки. Тогда надо быть осторожным к быкам, а матки всегда спокойные, и выложенные быки, кастрированные. Скоро у оленей и сохатых рога окостенеют, а сейчас еще бархатные. Мы у оленей-производителей отпиливаем рога, укорачиваем, чтобы эти вилы не оставались, иначе во время драки эти быки могут друг друга поранить».

Посидев и покулив, добавил: «Осенью также гон начинается и у диких оленей. Такие дикие быки опасны для домашних быков с укороченными рогами. Эти дикари

могут своими острыми рогами пропороть беззащитных быков, но дикарей оленеводы сразу замечают и убивают, а мясо у них еще хорошее, жирное бывает».

Таким образом, я уже многое узнал, о чем раньше не представлял, но многое предстояло выяснить, и неудобно было все расспрашивать, так как в ходе работы и жизни среди эвенков все выяснится помаленьку.

Сидор почти в совершенстве знал бурятский язык. Разговаривая со мной по-русски с акцентом и по-бурятски, сразу переключался на свой эвенкийский язык с внучатами и что-то скажет старухе по-своему.

Впоследствии выяснилось, что не только дед Сидор знал по-бурятски, а многие тутурские старики. Оказывается, они при царизме свою пушнину сдавали бурятским купцам и взамен брали муку, оружие, боеприпасы и другие товары. Поэтому частое общение с бурятами привело к знанию бурятского языка.

Хорошо обсушившись около костра, тепло переночевали в этой юрте. А назавтра поехали до основной Тутуры, где мне предстояло начать работать – а здесь все основную Тутуру называли Культбазой.

Проехали около двух километров и нам сразу открылась панорама Культбазы с хорошими новыми постройками: больница, семилетняя школа, интернат, магазин, здание национального Совета, клуб, пекарня, теплые жилые дома для всех работников, школьная столовая, склады и др. Здесь же контора колхоза имени Куйбышева со всеми колхозными постройками: конюшня для тридцати девяти лошадей, загородка для более восьмисот оленей и другие постройки. И все это уместилось на этой довольно широкой поляне, окруженной тайгой. С правой стороны к Культбазе вплотную подходит хребет, покрытый густыми высокими кедрами, и шишки на кедрах можно было видеть почти прямо с улицы Культбазы.

Урожай орех в этом году был очень богатым – на каждом кедре густо висели созревающие шишки и даже на небольших, жердушечных кедрюшках, по несколько штук крупных шишек созревало, и эвенки радовались: «Ох, и урожай орех нынче отменный. Сыты будут белки, медведи, которые хорошо перезимуют, а весной гон у белок хороший будет и крепкое потомство родят, а на будущую осень белок будет много и охотники добудут много пушнины. А медведи в эту осень залягут в берлоги жирными, с хорошим вкусным салом. Охотники начнут добывать хороших медведей, а мы много орех заготовим, перевыполним планы».

Оказывается, что у каждого жителя своя радость: сельские жители радуются своему труду, дождавшись хорошего урожая хлебов и огородных культур, а таежники

радуются хорошему урожаю орех, ягод, нагулу рыбы для хорошего улова, хорошей миграции копытных зверей, при которой охотники хорошо заготавливают мясо и шкуры, а шкуры – это одежда теплая, обувь различного сезона, рукавицы, ремни оленеводам, которых много требуется, гужи, сбруя и многое другое.

Культбаза – это центр эвенкийского национального Совета, где все дети эвенков со всех отдаленных стойбищ (эвенкийские деревни) учатся в школе, живут в интернате. Питание, одежда, обувь – все за счет государства. А штат работников в школе каков: рабочие, сторожа, повара, доярки, доящие школьных коров, зав. складом, воспитатели, ночные няни, уборщицы, прачки. И состав учителей полный комплект, да при том учителя, как говорят, отборные.

В остальных школах района полнейший недостаток в преподавательском составе, так как много учителей сражались на фронте с фашистами. Поэтому Вершино-Тутурская семилетняя школа (начальная средняя школа – НСШ) по Качугскому району была всегда передовая. На всех учительских совещаниях, конференциях эта школа была примерной и показательной. В такие тяжелые военные годы на обеспечение малых народов Севера наше государство нисколько не уменьшало финансирование.

В тот же день я принял работу секретаря Совета и начал знакомиться с работой и людьми. Мне просто не верилось, что у нас в стране существуют такие школы, где все учащиеся на полном государственном содержании и притом таком хорошем, но факт налицо. Вся работа эвенков и жизненный уклад – для меня было все новым. Между сельскохозяйственными колхозами и эвенкийским колхозом абсолютно большая разница выявилась.

А работа кипела. Не такие большие задания были даны по заготовке сена, и каждый стремился заготовить сено для колхоза и личного скота, у кого он был, и приступить к сбору ягод. Часть людей трудилась по выполнению плана рыбодобычи, одновременно занимаясь и сбором ягод и заготовкой сена, а сенокосные угодья в таежных местах плохие – кочковатые. Хорошо, что после дождей установились ясные, солнечные дни, как будто сама природа помогала людям. Созрел богатый урожай ягод: голубики, черной смородины. Уже ближние ягодники обобрали и начали на оленях переезжать по отдаленным ягодникам, а многие уезжали ночи на три и более. А как красиво возвращение ягодниц! Одна женщина впереди ведет оленя, за которого вереницей друг за дружку за седла привязаны остальные, до десяти и более оленей, навьюченные ягодой, постелями и другими вещами, материалом для чума и дети еще

верхом сидят. Этот рогатый караван идет послушно за передней женщиной, которая временами кричит: «Мода, мода, мода!», чтобы вся вереница шла дружно друг за дружкой. У всех звенят разнозвучные колокольчики и у каждого оленя щелкают копыта. Передней женщине надо быть легкой, проворной, так как олени не любят тихий ход, иначе топтать будут, и караван начнет путаться. Я удивился, что некоторые бойкие женщины за день собирают до 50 килограммов голубики, а смородины еще больше. Голубику собирают не вручную, а берестяным битком, сшитым из бересты, к чему надо умение и сноровку, а смородину собирают иначе. У ягодницы впереди привязана через шею берестяная плоская посуда, в которую она обеими руками набирая ягоды с кустов, сыплет в эту переднюю посудину. Сзади – за спиной, вторая посуда, более емкая, в которую сыплет с передней посуды по мере увеличения, а когда за спиной становится тяжело, оставляет ее в определенном месте и другую посуду прикрепляет за спину, а после окончания сбора на оленях все соберет.

При сдаче на заготовительный пункт центнеровые бочка за бочкой заполняются. Вот где пустые бочки ежедневно десятками «проглатываются». В сборе ягод принимают участие все: старухи, по своей оставшейся силе, которые в молодости были бойкими ягодницами, и девушки, которые перенимают опыт сбора у матерей, и девчонки, которые учатся. Часто слышны поучительные окрики матерей и старших сестер. Подростки и мальчики тоже заняты делами. Они около оленей поддерживают дымокуры, отпугивая гнус, доставляют собранные ягоды, заготавливают дрова, готовят еду, но они крепко знакомы с правилами противопожарной безопасности. Мужчины у эвенков не собирают ягоды. Это чисто женское дело. Считают: у мужчин другая работа.

В первые дни работы я ездил верхом на коне к ягодницам, ночевал в походном чуме, посмотрел, как настоящие ягодницы ведут сбор ягод, а ягодники здесь богатые, такие впервые увидел. По всей Тутуре самая бойкая ягодница, самая передовая эвенка Попова Татьяна. Она была физически сильная. Когда недалеко от стойбища женщины собирали ягоды, как они говорили – сбор ягод около дома – Попова больше всех на себе ягод притаскивала, около сорока и более килограммов, не прибегая к помощи, к оленям. Это до пяти километров от стойбища в округности, а дальше уже уходили с оленями на богатые ягодники. Побывал у рыбаков. Здесь большинство мужчины пожилые, старики. Рыбачат и женщины, которые, выкроив время, собирают ягоды. Ведь кругом тайга, а по берегам водоемов в изобилии растут ягоды. Здесь приемщик принимает и рыбу и ягоды, и опять же бочка за бочкой заполняется продукцией. Да!

Действительно, много бочек нужно. Рыбаки охотятся за копытными зверями, в основном за сохатыми (лосями) и мясо сдается государству, засаливается в бочки. Принимают и солят в бочках водоплавающую дичь (утки, гуси). Рыбаки одновременно и сено заготавливают, до наступления ледостава отлавливают ондатру, которую сюда завезли в 1936–1937 годах. Она быстро акклиматизировалась и уже через три-четыре года приступили к ее промышленному промыслу (сдача шкурок государству).

Когда водоемы покроются льдом, настанут холода, станет выходной пушнина, все уезжают на промысел пушнины, завершив все летние работы, в том числе до холодов, и при первых заморозках, и даже по первому снегу потрудившись на сборе кедровых орехов и весь сбор обработав.

На пушной промысел уезжают, оказывается, все: и старики и старухи, которые, не усидев дома, по возможности охотятся, либо на местах остановки остаются «дома», в чумах, следить за оленями, готовить пищу для семьи, для собак, обрабатывать пушнину, нянчиться с внучатами. Сыновья, дочери охотятся больше, полный световой день, зная, что на стоянке все хорошо, что придут вечером – в чуме будет тепло и уютно, и ужин хороший над костром будет в котлах висеть. Опромыслив в одном месте, перекочевывают на другое, свежее место. Охотятся и подростки и девушки, но под постоянным наблюдением, учением матери, отца или старших охотников. Дети школьного возраста учатся в школе и живут в интернате, а дома остаются опустевшими, у некоторых на замке, а большинство без замков, на подпорках, чтобы случайные собаки не залезли, а воровства у эвенков совершенно нет.

Вот здесь узнал некоторые детали эвенкийского труда, что у них круглогодичная сезонная работа идет, и работа тяжелая, требующая мастерства и умения, которые у эвенков передаются из поколения в поколение. Молодые, подрастая, обучаются всем таежным профессиям.

Оказалось, что в Тутуре картошка и другие овощи плохо растут из-за ранних заморозков.

Через несколько дней работы я зашел в больницу, где работал врачом китаец Лю Сян Пу Владимир. Он гостеприимно принял меня. По всей больнице полнейший порядок и чистота. Фельдшер Гайворонская Вера, санитарка – все ходят в белых халатах, хотя больных никого не было.

Лю Сян Пу был сухопарый, небольшого роста, очень подвижный, разговорчивый, но по-русски местами приходилось догадываться, о чем говорит. Он быстро приготовил китайские пампушки и накрыл стол всякими угощениями, а сам ни

минуту не молчит: либо по-китайски песенки поет, либо что-нибудь говорит, шутит, а по китайскому обычаю жена ни пальцем не должна прикасаться в кухне – сам еду готовит, посуду сразу чисто вымоет. Он мне показывал китайские книги, которых в его личной библиотеке было порядочно, читал по-китайски стихи и песни три спел. При разговоре выяснилось, что он на родине, в Китае, окончил гимназию, затем эмигрировал в Советский Союз и у нас два года учился русскому языку, после чего окончил Иркутский медицинский институт и два года еще проработал в лаборатории при институте. Вообще, врач был сильный, о чем говорили в Качугском райздравотделе. Он объездил все эвенкийские стойбища, проверяя состояние здоровья всех и советуя проведение профилактических мероприятий, хотя в отдаленных стойбищах работали фельдшера. Он придирался к малейшему антисанитарному состоянию во всех квартирах, во дворе. Зайдя в любую квартиру, заглянет в кастрюлю, что и как готовится, обед или ужин, проверит и понюхает другие продукты.

Однажды в Совете сижу за работой, и Лю Сян Пу быстрыми шагами заходит и меня хватает за руку и говорит: «Пойдем быстрее!». Я подумал, что-то где-то серьезное случилось и, недалеко пройдя, заходим в одну квартиру, где одна старуха-эвенка готовила обед из сохатинного мяса порядком протухшего и от кипящего супа запах резкий отдавался. Врач меня подвел к кастрюле, понюхал и, морщась, говорит: «Вот какое мясо бабушка начала варить, и неужели пообедала бы. Я хотел вылить на улицу в помойку, а она не дает еще. Ведь она отравится!».

Он быстро берет тряпки, снимает кипящую кастрюлю, чуть не бегом выносит на улицу, и в помойку в одном месте вылил, после чего попросил керосину, которым облил и зажег.

Старуха в данный момент не сопротивлялась, и все улыбалась, смеялась, глядя, как врач с этим обедом справляется. После этого он спросил ее, не осталось ли еще такого мяса, а старуха с улыбкой ответила: «Нет у меня больше такого мяса».

Врач после этого ей говорил, говорил, что испорченный продукт нельзя употреблять в пищу, что можно отравиться, заболеть, а старуха твердила свое с улыбкой, что смолоду ела кислое мясо, рыбу и ничего не делалось и не сделается. Что живет восьмой десяток лет, и никогда от продуктов не болела.

Лю Сян Пу махнул рукой и мы вышли. Он до Совета все твердил, что микробы испорченных продуктов могут вызвать различные заболевания.

Интересно было смотреть на Лю Сян Пу, когда он ездил верхом на коне. Он беспрерывно дергает за повод, и его ноги мимо стремян быстро перебираются, как

будто быстрыми шагами, чуть не бегом по земле идет, и при любом ходе коня, ему казалось, что идет тихо, а сам напевает по-своему. Его в конце 1942 года взяли в армию, а в марте 1943 г. он приезжал к жене на побывку, уже капитаном медицинской службы. Его русская жена с сыном после этого уехала, видимо, к нему, а библиотеку личную он увез.

Лю Сян Пу сажал картошку и овощи, и после этого мне говорил: «Я куль картошки посадил, а выкопал чуть побольше куля мелкой и овощи плохо растут. Здесь нужно сажать только в парниках, и удобрения нужны».

Такое заключение дал врач-китаец, а китайцы – мастера-огородники. Он еще и рыбачил. В речке Тутура, которая свое начало берет с Тутурских озер, очень много было маленьких рыбок – гольянов, которых ловили на удочку, хоть пять крючков привязывай, наживив дождевым червяком. Они успевали схватить все пять крючков и сразу пять рыбок вытаскивали и быстро, сколько нужно, добудешь. Он таким путем порыбачил, а затем решил загородить заездок и начал добывать помногу. Рыбу раздавал кому нужно и решил посолить в бочке на зиму, но, видимо, мало посолил, и эта рыба начала чуть припахивать. Он сразу выкопал яму и из всех двух бочек вывалил рыбу в яму и закопал, а сколько трудов потратил (таскал, порол, и др.).

Шла ожесточенная война с гитлеровскими захватчиками на фронте. Все трудились с удвоенной энергией, так как многие семьи стали фронтовыми – так называли те семьи, у которых члены семьи были взяты в армию и сражались на фронте. Нашу армию, рабочих военных заводов, раненых бойцов в госпиталях надо было кормить хорошими продуктами питания. На собраниях, и так, при личных разговорах, многие говорили, что когда наши после Победы над врагом вернутся домой, мы скажем, что мы здесь, в тылу тоже сражались с общим врагом, перевыполняя высокие планы заготовок, трудились, не жалея рук, не зная отдыха, не считаясь со временем. А кто в армию не ушел, вправе был сказать, что я трудился за себя и за тебя. Все трудились упорно и не было лодырей, только некоторые отставали ввиду неумения, плохой разворотливости. Качество труда всплывало при подведении итогов социалистического соревнования, а итоги подводили часто и при сборе ягод даже ежедневно.

Да какой же лодырь может образоваться? Труд у эвенков таков, что общего труда, где кто-то может быть симулянтом или же лодырничать за счет общего труда и оказаться неумелым, нет. Эвенкийский труд носит индивидуальный характер, как говорится – товар налицо: сколько собрала ягод – видно, а если поленилась хоть день

– уже ничего не видно, какое количество белок добыл – тоже видно. И никто лодырю ни одной белки не даст. Не добыл сохатого – сиди без мяса, хоть любой уж мяса-то даст. Но совесть любого побьет, когда стоит лишь походить и добыть можно, а не валяться дома, если не болеет человек. Коллективно – только неводьба рыбы, но тут все видят друг друга и некогда отлынивать никому – вся работа связана одной ниткой, а остальная рыбалка сетевая, где кто как потрудился – товар налицо. Таежный труженик – это вечных ходок. Есть пословица: «Волка ноги кормят». А насчет таежного труженика можно сказать: «Таежника ноги и руки кормят». Поэтому по Тутуре ни одного эвенка не видел неповоротливого, полного и даже старики и старухи легки в движениях, все сухопарые, им не требуется гимнастики – они вечные гимнасты, особенно молодые женщины – юркие, проворные. Когда они идут с оленями и выючат и развьючивают оленей, любой обратит на это внимание.

Август 1942 года. Год напряженный. Когда в Совет с почтой поступит пакет от райвоенкомата, осведомленные прибегали и ждали с замирающим дыханием вскрытия пакета, так как в каждой семье кто-то ждал повестку в армию, а у кого-то члены семьи уже были в армии, сражались на фронте. Ужасным известием было получение извещения о гибели, а такие извещения поступали и в других наших городах, селах, деревнях, а также поступали повестки о явке в райвоенкомат, имея при себе необходимые вещи. В таких случаях немедленно отправлялись нарочные на место работы в тайгу, на рыбалку, и в течение суток все выезжали, а повестки в отдельные стойбища доставлялись специальными нарочными, которые ехали, не считаясь со временем, лишь бы быстрее доставить повестку. Но многие с отдаленных стойбищ в военкомат являлись с опозданием.

Агитационно-массовая работа находилась на высоком уровне. Вся местная интеллигенция, комсомольцы были привлечены к этой работе. Нигде не было ни телефонов, ни радио, ни рации. Все ждали почтальона с газетами, где узнавали по сводкам Совинформбюро об успехах наших войск на фронте и другие новости: хозяйственной жизни страны, области, региона. Пожилые, старые эвенки были неграмотными – «наследство царизма», и они с большим интересом слушали все новости. Они, закаленные в труде, были наставниками молодежи, учили молодых, как надо работать и сами были в труде примером. Эвенки оказались народом дружным, веселым и ни при каких обстоятельствах не унывающим. После трудового дня или прибыв с дальних мест работы (охоты, рыбалки и др.) вечерами все собирались в клубе, где организовывали различные игры, танцы, пляски и всюду звучали балалайки,

гитары, гармони и баян, который был один по всей Тутуре. А сколько было смеху, хохоту, а назавтра наступал напряженный рабочий день.

Уезжая на отдаленные участки работы (охота, рыбалка, отгонные оленеводческие участки и др.), молодые брали с собой в богатой школьной библиотеке книги, а также оставшиеся газеты, которые по многу раз перечитывали. Ведь на остальных стойбищах не было ни библиотек, ни клубов. Они там, в свободное от работы время, вечерами у костров читали книги, газеты, а старшие, неграмотные, с интересом слушали.

Правление колхоза часто проводило заседания, производственные совещания на местах работы, общие собрания перед наступлением сезонных работ (сбора ягод, орех, рыбалки, охоты, сенокоса и др.). Национальный Совет также часто проводил заседания исполкома и перед важнейшими работами – сессии (перед наступлением осенне-зимнего охотничьего сезона, перед весенне-летней путиной и др.), куда приглашались представители райпо, продавцы, заготовители, медработники, учителя, где выявлялись все недостатки и намечалось их устранение.

Так, общими усилиями, все планы заготовок выполнялись, а по некоторым видам во много раз перевыполнялись, допустим, в урожайные годы по ягоде, ореху, пушнине.

В конце августа призвали в армию председателя Баирова, и председатель райисполкома Наричын попросил временно поработать меня за председателя этого эвенкийского Совета.

Об этом я опять доложил своим родителям, которые согласились на мою намеченную работу и сказали: «Уж Бог тебе поможет, и будет видеть тебя. Съезди, поработай в тайге». Мои родители были северными и не христианской, а бурятской веры, которая, видимо, зародилась от буддийской веры.

Их пропагандировать на атеистические темы было бесполезно, и мы, молодежь, комсомольцы, знали, что со старыми людьми на атеистические темы вести агитацию нет смысла и порою во многом соглашались, чтобы их не раздражать. А старые знали, что мы – молодежь, и особенно комсомольцы, все атеисты, и как говорится, два поколения жили в содружестве, хотя наши родители были неграмотными, суеверными и религиозными. Когда я в сентябре 1938 года изъявил желание вступить в комсомол, они сразу одобрили и всегда говорили, что мы вдоволь хлебнули горя при царизме, а сейчас новая Советская власть, и вы, молодежь, должны руководить.

Я учился в 6-м классе и мне не было полных 15 лет, когда я кое-как дождался получения комсомольского билета и комсомольского значка, а в то время вступить в комсомол было не так-то легко. Детям репрессированных, раскулаченных, заключенных или бывших заключенных, а учащаяся молодежь – отстающие в учебе и недисциплинированные – таким уже не было пути в комсомол. Сельская молодежь также должна быть дисциплинированной и примерной в труде. Кто на груди носил комсомольский значок из рабочей сельской учащейся молодежи – было ясно, каков он или она есть.

Комсоргами в школах были учителя старших классов.

Все же несправедливо было, что дети репрессированных, раскулаченных, заключенных не принимались в комсомол. Многие из них – передовые в учебе и в поведении, с завистью смотрели на нас, комсомольцев, и многие помогали комсомольцам и были друзьями и товарищами: и девчонки, и парнишки. Среди рабочей и сельской молодежи была единая дружба, а в начале и в ходе войны все были взяты в армию, и все одинаково сражались с фашистскими оккупантами, и в тылу трудились самоотверженно.

Итак, я с Богом собрался ехать в Тутуру, к людям тайги, таежных рек и озер. С первых дней работы секретарем сразу заметил интересную деталь: в оттисках печати и штампа значились «Тутуро-Очеульский туземный совет Качугского района Иркутской области». Выходит, что при первоначальной организации национального Совета людей тайги – сибирских джунглей – эвенков еще называли туземцами, а русские старики и старухи в дни войны еще называли эвенков инородцами, но больше тунгусами. До начала войны не успели поменять печать и штамп, и они юридически законными были, хотя уже именовали Вершино-Тутурским национальным Советом Качугского района Иркутской области и поменяли лишь в начале пятидесятых годов.

Особенно старые эвенки по-русски сами себя называли тунгусами, а на родном языке свою нацию эвенки, с ударением на «и».

Впоследствии, когда начал понимать их язык, обнаружил характерную черту. Допустим: кто-то идет издалека, и не могут узнать – кто идет: эвенк, русский или бурят, а когда узнают при приближении, как ни в чем не бывало, скажут, что это не человек идет, *орэ ила эмэрэн*. По-эвенкийски *ила* – в переводе «человек», и если человек другой нации идет, сразу скажут – *охен ила бихин*, то есть – «не человек есть». Эвенки сами себя, свою нацию считали и называли человеками, людьми, а остальные

нации – нечеловеки и нелюди. Это откликалось эхо с глубины веков и угасло уже не так давно вместе со старым, неграмотным поколением.

Проработав менее месяца секретарем в Совете, а затем начав работать и председателем Совета, все же ознакомился немножко с эвенкийской работой, жизнью, с людьми, пока в пределах Тутуры (Культбазы, Старой Тутуры, Зусая), а остальные стойбища, колхозы, люди, жизнь и быт – все было неизвестно. Но шли регулярные сводки о ходе выполнения планов заготовок из глубинки и довольно хорошие. В этом помогала и сама природа – установились устойчивые ясные дни, и люди успевали вырвать природные дары.

За это время побывал у сенокосчиков на покосах, расположенных на многих лесных полянах, у рыбаков на озере Эконор, Тутурских трех озерах, у ягодниц на дальнем участке Ковылей, где богатые плантации голубики, которые голубым ковром покрыли весь хребет сплошную, начиная от жилищ. Ковылей – это бывшее стойбище, расположенное около 60 километров от Культбазы.

При организации колхозов, строительстве Культбазы, все жители этого бывшего стойбища переехали на Культбазу, а теперь пустуют дома, и уже ягодницы один дом начали разрушать на дрова. Зимой сюда завезены были пустые бочки, которые ягодницы заполняют и которые зимой вывезут. Сюда приехали ягодницы – молодые женщины, девушки и все разместились в одном большом доме. Вечерами уснувшее стойбище оживает песнями, смехом, хохотом, визгом девушек и уезжать-то с этого места совсем не хочется.

Побывал на отгонном участке оленеводов у беспокойных тружеников тайги. Попробовал густое оленьё молоко, сливки после сепарирования и оленьё сливочное масло. К моему великому удивлению узнал, что оленеводки знают от какой матки какой теленок – и при дойке приводят теленка к матери-матке, которая, понюхав, узнает своего теленка и дает сосать. Первачку кажется, что все олени одинаковые, а их сотни ведь. Вот тут уж какое дарование нужно: всех своих закрепленных оленей знать по кличке, а также своих телят, и клички даны эвенкийские. Это сотни разных кличек. Из этого можно сделать вывод, что эвенкийский словарь довольно обширный, и этот устный словарь передавался из глубины веков, который угаснет в подрастающих поколениях. Узнал, что труд оленеводов довольно трудный, и не каждый сможет при любом желании сразу стать оленеводом, а надо сначала учиться. Поэтому старшие оленеводы учат молодых, здесь нужны люди, упорные в труде, иначе оленевод или

оленоводка не получится. Олень – животное полудикое, своеобразное, и уход за ним требует знаний, физического здоровья, любви к этой профессии.

Попробовал верхом проехаться на олене, но не тут-то было, это не конь. Сначала надо научиться держать равновесие, так как вся спина у оленя ходуном ходит. Видно свободную езду детей, женщин, старух, стариков, но они давно это освоили, начиная с грудного ребенка в походной зыбке, а зыбки сделаны очень удобные, в которых ребенок пеленованный почти в полусидячем положении находится. Мать, навьючив походную зыбку сбоку оленя наперевес с равным грузом, ведет его в поводу, либо сама на олене едет, а вместо соски кусочек отваренных либо мяса, либо языка положит в рот ребенку. Эти кусочки протыкают гладенькой палочкой, чтобы ребенок не подавился, а сверху зыбку накидывают марлей от гнуса и всяких соринки, а олень при езде укачивает и ребенок спит крепким сном, и сбоку зыбки прикреплены побрякушки около головы.

Побывал я во всех домах и на местах работ, в чумах и везде, и все проявляли большое гостеприимство. Словом, нация весьма гостеприимная оказалась.

В первые годы войны, в самые тяжелые периоды, наши союзники нам поставляли помощь в крайне малой степени. Они (США, Англия) обещали поставить с октября по декабрь 1941 года 1200 самолетов (из них 300 бомбардировщиков), 1500 танков и 50 зенитных пушек, а передали 750 самолетов (из них 3 бомбардировщика), 501 танк и 8 зенитных пушек. В 1942 году программу поставок выполнили на 55%. А всего военные поставки по ленд-лизу за всю войну составили: 9,6 тыс. орудий, 18,7 тыс. самолетов и 10,8 тыс. танков. За это же время промышленность нашей страны произвела 523 тыс. орудий, около 142,8 тыс. самолетов, 110,3 тыс. танков и САУ (самоходных артиллерийских установок. – *Ред.*). В целом, поставки из США и Англии составили 4% произведенной промышленной продукции в Советском Союзе, а продовольственных товаров всего 2,8% от общего производства продуктов. В основном использовалась продукция нашего сельского хозяйства, но в документах нашей партии и в трудах советских историков подчеркивается, что «советский народ признателен народам и правительствам, оказавшим помощь Советскому Союзу в тяжелые для него годы», но ни о какой решающей роли ленд-лиза в разгроме фашистов речи быть не может.

Ведь наша военная промышленность в дни войны произвела военной продукции (техники) более чем в два раза, чем фашистская Германия и ее сателлиты, которые произвели 78,9 тыс. самолетов, 53,8 тыс. танков и САУ, 170,1 тыс. орудий, и при этом

наши самолеты, танки и орудия значительно превосходили по своему качеству фашистские и зарубежные аналоги. Кроме наших самолетов и танков не было равных нашим реактивным минометным установкам – знаменитым «Катюшам», 152-х миллиметровым гаубицам.

Наше государство оплачивало за получение от союзников товаров и военной техники платиной, золотом, пушниной и многой другой ценной продукцией. Только хромовой руды 300 тыс. тонн, марганцевой – 32 тыс. тонн оплачено США по так называемому обратному ленд-лизу.

Англо-американские капиталисты, поставляя нам продукцию по ленд-лизу, нашли хорошего покупателя, имея при этом большие прибыли у себя, а многая продукция была совершенно негодной, по нашим, по советским правилам, залежалым, подлежащим к списанию и уничтожению товаром. Но в наше тяжелое военное положение они радовались сбыту таких товаров, а у нас была огромная нужда.

Ведь многомиллионных пленных фашистов, а затем пленных японских самураев надо было кормить, одевать, не говоря уже о снабжении Красной армии, военных заводов и миллионов выздоравливающих раненых наших воинов в госпиталях. Только в одном городе Иркутске за время войны лечились более 100 тысяч раненых наших воинов. Героически трудились наши тыловики, снабжая свою Армию всем необходимым, а труженики сельского хозяйства, промысловых хозяйств, в основном женщины, снабжали продуктами питания и сырьем, а эвенки и другие малые народы еще дополнительно сибирской пушниной, особенно ценной на мировом рынке.

Все же создание антигитлеровской коалиции (СССР, США, Англия) было необходимым для разгрома общего мирового врага – германского фашизма, но все эти незначительные поставки, которые были направлены на разгром общего врага, должны были быть бесплатными. Кроме того, вся полученная от союзников техника рушилась вместе с нашими воинами в боях с фашизмом, и мы за это платили, а они богатели, извлекая прибыли. Они знали, что в этой жестокой смертельной схватке с фашизмом у нас рушатся сотни и тысячи городов, сел, деревень, а люди гибнут миллионами, но без совести и стыда протягивали руки за оплатой за поставки. Это было ужасной несправедливостью.

Буржуазные идеологи, особенно американские, раздувая антисоветизм среди школьников, студентов, молодежи, умалчивают о наших героических сражениях в борьбе с фашизмом, о победе советского народа на фронте и в тылу и сочиняют всякие ложные измышления.

Американский историк Лукас заявляет, что «СССР находился на краю гибели и устоял только благодаря помощи капиталистических держав». Профессор Эрикссон придумал, будто «без поставок по ленд-лизу СССР потерпел бы поражение из-за одной только нехватки продовольствия», или же американский историк Г. Инфельд, пытающийся очернить роль СССР в разгроме фашизма, пишет: «без ленд-лиза Советский Союз не смог бы выдержать нашествие фашистов». Словом, буржуазные идеологи вбивают в головы молодежи, что «военные усилия русских зависели от поставок Британии и Соединенных Штатов».

А вот реальные оценки этой помощи дали сами государственные деятели, правящие в дни войны Америкой и Англией.

Помощник президента США Ф. Рузвельта Г. Гопкинс отмечал: «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в Советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии». Госсекретарь США Э. Стеттиниус в 1944 году писал: «За эту помощь русские заплатили уже цену, которая не поддается измерению в долларах или в тоннах, это миллионы нацистских солдат убитых, или взятых в плен, нацистские танки, превращенные в груды железного лома на поле боя, пушки и грузовики, брошенные отступающими германскими армиями. Русские заплатили «дорогой ценой» за победы, которые они одержали, защищая земли своей Родины от Германии».

Газета «Нью-Йорк Таймс» писала в 1941 году: «Помощь США Советскому Союзу не есть дружеский жест. Она является лишь выражением того факта, что Германия представляет наибольшую опасность, и что Соединенным Штатам выгодна любая мера, направленная к тому, чтобы Гитлер завяз в России». А во время англо-американской конференции в 1943 году (в Касабланке), президент Ф. Рузвельт подчеркивал, что поставки в Россию – «выгодное вложение капитала для Соединенных Штатов», а премьер Великобритании У. Черчилль подчеркивал о помощи Советскому Союзу, что «никакая другая форма вложения капитала не может обеспечить лучшие военные дивиденды». Еще более откровенно высказался новый президент Г. Трумэн, сменивший после смерти Ф. Рузвельта. Он писал в мемуарах: «Деньги, истраченные на ленд-лиз, безусловно, спасли множество американских жизней. Каждый русский солдат, который получал снаряжение по ленд-лизу, шел в бой, пропорционально сокращал военные опасности для нашей собственной молодежи». Многие высказывались на счет ленд-лиза и справедливо отмечали,

например, американский историк Дж. Херринг писал: «Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы всегда ясно представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь».

О наших поставках за полученные товары и технику (обратный ленд-лиз) министр торговли США в годы войны Дж. Джонс отмечал: «Поставками из СССР мы не только возвращали свои деньги, но и извлекали прибыль, что было далеко не частым случаем в торговых отношениях, регулируемых нашими государственными организациями».

Товары и техника, полученные по ленд-лизу – это незначительный кусочек, который военная собака мигом проглотила, а наш советский тыл выкраивал для расчета средства, от которых капиталисты получали прибыли. В то же время мы несли огромные потери материальные и, главное, бесценные людские потери, которые достигли до 20 миллионов человеческих жизней. Уничтожены были тысячи деревень, сел, городов, а в США ни одна пуля не упала. Общие потери США и Англии в дни войны составили всего 400 тыс. человек, которые в большинстве случаев пострадали при бомбежке и потоплении военно-десантных кораблей фашистской авиацией, ВМС (Военно-морских сил – *Ред.*) у европейского континента.

За время военных действий второго фронта 6 июня 1944 г. до окончания войны, фашистские войска уже ослабели и много дивизий было оттянуто на Восточный фронт, где русской армией уничтожались дивизия за дивизией, и уже фашисты ползли, а не шли. Англо-американские войска шли уверенно, можно сказать, спокойно, так как в оставшихся фашистских войсках шло уже брожение, и они знали, что все остальные силы перемолоты Красной армией, что они доживают последние месяцы и дни и не оказывали сопротивления. Весь дух завоевателей, дух истребителей народных масс, неугодных фашистам, которые они уничтожили расстрелами, виселицами, в камерах-душегубках, сотни тысяч патриотов во всех оккупированных западно-европейских странах, уже выдохся. Военные преступники уже искали мышиные норки спрятаться от всенародного возмездия и, конечно же, Гитлер уже метался. Но негде было спрятаться ему, тому, который хотел быть хозяином мирового государства, который уничтожил бы еще десятки, сотни миллионов людей, но Красная армия поймала его за горло и поймала крепко. Рука, сила Великого Октября сильна. Это могучая сила русского народа в содружестве со всеми нациями Страны Советов.

У эвенкийских охотников в дни войны был девиз: «Каждая сданная шкурка белки, ондатры и др. – это пуля по врагу!». Эвенки к осенне-зимней охоте готовятся с

лета. Добывали сохатых, мясо сдавали государству и сами питались, а шкуры сохатинные и оленьи, выделав, вешали в дымоходах чумов, и в каждом чуме полно выделанных сохатинных шкур висело и подолгу продымливали. Они утверждают, что хорошо продымленные (месяц, два и больше) шкуры становятся желтыми, носкими и, главное, не боятся влаги. Из сохатинных шкур шили сбрую для лошадей (гужи, шлеи, узды и даже возовые прочные веревки готовили), оленью сбрую (узды, ремни и др.), шили прочную обувь, а из оленьих шкур шили теплую одежду, рукавицы, и даже охотничьи шапки. Мужчины делали лыжи лесные, подклеенные шкурами с ног оленей и сохатых, делали и ремонтировали лыжи, нарты, обучали молодых собак, отобранных для охоты щенков и многое другое. В разговорах всегда слышалось, что в этом году будет «урожай» белок, где хорошо можно добыть ондатру. Также, как у тружеников сельского хозяйства, у которых разговоры бывают об урожае зерновых, огородных культур. У каждого труженника свои заботы, свои интересы.

Бурятский язык с эвенкийским нисколько не схож, но некоторые названия предметов, домашних животных (корова, конь, свинья) схожи, так как эвенки ранее никогда этих животных не держали и им не было названия, поэтому они позаимствовали их из бурятского языка, а также немногие предметы, которых в глубокой древности не было. Одно удивило – когда крупных карасей почти по килограмму весом называли *мандагар*; и по-бурятски крупный, большой карась так называется. И кто у кого позаимствовал это слово? Ведь вся членораздельная речь совершенно иная.

Таким образом, я оказался в плену совершенно незнакомого языка и начал сразу его изучать. Председатель колхоза Дорофеев Фома Васильевич охотно начал учить меня. У него уже два сына сражались на фронте. Об одном сыне получили извещение о гибели. Впоследствии погиб и второй сын, уже перед Победой, при Берлинской наступательной операции в самом Берлине, в звании лейтенанта. Фома Васильевич был очень веселым. Я его никогда хоть чуть хмурого не видел. Он своими шутками всегда у людей вызывал смех, улыбку, и вот однажды меня научил, как по-ихнему говорить «здравствуй» перед началом колхозного собрания, а я здоровался по-русски «здравствуйте». Я пришел в контору, когда почти все колхозники собрались, и я громко «поздоровался», после чего поднялся взрыв хохота, а я ничего не могу понять. Многие среди хохота еле выговаривают: «Это Фома научил его». А Фома Васильевич сидел за столом рядом со своим бухгалтером и смеется, заливаясь, ловится за живот. И не только он. Смех продолжался долго. Я объясняю, что я поздоровался с ними на их

языке, а хохот еще усиливается, но все догадались, что Фома научил. Затем Фома объявляет: «Женщины, вы не сердитесь на него. Это я его научил сегодня, а после собрания я объяснил бы ему, если бы он тут так не поздоровался. Ну, хорошо, посмеялись, а сейчас начнем решать важные вопросы». Итак, собрание началось. Действительно, где-нибудь в скромном месте, да и так, встретил бы девушку, молодую женщину и так «поздоровался» бы, то получил бы пощечину, и признали бы дурачком. Но мне было простительно, потому что я среди них нахожусь четвертый день, а Фома, конечно, не допустил бы, объяснив после собрания, если бы я не «поздоровался» перед собранием. Впоследствии, когда я при встрече здоровался со всеми, конечно, по-русски, многие улыбались, и я улыбался, вспоминая мое первое «приветствие» на собрании.

Одновременно при посещении проводились беседы, информации по последним номерам газет, так как я до этого работал учителем при сельскохозяйственном колхозе и одновременно был агитатором и ездил верхом на коне по полевым станам, животноводческим фермам. В сентябре 1941 года я был председателем по сбору теплых вещей для фронта и был секретарем комсомольской организации. Поэтому опыт работы у меня уже был, хотя здесь, в Тутуре, структура работы и жизненный уклад в корне отличалась от степных, деревенских, но в то время всем был ясен призыв: «Все для фронта, все для Победы!». Особенно мне запомнился сбор теплых вещей для фронта, который мы вели вместе с председателем Кузнецовского сельсовета – с Бардымовым Захаром. Каждый старался что-то хорошее сдать: тулупы, дохи, шапки, рукавицы, валенки, теплые свитера и др., а также выделанные и невыделанные шкуры – собачьи, овечьи, домашних и диких коз, кроличьи и кошачьи шкурки. Девушки шили привлекательные кисеты под махорку, носовые платки, окаймленные нитками мулине и на каждом кисете, платочке, вышивали слова: «Гитлеру капут!», «Бей гада!», «Вернись с Победой!», «Мы победим!», «Стреляй без промаха!», «Жду тебя с орденами!» и другие призывы, которые мы подбирали на комсомольском собрании и даже некоторые вышивали слова из речи В.М. Молотова, произнесенной по радио 22 июня 1941 года в день вероломного нападения Гитлера: «Наше дело правое – враг будет разбит!». Я узнал, что и здесь, в Тутуре, и по всем стойбищам, также дружно проходил сбор теплых вещей для фронта.

Звероферма находилась в стороне от стойбища, а это объясняли тем, что зверькам нужна тишина, особенно беременным самкам, у которых от испуга может

сделаться выкидыш. Когда сторожевые собаки залают, они уже беспокоятся, а здесь сменные сторожа – мужчины с хорошими ружьями, а собаки – медвежатницы.

Звероферма окружена наглухо частоколом, как тюрьма. Средние лиственничные бревна начисто ошкурены и вкопаны в землю, высота их более пяти метров с заостренными концами, подогнаны плотно, а входная дверь массивная, вся схваченная железными переплетами.

Такое укрепленное сооружение построено во избежание медвежьего нашествия и затем полного разрушения фермы и на случай возможного нападения голодного медведя на сторожа. Председатель колхоза, Фома Васильевич, смеялся: «А вдруг, при нападении голодного медведя, сторож прозеваает и всей фермы не будет вместе со сторожем, а через такое сооружение никакой медведь или вор не сможет проникнуть внутрь». Такое строительство стоило много труда: порядочную площадь расчистили и прокопали траншею не менее двух метров глубиной, куда вплотную установили огромное количество обработанных бревен, которые укрепили, а рядом построили небольшой ледник для хранения мяса, рыбы в летнее время, склад, сторожку, поварку для приготовления пищи зверькам. Оказывается, мясо, рыбу варят в чанах, но и в сыром виде их временами дают, а суп, уху заправляют мукой. Норма на одного зверька гораздо больше, чем на рабочего, но эти шкурки – это самолеты, танки и другое. Это золотая валюта нашего государства на покупку у капиталистов всех поставок, из США и Англии по ленд-лизу.

А зверьки-то такие славные, юркие, особенно черно-бурые лисицы с сединами, а еноты не так привлекательны. Их забивают с наступлением хороших сибирских морозов, достигающих 40 и более градусов, когда у них появляется густое опушение. Но шкурки у клеточной пушнины оказываются очень загрязненными, их чистят питьевым спиртом, и довольно много его уходит, но зато чернобурки становятся чистыми, сверкающими, ни с чем несравнимыми, а чтобы получить такой мех – вложены большие средства и большой труд. Все это поглощало ненасытное военное горло, хотя эти меха носили американки и англичанки, и не только эти меха.

Ознакомившись с Тутурой, с работой этого колхоза, с колхозниками, мне не давало покоя желание проехаться по всем остальным стойбищам, ознакомиться с состоянием колхозов, с колхозниками этих глубинных, отдаленных стойбищ. Но председатель райисполкома Наричин говорил, что мне, инвалиду, трудно будет ездить в командировку по своим колхозам и что я должен ждать замену, а тут некогда было ждать замену, так как уже, считай, лето прошло, начались ночные заморозки, а по

утрам начался иней. Эвенки этим заморозкам радуются, к моему удивлению, но потом я понял их объяснения, что кедровые шишки созревают и от колота падают хорошо, что ондатра лучше опушается и мех дороже и лучше становится, и все пушные зверьки начинают опушаться к морозам, и рыба группируется, а копытные звери, освободившись от гнуса, набирают упитанность, готовятся к гону (спариванию), и таежным людям легко становится. Легкий морозец ободряет. Все – и звери, и птицы, и люди готовятся к холодам, к зиме.

Настала настоящая осень, а осень в тайге какая красивая! Тем более, что дни установились ясные. Кругом лес оделся в золотой наряд, и только высокие кедры стояли в своем вечнозеленом наряде, усеянные на ветках крупными шишками, а сосны и ели вокруг Тутуры не растут. На озерах масса уток, ондатры, а рыбу надо отловить до заморозков.

Прекратили сбор ягод, но на очереди масса работ. Давно прошло общее собрание колхоза, где наметили сколько человек и по каким озерам отправить на рыбалку и одновременно ондатровать, сколько человек и по каким орешникам отправить на сбор ореха. И хорошо, что рабочие и служащие изъявили желание идти с работы в орешник, они работали один за двоих, а в дни войны не было никаких отпусков, кроме признанных по болезни. Но, кроме учителей, которые и так работали за двоих-троих.

Добрых людей надо оставить в оленеводческой бригаде, на звероферме, а ведь еще в колхозе было тридцать девять лошадей. Рабочей силы никуда не хватало, но во всех отраслях трудились все по своим местам, а впереди с наступлением холодов еще горячая пора осенне-зимней охоты, и все опять же разъедутся на более длительные сроки по всем таежным участкам. Эвенки этот сезон ждут с большим нетерпением, и как можно лучше справившись с порученной работой, отправляются с веселым настроением на промысел – основное свое занятие.

Вот когда я узнал, что эвенки – люди тайги, трудятся упорно, и труд-то нелегкий, порою рискованный, требующий большого знания, чтобы вырвать у дикой природы все хорошее, нужное человеку, а эвенки из поколения в поколение учились такому ремеслу. В дни войны особенно ценны были дары тайги и голубой нивы.

Мне предстояло узнать, как трудятся эвенки в глубинках, каковы природные богатства, окружающие их. Мне говорили, что эвенки никогда не будут жить в пустой тайге, а выберут тайгу, богатую пушниной, копытными зверями, рыбой, ягодами, орехом, боровой и водоплавающей дичью. Словом, чтобы все вокруг жилья было и

притом близко. Поэтому надо знать, что где эвенкийское стойбище, кругом таежные богатства, которые надо с большим умением, опытом извлекать.

Земледельцы же селятся там, где плодородные почвы, хорошие сенокосные луга, пастбища, чтобы получать хорошие урожаи зерновых, огородных культур и развести скот.

Каждый работник сельсовета в сельскохозяйственных районах наизусть знает всю территорию Совета, а здесь оказалось совсем другое дело. На больших территориях этого Совета, можно сказать, не ступала нога человека. Ведь территория этого национального Совета оказалась огромной: все верховье реки Киренги до Байкальских гольцов, почти обе стороны реки Ханды (левого притока реки Киренги) и плюс огромная территория Тутурского колхоза. Это более 50 тысяч квадратных километров. И на этой огромной площади всего пять колхозов с небольшим населением, по сравнению с сельскохозяйственными колхозами, хотя в это время некоторые сельскохозяйственные колхозы тоже были небольшие. В этих пяти колхозах всего двенадцать стойбищ, включая Культбазу. В этих стойбищах проживали эвенки, ранее жившие малыми группами по среднему течению реки Киренги и приленские эвенки, включая вершину реки Лены. Ранее в вершине Лены жили исключительно эвенки, но когда русские начали ее осваивать, вытеснили эвенков, так как эвенки любят обширную территорию для охоты и для содержания оленей, и уже к началу Советской власти там осталось эвенков мало. Некоторые эвенки, при организации национального Совета, переехали сюда, а там уже образовались русские деревни Чанчур и Дудовка.

Я, работая в Тутуре в Совете, слышал, что в Дудовке, до Советской власти, жил один эвенк с довольно большим стадом оленей, которого почему-то звали Сахаркой. Видимо, это прозвище было, и он, кочуя с оленями и охотясь, обнаружил где-то далеко золото в маленьком ручейке, и начал его собирать примитивным способом, а весь сбор золотых самородков вместе с пушниной сдавал одному еврею-купцу – скупщику из Иркутска и конечно же отдавал за бесценок, так как эвенки по природе не стремились к богатству, лишь бы иметь оленей для кочевья. Кочевье – это природное тяготение у эвенков, а когда русские стали заселяться в Дудовке и Чанчуре, эвенкам нечего делать там стало. Там где около жилья (стойбища) была тайга, русские выкорчевали под пашни, луга. Где ранее паслись олени, уже пасся скот и поля зеленели. С каждым годом поля расширялись, а при разработке чащу, лес выжигали, чтобы лучше разрабатывать и порою образовывался большой пожар, пожирая тайгу на

обширной территории, где раньше были охотничьи участки эвенков. На ближних охотучастках, куда можно добраться на лошадях, уже охотились русские, а эвенку оставалось только уючевать со своими оставшимися оленями в другое таёжное место. Говорили, что были случаи воровства оленей. Большинство эвенков с оленями уходили, а иначе и последних оленей разворуют на мясо, да и негде им вблизи пастись. Оставались безоленные эвенки, уже полуобрусевшие, перешедшие на оседлость, так как Лена в то время была очень богата рыбой, и притом белой, – сигаами и вальками, а также копытными зверями. Левая таежная сторона Лены пожарами не была охвачена – пашни разрабатывали на правой стороне рядом с образовавшейся деревней, там рядом пашни, луга (плодородная долина Лены) и хорошие сенокосные угодья, а также плодородная земля для зерновых и овощей. Рядом лес для построек и дров и Лена, богатая рыбой, и тайга, богатая пушниной и всевозможной дичью. Это просто рай для приезжих ссыльных с России, где все принадлежало помещикам, а люди безземельные, бездомные были рабами. Здесь каждый сам себе хозяин, сам помещик, только силу, руки приложи, и русские работали день и ночь и уже многие выходили к социальной прослойке – середнякам из бывших батраков. Многие такие середняки в период коллективизации были раскулачены, попрощались со своим хозяйством за свои же упорные труды. Конечно, была большая несправедливость приписывать таких тружеников к настоящим кулакам, которые обогащались за дешёвый труд батраков – работников-рабов.

Этот эвенк Сахарка со своей старухой состарились и не покочевали, а все же он с оставшимися оленями уходил летом надолго, навьючив на оленей продукты и все необходимое, с одним одиноким эвенком – дурачком Афонькой, и никто не знал, куда и зачем они уходят.

Глава 3

Военное время не терпело ни малейшей медлительности, а я, работая при национальном Совете, ознакомился только с одним колхозом и его колхозниками, а от остальных колхозов получил одни сводки по выполнению планов заготовок – по некоторым вкладам выполнение плана шло прямо неутешительно, и многие другие вопросы были неясны.

Побеседовал я с директором школы и с учителями насчет отставших учеников, которых переписал всех до единого, и охарактеризовали их поведение, успеваемость, когда они учились, так как почти все учителя были прежними, за исключением учительницы русского языка и литературы Дьячковой Веры (отчество позабыл).

Дьячкова с мужем эвакуировалась из Ленинграда и муж ее работал в Зусае заведующим собачьим питомником, организованным только что, но не в июле, а в августе. Зимой подросших щенков и, по-видимому, молодых собак увозили военные для обучения их для военных целей.

Супругам Дьячковым было лет под сорок, но детей у них не было, о чем я точно не был осведомлен, так как они об этом ничего не говорили, но когда блокада Ленинграда кончилась, и наши войска погнали фашистов, они, радостные, уехали в свой родной Ленинград. Конечно же, эту радость разделяли все мы.

Следует отметить, что Дьячкова Вера выше среднего женского роста, носила, так сказать, в праздничные, иногда в выходные дни пальто (манто) полное, ниже колен, из беличьих шкурок. Такую дорогую вещь большинство эвенков, особенно охотники, видели впервые и задавали вопрос: из скольких же сотен белок сшито это пальто, и вот куда наши белки уходят. Но многие знали, что до войны в Иркутске, в магазине «Меха», продавались женские воротники из шкурок выдр, лисиц красных, песцов, ковры из медвежьих шкур и многие другие ценные меховые вещи из пушных шкурок. Однажды зимой 1940 года в Иркутске на одной молодой женщине я видел белоснежную полудошку из горностаевых шкурок и, любуясь, прошёлся за ней довольно порядочное расстояние. Я, учась в школе, плашками добывал горностаев, и каждая добыча этих маленьких белоснежных зверюшек была радостным событием.

Много людей носили волчьи шапки. Как-то раз видел даже тулуп из росомахи. Словом, до войны, в мирное время, наши советские женщины носили меха не хуже капиталисток, а сейчас шла жестокая война, и вся пушнина, всё золото шли в капстраны – такие как США, Англия в обмен на незначительное количество поставляемой нам техники и продовольствия.

Привозили однажды в Тутуру американский «лард» (свиное сало) и никто не ел. Да и как есть такое твёрдое, одна соль, сало, хоть и выскоблишь с поверхности потемневшую соль и желтизну нарежешь. Этот «лард» был в деревянных продолговатых ящиках, куда его обратно сложили и увезли. И все говорили: «Зачем привозили сало?» И ботинки, похожие на деревянные колодки, над которыми все смеялись, и никто не мог их носить. За такие продукты и товары, конечно, предъявляли счёт нашему государству.

Директор школы Бутаков Александр Михайлович мне посоветовал, что скоро, к первому сентября, начнут приезжать со всех отдалённых стойбищ все ученики на учёбу, со своими отвозчиками, и с ними я могу доехать до любого отдалённого

колхоза. Принято было уехать сперва до самого дальнего колхоза «Омакта Бэе Бэйсен», а оттуда вкруговую посетить все остальные колхозы, а председатель колхоза Фома Васильевич говорил: «Ох, тебе, инвалиду с больной ногой, трудновато будет. Я всю дорогу знаю, и со здоровыми ногами трудновато приходится». О трудности езды по тайге говорил и председатель райисполкома Наричын, но отказаться я могу тогда, когда дождусь замены, которую можно ожидать долго, так как кадры ограничены до предела были.

Директор школы просил меня, чтобы я добился возврата на учебу отсеявшихся учеников. Но впоследствии при посещении всех стойбищ, при беседах с родителями, родными выяснилось, что они прекратили учебу по очень уважительным причинам: у некоторых братья погибли на фронте, либо сражались с фашистами, у некоторых отцы уже ждали повестки от райвоенкомата по возрастным группам, либо уже были призваны в армию. Эвенкийские подростки любого зверя застрелят, знают все правила рыбалки и другие таежные мужские профессии, так как они обучаются с малых лет, с дошкольного возраста, с родителями. А отсеявшиеся девчонки, уже девушки, обученные с детства матерью, уже всеми таежными женскими профессиями владеют, в том числе и охотой, а некоторые оказались такими меткими стрелками, что сразу могли бы стать отличными снайперами. Выяснил, что эти отсеявшиеся ученики оказывали большую помощь в семье и колхозу, в выполнении планов заготовок, сдачи государству мяса диких животных, рыбы, ягод, орех и др., а также в оленеводстве, в заготовке пушнины. Побеседовав с родителями, приходили к общему соглашению – пока оставить учебу до Дня Победы, а после Победы продолжить учебу. Они все же окончили 4, 5, 7 классов. Но многие учились в школе из числа малосемейных, у которых родители средних лет трудились в полной силе, а на счет малышей было уже введено обучение с восьмилетнего возраста, которые один год учились вначале в подготовительном классе, обучаясь элементарным навыкам учебы в школе и особенно русскому языку.

В те времена, особенно в отдаленных стойбищах, маленькие дети почти не знали русского языка, а в первые довоенные годы учебы дети начинали учебу в школе с десяти и даже с одиннадцати, двенадцати лет. Поэтому в шестых, седьмых классах учились юноши и девушки. Некоторых юношей, достигших возраста военнообязанного, призывали в армию прямо со школьной скамьи. В конце августа я провожал в армию ученика седьмого класса Чесманова Кешу.

Не удивительно было то, что когда я дождался учеников с самого дальнего колхоза «Омакта Бэе Бэйсен», в переводе на русский язык «Новый мужик охотник» на четырех верховых лошадях прибыли более десяти учеников и один отвозчик Жерандоев Роман, старик около семидесяти лет. Малыши на одном коне верхом ехали по два ученика и даже втроем, кони не беспокоились, обученные различные вьюки возить. Взрослые же ученики почти всю дорогу шли пешком. Эвенки к пешему ходу привыкают с детства. С детства становятся спортсменами по этому виду спорта, а иначе как они могут стать охотниками, от которых требуется ходьба и ходьба?

Мой предстоящий путеводитель съездил до Зусая, где на центроскладе Тутурского райпо получил по доверенности своего продавца боеприпасы и другие необходимые уже к осенне-зимней охоте товары для своего магазина. Привез на трех лошадях, привязанных друг за дружкой за седла, и они шли гуськом, как олени, т.е. уже приученные ко всякой езде по таежным тропам. Мне говорили, что до стойбища Нетопыри, где находится Отделение Вершино-Тутурского райпо и правления колхоза «Омакта Бэе Бэйсен», вы доедете на пятый день, и что мне предстоит около полмесяца очень торопно проездить. Также то, что на обратном пути начнутся холода, по утрам всегда иней, мокрый снег, что зиму начнешь встречать в обратном пути, смотря какая осень будет. Поэтому я захватил все свои теплые вещи: полупальто, теплые брюки, шапку, теплые рукавицы и сменную одежду, белье. Словом, все свои холостяцкие вещи, как будто перекочевывал на другое место. А местные жители, да тот же Фома Васильевич, говорили, что не к чему брать столь одежды, создавать лишний габарит, а дали бы мне старую вышарканную оленью дошку, но шапка и рукавицы необходимы, вот и все. А когда слишком замерзнешь, везде сухие дрова есть по тайге, сразу развел костерчик, погрелся и иди дальше, или же прошелся пешком, а пеший ход у меня тихий и трудноватый, что достаточно пройти более километра, и я бы согрелся. Об этом предварительно мне никто не посоветовал, а я впервые в жизни собрался так далеко и долго проехать по тайге.

За себя, за председателя Совета, оставил своего секретаря Корнакову Машу. За день вперед, перед отъездом, получили пакет из райвоенкомата, которые всегда вскрывали с большим волнением, но на этот раз не было извещений о гибели на фронте, а только повестки на явку в военкомат, имея при себе необходимые вещи, а это означало призыв в армию. Срочно были отправлены нарочные в Ханду, так еще именовали колхоз «Омакта Бэе Бэйсен», по названию реки Ханда, которая протекала через всю территорию этого колхоза.

Я взял с собой три повестки: продавцу Попову Ефиму и колхозникам Монастыреву Харитону и Жерандоеву Прокопию Романовичу. Я у своего проводника Жерандоева Романа спросил, перечислив имена: «Эти люди сейчас дома находятся?». Он только буркнул: «Куда они деваются. Они охотятся, рыбачат, ондатруют».

Я также захватил с собой государственные пособия – раздать колхозникам, около 7 000 руб., письма из армии, с фронта, последние газеты, а на нацсовет шла одна областная газета и районная, а личных подписок не было ни у кого.

Утром рано мы с Романом выехали, и у каждого за седло было привязано по коню, а Роман еще вечером на каждого коня направил вьюки. Я ехал за Романом и вижу, что мы едем по знакомой мне тропе: те же хребты, те же болотистые мари, и я сказал молчаливому Роману: «Я по этой тропе недавно проезжал раз до Ковылея, когда там ягодницы жили и собирали ягоды», – и еще поинтересовался: – С этой тропы в сторону скоро свернем? Он помолчал некоторое время и хрипло буркнул: – «Дорога на Ханду идет через Ковылей, где сегодня переночуем». Это сообщение меня развеселило, что еще ночь переночуем среди людей, среди колхозников, так как на Ковылей, по решению общего собрания, уехала довольно большая бригада и на лошадях, и на оленях на заготовку кедрового ореха. Это место по колхозу считается самым крупным орешником, где замечательный ореховый лес!

Кроме колхозников, туда уехали рабочие и служащие, изъявившие желание заготовить орехи. Во время их отсутствия, за них, по совместительству, работали сослуживцы; то есть один за двоих, на что было специальное решение райисполкома не только направлять на заготовку ореха, но на многие сезонные ответственные работы: помощь в уборке урожая сельскохозяйственных культур, в заготовке кормов и другие неотложные работы. Они оказывали большую помощь в любой отрасли. Иначе не могло и быть, так как основная рабочая сила была в армии, там сражались на фронте. А здесь, в тылу, надо все работы четко выполнять, выполнять все планы, а планы-то, задания военные, повышенные, и тыл все выполнял и перевыполнял в основном за счет женщин, а женщин почему-то называют слабым полом. Нет! Женщина сильна не в физическом отношении, а упорством, выносливостью, дисциплиной, подвижностью и ловкостью рук – вот победные качества.

Женщина – это чудо природы! Она рождает и воспитывает человечество. Женщина – это санитарка и хозяйка человечества. Природа одарила женщину гибкостью, нежностью, долголетием. А ведь были времена, что в библейских сказаниях женщина не считалась человеком, но позже на каком-то высшем духовном

сборище в спорном порядке установили, что женщина все же является человеком, но ни в коей мере не равным с мужчиной. Этой установки придерживаются до сих пор в капиталистических странах. В самых развитых странах: в США, в Японии дискриминация женщин находится на высшем уровне и можно привести лишь один пример, что женщине за равный труд платят 50 % по сравнению с мужчинами, а в США женщинам-негритянкам еще наполовину меньше, чем белым женщинам. Предприниматели обогащаются на труде женщин миллиардными прибылями. У капиталистов вся совесть потеряна. У них соревнование: кто больше наживет капитала на людском поте и крови. Так было и в царской России и лишь один пример можно привести по части просвещения. В 1908 году один из российских журналов написал, что для достижения всеобщей грамотности женщин в России понадобится не менее 280 лет. Это к 2170 году, и притом для русских женщин, а грамотности национальных меньшинств, в частности, женщин малых народов и не имели в виду. Считали – зря тратить капитал, и только лишь социалистический строй вырвал женщину из оков капитализма, и она стала равноправной хозяйкой своего общества и наши женщины окружены всесторонними заботами Партии и Правительства.

Я с утра у Романа кое-что начал спрашивать, но Роман буркнет мне, ничего не ответив: «Не шуми! Всех зверей распугаешь. Впереди ехали ребята, шумели и ни одного зверя не видели». Начну напевать какую-нибудь песню, а он опять буркнет: «Не кричи! Всех зверей распугаешь».

У коней все колокольчики притянет и весь день ни звука. Только по сухим тропам конский топот раздается, сучья под копытами с треском ломаются, с деревьев сучья так же с треском ломаются и временами кони фыркают. Словом, ехали не бесшумно, и осторожные звери, издав издали услышав нас, конечно, убегали. Я все равно по сторонам вглядывался, но за день никакого зверя не видел. К вечеру приехали на Ковылей. Нас встретили собачьим лаем и вышли все орешники, которые вот только что пришли с работы, а также олени всюду шныряли. Ковылей опять проснулся.

В августе, когда я здесь был, ягодницы жили тесновато в одном большом доме, а сейчас живут в двух домах. В двух домах обрабатывают и хранят орехи, а в двух домах забиты бочки с ягодами. Так что шесть домов заняты, а остальные еще пустуют, а дома постарее и надворные постройки жгут на дрова.

Лошадей мы расседлали, и дед Роман развязал колокольчики, двум лошадям спутал ноги, видимо, они уходят дальше и возможно, плохо ловятся. Зазвенели звонкие лошадиные колокольчики. Всюду звенят на разные перезвоны менее звонкие

оленьи колокольчики, ботала самодельные, кустарные колокольчики с железными, медными корпусами и такая музыка создавалась без дирижера и музыкантов. Среди такого перезвона слышны хорканье оленей и лай собак, а около костров веселые разговоры, шутки, смех и хохот – все это, сливаясь воедино, образует концерт – концерт северный, таежный и любая усталость проходит, как не бывало. Даже такой молчаливый, грустный Роман стал веселее, и улыбка на лице появилась и со старшими о чем-то весело разговаривает, а на кострах варится ужин и еда для собак.

Мы с Романом устроились ночевать в доме, где поменьше народу. За ужином я свое недоумение высказал: «Дед Роман запрещает даже о чем-нибудь спросить и не отвечает, только буркнет: «Не кричи! Всех зверей распугаешь», и мы весь день проехали молчком, никаких зверей не видели». Все подтвердили, что он такой и есть.

Все щелкают орехи, так как днем во время работы нет времени щелкать орехи, и мне предлагают побольше взять орех на дорогу, хоть не скучно будет, а с Романом никаких разговоров не будет. В первую очередь поделились, как обычно, новостями. Из газет все узнали о положении дел на фронте, об успехах наших войск, и рассказали о своих трудовых делах. Оказывается, на оленях прямо к домам вывозят орехи в шишках и здесь обрабатывают. Так, считают, лучше, так как вечерами и рано утром работа движется, и на оленях в сто голов сразу можно привезти двести кулей, а орешник – рукой подать. Рядом горбатится огромный кедровый хребет, и, показывая на этот хребет, старый житель Копылов Иннокентий восхвалял: «Раньше мы тут на Ковылее жили, все было рядом, в основном, в том числе и звери: пушные и копытные. Так, как сейчас, орехи и ягоды не собирали – все пропадало бесполезно. Купцам нужна была только пушнина, и мы, тунгусы, жили вечно в долгу и кое-как концы с концами сводили». Другие замечали, что здесь, на Ковылее, плохо было одно, что рядом не было рыбалки, а Копылов опровергал, что, далеко ли до озера Эконор – около двадцати километров всего, где добывали рыбу, и на оленях сколько угодно можно было привезти, и в рыбе не нуждались. А сохатые совсем рядом, в сторону реки Назима, в которой добывали ленков и хариузов. На своем Копылов настаивал, что Ковылей – богатое место и в заключение подчеркивал, что когда Советская власть настала и начали строить нашу Культбазу, все мы переехали туда. Нам на строительство новых домов наше государство выдало безвозвратно денег. Да многие сами и не строили, а строили подрядчики, а мы поселялись в готовые дома. Сейчас свои старые домишки начали жечь на дрова – все равно сгниёт, а получше дома ремонтируем, так как здесь мы и охотимся, и орехи заготавливаем, и сено косим для

лошадей для вывозки заготовок зимой, и наши бабы, девки ягоды собирают. Сейчас на Культибазе у нас все: магазин, пекарня, школа, больница, правление колхоза, Совет, а раньше тут ничего не было. Мы сами каждый себе муку, боеприпасы доставали у русских и у бурят за сто с лишним километров и привозили сюда, и часто наступали времена, что хлеб делили кусочками или муку чашечками. И закончил свои воспоминания: «Мы до Советской власти всего нахватались». Это подтверждали старшие, а молодые внимательно слушали, пощелкивая орехи. Я услышал за этот вечер многое, мне неизвестное, а сентябрьский вечер длинный, обо всем поговорили и после второго ужина легли спать.

Утром рано уже женщины приготовили завтрак, подоили оленей, и на длинном столе появились свежие оленье мясные блюда, оленье молоко, жареная рыба. Правление колхоза разрешило сколько-то оленей, подлежащих к выбраковке, забить на мясо. Да у многих личные олени, а за сохатыми охотиться уж времени нет, надо план по бригаде перевыполнить. Таких бригад по заготовке ореха по колхозу было четыре, которые должны заготовить пятьдесят тонн ореха, а заготовят наверное гораздо больше, и пока неизвестно, какая бригада в соцсоревновании окажется передовой, за что каждая бригада боролась. В конечном итоге такие соревнования между ягодницами, охотниками, звеньями, бригадами, колхозами давали высокие результаты.

Итак, мы с Романом с шумного Ковылея, утром после завтрака, отправились дальше. Я набрал с собой побольше орех. Мне предстояло ехать еще около четырех суток по таежной тропе, круглосуточно, молча, без разговоров ни днем, ни вечером, ни утром у костра. Так как мне сказали, что до самого Отделения (так еще именовали стойбище Нетопыри по месту нахождения магазина – отделения райпо) не будет ни зимовья, ни чума, и мы будем ночевать там, где ночь пристигнет, выбрав хороший сухостой на дрова. Мне все же было интересно проезжать через многочисленные речушки, болотистые мари, хребты, покрытые то смешанным лесом, то сплошными кедрами и высокими стройными соснами. И всегда радоваться каждому пеньку, остаткам костров. Что не совсем дикая тайга, а следы человеческие есть и тропа, ведущая к намеченной цели, которая, особенно по топким местам, терялась, а затем вновь образовывалась. Лошади шли уверенно, и ими не следовало управлять поводом. Они знают всю дорогу и не раз пересекали эту местность.

Я наблюдал за всякими птичками, незнакомыми мне. Дни стояли ясные, солнечные. В середине дня становилось жарковато, оживали насекомые, особенно

мошकारа, и бурундуки бегали. Часто видел белок, взлетающих глухарей, рябчиков, тетеревов и убегающих зайцев, а дед Роман на них никакого внимания не обращал. Да у него и ружье было нарезное, крупнокалиберное – однозарядная «бердана», бывшая царская пехотинка, которая имела большую убойную силу на крупного зверя (медведя, лося, изюбря, оленя). Все эти наблюдения мне придавали приятное ощущение, и время проходило быстро, а если у нас была бы собака, то она беспрестанно лаяла бы. Роман собаку не взял, так как ее надо кормить. Да и охотиться на пушных зверьков еще было рано, они еще были «неспелыми», малошерстными.

Мне хотелось увидеть какого-нибудь крупного зверя. Я все время оглядывался по сторонам, особенно при открытии широкой панорамы, и на второй день езды с Тутуры к вечеру в старой гари, уже прорастающей, увидел двух сохатых (лосей) на пригорке, метров около 300 от нас. Они так красиво смотрели на нас. Я сразу стал приглушенно подавать сигнал деду, а у него слух был нормальным: «Сохатые, сохатые...». Он обернулся ко мне, а я указываю рукой на сохатых. Он сразу заметил их и остановил коня. Быстро соскочил с коня и с ружьем побежал к сухой деревине и с приклада выстрелил, а сохатые только вздрогнули и еще немножко постояли и побежали, так легко. Дед еще раз успел перезарядить и выстрелил, но они как бежали, так и скрылись. Он молчком сел на коня, так же легко, и мы поехали дальше. Когда он стрелял, все наши четыре лошади даже не вздрагивали. Они уже к выстрелам привычные и до чего же ко всему приученные лошади.

Все же я у него спрашиваю: «Если добыли бы сохатых, то мясо куда девали бы?». Он сразу быстро ответил: «Как куда? Навьючили бы все мясо и увезли бы домой». Я сразу подумал: «Ничего себе, столько мяса навьючить еще вдобавок на наши выюки и ехать еще три дня почти».

Да, у старика зрение слабоватое было, хотя очков он не носил. Я бы с первого выстрела попал в такую огромную мишень, определив расстояние. Я же в 1939–1940 учебном году, учась в 7-м классе на отлично, одновременно вел кружок «Ворошиловского стрелка» и за учебный год провел четыре выпуска и вручил около двухсот значков новым снайперам, которые успешно окончили программу и научились определять расстояние и метко стрелять из малокалиберной винтовки. Любой мой выпускник уложил бы обоих сохатых с любой крупнокалиберной винтовки.

Принципы выстрелов в мишень одинаковы. Я в кружок набирал учеников старших классов, но очень просились и ученики 3 и 4 классов. В то время в этих

классах учились 14-ти и даже 15-тилетние мальчики и они успешно оканчивали кружок. Мало было девчонок. Многие девушки, которые сначала при выстрелах прищуривали глаза, и пули уходили «за молоком», к концу занятий посылали некоторые пули только в «десятку». Особенно ученица Дырхеева Нина стреляла очень метко. Вот она на фронте оказалась бы отличным снайпером. Желавших было очень много, и группы оказывались большими, сверхнормативными. За четыре выпуска израсходовали около ста тысяч патронов, но были также стрелки, которые не смогли сдать норму, хоть и дважды проходили занятия. Почти все мои значкисты впоследствии в дни войны были призваны в Армию и сражались на фронте с живыми черными мишенями.

Одновременно с этим, вел еще кружок ГСО (Готов к санитарной обороне), где учились накладывать шины на конечности тела, перевязке на разных участках тела, переноске на носилках и на себе раненых и многому другому. Очень охотно в этот кружок шли девчонки и почти все успешно оканчивали и получали значки «ГСО», чему каждые получающие были рады до предела так же, как и значкисты «Ворошиловского Стрелка». Эти значки всегда красовались на груди, хоть и часто переодевались, особенно, девчонки. Еще функционировал кружок «ПВХО» (Противовоздушная химическая оборона), где нужно было бегать, и это мне уже было не по состоянию здоровья, но все же сделал один выпуск, а остальные три выпуска уже другой, со здоровыми ногами, вел. Следует отметить, что в середине 1939 года в райцентре были организованы «Осавиахим» и «Общество Красного Креста и Красного Полумесяца», ведущие оборонные кружки, в которых учащаяся и рабочая молодежь принимала очень активное участие. Особенно интересные занятия среди рабочей молодежи, а так же учащихся старших классов шли в кружке «БГТО» (Будь готов к труду и обороне). У многих на груди красовались по три, четыре значка. Следует еще отметить, что у меня, как у председателя первичной школьной организации «Осавиахима», прямо в школе, в углу коридора в большом деревянном шкафу хранилось имущество «Осавиахима» и «Общества Красного Креста и Красного Полумесяца», мои подотчетные: противогазы, носилки, девять малокалиберных винтовок (тозовки), много боевых патронов и многое другое, а шкаф замыкался простым маленьким замочком, открываемым гвоздем. Свыше четырест человек учились в две смены и масса людей разных возрастов, профессий и национальностей приходила в школу. Школьная и сельская библиотеки были почему-то объединены в одну библиотеку, которая находилась при школе, но не было ни единой кражи из

моего шкафа и из библиотеки, которая, можно сказать, была открыта, отгороженная от помещения столовой всего лишь стойкой-прилавком и все тысячи книг были на виду. Только помещение столовой будто бы замыкалось таким же замочком, и не было школьного сторожа. При школе в конце здания была квартира завуча школы, учителя физики и математики Ханташкеева Николая Африкановича, который перед сном, в полночь закрывал все выходные двери и то не всегда, так как я часто в школе задерживался до полуночи. Особенно, когда я выпускал общешкольные стенгазеты, как редактор, и когда уходил из школы, семья завуча уже спала, хотя его жена Варникова Анна Бахарцевна была учительницей русского языка и литературы, ей приходилось вечерами проверять тетради и проставлять в них оценки, и в это время все двери школы оставались открытыми. Я так же задерживался в школе с разборами отстающих учеников, как председатель ученического комитета школы, а порою с товарищами просиживал допоздна, играя в шахматы. Школа была моим вторым родным домом. Я эту школу окончил с отличием, с похвальной грамотой.

Каникулы у меня всегда проходили в подготовительных работах к следующей учебной четверти, когда я отчитывался перед Райосавиахимом, в том числе по расходу боевых патронов и на следующую четверть получал патроны. На мартовских (весенних) каникулах в райцентре Качуг проходили районные стрелковые соревнования, а мне было поручено подобрать шесть стрелков и прибыть в райцентр. Я подобрал пять лучших стрелков и мы прибыли в Качуг. В результате мы заняли второе место по району после Качугской средней школы №1. Это был хороший результат, а отстали мы в командном зачете всего лишь на одно очко. Возможно, неправильно засчитали судьи – с такими думами мы вернулись.

Я в этот раз впервые увидел живых сохатых, таких огромных животных – красавцев, которые, гордо подняв головы, смотрели на нас. Видимо, впервые видя людей и наш транспорт: такое необычное видение для них среди такой очень дикой огромной тайги. В них стрелять-то жалко, особенно заднего, огромного рогатого самца-быка, о чем Роман объяснил все же после долгого молчания: «Я как-то промазал матку, а в быка не стрелял, он слишком большой был, и нашим лошадям тяжело стало бы на эти выюки навьючить его мясо».

Еще молчком проехав, предупредил: «Ты, если увидишь зверя, то не кричи, а тихонько свистни, а то распугаешь зверей». Впоследствии убедился, что эвенки, добыв зверя, ни куска мяса не оставляют – это считается великим грехом, за это в дальнейшем бог жестоко накажет. Поэтому Роман сразу определил количество мяса и

хотел добыть впереди стоящую, безрогую, по сравнению с быком, маленькую матку, которая все равно дала бы около двух центнеров мяса. А у быка было бы наверняка центнера четыре мяса, да тяжеленная шкура, а шкура для эвенка очень ценная вещь, из которой после выделки различные вещи выйдут.

После этого я назавтра увидел даже трех сохатых (уже гораздо меньшего быка, самку и теленка, а сентябрьский теленок уже полный зверь, из которого выходит минимум килограмм семьдесят мяса). И вот увидел теперь теленка, но они стояли и так же удивленно смотрели на нас метров уже на 400, но я Роману не стал свистеть, думая, что много времени потеряем и при дальнейшей езде с мясом гораздо тише поедем, а у меня времени в обрез. Я еще двух сохатых видел и так же не дал сигнала ему, а он этих сохатых не заметил – зрение у него уже ослабло. Но, сам он, еще проворный, легко на коня несколько раз садился за день езды, так как в плохих болотистых местах эти замечательные лошади вязли, падали. Мы вьюки часто подправляли, особенно когда через некоторые речушки переезжали. В пути моей обязанностью стало вечерами на ночь для костра рубить сухие дрова, около которых мы останавливались ночевать. По этой части Роман все же научил меня, как надо валить деревину и какой длины отрубить чурки и предупредил, что колоть чурки нельзя, что они будут трещать и искриться. Самые хорошие дрова для костра сухие лиственничные, а за неимением их дымучие, менее теплые, бесшумные сосновые и даже можно еловые, которые меньше дают искры, но ни в коем случае не пихтовые дрова, которые сильно трещат и много искрятся. Я ему говорил, что я впервые нахожусь в тайге, у костра. Мне по ночам трудновато было, хотя я одевал шапку, полупальто, теплые брюки, рукавицы. Вот так, одевшись, я дальше от костра ложился спать, но ненадолго. Замерзнув, подходил к костру, подкладывал дрова и, погревшись, опять отходил от костра, боясь, что упадет искра и у меня, у спящего, загорится одежда. А Роман сначала ветки потолще нарубит, лоскут оленьей шкуры на эти ветки набросит, а вместо подушки кожаную сумку с продуктами положит. Он с себя снимет старую, почти без шерсти, исшарканную оленью дошку и в одной суконной рубашке ляжет спиной к костру и этой дошкой накинется и голову спрячет под дошку, а спину не окутывает – греет костер. И так беспробудно проспит до утра, чему я удивлялся, так как я 4 – 5 раз за ночь грелся у костра.

На четвертый день езды перед обедом мы проезжали по заболоченному месту. Лошади вязли, падали, в одном месте мы с лошадями снимали вьюки, а они были из больших кожаных сумок, в которых были упакованы товары и они связывались

веревкой по-эвенкийски – через седло. При падении лошади легко разъединялись. Дед Роман останавливает лошадей, я уже знаю, что будем обедать. В этом месте на старой гари травы много было лошадей подкормить. Он мне указал: «Здесь разведи костер, а я буду вьюки направлять».

Он в первую очередь начал перебирать порох дымный, которого везли 20 килограммов в такой же кожаной суме, сшитой из шкур сахатиных голов, шерстью наружу. В таких сумках вещи почти не мокнут от дождя, так как капли воды скатываются по шерсти. Сшиты они прочно сухожилиями ног и спины сохатых, без малейших дырочек, а сверху такой же кожаный клапан накладывается, пришитый к сумке. Порох внутри сумы находился еще и в куле. Роман из этого куля выбросил много бумажных пороховых коробок, разбитых за дорогу, чтобы уменьшить объем и снова все упаковал. Другие вьюки начал осматривать. Мои теплые вещи просто так были привязаны сзади к седлу, и они подмокли частично, когда лошади падали на болоте. День был солнечный, и я все свои вещи разложил на сучья отломившейся деревины, а френчик накинул на пень от этого иссохшего дерева.

Навешав над костром обед, я отошел и начал собирать сухие сучья. В этот момент, сидящий недалеко от костра Роман закричал: «Горим!» Я обернулся и вижу: Роман потником из-под седла бьет по разгорающемуся огню от костра. Я на помощь подскочил и так же потником начал хлопать по огню, а огонь все разгорается вширь и мы уже не в состоянии потушить, а сухая сентябрьская трава с сухим кустарником запылала вовсю по направлению к лошадям и огненный круг начал увеличиваться. Я закричал Роману: «Спасай лошадей!» Роман побежал к лошадям, которые паслись недалеко от нас и хорошо, что тут же рядом было водянистое болото, куда он начал загонять лошадей.

Я сразу увидел, что огонь подходит к нашим вьюкам, седлам, которые я начал перебрасывать через огонь на выгорелое место и вдруг вижу, огонь вплотную подошел к сумке с порохом. Я вроде приостановился на доли секунды, и у меня молниеносно промелькнула мысль, что если от этого пороха отойти, он сейчас же взорвется как бомба, а его нужно спасти. Я буквально с огня схватил и перенес его через огонь, мелькала мысль, что вот-вот у меня в руках взорвется. Когда я эту суму положил на выгорелое место, то моментально раскрыл клапан и посмотрел на куль с порохом. О возможности попадания искры, от которой может начать разгораться куль и опять же может взорваться порох, но искры не заметил и так же моментально закрыл клапан сумы, а затем осмотрел остальные вьюки с товарами. Седла и потники, лежащие в

траве, уже охватывает огнем и я начал их перекидывать на выгорелое место. Когда все перебросил, из головы не уходила мысль, что вдруг маленькая искорка попала в пороховую суму и начала разгораться. Опять же проверил эту суму, но ничего не обнаружил, но местами шерсть у сумы подпалилась. После этого вспомнил о своих вещах, которые уже «высохли» – сгорели. Сухая деревина, на сучья которой разложил сушить свои вещи, пылала вовсю, и пенёк от этого дерева, на который набросил френчик, вовсю пылал. Вокруг пня трава уже сгорела, горели сухие сучья, сухой кустарник и сам пенёк с корьем, а френчика не видать уже. В карманах френчика были все мои документы, три повестки от райвоенкомата и деньги в крупных купюрах в сумме более 6 000 руб., предназначенные для раздачи государственных пособий колхозникам, которых я должен посетить, и немножко моих личных денег. К этому пенёчку подойти уже нельзя. Дед Роман все же успел лошадей загнать в болото, а где раньше были лошади, уже пылал сухой кустарник. Лошади почти до живота забрели в болото и стояли смирно, и только у одного коня немножко хвост подпалился. Дед прибежал и осмотрел вещи и улыбнулся немножко, что все вещи целые, а я сразу ему кричу: «Мой френчик сгорел, а в карманах все документы и деньги. Надо достать карманы, возможно, что-нибудь уцелело в сложенном виде» – и показал на горевший пенёк. Он, недолго думая, схватил с уже потухшего костра недоваренный суп и висевший так же над костром, уже вскипевший, котелок воды для чая, подскочив к пню начал супом обливаться, а я с чайного котелка. Огонь еще пылал, но уменьшился, и я все же с этой стороны пенёчка дымящийся карман схватил и отбросил назад. Тем временем дед уже бежит с двумя котелками с водой, и мы подзалили огонь, и я уже достал второй дымящийся карман, а пожар все разгорался с шумом, треском, и мы начали задыхаться в дыму. Роман, ничего не говоря, подбежал к водянистому болоту, где стояли лошади, и прилег к воде. То же и я сделал. Оказывается около воды воздух чище. Когда пожар расширился, и нам легче стало, я начал документы, деньги рассматривать. Мои документы сгорели, а от паспорта и комсомольского билета остались корочки с обгоревшими углами почти, а внутри все пожелтело у оставшихся записей. Деньги верхние слои сгорели, а у некоторых к середине остались номера пожелтевшие.

Впоследствии, по составленному о случившемся пожаре акту, обменял документы. Деньги обменял в госбанке всего около 700 руб., а остальные восстановили и всем лицам, кому было начислено пособие, все было вручено, хотя с большим опозданием.

Я остался в одном свитере шерстяном, который из белого превратился в желтый, но ожогов у нас не было. И только лицо у меня долго горело и руки, особенно ладони, еще около недели было больновато, но пузырей не было.

При такой суматохе потерял костыль и скакал как кенгуру, а костыль лежал обуглившийся, и только верхняя опора еще дымилась. Роман посмотрел на это и на обгоревшие деньги и только улыбнулся, а насчет денег выразился: «Э-э-эх, сколько денег сгорело!». Насчет сгоревших документов и трех повесток райвоенкомата молчал, а вместо костыля в пути остановился и срубил березовый, загнутый в ручке посошок, к которому я в последствии привык, а молодому парню это приличнее было, чем костыль, хотя в первое время было тяжеловато. Комсомольский значок, который весь потрескался, почернел, я нашел в песке, а при получении нового значка показывал его секретарю райкома комсомола.

Роман дополнительно проверил все выюки, не загораются ли, особенно, которые подпалились. Ведь кроме пороха везли один ящик патронов «ЛОНГО» к малокалиберным винтовкам, два оцинкованных ящичка крупнокалиберных, боевых патронов для карабинов и берданок и сколько-то коробочек капсюлей. Словом, груз был весьма огнеопасным, но опаснее всего для меня тогда была сума с порохом.

Для двух наших свободных лошадей груз в двух сумах был в пределах 40 килограммов и более, а на других лошадях по четыре кулька дробы (тоже по 40 килограммов) и весь этот груз я перекидал на выгорелое место моментально, не чуя никакой тяжести. В этом помогла моя систематическая тренировка. Я левой рукой поднимал двухпудовую гирю и несколько раз выжимал, конечно, упираясь правой рукой о костыль, и правая больная нога тоже немножко помогала, а здесь в такой экстремальный момент и больная нога видимо до предела потрудилась. Когда все кончилось, меня долго всего трясло. Вот так с пожаром распрощались и поехали дальше и, выбрав место, где шел низовой пожар, потушив который, выбрались из огненного кольца.

К вечеру стало прохладно и я, остановив Романа, вытащил из выюка кусок сукна, который везли в магазин для охотников. Я отрезал кусок около 3-х метров, в конце которого вырезал дыру, через которую просунул голову, остальной частью обмотал тело и обвязал веревочкой. Для шапки и рукавов так же вырезал кусочек сукна, а Роману сказал: – «Сколько испорчу сукна, при сдаче в магазин рассчитаюсь».

Кое-как еще ночь переночевал, так как здесь в сентябре уже давно бывают заморозки и к утру лужи и вода в котелке замерзает в ясные дни, а ехали – все дни

были ясными. И только в последний день к вечеру начал дождь накрапывать и всю ночь шел, как будто наш пожар хотел затушить. Мы все же еще засветло доехали до стойбища Нетопыри, где был магазин и контора этого отдаленного колхоза, который состоял из трех стойбищ. Нас встретило все население, а сначала слышали лай собак и кони шли торопно. Все почти хором спросили: – «Как, ребята, доехали до Тутуры?». Узнав, что ребята хорошо доехали, сразу обратили внимание на меня. А когда узнали, что мы пустили пожар и только я обгорел, все заговорили, что всегда на свежем месте, и особенно где осенняя и весенняя трава, надо сначала осторожно обжечь побольше круг, а затем в середине этого круга разложить костер, и Роман это прекрасно знает, но этого не сделал. Он такой и есть. Председатель колхоза Попов Илларион оказался дома, тут же крутился и в первую очередь отметил: «Самое главное вы сами от пожара вышли здоровыми, а с огнем дело – не шутки. Спасли лошадей, и даже весь товар, особенно порох и патроны, которые могли бы взорваться и стрелять и вряд ли бы все уцелели». Да, действительно решали секунды. Я сразу объявил, что вез повестки от райвоенкомата, которые сгорели, и от руки написал повестки и вручил Монастыреву Харитону и продавцу Попову Ефиму, которые их беспрекословно приняли, а третью повестку надо было вручить на другом стойбище – Дивиткане, Жерандоеву Прокопию, на расстоянии еще около семидесяти километров езды.

Вечером провели собрание, где совместно решили много вопросов, но не могли найти человека для замены продавца и мне посоветовали, что возможно найдется человек, чтобы принять магазин, на третьем стойбище – Хикагне это еще около двадцати километров от Дивиткана. Выходит, мне предстояло еще около девяноста километров ехать.

Ехать надо обязательно до Хикагни. Там основная рыбалка, заготовка мяса, ондатры на множестве озер, на которых ондатра в 1937–1938 годах была выпущена для акклиматизации, хорошо прижилась, и уже с 1941 года начали ее массовый промысловый отлов. Там же богатые ягодники брусники и голубики. Хикагна – это стойбище и вообще-то называют его Вершина Ханды, так как с этих озер вытекает река Ханда. Очень тревожное положение было по этому колхозу с выполнением плана добычи рыбы, но все хором говорили, что на Хикагне подледную, свежемороженную рыбу добывают с наступлением холодов до ста и более тонн, за счет чего самый большой план по рыбе по нацсовету выполнится и перевыполнится.

Глава 4. Новая работа

Сдав свою работу в Совете, переехал в Зусай, где получил совершенно новую для себя работу, особенно по торговле, замещая председателя райпо (заместителем) и дополнительно по заготовкам (директор заготконторы). Для меня эта работа вполне уже знакома была по работе в Совете, где главный упор работы был направлен на выполнение планов всех видов заготовок. А здесь уже непосредственно выполнение планов заготовок входило в мою обязанность. Я уже ознакомился со всеми представителями колхозов национального Совета, со всеми продавцами-заготовителями, с большинством колхозников. Это облегчало начало работы, но тревожило выполнение планов заготовок, задание военного времени, которое было гораздо выше, чем задания (планы) довоенного, мирного времени. Это видно было по архивам, с которыми ознакомился, да и председатель райпо – Иршнев Федор Прокопьевич говорил, что военные планы подлежат безоговорочному выполнению и перевыполнению. Об этом знали все охотники, рыбаки, все таежные промысловики и все трудились с удвоенной энергией, и не было места всяким прогулам, опозданиям.

В Зусае вместо гудка по утрам трижды ударяли в висевший стальной лемех. За речкой Зусай на пригорке находился пороховой склад райпо, окопанный вокруг противопожарной канавой. В этом складе хранились все боеприпасы райпо, а рядом – помещение для жилья сторожа. Сторож – Жерандоева Шура, у которой были настенные гиревые часы-ходики, утром ударит в этот висевший лемех раз, и такой звонкий удар эхом разносится по таежным хребтам. К нему привыкли косули, которых было много совсем недалеко от поселка, а зайцы и боровая дичь, конечно тоже внимания не обращали. Первый, единственный удар слышали все во всей округе. Второй удар означал, что через полчаса все должны быть на работе, а уж третий удар означал, что все без опоздания должны находится на работе. В то время не во всех домах были хотя бы настенные ходики, а уж у кого имелись карманные и наручные часы (кировские), о том далеко за пределами поселка знали.

Петухи были верными помощниками, а кур держали все, но петух не «говорил» о времени, а все знали первого петуха, второго, третьего. Петух извещал о наступлении утра, а у кого были часы, уж точно знал время. В те времена часы достать было дело великое, а радио не было. Радио было только в райцентре и вблизи расположенных деревнях, да и то не в каждом доме. Настенные ходики не так точно шли, но придерживались по этим часам. Очень хорошо шли карманные, старинные швейцарские часы «Павел Буре», но эти часы были единичными. Поэтому утренние удары по лемеху созывали народ к началу рабочего дня. В обед также давали сигналы,

а вечером не было никаких сигналов, так как временами приходилось работать до глубокой ночи. В райцентре – поселке Качуг звали на работу гудки, а их было два: гудел гудок с мелькомбинанта и с судоверфи. Гудок судоверфи был мощным, и его слышно было за десять и более километров в ясное утро.

В областном центре, в городе Иркутске, было много гудков, среди которых самым мощным был гудок завода тяжелого машиностроения имени Куйбышева – все знали, это начал гудеть Куйбышевский гудок. Почти все заводы и фабрики были переведены в разряд военных заводов с круглосуточной работой. А гудки гудели по утрам, начиная с шести утра, и все знали какой гудок гудит, по «голосу». Люди спешили на работу, а кто чувствовал, что опаздывает, бежал бегом. В городе не было никакого городского транспорта: ни автобусов, ни такси, а насчет трамвая и троллейбусов и думушки не было. Действовали только два маршрутных автобуса между аэропортом и железнодорожным вокзалом. Поэтому везде пешком надо было передвигаться, и каждый знал, сколько времени надо пройти до работы и гудки в этом очень помогали.

Зусай считался магистральным поселком по национальному Совету. Из Зусая даже летом можно было ехать дальше на телеге. За хребтом, километрах в пяти, деревня Ацикяк, где есть почтовое отделение и, главное, телефон, связывающий с райцентром. В зимнее время и в сухую летнюю погоду до Зусая проезжали автомашины — полуторатонки. Трехтонки с деревянными кабинами бывали редко, в исключительных случаях, так как автомашин было очень мало, а имеющиеся были заняты перевозками особо важных грузов. Большинство груза перевозили на лошадях.

В райпо, конечно, не было автомашины, а было более десяти лошадей. В то время порожний транспорт в один конец никогда не допускался и прежде на лошадях, а тем более на автомашинах, особенно между Качугом и Иркутском на расстоянии 256 километров. На этом расстоянии кроме транспортных лошадей частично встречались везущие груза рабочие быки, которые гораздо сильнее лошадей. И на них накладывали гораздо больше, чем на лошадей, груза, а ход быков медленней, чем лошадей, которых можно поторапливать бичом, а быка не поторопишь, он только чуть ход прибавит, крутя хвостом, на небольшое расстояние, но зато и много перевезет груза и ты вдоволь выплещешься, если едешь вдвоем, попеременно управляя быком, особенно после напряженной работы. И проехав на быке, хорошо отдохнув, готов дальше продолжать работу с новой силой, а вот пахать, боронить быка надо одному вести за повод, а второму управлять плугом. Быки никак не могут научиться, как лошади, идти сами по

борозде. Возможно где-то, кто-то и обучает быков такому искусству, но мне ни разу не приходилось видеть таких быков на полях. Если транспортного быка привязать за переднего везущего быка, за дровни или за телегу, то когда он захочет приостановиться, то порвет повод или же вырвет что-нибудь от телеги или от дровней. Если повод крепкий, так как передний бык никогда не остановится, как лошадь, которая останавливается, когда тяжело станет или же что-то задержало, то бык наляжет на свое деревянное ярмо, и все может вырвать, применив все свои силы. Поэтому каждым быком водитель руководит, а быки в дни войны оказывали огромную помощь, так как большой недостаток был в транспорте.

Работая зам. председателя райпо, впервые посетил склады райпо, а до этого, работая в Совете, склады не посещал, да и времени не было просматривать склады. Я убедился, как неустанно наше государство уделяет огромное внимание малым народам даже в дни войны. На складах были разнообразные, качественные промышленные, продовольственные товары по сравнению с другими райпотребсоюзами, ОРСами в городах. Все знали, какое тяжелое военное время. А здесь, в райпо, можно сказать, все было. Но строгий расход всех товаров был не только для эвенков, было еще: встречное отоваривание при приемке пушнины, при выполнении и перевыполнении личных планов всех остальных видов заготовок, ограниченная продажа рабочим и служащим, хорошее снабжение интерната, школы, больницы. Была и особая отчетность по расходу всех лимитированных товаров, а иначе нельзя в такое тяжелое военное время.

Многие приезжали из райцентра, из ближайших деревень сельскохозяйственных в надежде купить нужные продовольственные и промышленные товары, и с особо нуждающимися приходилось поделиться.

С раннего утра до позднего вечера кабинет всегда был переполнен посетителями и своими работниками. Решались разнообразные вопросы, особенно когда приходилось работать и за председателя райпо, но самый главный упор в работе был – всеми силами и средствами обеспечить выполнение и перевыполнение планов всех видов заготовок. По поступающим сводкам от всех заготовителей радовало, что планы будут выполнены и, к тому же нам как будто природа помогала в этом. Лето 1942 года было благоприятное, урожайное на ягоду, орех, а если орех есть, то и пушнина тоже будет «урожайной». У таежных тружеников многое зависело от урожайности таежной продукции, а для определения урожайности ягод, орех перед созреванием специальные комиссии выезжали по всем угожьям, и в актах указывалось, в каких

угодьях определена урожайность таежных культур. Исходя из этого облпотребсоюз преподносил общий план, а отдел заготовок разбивал этот общий план по заготовительным пунктам, по колхозам, учитывая численность людей на каждом участке, в колхозе и учитывая так же продуктивность участков.

Заготовка пушнины, добыча копытных зверей, рыбодобыча зависела от труда промысловиков, и не было никаких ограничений. На каждого труженика давали планы и нужен был упорный труд со знанием дела для его выполнения, а профессионалы называли лодырями тех, которые отставали в выполнении планов. Труд вкладывали одинаково, а некоторые возможно гораздо больше, но результаты оказывались низкими. Это зависело от плохого знания таежного дела, хотя у эвенков из поколения в поколение передается накопленный опыт, но многие по молодости еще не могли освоить, и как говорят: «В семье не без урода», есть единицы трудновоспитуемых. И хотя они труд вкладывают одинаково, а чтоб отвоевать дары тайги и голубой нивы, нужны знания, опыт и здоровье.

Вот в Тутуре был передовым охотником Щапов Александр, который больше всех сдавал пушнины, за сезон осенней охоты до тысячи штук белок и другой пушнины, и пушнина, как у многих эвенков, высокого качества. Таких высоких результатов труда он добивался своим своеобразным знанием. Он охотился с четырьмя умными собаками, из которых две собаки на день на отдых оставлял на месте жилья на остановке (стойбище), а с двумя собаками охотился. Притом у него все собаки находили белок в одиночку, а если на лай прибежит по неопытности вторая молодая собака, то первая уже опытная собака отлупит и изгонит ее подальше, дескать сама ищи и лай, а на мою находку не лезь, а Щапов успевал то у одной собаки, то у другой собаки добыть пушнину. Так день поохотится с этими двумя собаками, а на второй день с отдохнувшими собаками.

Ежедневно с отдохнувшими собаками охотился, и они находили пушных зверьков каждая по отдельности, к чему он сам их обучал, а обученные собаки обучали других малоопытных собак. Когда почувствует, что пушнины на этом участке становится меньше, он на оленях перекочевывает на другой, свежий участок. Он был легкий на ходу, сухощавый, подвижный мужчина, спортивного телосложения. Конечно, он за день нахаживал по тайге большие расстояния, и многие в этом отношении не могли с ним соперничать, но и одновременно прилагали большое старание. У него и на рыбалке, и на отстреле копытных зверей получались дела результативными. Он, конечно, систематически внедрял в свой разнообразный труд

различные методы, приемы. Во всяком труде требуются рационализаторские почины, старания, а все знали, как Щапов добивается высоких результатов в труде, где бы он ни работал, но с ним многие соревноваться не могли.

Немного проработав в Совете и работая здесь в Зусае в райпо в отделе заготовок, узнал многих передовых охотников, рыбаков, ягодников, а от ягодниц требовались подвижность, ловкость и, конечно же, старание.

Женщины – эвенки в это время почти все были и охотниками и рыбаками, мастерами по выделке звериных кож и по их пошиву, оленеводками и, конечно, хорошими домохозяйками, хорошими воспитателями своих детей. Я смотрел и убеждался, что у эвенкийских женщин очень много обязанностей и со своей работой они справляются быстро. Без преувеличения любой скажет, что у эвенок все в руках кипит. Конечно, были и тиховатые, которым помогали успевающие подружки, дочери, а некоторым и мужья. У эвенков мужчины почти не касались женских дел, но были мужья, которые помогали своим женам хотя бы готовить еду в домашних условиях, так как каждый охотник, он же повар, охотясь в тайге, еду сам себе готовит, своим собакам, если жены на охоте не окажется.

Большинство жен уходили со своими мужьями, и тут уже муж охотился полный световой день, в остальном ему помогала жена, которая тоже охотилась поблизости от стойбища неполный световой день, а муж должен охотиться дальше. Поохотившись, она возвращалась к стойбищу, где ее ждало много работы: обработка пушнины, уход за оленями, заготовка дров для чума, приготовление еды для себя и для собак, ремонт одежды, обуви и оленьей сбруи, и многое другое.

Начав работать с заготовками непосредственно в райпо, я многое узнал. При выезде в Иркутск с отчетом и решая многие вопросы, узнал, что Вершино-Тутурское райпо в выполнении областного плана по заготовкам вносит ощутимый вклад. На Иркутской пушной базе мне сказали, что наша эвенкийская пушнина всегда бывает хорошего качества, также как из Катангского эвенкийского района, который по области по заготовке пушнины всегда был первым и в количественном и в качественном отношении. Качественность эвенкийской пушнины – это, можно сказать, их культура, чему обучаются с самого раннего возраста и мужчины, и женщины — это я понял из разговоров с ними. У эвенков все воспоминания, рассказы сводятся к охоте, рыбалке, ко всем таежным условиям жизни и среди них я очень интересные охотничьи рассказы слышал.

С уважением в своих рассказах относились к передовым охотникам-ветеранам. Говорили, что на стойбище Сугджа живет и охотится маститый охотник дед Ачинка, который более сорока медведей самолично добыл; об огромном охотнике на стойбище Ньюрукан Сафонове Евдее и о многих других. Давно слышал, что на стойбище Назима, в двадцати километрах от Тутуры, живет и еще трудится охотник Дорофеев Александр Иванович. Я побыл на этой Назиме и побеседовал с этим знаменитым охотником, хотя он уже был преклонных лет. Свою молодость он провел при царизме и знал, что такое царизм, вдоволь нахлебавшись горькой жизни. Они жили вдвоем со старухой, но у них всегда были гости из Тутуры, которые приезжали рыбачить, охотиться, а женщины собирать ягоды. Этот участок оказался очень богатым и всё рядом с жильем: и пушнина, и копытные звери, и рыба белая, в основном ленок, ягода вокруг дома. Поэтому он отказался переехать в Тутуру, на Культбазу, но был колхозником этого тутурского колхоза им. Кубышева.

Я все же посетил этот прославленный по колхозу участок и передового, несмотря на свои преклонные года, охотника-рыбака. Это место оказалось замечательное. Рядом протекает Назима, где Александр Иванович добывает порядком рыбы, много сохатых в летнее время, когда сохатые кормятся подводной растительностью. За речкой начинается большой хребет, покрытый густым кедровником, там хороший орешник, кругом богатые ягодники, а по долине реки хорошие сенокосные луга. Пушнину он добывает прямо из дома и никуда не надо выезжать, словом, все вокруг да около и впрямь от такого богатого места не согласится добрый охотник уехать. У него одна дойная корова, рабочая лошадь и собак штук пять было. Были построены райповские ледник, склад и сарай. Из Тутуры заготовитель в месяц раз-два приедет, примет рыбу, мясо, засоленное в бочках в леднике и произведет расчет с ним и уедет, оставив для присмотра принятые заготовки, а Александр Иванович дальше продолжает добывать и заготавливать, а зимою все на лошадях вывозится. В сарае было порядком заготовлено клепок для поделки бочек. Я поинтересовался: «Александр Иванович! Вы, видимо, еще клепки заготавливаете?». «Как же! Дополнительно я делаю бочки, а привезенных с Тутуры бочек 20 или больше всегда не хватает и хорошо, что я научился делать бочки». «Да, все же дополнительно еще зарабатываете».

Он так строго на меня посмотрел и так удивленно выговорил: «Что, я еще за клепки и бочки буду просить оплату? Хоть сейчас ты мне за них давай деньги, я ни за что не возьму, и никто не возьмет. Ты не знаешь, как мы раньше, тунгусы, жили. Мы всегда в долгу были купцам, а одеть было нечего, на муку кое-как зарабатываешь. Купец

только пушнину закупал, да и то сначала напоит до безсознания, а потом отберет всю пушнину и еще скажет, что ты в долгу остался и следующей пушниной рассчитаешься. И ничего не скажет, за что и за сколько пушнину оценил. И так из года в год. А сейчас что творится: прямо на дому принимают рыбу, мясо, ягоды, орех и тут же сразу оплатят. Раньше эти заготовки никто не принимал. Мы летом сушили мясо, рыбу только для себя немножко и все бесполезно пропадало в тайге. Не было никаких ледников, ведь у тунгусов большой грех было копать землю. Сейчас я еще в Тутуре готовые бочки немного беру и зимой привезу, а за остальных я что, оплату еще буду просить? Это у кого совесть такая будет? Вот я отремонтировал ледник и каждый год закладываю льдом. Что за это еще буду просить деньги? Или за другие посильные работы?».

Я на все это согласился, но еще не знал свою работу, а когда впоследствии проверил у себя в конторе, выяснилось, что наша контора не производила никакой оплаты: за заготовки клепок, за закладку льда в ледниках, за текущие ремонты и другие работы. Но бондарям за поделку бочек круглогодично платили зарплату. Бондарей было в штате шесть человек, они за год делали более полторы тысячи бочек и они за лето заполнялись, но их всегда не хватало, и на помощь по поделке бочек включались умеющие охотники.

Такие слова, как высказал Александр Иванович, впоследствии от старых охотников не раз слышал, так как они досыта нахватались горькой жизни при царизме, а в этих таежных глубинах Советская власть начала набирать свою силу с конца двадцатых годов. В то время это был совсем малый исторический срок преобразования жизни эвенков. Прошло буквально пятнадцать с небольшим, лет, как прошла горькая жизнь, уносящая много человеческих жизней. Она была очень свежа в памяти у старшего поколения, и все они знали, что их спасла только Советская власть, и каждый отдавал все силы, чтобы выполнить и перевыполнить взятые на себя планы заготовок. Примечательно было то, что каждый сознательно трудился, и не требовалось убеждать, что надо взять на себя планы, выполнить их и перевыполнить и одновременно многие работы добровольно, как воскресники, охотно выполнялись. Поэтому Александр Иванович удивился моему вопросу о дополнительном заработке.

Мы на Назиму к Александру Ивановичу приехали втроем в конце октября. Со мной приехали два представителя из Иркутска с разнорядкой облпотребсоюза отгрузить им около ста тонн различных заготовок, в том числе сорок тонн кедровых орех, а дорога еще не встала, чтоб вывезти заготовленное с глубинки. Один из

приехавших, Соловьев Илья Харитонович, в молодости бывал на Назиме и Дорофеева Александра Ивановича вроде припоминает, но нам нужно было посмотреть хранящиеся там заготовки.

На Назиме было шестнадцать тонн орех, около трех тонн белой рыбы, более двух тонн мяса сохатиного и несколько бочек ягод, в основном черная смородина. Склад оказался не таким большим, и весь был забит орехами в кулях. И сарай, и старый дом, в котором видимо кто-то раньше жил, тоже почти забиты. Ледник также полный бочками рыбы, мяса и место над ледником в сарае. Ледник открывают примерно с 10 сентября, когда холодные ночи начинаются. Орех заготовила небольшая бригада, а рыбу и мясо почти один Александр Иванович. Старуха заготовила несколько бочек ягод, но и с Тутуры еще приезжали помогать.

Самая горячая пора охоты на пушнину была. Кроме Дорофеева Александра Ивановича здесь охотился заготовитель и еще охотник с Тутуры. Они вдвоем добыли в берлоге огромного, жирного медведя и все мясо, сало вывезли, а шкура, прибитая к стене склада, осталась.

Вечером все пришли с охоты со связками белок на спине, а Александр Иванович сразу распорядился, обращаясь к нам: «Вы посмотрите здесь все заготовки, а они все в хорошем состоянии, я-то уж знаю, как хранить. Завтра Вы будете у меня дневать. Сейчас я отправлю в Тутуру до магазина своего товарища, и он к утру придет со спиртом, а мы завтра сделаем выходной день. Уже несколько дней без выходных охотимся».

Он у своей старухи просит денег, которая целую пачку денег ему подает. Беря эту пачку денег, обращается к нам: «Теперь, при Советской власти, мы вот так живем, всегда с деньгами и все у нас есть, а раньше мы со старухой в руках денег не держали никогда и кое-как доживали год».

Он сразу многое упомянул о жизни при царизме, и его товарищ (звали его Антоном) подтверждал. Антон, русский из села Верхоленск, по годам старше Дорофеева. Видимо они друзья, и он у него гостил, а возможно рыбачил, но не охотился.

Говорили, что до Верхоленска есть тропа порядочного расстояния, но можно ездить через Тутуру и Зусай – по населенным пунктам. Они вдвоем запрягли коня, и этот Антон уехал в ночь до Тутуры. Дорофеев был разговорчивым и среди своей речи часто вставлял слова: «...знаете ли, понимаете ли!...», а когда подопьет, эти вставные слова становились частыми, чего сам он не замечал.

Если кто его не знал, что он трудолюбивый и удачливый, сразу бы сказал, что он какой-то хвастун. По-русски разговаривал чисто, почти без акцента. Был среднего роста, сухошавый и, несмотря на свои года, подвижный, моложавый, весёлый. На счёт коня, на котором уехал Антон, говорил: «Это же конь мой собственный. Мы когда вступили в колхоз, его обобществили молодого, жеребчиком и теперь будто считается колхозный конь, а я его обучал езде и все время держу его у себя. Однажды мне сказали, что за заготовку сена на этого коня и уход за ним будут мне от колхоза платить. Я их отругал. Неужели я за это от колхоза еще деньги буду брать. После этого не стали мне деньги предлагать. Конь же фактически мой, и грешно мне за него плату получать».

У него, кроме коня, коровы и бычка, был сохатенок. Этого сохатенка весной он подобрал тощего, а матку, возможно, медведь задавил, так как эвенки весной маток не стреляют, да и летом. Коровьим молоком этого сохатенка выпоили, и он в октябре уже выше коня был. Для него он отдельно загородку высокую сделал и специально хорошее сено, зеленое заготовил. Интересно, что он совсем ручной стал. Этого сохатенка он седлал в специальную узду и даже вьючил. Для него сшил, конечно, и седло, а вот верхом на него пытался или нет садиться, не знаю. Но в поводу он шел хорошо, как лошадь. Впоследствии, зимой, он подарил его Иркутской зообазе. Как его до Иркутска доставили, я просто не интересовался, но, видимо, на поводу увели до Зусая, а оттуда на автомашине, возможно, в специальной загородке, о чем работники зообазы знают. В дни войны зообаза, выходит, работала. Соловьев ему предлагал, чтоб этого сохатенка хорошо выкормить хлебом, овсом и где-то в январе забить и центнера полтора мяса выйдет, а Дорофеев сразу: «Незачем! Я своего никого не могу забить. Вот скоро бычка надо забить, и то это сделает Антон, а этого бычка-сохатенка я уведу на хорошее кормовое место и отпущу».

После этого Соловьев сказал ему: «Ты, Александр Иванович, пока не отпускай его, а я доеду до Иркутска и там ему найду место, а если не найду, то напишу письмо, и ты отпустишь его». На это он согласился. И вот работники зообазы приехали с удостоверениями, составили акт о приемке, о состоянии здоровья и, видимо, еще заполнили анкетные вопросы, а акт заверили в сельсовете. Позже он говорил, что ему кличку другую дали, а он его звал Борька.

Дорофеев много говорил, когда добытых белок обрабатывал, и за ужином. В то время соболей в этих местах не было, а белок до тысячи штук некоторые добывали и с десятков колонков. Затем, при появлении соболей, колонок исчез совсем. Соболя

уничтожали колонка. Соболя в этих местах появились с 1947–1949 годов, и из года в год количество их увеличивалось. Так что некоторые охотники добывали за сезон до 40-50 и более соболей.

Александр Иванович все подготавливал к приезду Антона. Он занес в кухню мороженое сохатиное, медвежье мясо, мороженных ленков и соленых ленков и еще что-то натаскал, а нам предложил: «Вот постелил постели, вы ложитесь спать до приезда Антона, а он до петухов приедет. Сейчас снега мало, дорога плохая, а зимой быстро съездил бы».

Мы хотели назавтра же утром уехать, но ради уважения решили завтра выехать к вечеру и ночью доехать до Тутуры. Мы разбудились, когда петух запел (они кур держали), и видим, что Антон уже спит, а Александр Иванович со старухой возятся в кухне, и он навеселе уже, и то ли спал, то ли нет, непонятно. Они уже начали на стол таскать приготовленные кушанья, и всех нас усадили за стол. Антон, видимо, порядком спирту привез и, если все пить, что подавали, сразу можно было очуметь.

Александр Иванович оказался в выпившем виде шумным. Свою старуху за волосы начал таскать. На плите был полный чугунок вареного мяса, который опрокинул на пол, как-то задев, но никто не ошпарился. Старуха не поддается, но мы разнимали их. Они ни на кого с руганью не приступали, а воевали между собой и видимо так прожили долгую жизнь. Хотя в молодости этого не должно было быть, иначе они разошлись бы, и в первую очередь, она ушла бы от него.

У эвенков и в старину с глубины веков в этих местах совместная жизнь зависела от девушки, женщины. Если ей не нравился парень или мужчина, ее никто не заставит жить, она все свои приданные вещи, оленей заберет и уйдет, а уж после этого оставшемуся мужу бесполезно ее уговаривать. У старух и стариков интересовался о ранешнем браке. Оказывается, у эвенков не было никакого калыма, выкупа невесты, как, допустим, у бурят, а на равных, на согласии и любви происходило бракосочетание. Наоборот, родители невесты и жениха выделяли им оленей, собак и нужные вещи, одежду, чтоб трудиться дальше, да и родные тоже по возможности дарили.

Старики много случаев приводили в пример. Одна старуха говорила и смеялась: «Вот у старика Петра в молодости после женитьбы родился первый ребенок, и он кое-когда ее начал бить. Когда он ушел на охоту, она собрала все свои вещи, ребенка и села в лодку, погрузив все, и уплыла от него. А плыть ей надо было по быстрой, бурной реке почти три дня, но она благополучно доплыла, а потом за другого вышла

замуж. Петр, однако, года три один жил и никто за него выйти не соглашался, но потом с Марьей договорились. Он Марью не бил. Вот как мужиков надо учить!» – закончила про Петра со смехом.

Посидев, покутив, еще один пример привела: «Вот деду Степану сейчас около 90 лет, а молоденький женился на девушке и, не прожив даже года, начал ее бить, а она с другим парнем договорилась, и уже ей скоро уйти от него, а Степан узнал и начал ее уговаривать, но бесполезно уже стало, и что же он придумал? Он пришел к этому парню и предложил: «Поставь мне четверть водки (три литра) и живите с ней, сколько вам нужно». А парень сразу четверть водки ему отдал, а она к нему перешла. Потом Степан женился на Анне и они вместе состарились. А он начал всем говорить, что свою жену пропил за четверть водки, сейчас уж старик стал, все равно так говорит, а Анна не сердилась, он ее никогда не трогал. Вот как учили мужиков», – закончила бабушка Настасья. Все же я тогда у ней спросил: «Бабушка Настасья, молодая невестка могла со многими парнями ознакомиться, когда муж на охоте, и так же уйти?». Бабка сурово на меня посмотрела и сразу ответила: «У нас, у тунгусов, раньше было большим грехом молодежи с кем-то знакомиться. Ее отец или мать могли избить ее, и притом она всех своих родственников опозорит и с какими глазами будет людям показываться. Да и к замужней никто не подойдет – она уже «грязная» стает. А у Степана другое дело, он ее начал избивать. Тут ее родители могли ее увести обратно домой и его отругать, а потом за кого она захочет, за того и выйдет. В таких случаях наоборот, ругали, стыдили виноватого жениха, а она оставалась «чистой».

Бабка Настасья еще мне тогда немножко объяснила, как женились, и укорила меня, что у нас, у бурят, так жестоко женили раньше. Она была права, так как я знал, со слов стариков, что молодой бурят, если он бедный и у него ничего нет для калыма (выкупа невесты), вечно одиноким оставался. А калымы разные были. У богатых родителей выкуп невесты дорогой, но у бедных выкуп небольшой и притом тоже родители сами все договаривались и женили. Молодые друг друга даже отроду не видели, и если девушка вышла замуж, вернее продали ее и больше родители не касаются, то муж может сколько угодно ее бить и даже убьет ее – невиноватый остается.

Вот две нации, а какая огромная разница была: у бурят какая дикость была, а у эвенков большая справедливость. У бурят были феодалы и, можно сказать, рабы, одни стремились к наживе, обогащению, а другие втягивались в рабство. У эвенков не было богачей, они почти все в одинаковых правах были. Эвенк никогда не стремился к

богатству, а что добудет, всем раздаст, у кого этого нет, т.е. в виде первобытно-общинного строя.

Скупости у эвенков никогда не было, всем делились между собой. Но говорили, что в старину некоторые эвенки имели много оленей, а были и эвенки без единого оленя и они пользовались чужими оленями. Тут уже вырисовывались две противоположные стороны: одни трудолюбивые, а вторые лентяи или больные, они жили за счет трудолюбивых.

Дорофеев был из числа трудолюбивых, но шумноватый. Особенно не любил он лентяев, а они тоже были, и их на собраниях критиковали. Передовые охотники всегда их подталкивали и в стенгазетах продергивали, а на доске показателей они были последними, но многие выправлялись.

Понятно, что лодырь на Назиме столько заготовок не заготовил бы и скота не держал бы. Он говорил, что в молодости столько у русских кулаков работы переработал, а голый ходил, столько пушнины купцам сплавливал и вечно в долгах бывал, а пьяный несколько раз из сундука вытаскивал пачки денег и, трясая ими, говорил, что сейчас они со старухой всегда с деньгами. Два раза нас водил в амбар, где была мука в бочках, чтоб мыши не смогли попасть, хотя и кошка у них была, и другие продукты показывал, а во втором амбаре рыба (ленки) и соленые и свежемороженые, сохатинное мясо, а соленое мясо с ледника не доставал – оно уже было сдано.

Он говорил, что в любое время может добыть сохатых, и на одного кобеля всегда показывал, что эта собака где угодно сохатого остановит и обучает второго молодого кобелька. Этот зверовой кобель находил берлоги медведя и, показывая на медвежье мясо и сало, говорил, что он не так давно берлогу нашел, а три или четыре собаки были пушные. Зверовой кобель уже давно бросил пушных зверьков гонять, и он на охоту за пушниной его почти не берет. И утверждал что он пушных собак может попортить, отведя их по следу крупного зверя, и где-нибудь далеко, догнав зверя, будет лаять, а эти пушники тоже будут лаять с ним и день охоты за пушниной пропадает. Пушные собаки за крупным зверем не идут, они ищут пушных зверьков.

Вот у него мы поняли, что добрые охотники держат много собак и каждые собаки имеют свои профессии. Когда мы к вечеру собрались ехать обратно, Александр Иванович опять нас завел в амбар, и предложил, кто сколько сможет взять мяса сохатинного, медвежьего, сала и рыбы, берите, но мы взяли немножко. Второй представитель Петровский спросил, сколько денег надо, за что Александр Иванович его отругал, а мне, холостяку, ничего не надо было. Соловьев об этом уже знал, что

таким отказом можно обидеть эвенка, а старуха принесла нам на дорогу поллитра спирту и сказала: «Раз вы мало пьете, вот вам на дорогу спирту немножко разведенного».

Нас все пятеро проводили, как высоких гостей. Такое гостеприимство удивило Петровского, так как он у эвенков впервые, а Соловьеву это было знакомо. На Назиме при осмотре все заготовки в бочках оказались качественными и их сразу при доставке можно принять и погрузить на автомашины. Мы запланировали еще съездить до двух заготовительных точек и просмотреть качество заготовок. Но туда, пока дорога зимняя не встала, надо было местами идти пешком, что я со своей ногой уже был не в состоянии сделать, а там было заготовок около ста тонн или больше. В самой Тутуре, в основном ягоды черной смородины, тоже все были качественными. Заготовитель заверил нас, что в тех двух точках все заготовки нормальные.

Заготовители в то время знали, что если подпортилась продукция, относили заготовителю и вплоть до уголовного дела и при том если порченную продукцию доставят до центрального склада в Зусае и здесь обнаружат порчу, то еще относили заготовителю за стоимость провоза. В то время дорого обходилось хоть один центнер доставить, так как в сельскохозяйственных колхозах ощущался острый недостаток лошадей, а самых хороших лошадей отправляли в армию, а также недостаток в колхозах рабочей силы, ведь все молодые, здоровые мужчины были в армии.

В дни войны каждый килограмм принятой продукции эвенкийских заготовок высоко ценился и их ни в коем случае нельзя было подвергать порче. Порча продукции считалась большим преступлением. Поэтому каждый заготовитель систематически проверял качество принятой продукции. Если бочка, затаренная рыбой, мясом, или ягодами оказывалась некачественной и давала течь рассола, то надо было немедленно перетаривать эту продукцию в хорошую бочку. А у этой бочки надо было найти причину и отремонтировать для дальнейшего использования. Об этом систематически из отдела заготовок райпо по всем заготовителям отправлялись отношения, хотя все они сами прекрасно знали всю ответственность. Самому в ходе приемки надо объезжать все заготовительные точки во всех глубинах и одновременно проводить со всеми охотниками, рыбаками, ягодницами производственные совещания, где всплывают все недостатки и намечаются устранения их. Только при такой постановке работы было под силу выполнение и перевыполнение планов и сохранность заготовленного.

Представители из Иркутска уехали обратно, просмотрев и одобрив имеющиеся поблизости заготовки. Они должны приехать в конце ноября, начале декабря. Мне предстояло, подготовив данные, ехать в райцентр и на исполкоме дать сведения о наличии общего количества заготовок и количестве заготовок по отдельности по всем точкам, куда надо направлять транспорт, лошадей для вывозки всех заготовок. После этого в райисполкоме составляли по всем сельскохозяйственным колхозам района разнарядку каждому колхозу о выделении определенного количества лошадей, смотря по мощности колхоза, для доставки в глубинные пункты разных товаров для всех магазинов на год и вывозки всех заготовок.

По этой разнарядке надо объехать все колхозы района, заключить договоры, и эта работа оказалась очень трудной. Мне в исполкоме подсказали: сначала объехать крупные колхозы, с которыми заключить договора на вывозку заготовок с самых отдаленных точек. А самая отдаленная точка – заготовительные точки колхоза «Омакта Бэе Бэйсен», где заготовок было более двухсот тонн и куда только вперед надо ехать десять и более дней и притом только в январе, феврале, когда на пути замерзнут все болота, реки, а особенно по рекам полыньи ключеватые. Этот хандинский колхоз все представители колхозов знали и каждый старался не заключать туда договор. В некоторых колхозах было невозможно за день выловить председателя и только вечером на квартире его «поймаешь».

Всем понятно было, что в каждом колхозе недостаток лошадей добрых, тягловых, грузовых и особенно рабочей силы и притом в тайгу надо еще хорошую сбрую. Председатели знали, что обязательно надо вывезти эти ценные эвенкийские продукты, так как страна остро нуждалась в продуктах питания. Как бы ни было трудно, председатели помогали нам из своих резервов. Возчиками были, в основном, молодые женщины и у каждой две-три запряженных лошади. Им надо было каждой своих лошадей кормить, поить и ночью мало приходится спать, иначе лошадь не повезет груз. Каждому возчику надо хорошо запрячь своих лошадей, чтоб шли легко и не надавить коня, а вечером выпрягать их и ездить надо с раннего утра и до позднего вечера. Лошади идут с тяжелым грузом шагом и в сутки надо провести много километров при 40–50 и более градусов. В такие морозы посмотришь на лица этих женщин и девушек, а у них щеки горят, просто алые. У всех шутки, песни и все друг другу помогают. Словом, весь коллектив такого транспорта всегда был дружным и веселым. Особенно вечером до сна, когда ужин варят, и с молодыми женщинами возятся мужчины средних лет, как молодые, и чувствуется, что они за день езды

нисколько не устали и издалека слышен женский смех, визг, шутки из дома, где они остановились переночевать. Все же молодые женщины – веселая публика. При такой езде устанавливали ночные дежурства по очереди. Одни после ужина ложатся спать до готового завтрака, а вторые ухаживают за лошадьми. Ведь надо вечером сразу всех потных лошадей поставить на выстойку, чтоб снег не хватали, иначе у коня может получиться воспалительный процесс. Через два часа им надо сено дать, а голодные кони быстро едят. Через два часа надо их поить, затем овса дать, после чего сено дать и периодически проверять их, подправлять сено и следить, чтоб не запутались. Часам к двум ночи их надо опять поить, после чего они опять хорошо едят и к утру часам к четырем-пяти опять третий раз за ночь надо поить и дать овса, иначе лошадь не потянет груз. На воз добрых лошадей налаживают до четырех центнеров, а на молодых, еще не окрепших, центнера два. До самого дальнего Хандинского участка около 500 километров по зимней дороге вкруговую. В пути были построены четыре зимовья, так как на расстоянии около 200 километров не было населенных пунктов, и этот транспорт за день добирался от зимовья до зимовья, а в этих зимовьях находились по одному зимовщику, которые подвозили сено, заготовленное эвенками за лето, готовили дрова, направляли водопой. Для эвенков в летнее время предстояло в обязательном порядке около этих зимовьев и по стойбищам заготавливать порядочное количество сена. В дни войны с этой работой справлялись в основном женщины, а 400–500 лошадей за ночь съедят около 10 тонн сена, хотя не все сразу ездили, а по отдельности от каждого колхоза лошадей 50–60. Всем было трудно, но, преодолевая трудности, люди справлялись. Эвенки летом много времени уделяли заготовке сена для транспортных и колхозных лошадей, а также для личного скота, у кого он был. Одновременно рыбачили и сохатых добывали, сдавая их государству, а с сенокосом старались закончить до созревания ягод, которых каждая женщина ждала. Каждая молодая, подвижная женщина при урожаях сдавала до полтонны и больше ягод. Таежные покосы небольшие и неровные, большинство кочковник, и с каждой плешины надо собрать, чтобы выполнить план. Каждую весну, после половодья, покосы чистили и расширяли.

К концу ноября, когда хорошо промерзнет лед, через реку Лену начинают поступать грузы из Иркутска, которые надо распределить по всем магазинам, смотря по населению, и лошади вперед везут промышленные и продовольственные товары на год, а обратно заготовки. Вперед везут гораздо меньше, чем обратно, но зато они везут с собой свое сено, овес до ближних пунктов, и этим самым сокращают потребление

сена в пути и суток около десяти кормят своим сеном, но на остальной путь приходится сено эвенкийское.

При заключении договоров указывается количество выделяемого сена, а остальное они везут с собой. В пути, на ночевках оставляют на обратный путь, но много сена не возмешь с места, так как надо еще везти вперед груз. Перевозка грузов в то время была очень сложной, трудоемкой операцией. После заключения договоров колхозы ставили лошадей на отдых, откорм, после чего выезжали в намеченный срок.

В одном крупном колхозе села Залог председатель колхоза оказался очень веселым, деловитым человеком, участником Гражданской войны (фамилию забыл). Он сразу заключил договор. Видимо бригадир или кто другой ему сказал: «Откуда столько лошадей добрых соберем, да и людей? У нас своей работы по горло хватает».

Он сразу ответил ему: «Ты что? Пятьдесят лошадей не сможем выделить? Можем, а ты старшим поедешь. Лошади – это сила. Пятьдесят лошадей в среднем вывезут пятнадцать тонн груза и к тунгусам увезут товаров и продуктов. Ведь Москва, Ленинград построены силами лошадей, и наше село тоже построено лошадиной силой».

После этого я часто употреблял слова этого веселого председателя, который просил меня переночевать у него, но я уехал. Надо было быстрее закончить заключение договоров, на что ушло более полмесяца, но договора были заключены – основная работа сделана. По неопытности в работе местами было трудновато. Мне еще добавилась работа за председателя райпо во время ухода его в отпуск с 20-го ноября до первых чисел января. Ему дали отпуск по болезни, видимо, сердце больное было, а курортов не было.

Особенно крупные споры происходили с Кочневым, который представился работником облпотребсоюза в качестве охотинспектора, а жил с семьей в отдаленном стойбище Муринья. Никаких конкретных предложений он не вносил в дела заготовок и даже не был членом профсоюза – я был профоргом. Он приехал в конце ноября, когда я уже закончил заключать договора на вывозку заготовок с глубинок. Он на меня напал, что я занимаюсь вредительством, и что меня следует привлечь к ответственности, так как, якобы, не чистятся дороги от летних завалов (упавших деревьев), и что я сгною заготовки пушнины, и еще ряд причин вроде нашел. Мы с ним, хотя ему уже лет 60 было, почти до обеда вели крупные разговоры, и, главное, он мне не давал работать, и дошло до того, что я его из кабинета попросил выйти. Он говорил, что едет в Иркутск и там в облпотребсоюзе нажалуется, а я только что из

Иркутска приехал, где получил много полезных советов. Главное, пригрозил мне, что скоро я сяду за решетку. Через некоторое время он проезжал и даже не зашел ко мне в кабинет, и не знаю, где он был, и что за охотинспектор был. Уж эвенков насчет охоты учить совершенно нечего. В то время мне, молодому, он никакого значения не придавал, и я никакого внимания не обращал на него – был занят работой. Больше я его не видел и забыл про него, так как ежедневно работы было предостаточно по торговле и по заготовкам, а мне надо вникать в каждую деталь, как неспециалисту.

В райпо не было партийной организации – всего один член партии, председатель райпо Иргинев, который, передав временно свою работу мне, ушел в отпуск по болезни. Комсомольцев было всего восемь человек. Комсоргом райком комсомола опять же предложил избрать меня и вся культурно-массовая, агитационная работа ложилась на нашу маленькую комсомольскую организацию. Кроме того, я чаще всех ездил до Тутуры, где в нацсовете, и в этом крупном по Совету колхозе разрешались многие вопросы. Я много беседовал с местными эвенками. Все знали, что самоотверженным трудом в тылу они помогают в разгроме врага, особенно старые эвенки старались, отдавая все силы.

В декабре приехали трое представителей из ЗабВО (Забайкальский военный округ), штаб которого находился тогда в Иркутске, и все воинские части Забайкалья подчинялись ему. Старший среди них, капитан, мне дает разнарядку из облпотребсоюза забить всех выбракованных оленей и все мясо отгрузить воинской части, из шкур сшить дохи, а из камусов (шкур с ног) сшить мужскую обувь и все это также отгрузить воинской части. Мы с капитаном поехали в Тутуру. В этом колхозе было более 800 оленей. К этому времени большинство охотников с оленями вернулось с охоты, и уже известно было, сколько голов выбраковать, а их оказалось более ста голов. Всех их за день забили, и более десяти тонн доброкачественного мяса отгрузили воинской части, а шкуры раздали по всем домам, чтобы в срочном порядке сшили дохи и вдобавок обувь. Кроме этого, были собраны у всех охотников шкуры диких оленей, косульи шкуры и все охотно приносили, а женщины выделявали шкуры и шили день и ночь. Эти теплые дохи и обувь предназначались, как капитан говорил, для пограничников и часовых и был дан средний мужской размер. Все мясо сразу этот колхоз вывез до Зусая, где ждали автомашины. Еще подключили лошадей райпо и школы на вывозку мяса до Зусая, хотя в этом колхозе было 39 лошадей. Военные увезли еще две тонны ягод смородины, а насчет дох и теплой обуви договорились к какому сроку им приехать, но срок был очень ограниченным. Тут уж женщины

потрудились, так как у эвенков мужчины никогда не занимаются выделкой кож и шитьем – это чисто женское дело. И при этом не было тогда готовых, прочных ниток, из сухожилий сохатиных, оленьих на руках ссучивали требуемой толщины нитки, именуемые постигонками. На выделку кож и пошив подключились все комсомолки-девушки, девчонки-ученицы и старухи, и в удивительно короткий срок все было сделано – все выделали и сшили, и досрочно сдали на центральный склад райпо, где уже ждали отгрузки. Дохи и теплая обувь поступили с остальных глубинных колхозов, а мясо с глубинки пока невозможно было вывезти, так как пока зимней дороги не было.

При выделке кож и пошиве все старались как можно быстрее закончить порученные работы, так как почти из каждой семьи в армию были призваны сын, брат, отец или муж, а многие говорили: «Сейчас холода начались, надо всех одевать теплее, и наше шитье оденут и сразу узнают, что мы сшили!». Поэтому все работали круглосуточно. Победа зависит от прочного, сильного тыла. Были эвенки, которые не считали свой труд помогающим в разгроме врага и делали свои выводы: «Чем мы можем помочь в разгроме врага, сдавая свои килограммы рыбы? Другое дело с ружьем в руках на фронте бить врага». Когда докажешь: «Ты сдашь один центнер рыбы, а тысяча рыбаков, если только по центнеру сдадут, сто тонн получится, а армию кормить надо, да и хорошо надо кормить или рабочих на военных заводах тоже надо хорошо кормить, чтобы они хорошо и много делали патронов, винтовок, пушек, танков, самолетов. Учить надо танкистов, летчиков и их тоже кормить надо. Мы здесь в тылу выращиваем хлеб, овощи, скот. Добываем каменный уголь, бензин, железо, свинец и многое другое. Все это нужно для фронта, для разгрома врага». Многие старые эвенки считали труд в тылу как обычный, и не видели той огромной помощи в обеспечении продуктами населения страны.

Работая в этом райпо, убедился, что эвенки – люди тайги, при своей малочисленности, весомый вклад вносят в снабжение населения продуктами, умело извлекая из тайги и водоемов ценные продукты, да и в больших количествах. Вот что значит профессиональное мастерство. При царизме эвенков, а равно и других народностей, считали дикарями, людьми бесполезными, которые только умели добывать хорошую пушнину. Советская власть эвенков поставила на ноги. Теперь эвенки начали давать своему государству большую отдачу, не только давая хорошую пушнину и другие ценные продукты, но и принимая личное участие на фронте в разгроме врага наравне со всеми нациями нашей многонациональной страны. Эвенки –

природные охотники, которые с самого раннего детства приучаются к меткой стрельбе и к умелому, бесшумному подходу в тайге к осторожным зверям, были отличными снайперами на фронте, а одному эвенку-снайперу Номоконову, который уничтожил более 300 фашистов, было присвоено звание Героя Советского Союза.

В моей работе в этом райпо было самым радостным то, что все планы заготовок были выполнены, а по многим видам заготовок перевыполнены. Дорога открывалась, снег стал глубже. Уже сельскохозяйственные колхозы района начали вывозить заготовки с глубинок. В этом заключался основной итог работы за 1942-й военный год. Такой результат зависел в основном от упорного труда эвенков.

С приходом на работу председателя райпо Иргинева после окончания отпуска к середине января, я уволился с работы. Из-за своего здоровья я не в состоянии был бывать в командировках по всем глубинкам круглый год, из-за чего многое не дорабатывал бы, превращая эту работу в кабинетную. Я решился приобрести специальность бухгалтера, а в это время как раз шли в Иркутске краткосрочные курсы переподготовки бухгалтеров простой системы на бухгалтеров двойной системы в колхозах. Несмотря на опоздание, меня приняли на эти курсы, посмотрев мою трудовую книжку, где моя трудовая деятельность началась именно бухгалтером по простой системе.

До окончания курсов я проучился всего более месяца и со всеми остальными успешно окончил эти курсы, получив новую специальность бухгалтера, а пока мы учились, произошла реорганизация райпо. То есть райпо ликвидировали, и в райцентре Качуг организовался рыбзавод и торгующая организация – рыбкооп, снабжающая рыбаков. Изменилась и отчетность колхозов.

Я изъявил желание работать бухгалтером в эвенкийском колхозе этого же Вершино-Тутурского национального Совета, так как для меня эти колхозы и его люди уже были знакомы, и я с ними уже немножко поработал. Сразу же после окончания курсов пришел в распоряжение Иркутского Рыбакколхозсоюза, вновь организованного, и все рыболовецкие колхозы области подчинялись и отчитывались только перед этой организацией, а все пять колхозов Вершино-Тутурского эвенкийского Совета в первую очередь стали рыболовецкими и опорой Качугского рыбзавода.

Глава 5. Мурина. Тайна в вате

Начало 1943 военного года, после окончания бухгалтерских курсов, я был принят председателем Иркутского Рыбакколхозсоюза тов. Шестик. Он доволен был,

что я согласился работать бухгалтером в рыболовецком эвенкийском колхозе Качугского района и направил меня в распоряжение своего главного бухгалтера Суманеевой, которая радушно приняла и сразу же сказала: «Очень прошу пока временно поработать одновременно в двух колхозах. Поэтому быстрее добирайтесь до места работы и сразу отправляйте сначала акты приемки, а затем как можно быстрее составьте отчеты и с ними выезжайте быстрее. Работать пока придется одну неделю в одном колхозе, вторую неделю – во втором. Говорят, что расстояние от одного колхоза до другого небольшое – километров сорок. Если подвернется бухгалтер, то направим к Вам, и Вы сдадите дела одного колхоза, а пока работайте. Сами понимаете, что идет Великая Отечественная война и специалистов совершенно не хватает».

Получив удостоверения на право принятия должностей в этих двух колхозах, мне предстояло проверить сначала очень много работ в первую очередь по финансовой части, а затем по хозяйственной части, о чем мне Суманеева говорила, а я вроде страшился, но был уверен, что должен все быстро закончить. Да, в молодости у человека, взявшегося за дело, силы много, поэтому я и рассчитывал на себя. С такими заданиями, с такими планами, имея на руках лишь предварительные руководящие указания, выехал из Иркутска. Мне предстояло начать работать и продолжать жить в самой гуще таежных жителей – эвенков, теперь уж вникать и в работу, и в жизнь до самых мелочей. Я же бывал в тех местах, но мимоходом, проездом, ознакомился поверхностно, когда проезжал с Поповым Илларионом во время первой командировки, а сейчас предстояла длительная командировка. Задание было военное – надо направить в правильное русло работу и продолжить ее, по военному выполняя и перевыполняя планы работ.

Ехал под конец по двум стойбищам, по которым я с Поповым Илларионом возвращался с первой командировки, и многие люди мне уже знакомы были, а также местность: лесные хребты, болота, озера, речки. Они давно уже замерзли, и снег уже порядочно выпал, морозы стояли стойкие сибирские, а для нас, сибиряков, сорокоградусные морозы считаются средними. В пути встречал много транспортных лошадей и веселых молодых женщин, девушек – возниц, которые везли до Зусая в бочках различные заготовки, а также замороженное тушами мясо копытных зверей и домашних оленей. Смотря на все это, возникала душевная гордость, что в этом деле есть доля моего труда по заготовкам и по заключенным договорам с колхозами района, и я интересовался, спрашивая из какого села, деревни, из какого колхоза. Некоторые для меня были знакомы, а по количеству лошадей мощность колхоза была

налицо. Эти эвенкийские заготовки: ягоды, рыба, мясо скоро пойдут по особому назначению для снабжения рабочих военных заводов, госпиталей, военных в основном объектов.

В начале этого 1943 года ликвидировался Чинонгский эвенкийский колхоз и объединялся с Муриньским колхозом, а председатель Петухова Мария стала бригадиром. Этот колхоз остался почти без мужчин, которых взяли в Армию и они сражались на фронте. О некоторых уже пришло извещение о гибели, но все равно этот Муриньский колхоз был слабее, чем Нюрутканский колхоз, где было много мужчин пожилых, но трудоспособных. А в Муринье и на стойбище Чинонга были почти одни женщины, подростки, старики, но планы выполняли. Особенно на третьем стойбище – Сугдже прославленный дед Ачинка вносил ощутимый вклад в Муриньский колхоз со своими женщинами и сыном по всем видам заготовок, в том числе по содержанию колхозного скота, по заготовке сена и на других хозяйственных работах и всегда был передовым бригадиром по этому колхозу.

В этом колхозе на стойбищах Муринья и Чинонга были двое мужчин, и оба безногие. В Муринье Сафонов Кирилл охотился верхом на коне, а летом, сидя в лодке, толкался вверх по реке на рыбалку и так он принимал одинаковые планы по сдаче государству пушнины, мяса диких копытных, рыбы. От него не отставал в Чинонге Щукин Иван, также без ноги. Но они имели большой опыт, хоть и на двух костылях ходили, а были наставниками молодых. Женщины тоже шестами толкались вверх на быстрых течениях реки, и я впоследствии понял, что эвенки речные и озерные отличаются. Женщины, которые выросли на озере, отказываются бороться с быстрым течением реки, а речники с большой неохотой рыбачат на озере ради выполнения своих планов, где гораздо больше, чем на реке, рыбы добывают. Многие женщины отказывались наотрез рыбачить на озере и выполняли планы речной рыбой и мотивировали тем, что не хотят выпутывать из сетей окуней и щук, а планы на речную рыбу были меньше чем на озерную рыбу, но рыба в дни войны ценилась одинаково, лишь бы было количество.

В связи с объединением Чинонгского колхоза с Муриньским, по Муриньскому колхозу «Олломоचेvки» увеличилась задолженность по ссудам в госбанк, которую с большим трудом списали, как говорится, на войну. Нюрутканский колхоз «Нулгиктовки» не имел никакой задолженности никому и доходы были большими. Доходы в этих колхозах складывались, в основном, от 20 % отчислений от всех видов заготовок, а 80 % сразу лично каждый при сдаче получал и, кроме того, заготконтора

еще дополнительно на счет колхоза отчисляла 20 % от всей сданной пушнины и от продажи сена. А еще разрешалось при выполнении и перевыполнении планов по рыбе, мясу определенное количество рыбы и мяса продавать на рынке по уже существующим рыночным ценам.

Все эти доходы шли на распределение по трудодням, на хозрасходы, на административно-управленческий аппарат. Продовольственные и промышленные карточки на хозработы и управленческий аппарат шли из полученных от рыбзавода 20% от общей сдачи. За рыбу карточки выдавались строго по существующим нормам на рабочих, служащих, иждивенцев, а рыбаки эти карточки получали полностью – 100 % за сданную рыбу и пушнину. В то время деньги были обесценены, в основном на продукты и промтовары, у которых цены оставались довоенными, дешевыми в копейках, а по карточной системе выдавались строго по нормам, а рынок процветал. Ведь цена на один стакан муки пшеничной доходила до 25 руб., булка хлеба 150–200 руб., 1 кг мяса 200–250 руб. в Иркутске, а по районам наполовину дешевле. Костюм мужской до 2 000 и более руб. и по таким же ценам платья женские на вещевом рынке – на барахолке. Это же полнейшая инфляция была. Такие цены поднимали всякого рода спекулянты, преступники, воры и особенно, говорили, что из числа эвакуированных. Перед оккупацией фашистами наших территорий многие, работавшие в сбербанках, сберкассах и других работах, связанных с деньгами, захватив огромные суммы денег, подавались в наш тыл. Все эти преступники поднимали цены, а милиция и следственные органы были малочисленны, они хоть и вели большую борьбу с такими преступниками, но цены оставались высокими. Дойная корова доходила до 40 000 руб., а одна пачка хозяйственного мыла до 150 руб. Зарплаты рабочих и служащих оставались прежними. Учителя начальных классов получали в месяц по 193 руб., бухгалтер в колхозе 70 руб. и ежедневно по трудодню. Многие преступные элементы выявили себя только при денежной реформе в 1947 г., когда они начали обменивать 10 руб. за 1 руб. в госбанках в огромных суммах, нажитых нетрудовыми доходами. Эта денежная реформа имела большое значение в упорядочении ценности рубля.

В ходе работы систематически рассматривались нормы выработки на общих собраниях, где и уменьшались, и добавлялись нормы на трудодни при оживленных дискуссиях. И не было колхозников, не выработавших годовой минимум выработки без уважительных причин (болезнь, роды и т.д.). Нормы выработки на трудодень в этих двух колхозах были разными. Их устанавливали на общих собраниях, а по Уставу

колхоза общее собрание – закон колхоза. Вообще труд и быт эвенков в корне отличались от сельскохозяйственных колхозов, а также отчетность бухгалтерии была разной – у рыбопромысловых колхозов и сельскохозяйственных колхозов – счета разные и вообще разный ход работы.

Вершино-Тутурское райпо еще полностью не ликвидировалось, а находилось на этапе ликвидации. Все продавцы, заготовители еще отчитывались перед райпо, и груза (заготовки) отгружались в райпо и со склада райпо все товары отгружались во все эвенкийские магазины с запасом на год, словом, райпо стало отделением рыбозавода и Рыбакколхозсоюза. Эвенкийские колхозы уже перестали отчитываться в райцентре в Райзо (Районный земельный отдел) и полностью перешли в подчинение Иркутского Рыбакколхозсоюза.

Прибыв в первый колхоз на стойбище Мурины, сразу приступил к приему бухгалтерии, а работающая здесь бухгалтером Кочнева Полина объяснила: «Сначала здесь бухгалтерия была простая, и я работала, а когда Рыбакколхозсоюз ввел двойную систему, я отказалась работать, так как двойную систему бухгалтерии я не знаю. Вот, примите дела».

Во втором колхозе «Нулгиктовки» вообще бухгалтера не оказалось, а просто пока запись вела молодая колхозница-красноармейка Шерстова Дуся, которая записывала все работы колхозников как бригадир, и она же кассир и завхоз, ведущая записи прихода и расхода денежных средств, промышленных и продовольственных карточек и других материалов. Особенно здесь потребовалось очень много труда, чтоб все рассортировать и составить отчет. Я, не считаясь со временем, быстро составил отчет по этим двум колхозам.

С отчетами съездил в Иркутск и сдал эти два отчета со многими поправками главбуха Суманевой, которая проконсультировала меня как в дальнейшем продолжить работу.

Начал работать в Мурины в колхозе «Олломочевки» – в переводе «рыбацкий, рыболовецкий», и в Нюруткане в колхозе «Нулгиктовки» – в переводе «кочующий, кочевой», как Суманева в Иркутске говорила, одну неделю работал в одном колхозе, а вторую неделю – во втором колхозе. Познакомился со всеми колхозниками, начал жить и работать в самой гуще среди эвенков, изучать эвенкийский язык, часто вспоминая, как меня в Тутуре начал учить Фома Васильевич и при встрече с ним мы смеялись. Вместе с ними рыбачил, научился немножко толкаться шестом по быстрой Киренге на лодках-долбленках, а уж пострелять уток, особенно на Нюрутканских

озерах, можно было вдоволь, но время было ограничено. Кроме основной бухгалтерской работы нужно было на каждый сданный рубль рыбы высчитывать по граммам все продуктовые, промтоварные карточки в отдельности на каждого рыбака, на что уходило очень много времени. Не хватало чистой писчей бумаги, и приходилось выбирать со старых архивов и писать на оборотных, чистых листках, выбирать чистые листки со старых бухгалтерских книг, о чем посоветовала в Иркутске Суманеева. Узнал условия жизни и труда тружеников тайги, быт. Научился ночевать у костра, как меня учил Попов Илларион. В детстве, в школьные годы я увлекался рыбалкой, пропадая днями во время летних каникул на берегах реки Лены и ее притоке реке Анга с удочкой. А здесь, в Муринье, на Киренге после икромета ленков очень хорошо добывал удочкой на червяка. Однажды около сорока ленков за утро добыл. Такой богатый улов мне и во сне не снился. Словом, богатство тайги и водоемов меня удивляло. К вечеру по всей реке Киренге плескались разной величины рыбы. Вот была рыба! Недаром все эвенкийские колхозы стали рыболовецкими и гораздо больше добывали и сдавали государству рыбы, чем в довоенный период, имея малочисленный состав рабочей силы, а военное время требовало как можно больше рыбы, рыбы и рыбы, и оставшиеся люди отдавали все силы.

Такая огромная усидчивость, почти круглосуточная, мне помогла, все же я работал учителем до приезда в Тутуру в Кузнецовской начальной школе, где вел с 1-го по 4-й классы (с утра до обеда 1-й и 3-й классы, и с обеда до вечера 2-й и 4-й классы). А вечером работал почти до утра, работы хватало по составлению планов и проверке тетрадей учащихся, особенно если пропустишь вечер или два. Были другие работы: по комсомольской линии, как комсорг этого довольно крупного сельскохозяйственного колхоза, как агитатор, как редактор колхозной стенгазеты. От них я был освобожден на год врачами ввиду психического расстройства и должен был работать на более спокойной работе, а тут бухгалтерская работа потребовала огромной работы. Был военный тыл, и я думал, что со мной опять возобновится психическое расстройство, но прошло благополучно, ничего не наблюдалось, и, видимо, работа в Зусе и Тутуре, и частые поездки по тайге укрепили здоровье.

Бухгалтер на стойбище Муринья, Кочнева Полина, которая мне сдала свою работу, оказалась второй дочерью (младшей) Кочнева Михаила, с которым во время моей работы в райпо возникали большие споры вплоть до выдворения его из моего кабинета. Я про него совсем забыл, а он, оказывается, проживал второй год с семьей в Муринье. Ему было лет 60, выше среднего роста, крупное костлявое лицо с орлиным

взглядом, начинающий седеть и лысеть и всегда в очках для дали, а для читки носил другие очки в кармане, уже сутуловатый, старческого вида, и представлялся охотинструктором от Иркутского облпотребсоюза. Я, работая в Совете и райпо, его не видел, кроме как во время ссоры в райпо, и не было нужды поинтересоваться его должностью, а тут он опять вырисовался передо мной и навстречу мне. Опять между нами начались яростные стычки, конечно, не в физическом отношении. До моего прибытия он целиком и полностью подчинил себе председателя этого колхоза, эвенка Хромова Иннокентия, который без его разрешения никакую работу не делал. А тут на общем собрании колхозников мы его освободили от должности председателя и назначили бригадиром. Председателем назначили женщину-красноармейку Монастыреву Дарью, у которой было маленьких три сына и две дочери, хотя старший сын достигал уже призывного возраста, но был больным. Чуть позже Дарья получила от райвоенкомата извещение о гибели на фронте своего мужа. Женщина она была стойкая, мужественная, за что ее избрали председателем. У Кочнева все распорядительные каналы перекрылись, и выяснилось, что он все делал во вред обществу, ради личного обогащения, бессовестно присваивал личные, колхозные, государственные вещи.

Он был очень грамотным, писал быстро и почерк был отличным, старого стиля. Он всегда и всех страшал, что посадит в тюрьму. Он начал вмешиваться в колхозные дела во вред работе, и на первом колхозном собрании его опять пришлось попросить освободить контору, где проходило собрание, и он ушел, всячески грозя мне, и больше он ни на каких заседаниях, совещаниях, собраниях ни в каком колхозе не был.

В то время еще скрывались остатки недобитых контрреволюционеров, всякого рода бывших царских прислужников и других врагов Советской власти, особенно в числе людей старшего, пожилого возраста. Я понял, что Кочнев явно относится к такой группе вредителей.

Я со всеми колхозниками познакомился, и в ходе беседы с ними обнаружил многие проделки Кочнева, противодействующие Советской власти. Я начал записывать их у себя, собирать все его вредительские проделки, в чем оказывали помощь все эвенки, но никто не знал, что я начал вести сбор всех его проделок и его разговоров. Просто в обычных разговорах и по работе, и по другим разговорам, эвенки удивлялись его поступкам, и все же многие еще пугались его. Я их убеждал, что при Советской власти, и тем более в такое суровое военное время, совершенно противопоказано его поведение. И как он смело, открыто действовал, допустим:

забрал колхозный невод и продал посторонним, а денег в колхозную кассу ни копейки. Мог придти к приплывшим, приехавшим рыбакам, охотникам и забрать сколько ему угодно мяса, рыбы и уйти, нисколько не оплатив или же дав смешные крохи, вроде оплатив. Словом, что ему нравилось, все его. И не смейте ему ничего говорить. А позже, в конце мая я узнал, но не точно, что год тому назад, в апреле 1942 года Кочнев со склада райпо получил много ниток и много кукол, а из одной куклы выходит шесть – девять сетей для этих колхозов. И будто бы он утопил в полынье по реке Киренге все эти ценности, на что составил акт, и все присвоил. А райпо все списало, хотя следственные органы должны были проверить, подняв архив.

В дни войны сети очень дорого стоили. А эти нитки и куклы, конечно, были довоенного завоза и, по всей вероятности, последними. Когда я осенью 1942 года работал в райпо, на складе не было уже ни ниток и ни кукол, а организованный Качугский рыбзавод сразу открыл сетевязальный цех, где трудилось человек пятьдесят или более молодых женщин и девушек, которые вязали сети, получая со склада нитки, каждая в отдельности весом до единицы грамма. Готовую продукцию (сети) они должны были сдать на склад в таком же весе. Нитки были большим дефицитом, а тем более сети. Единственная Астраханская сетевязальная фабрика не работала в связи с подходом немецко-фашистских войск к Волге и Кавказу и здесь в тылу выходили как могли из создавшегося положения. В цехе запрещено было оставлять нитки и недовязанные сети, и все сетевязальщицы нитки и недовязанные сети несли домой. Дома рано по утрам и вечерами вязали, а за перевыполнение дневной нормы дополнительно получали прибавок к хлебной карточке (талону). Дневная норма восьмичасового рабочего дня была разной в зависимости от размера ячеей. Для сетей с самой крупной ячейей (ленковые, в которых и сеговы добывали) дневная норма была пятнадцать метров, а с самой мелкой, для речных хариусов (22 миллиметра) два метра. По-моему, все они перевыполняли нормы, дорабатывая дома. В этот женский цех когда зайдешь, все сидят за длинными столами друг против друга и вяжут сети, только мелькают руки. А сколько смеху, хохота, шуток всяких, а кто и песни поет – веселый цех был и невольно задерживаешься, и выходишь из цеха в хорошем настроении, вдоволь насмеявшись. Такие цеха были организованы и в наших колхозах, по принципу рыбзавода. Нитки колхозы получали от рыбзавода и строго отчитывались, а в колхозах в этих цехах женщины занимались еще посадкой и ремонтом порванных сетей. Планы рыбодобычи были большие, а сети были из хлопчатобумажных ниток,

слабые, поэтому сетей требовалось много, но нитки поступали, и на них был строгий учет.

Услышав про проделки Кочнева насчет сетевых кукол и ниток, все мои нервы зашевелились, хотя пока знал неточно, в самом ли деле было так. Но никому и тем более ему, Кочневу, пока не говорил, но на душе волновало, смотря на женщин, которые, допустим, 405 граммов получили со склада ниток и столько же весом должны сдать на склад связанные сети, ни грамма не сделав недостачи. У Кочнева бывшее вмешательство отошло и количество крупных стычек у нас с ним уменьшилось. Все рыбаки и охотники были предупреждены, чтоб больше Кочневу ни килограмма мяса, ни рыбы не давать, а каждый сданный килограмм продукции государству служил для выполнения военного плана.

Однажды в контору колхоза приходит хозяйка Кочнева – Хромова, которая сообщила, что Кочнев собирается уплыть до Талой и по речке выше заездка рыбачить сетями. Мы, посоветовавшись с председателем Дарьей Николаевной, решили отправить нарочного, Сафонову Пелагею, на коне.

До Талой была тропа через два сосновых хребта и по вершинам двух утесов, откуда далеко видно хребты дальние, а Киренга далеко внизу змейкой серебрится. По тропе расстояние считали 8 километров, тропа твердая, конь идет свободно, быстро. Пелагее наказали дежурному рыбаку Литвинцеву Петру передать, чтоб он запретил Кочневу рыбачить выше заездка, если тот на самом деле соберется идти рыбачить. Нарочная быстро съездила, а Литвинцев был твердый мужчина, и бесполезно его уговаривать свернуть с намеченной цели.

Действительно, Кочнев приплыл к нему под вечер, а в пути где-то задержался. Ласково с ним поразговаривал за чаем, три ленковые сети взял и направился вверх выше заездка. Литвинцев Кочнева предупредил, что выше заездка вся рыба наша – колхозная и чтобы он туда не ходил так легко рыбачить. Кочнев все же начал его уговаривать и уже собрался было, но свою затею оставил, когда Литвинцев взялся за ружье и предупредил его, что начнет стрелять, если тот пойдет.

Кочнев в начале лета уже потерял свое бывшее «руководство», особенно когда в начале мая его с общего собрания колхозников попросили удалиться, после чего он жил уединенно до обыска на его квартире. Но все же бывали попытки по старому действовать, но на него внимания уже никто не обращал. Злобные нападки делал он и на меня, но я его слегка отбивал, зная, что в скором времени его темные дела будут сочтены.

Все же временами с Кочневым возникали споры вполне обоснованные. При таких спорах у него тряслись руки и ноги, а очки свои он часто снимал и протирал носовым платком, и голос становился дрожащим.

Мне, как председателю ревизионной комиссии, пришло указание уже от Качутского рыбкоопа провести в Муриньском магазине инвентаризацию за второй квартал к концу июня. Продавцу Венериной Наде говорю: «Ну, Надя, начнем скоро инвентаризацию в твоём магазине, а пока готовься к ней» – и показал указание правления рыбкоопа.

Она сразу покраснелась, как мак, и остолбенела. Я удивился и говорю: «Ты же опытный продавец. Работала в раймаге и других больших магазинах и без недостачи, а тут-то с чего должна быть недостача?».

Она, утирая слезы, кругом огляделась в ограде и сказала: «Пойдем на квартиру, и я все тебе расскажу».

На квартире в бумагах порылась и достает небольшую отгрузочную фактуру от центрального склада райпо. Показала ее мне и начала объяснять: «Вот по этой фактуре мне с Кочневым отгрузили со склада два куля белой муки 1-го сорта, 20 пар унтов и 15 пар ботинок мужских. Видимо, он сам добивался получить их, якобы к праздничной торговле 1-го мая. Приехав вечером, все эти товары выгрузил у себя на квартире и после этого позвал меня к себе и говорит: «Вот, Надя, я привез эти товары» – и показывает две фактуры одинаковые, – Я завтра все товары сдам тебе, а сейчас устал сильно, надо лечь отдыхать, а ты распишись в получении этих товаров. Одну фактуру себе возьми, а вторая у меня останется». Я сразу расписалась и одну фактуру оставила себе, а вторая осталась у него, но только подумала, почему же две фактуры отгрузочных оказались? Обычно бывает одна фактура для продавца, а вторая для зав.складом, но он, видимо, попросил две фактуры. Вот жду принятие товаров от Кочнева день, два, неделю и уже подходит праздник 1-го мая, а Кочнев товары не сдает. Все же я пошла на квартиру к нему и говорю: «Михаил Михайлович, товары-то Вы когда сдадите, скоро уже 1-е мая?».

Он сразу наотрез и резко ответил: «Чего говоришь? Я же давно тебе сдал – вытаскивает копию фактуры и, указывая пальцем на мою роспись, продолжает, – Вот видишь, ты же расписалась и приняла товары все полностью и больше таких дурацких вопросов мне не задавай и не вздумай так болтать кому-нибудь, за что я могу тебя посадить в тюрьму».

После этого я окаменела и молча немножко посидела ни живая, ни мертвая и еле ноги перебирая ушла к себе домой и сколько смогла, поплакала чтоб никто не видел из посторонних, а муж мой Миша успокаивал, что как-нибудь рассчитаемся, обратимся к хорошим охотникам, рыбакам, и они помогут нам – дадут мучные карточки и промтоварные, а мы постепенно рассчитаемся с ними».

Да. В то время за недостачу 5-ти, 10-ти килограмм муки привлекали к уголовной ответственности, не говоря уже о таком большом количестве муки и промтоваров.

Конечно, муж ее Кожевников Михаил правильно рассчитывал на выручку эвенков, так как хорошие рыбаки и охотники за сданную рыбу и пушнину получали определенное количество продовольственных и промтоварных карточек, а кто много сдавал, получал довольно большое количество карточек по тем временам. Для меня такое сообщение Нади подействовало, как гром среди ясного неба и одновременно еще один факт прибавился к моему сбору проделок Кочнева, довольно веский.

Я сначала ничего не мог решить, но, немножко подумав, ей говорю: «Сейчас же пойду к Кочневу и потребую, чтоб он все товары полностью сдал тебе и пусть не шутит в такое тяжелое время». Надя умоляюще стала упрашивать меня: «Ой, Иван Иванович, не ходи к нему, он все равно не сдаст эти товары, как-нибудь рассчитаюсь. Ведь я же расписалась в получении. Милости прошу, не ходи и никому не говори».

Я ей доказываю: «У тебя же в магазине нет ни грамма белой муки, и не было, а хозяйка дома Хромова Евдокия, у которой на квартире проживает Кочнев, утверждает, что они едят белый хлеб и еще сушат сухари. Унтов и ботинок у него никто не видел, а так же у тебя не было их, и нет. Все население подтвердит, и подпишется об этом в акте, если мы составим».

Надя стоит на своем и спрашивает не ходить и ничего не делать. Я, подумав, согласился. У меня уже есть хороший материал, по которому могу действовать – добиться санкции прокурора на обыск его квартиры. Но следует пока молчать и при возникновении с Кочневым споров ни в коем случае ни упоминать насчет этих товаров.

Бывали у нас с Кочневым и мирные беседы, как будто между нами ничего не было, и в таких беседах я пытался расспросить у него кое о чем. Однажды я спрашиваю: «Вы, Михаил Михайлович, видимо, раньше окончили гимназию?». Он отрицал: «Что ты? Я немножко проучился в церковно-приходской школе, а дальше учиться не было средств. С детства жил и работал в такой глухой деревушке». «Откуда Вы родом?» «С севера Красноярского края. Я люблю такие тихие таежные

места». «Где Вы до этого работали?» «Я везде на Севере работал. Вот и мой зять с дочкой с Севера приехали в отпуск и живут у нас».

А в дни войны не было никаких отпусков молодым здоровым работникам. Этот зять, Лукьянов, в возрасте примерно лет 30-ть с женой и дочкой лет 6-ти приехали вперед меня в феврале. В семье Кочнева две дочери и зять такие молодые и сильные ничего не делали – бездельничали в такое время, когда везде рабочих рук не хватало, а почти каждый работал не считаясь со временем, отдавал все силы, чтоб быстрее разгромить коварного врага. Сам же Кочнев рыбачил на пропитание семьи и имел ставные и плавежные сети, лодку. Мясо по потребности брал у охотников, а так же молоко – у населения. Картошку и овощи сажали для себя. Мучные и другие талоны покупали у эвенков. В деньгах нисколько не нуждались.

При таких мирных разговорах продолжал расспрашивать: «Раз вы старый таежник, почему же не охотитесь и даже не имеете собаки, а кругом тайга и белок, и зверей полно»? «Я раньше охотился, но теперь ноги стали побаливать».

Он точно и правду никогда о себе не говорил, но я предполагал, что он бывший какой-то царский чиновник, купец, кулак и пр., потому что вся семья жила по купечески, нигде не работая. Впервые я видел таких.

Вот произвели инвентаризацию в магазине у Нади Венериной. Все подсчитали. Выявилась, безусловно, недостача по муке и промтоварам.

Ее муж Кожевников Михаил говорит: «Теперь точно узнали недостачу, и я завтра выезжаю по стойбищам и надеюсь, что добрые люди выручат. На эту недостачу найду талоны, а потом помаленьку рассчитаемся».

Я говорю, успокаивая их: «У меня уже готова докладная прокурору, где подробно указал все его проделки и в том числе наглое присвоение товаров по этой фактуре. Он еще крепко ответит за свои слова, когда в начале 1942 года сказал, что нашу армию фашисты разгромают, а с Востока еще японцы нападут, а потом с конца зимы этого года замолчал, не стало у него прежней активности. Это, конечно, после поражения, разгрома крупных соединений фашистских войск под Сталинградом, после чего наши войска гонят фашистов на Запад, и всем теперь понятно, что фашисты уже обессилили и день победы уже близок, но Кочнев еще кое-где свои дела творит, а разгром фашистских войск под Москвой, видимо, не принимал во внимание. Мы добьемся санкции прокурора на обыск его квартиры. Мы должны еще найти всякой писанины, письма друзей его и разоблачим целую шайку вредителей». Кожевников сразу перебивает: «Да, да. Он что-то много пишет, особенно по ночам.

Может, шпион какой-нибудь». Продолжаю: «Надя, у тебя все по этой фактуре спишут, а то, что найдем на квартире у Кочнева, оприходуют. Теперь за вами самое главное – никому не говорить».

Кожевников сразу вставляет: «Конечно, никому не скажем, а этого проклятого надо как-то убрать отсюда». Они все же остались неуверенными, и Кожевников назавтра, как местный фельдшер, захватив необходимые медикаменты, поехал по стойбищам. Он все стойбища объехал, и все же на всю недостачу собрал карточки у эвенков. Что же скажешь после этого? Я сказал: «Надя, ни в коем случае в расход эти карточки не пускай. У Кочнева все равно при обыске часть товаров найдем, и он в прокуратуре все равно сознается, а бухгалтерия Рыбкоопа спишет с тебя. Иначе у тебя образуются излишки, которые оприходуют и карточки бесполезно пропадут, за которые надо рассчитываться вам. Я же бухгалтер, всегда так поступаю – это закон бухгалтерии. А чтоб успокоить себя, держи при себе эти карточки (талоны), а потом их обратно вернете, у кого брали. Пока с отчетом задержитесь. Вот скоро я специально съезжу в Качуг получить санкцию прокурора, а потом произведем обыск и можно ехать с отчетом, а сначала съезжу в Нюрткан поработать.

В этот день под вечер прибыл к нам в Мурины инженер Иркутского рыбтреста, Кашеев, мужчина лет сорока, который возвращался из командировки по северным районам области и ехал обратно в Иркутск. Он сразу ознакомился с положением рыбодобычи по этим двум колхозам. Вечером, кто оказался дома, все собрались и провели производственное совещание, на котором выступил Кашеев и всем было ясно, что планы добычи до конца года надо выполнить и перевыполнить. Побеседовал с рыбаками и записал о необходимой потребности в орудиях лова.

Кашеев заинтересовался Кочневым и его семьей, которая бездельничает в такое время: «Что же за охотинструктор и существует ли такая должность, и почему же забрался в такое удаление, а не живет на центральной конторе. Об этом надо будет узнать в Иркутске, в Облпотребсоюзе, и что за личность?».

После собрания мы все четверо собрались в квартире продавца, где подробно обсказали о проделках Кочнева, а я показал докладную прокурору. Он прочитал и кое-где сделал добавление и поправку и предложил: «Пока никуда не выезжайте, ждите санкцию на обыск, с которой должен прибыть какой-то представитель, а я по прибытии в Качуг в первую очередь сам зайду к прокурору. Обязательно выдадут санкцию».

Затем спросил у Нади: «После присвоения этих товаров Кочнев никуда не выезжал?». «Один раз в мае он съездил до села Карам Казачинско-Ленского района и больше никуда не ездил». «Если он увез, то не все, а кому продал, тот сразу начнет носить и скажет, что купил у Кочнева. Вы никому не должны говорить, что доложили в прокуратуру. Ведите себя спокойно, ждите санкцию» – сделал Кащеев заключение.

Назавтра Кащеев уехал дальше, сделав отметку в командировочном удостоверении, а я поехал в другой Нюрютканский колхоз, где должен поработать дней 5-6 и обратно вернуться в Муринью и ждать санкцию. Я уже давно начал опасаться Кочнева, так как я для него стал врагом № 1 и кое-кому я говорил: «Если я потеряюсь без вести или окажусь убитым, то заявляйте в милицию, в прокуратуру, что это дело рук Кочнева». Ведь я часто ездил по стойбищам, и приходилось ночью приезжать в Муринью. Вдобавок научился плавить плавежную сеть ночью недалеко от стойбища Муринья.

С санкцией прокурора на обыск квартиры Кочнева приехал председатель Вершино-Тутурского национального Совета Давыдов Петр Банаевич, в ведении которого находились все эвенкийские колхозы, а их было уже четыре. Давыдов со мной одногодок, только он родился в марте, а я – в ноябре.

Мы оба, молодые и неопытные по этой части, фантазировали, что теперь-то у Кочнева найдем эти товары, а главное, его писанину, письма его друзей, возможно рацию, пистолет и др. Сами же, дураки, один день еще передневали, отправив пожилую женщину, эвенку Пелагею за одним комсомольцем, эвенком Аверьяновым Афанасием, который находился на рыбалке. Да и вообще, как на грех, из местных трудоспособных дома никого не было – все были на рыбалке. На третий день, да еще после обеда, наша комиссия пошла к Кочневу, а состав наш из 4-х человек: мы с Давыдовым, Аверьянов Афанасий и продавец Венерина, которую еле уговорили пойти.

Когда мы зашли сначала в задний прируб дома, где жила хозяйка дома, пожилая эвенка Хромова Евдокия, наш Аверьянов куда-то скрылся без вести. Венерина категорически отказалась зайти к Кочневу, но все же сказала, что тут посидит и с Хромовой поразговаривает. Делать было нечего и мы вдвоем зашли к Кочневым у которых все члены семьи были дома. Поздоровались с ними, а хозяйка подставила нам табуретки, и мы усаживаемся. После короткой паузы Давыдов подает Кочневу санкцию прокурора. В доме установилась тишина, а Кочнев, одев очки, видимо прочитал раз пять краткое содержание санкции, штамп и печать прокуратуры

посмотрел, и только дочь Полина через плечо отца раз прочла и сразу упала на койку молча, а остальные все молча сидят. Затем Кочнев снял очки и санкцию положил на стол. Давыдов берет санкцию и спрашивает: «Вам, товарищ Кочнев, понятно?». Он, помолчав немножко, ответил тихим тяжелым голосом: «Понятно».

Когда Давыдов сказал: «Ну, начинаем обыск в Вашей квартире», – с ревом вскочила дочь Полина и приостановившись перед нами, как бешеная, закричала: «Вы, голожопые, еще вздумали обыскивать нашу квартиру?», – и два раза пнула по заду и дала пощечину Давыдову. На меня не накинулась. Возможно, опасалась от меня удара посошком, с которым всегда я ходил, упираясь, и, конечно же, я никогда не стал бы давать ответный удар, хоть и получил бы пощечину. Мать усадила Полину на койку, стала давать валериановые капли, а она, такая крупная дивчина, плакала как маленькая девчонка. Давыдов сел за стол, а я стою. Остальные все молчат.

Я Давыдову по-своему на бурятском языке говорю: «Чего же, мы будем на них смотреть, давай начнем». Он ответил по-бурятски: «Не смогу». Тогда я по-бурятски сказал: «Ты сиди и записывай, а я начну обыск», – и, обращаясь к Кочневу, сказал: «Санкцию прокурора прочитали, а обыск Вашей квартиры прокурор поручил нам, и мы сейчас начнем». Он ничего не ответил.

В первую очередь я за чемоданы взялся, содержимое которых вытряхивал на середину пола, тщательно перебирая почти каждую вещь. Все два чемодана и один сундук, который открывался со звоном (музыкой), перебрал и никакой писанины или же письма, даже никаких документов или же денег не нашел, одни только вещи. Вещи, между прочим, все были хорошие, только в двух чемоданах были одни хорошие отрезы, пальто и костюмы и никакой записки. Полина успокоилась и лежит на койке. Сам Кочнев сидит на второй койке, а на третьей койке сидит зять с дочерью Любой и с ними дочка. Все молчат, и хозяйка тут кружится. Когда я пошел на кухню, Кочнев зарыдал и сквозь слезы начал выговаривать: «Сколько я работал, везде меня уважали, а сейчас вы вздумали меня опозорить», – и, рыдая, лег на койку. На старого рыдающего мужчину смотреть как-то было неловко, но я подумал, что-то такое есть на кухне, и пошел. Осмотрел кухню, заглянул в русскую печь и на печке посмотрел. Между стеной и печью довольно просторный коридорчик был, где лежала куча грязного белья. Это белье переложил в кухню на пол, а в углу в большом крапивном куле была вата простая. Немножко пощупал, ну вата, чего же больше, но ничего больше не могу найти. Под печью было пространство высотой сантиметров тридцать. Заглянул туда, ничего не видно, а потом обратил внимание, что сама печь широкая же,

а пространство под печью почему то узкое, и ткнул посошком. Сразу почувствовал, что ударил в пустоту. Еще раз в верхний край ударил, и оказавшаяся плаха подалась, чуть не упала, но во что-то уперлась. Я стал на коленки и кое-как вытащил эту плаху. Затем крючком посошка начал оттуда извлекать нужные нам вещи: 8 кукол, сетей в одном куле, ниток разной толщины, во втором куле 12 пар унтов, 9 пар ботинок мужских, 2 выделанные сохатинные и скотские шкуры. Этой находкой все же успокоился, но главного (писанины, писем и др.) никак не обнаруживается. Он же что-то писал сутками. Даже чистой бумаги ни листочка нигде нет пока. Вся надежда теперь осталась в амбаре поискать. На квартире обыск закончил в подполье, где ничего не заметил. Земля везде одинаковая, пыльная была, я посошком везде потыкал.

Когда объявили, что на квартире закончили обыск, а теперь пойдем в амбар, но сначала запишем все эти вещи из-под печи и взвесим нитки, которых оказалось более 10 килограммов, вся семья ожила после гробового молчания при обыске. У всех веселое настроение, можно сказать, стало. Выложенные вещи дружно стали укладывать в чемоданы и сундук, пока мы считали, взвешивали нитки и записывали. Особенно Кочнев ожил: начал разговаривать и появилась улыбка на лице. После этого отправились с Кочневым в амбар, а за нами пошел его зять Лукьянов, а Венерина осталась в прирубе с хозяйкой дома.

Амбар оказался буквально пустым, кроме двух зимних пальто (мужского и женского) и двух чемоданов. Лукьянов сразу сказал, что эти вещи его. В этих чемоданах, кроме вещей, ничего не было. Особенно ценным было мужское кожаное пальто на подкладе из голубых песцов, пристегивающееся пуговицами и кожанка коричневого цвета.

Этим мы закончили обыск. Составили протокол обыска, где указали только вещи из-под печи, на которые Кочнев быстро написал расписку на сохранение до особого распоряжения, и мы ушли.

До этого хозяйка дома Хромова говорила, что они много засушили сухарей из белого хлеба, мясо сушили, и в амбаре полный засек чем-то был заложен и брезентом закрыт, а Кочнев все время что-то писал, днями, ночами, но мы ничего подобного не нашли.

Мы с Давыдовым горевали, что надо было, как он приехал, сразу сделать обыск без местного представителя. Кочнев нас понял, и все спрятал куда-то. Мы стали подозревать Аверьянова, которому по дурости вечером сказали, что завтра будем проводить обыск квартиры Кочнева и показали санкцию прокурора, а он, по всей

вероятности, об этом доложил Кочневу, иначе не могло быть или же в самом деле Кочнев понял нас. У Аверьянова позже всячески я добивался, не был ли он шпионом Кочнева, но он всячески отрицал, а на вопрос: «Куда ты исчез с ограды Кочнева, когда пошли на обыск?», Аверьянов отвечал, что у него живот сильно начал болеть, и он, не стерпев, ушел домой.

Давыдов назавтра уехал, предложив Кочневу, чтоб он через день-два выехал и представился прокурору.

Через два дня поехал Кочнев, навьючив на коня два чемодана.

После этого как-то при разговоре с Венериной она сказала: «Когда вы ушли обыскивать амбар, старуха дочерям сказала: “То, что они-то не нашли, – в вате было, я спрятала”. Дверь после вашего выхода оставалась приоткрытой».

Вот когда она сказала! Сразу ей говорю: «Что ты наделала и почему же не сказала, когда мы вернулись с амбара?». «Я думала, что вы обыск закончили, о чем вы объявляли». «Если бы ты сказала, то эту вату проверили бы, а если бы в вате ничего не оказалось бы, то снова протрясли бы все. Протокол же не составили и не уходили совсем». Вот такие наши помощники оказались.

Позже при разговоре с одним следователем он рассмеялся и сказал: «Разве так можно обыск проводить? Вы не посмотрели под крышами дома, амбара, не посмотрели в поварке, и вообще по ограде и около ограды. К этим трем койкам даже не притронулись, а надо было посмотреть под матрацами и прощупать матрацы, подушки. Столько можно здесь припрятать, а на них они лежали, сидели, а вату следовало бы вытряхнуть на пол и, конечно, много еще было у вас недостатков и хорошо, что под печью нашли. Жаль, что прокурор не отправил специалиста».

Кочнев доехал до райцентра к обеду. Хозяйке квартиры сказал: «Пока обед готовишь, я сосну, что-то устал». Хозяйка приготовила обед и начала его будить, а он уже был мертв. Что делать? С Качуга до Мурины надо ехать хорошо пять, шесть дней, чтоб сообщить дочерям и старухе – не было рации, а июнь месяц, труп разложится. Хозяйка с хозяином похоронили его, а его семья об этом узнала гораздо позже.

У Венериной Нади по этой фактуре все списали полностью, и она полностью вернула все карточки (талоны) выручавшим охотникам и рыбакам-эвенкам. Мы с Давыдовым после этого долго все рассуждали и гадали, что же такое убийственное для него было, запрятанное в вате, что начал рыдать. А то, что мы нашли под печью вещи, для него и его семьи считалось мелочью, видимо.

За оскорбления Давыдова, Кочневу Полину следовало бы оформить для привлечения ее к ответственности, но свидетелей, кроме меня, не было и доказать нечем было. Телесного повреждения никакого не было, конечно. А если акт составить, все они, безусловно, отказались бы подтвердить поведение Полины, а мы с Давыдовым посмеялись и оставили открытым такое оскорбление. Главное, осталась не разоблаченной, возможно, большая группа вредителей.

Было очень жалко, что Кочнев скоропостижно скончался, когда было все доказано о его бессовестном присвоении товаров по фактуре Венериной, о присвоении сетей, ниток. А кожи выделанные, всего две штуки – это остаток, так же, как и сети с нитками, от присвоения порядком кож из кожевенного цеха на стойбище Чинонга Вершино-Тутурского райпо, где мастером по выделке кож сохатиных и скотских работал Васьков Андреян. Эти дефицитные товары в дни войны были очень дорогими, за которые он понес бы очень большую уголовную ответственность.

Эвенки догадывались о проделках Кочнева и оказали большую помощь в выявлении его преступлений. Многое еще осталось нераскрытым, но в ходе следствия все бы всплыло, и он ответил бы как враг Советской власти за свою агитационную пропаганду, о чем открыто было высказано всеми эвенками и на собраниях, и в личных разговорах. У всех было единое мнение насчет Кочнева, как о враге народа. А то, что мы не смогли обнаружить в вате, все фантазировали: что же такое серьезное могло быть там. У всех было мнение, что Кочнев так нагло действовал, рассчитывая, что наша Армия, весь советский народ проиграют в этой жестокой Великой Отечественной войне.

После обыска квартиры Кочнева, среди колхозников сколько было обсуждений. А насчет сетей уже подсчитывали, что из восьми кукол вышло бы семьдесят две сети (по девять сетей из одной куклы), а из ниток было бы связано много сетей, которыми можно было добыть десятки тонн рыбы, а у колхозников большой недостаток в сетях. Особенно колхозник Сафонов Кирилл, инвалид без одной ноги, ругал Кочнева на все маты: «Когда мы приплывали с рыбалки, Кочнев приходил с посудой и брал у нас сигов, вальков (валек по вкусовым качествам равен байкальскому омулю) и говорил, что у него нет таких сетей, вот какая сволочь».

Старик Хромов Павел утверждал, что Кочнев непростой человек и скрывается по нашим местам. До Советской власти богачи такими были, и теперь многие еще остались, сбежали и скрываются, а этот Кочнев слишком наглый был.

В таком духе Кочнева посмертно вспоминали, проклинали и жалели, что сети и нитки не отобрали сразу, пока живой был. Ведь сколько рыбы дополнительно сдали бы государству, а у всех рыбаков сетей не хватало, и нитки на ремонт сетей выдавали граммами, по тридцать, по пятьдесят граммов по строгому учету бригадирам, звеньевым рыбаков. Такое огромное количество ниток и сетей ни в одном рыболовецком колхозе не имелось на складе, как у Кочнева оказалось.

Глава 6. Нахал (наглец)

Числа 10 июня 1943 года сверху по течению реки Киренга приплыли Зеленых Георгий, колхозник эвенкийского колхоза стойбища Ньюрукан, и Житов Иван, продавец этого стойбища, на новенькой лодке-неводнике, грузоподъемностью центнеров 8. Эту лодку по заказу сделал Зеленых, который был мастером делать лодки-долбленки из тополя, а для такой большой лодки надо найти толстый, здоровый, без малейшей гнили тополь и притом прямой, чистый, без сучьев по длине лодки.

Зеленых мне говорит: «Вот лодку в вершине Киренги сделал и плаваю до Карама по заказу, а хозяин будущий ждет теперь меня ежедневно», – и предложил мне – Поплывем до Карама, а с Карама до Ньюрукана найдем в колхозе лошадей».

Я впервые согласился проплыть на такое расстояние по Киренге. Для меня очень интересно с Мурины проплыть на расстояние около 90 километров до Карама. С нами поплыла продавец Муринский Венерина Надя и еще попросилась Нифантьева Матрена, уборщица конторы Муринского колхоза. И вот мы впятером, с собакой Георгия поплыли с Мурины на этой лодке, захватив с собой нужные вещи и продукты, так как в пути нам предстояло переночевать ночь на берегу и на второй день доплыть до Карама – крупного села уже другого, Казачинско-Ленского района.

Дни стояли ясные, уже почти по-летнему тихие и выступила зелень на 10-25 см. В этих местах 1-го мая еще снег лежит, и ездят на дровнях в некоторые холодные весны, а лето начинается с первых чисел июня. Киренга прорезала многие хребты, и у берегов образовались довольно высокие утесы. Эта река местами разбивается на протоки, образуя острова, а сама долина узкая, но все же есть небольшие луга, и буквально каждая плешина – покос. Есть покосы на центнер сена и побольше, и все равно косят, и у каждого свои эвенкийские названия. Покосы ежегодно чистят и расширяют. Проплыв более 20 километров, Зеленых объясняет: «Вот граница двух районов», – и показывая, продолжает: – Вон, видите на столбе доску. Здесь наш Качугский район кончается и начинается территория Казачинско-Ленского района».

До этой границы находился покос Муриньского эвенкийского колхоза, а от нее сразу покос Усть-Хандинского сельскохозяйственного русского колхоза. Эти два покоса назывались «Доска».

Итак, мы доплыли до деревни Усть-Ханда, где нам предлагали переночевать, но наш путеводитель Зеленых отказался и сказал: «Нас много, пять человек и с берега надо таскать туда и обратно вещи, а мы лучше километра на два пониже, в Черемшанке, на берегу переночуем. Сейчас уже теплые ночи стали и у костра хорошо ночевать».

В Усть-Ханде нам сразу сказали: «Против Черемшанки, на самом берегу, начали плотить. Сегодня последние бревна подвезли к берегу. Мы только что оттуда приехали». Мы в этой деревне взяли немножко картошки, сметаны и яиц и приплыли на Черемшанку, где стояли столбы и частично разобранные изгороди, одна старая, почти развалившаяся поветь.

Я спрашиваю у Зеленых: «Здесь не так давно люди жили, а куда с постройками девались?». Он начал объяснять: «Здесь жили четыре семьи еще до образования колхозов, и они (показывает на чисто обработанное поле) выкорчевали лес и всякую чащобу до хребтов и превратили в луга сенокосные, и не замечаешь, что от деревни к деревне луга начались широкие. Русские всегда так поступают, а когда эта проклятая война началась, жители этой Черемшанки решили, пока молодые мужчины дома, переехать в деревню Усть-Ханда, а деревня рядом. В ноябре 1941 года, когда Киренга встала, они почти за месяц все постройки перевезли и поставили там. Конечно, и колхоз помог им. — Немного помолчав, продолжил. — Сейчас уже многие взяты в армию и сражаются на фронте. А с этой деревни Усть-Ханда в армии служат и на фронте. Есть уже погибшие».

Эти слова Зеленых мне запомнились на всю жизнь, и когда я впоследствии услышал, что бывшему колхознику, уроженцу этой деревни Усть-Ханда Иванову Роману за успешные бои с фашистами присвоили звание Героя Советского Союза, сразу в памяти восстановились слова Зеленых.

Георгий, улыбаясь, объяснял нам: «Мы сегодня будем ночевать в бане. Вот тут разведем костер». В этом месте была развалившаяся каменка от черной бани и нижний ряд оклада, а дальше еще валялись остатки построек. Быстро стаскали сухие жерди с изгородей и развели большой костер. На той стороне, на берегу, рядами лежали свежошкуренные бревна, которые завтра спустят на воду, сплотят и сплавят в Карам для колхозных построек.

Слышно в деревне лай собак, мычание коров. Зеленых Георгий предлагает: «Сейчас сварим чай пока и немножко жажду утолим, а когда настанут сумерки, я немножко вверх поднимусь и закину плавежную сеть – двухстенку, поймаю на ужин ленков и хариусов, – и показывает – видите, сколько плещется рыбы». Мы так и поступили. Немножко попив чаю, женщины начали чистить для ухи картошку, а Наифантьева начала мыть жаровню, приговаривая: «А я-то буду жарить хариусов». Георгий направил свою двухстенку, в которую в мелкую ячейку будут попадаться хариусы, а в крупную – ленки, сиги. С наступлением сумерек встал на корме лодки и с шестом быстро переплыл на ту сторону, видно, еще потолкался вверх. Немножко потолкался и закричал неистово: «Куда? Уходи! У-у-у!» – и на всякие голоса с бранью.

Мы все четверо тоже заголосили и спрашиваем: «Что случилось?». Георгий, не переставая кричать, толкался вверх, одновременно временами хлопая шестом по воде, кричит нам: «Медведь нападает на меня!» Мы с Житовым сразу схватили ружья и начали стрелять в его сторону, но стреляли выше его, было слышно, как пули щелкают по деревьям, и кричим: «Плыви сюда!».

Но Георгий все так же кричит, временами бьет шестом по воде и все вперед, вверх толкается. Мы с Иваном, не переставая, стреляем: я из Георгиевой пятизарядной берданы, а Иван из своего трехзарядного карабина, и кричим. А наши женщины не переставая во все свои женские мощи кричат и костер еще больше разжигают, набросав туда все приготовленные на ночь сухие жерди. Собака Георгиева в его сторону неистово лает и, видимо, всё видит. Через некоторое время наш Георгий замолчал и крикнул нам: «Медведь убежал обратно. Я потолкаюсь вверх, и раз сплавлю сеть. Готовьтесь ужин варить!»

Мы успокоились и еще раза два спросили, не появлялся ли медведь. Он нам все отвечает, что нет. Наша собака тоже перестала лаять. Все равно временами кричали Георгию: «Где ты?». Он откликается. Наши женщины обе напугались, и легкая тряска у них началась, Надя держит в руках топор, а кострище наш всюду пылает. Я у Житова спрашиваю: «Ты медведя видел там, на пабереге?». Он ответил, что не видел, а Венерина Надя сразу говорит: «Я видела движущуюся черновину, по берегу, против Георгия, которая два раза скрывалась».

Я подумал, что у меня зрение нормальное, и я видел силуэт Георгия на воде, и сбеливающие брызги воды заметны были, а Наифантьева Матрена сказала, что туда не смотрела, а старалась костер расшуровать. Я подумал тогда, что неужели у женщины

лучше зрение, чем у мужчин. Мы же с Иваном силуэт медведя на уже темнеющем фоне пабереги не смогли заметить. В особенности я старался между выстрелами увидеть этот силуэт.

Зеленых крикнул, что забросил сеть и плавит, а мы ждем его, и показалось нам, что очень долго время тянулось. Когда он приплыл, нам стало веселее. Он добыл около ведра рыбы: хариусов, ленков и два сига, которых мы помогли вынуть из сети.

Он сразу с улыбкой сказал: «Ох, и костер у вас! Все дрова в костер сложили?». Женщины хором ответили: «Сколько угодно еще можно принести». Затем он начал рассказывать: «Когда я переплыл на ту сторону, потолкался вверх и вижу, на паберегу выскочила черновина и прямо ко мне катится, а я моментально подумал, что это медведь, однако, а не корова или какой-то бычок, и сразу оттолкнулся от берега. Эта черновина быстро приблизилась к берегу и прямо ко мне в воду прыгнула. Я сразу узнал медведя, еще подальше на глубину оттолкнулся и толкаюсь вверх. А медведя сносит течением, я кричать начал на него».

Мы тут сразу ему говорим, что мы же кричали плыть к нам. У нас ружья и собака. Он, улыбаясь, отвечает: «В этот момент сразу вспомнил советы старых эвенков-охотников, которые говорили: если случится, что медведь начнет нападать на воде, то ни в коем случае нельзя от него по течению уплывать, а надо от него вверх против течения уходить, иначе он сразу настигнет. Я потолкался вверх, и точно, медведя течением сносит, хоть и он некоторый раз выскакивает почти до половины тела. Мы спрашиваем: «Что он, так и гнался по воде за тобой?» «Нет. Он видит, что отстает от меня, и к берегу устремился. Потом, выскочив на берег, пробежался и, когда поравнялся со мной, прыгнул в воду и прямо ко мне, а течение-то сносит его, а я все вверх толкаюсь. Он еще такой прием сделал, а потом выскочил на берег, еще немножко постоял и убежал в лес. А вы тут на разные голоса кричите и еще стреляете. После этого я дальше потолкался, чтоб сеть сплавить и на ужин поймать рыбы, а добыл больше ужина».

Надя и говорит ему: «Я-то видела медведя, который два раза скрывался, а это он тебя спускался догонять». Мы сварили хорошую уху с картошкой, заправив сметаной и черемшой, которую нарвали днем немножко, а Матрена хариусов изжарила, и у нас все время шли разговоры, догадки.

Удивлялись мы на такое нахальство, никто такого никогда не слышал, а Георгий еще раз повторил высказывания старых эвенков: «Мне говорили, что бывают такие нахалы, но очень редко, о чем старики старикам говорили, что, отплывая от него

подальше, сразу надо его застрелить, а я ружье не взял и кто подумал бы, что рядом с деревней можно увидеть медведя, да еще такого. У старых охотников за всю жизнь охоты не бывало такого случая, и они только слышали от своих предков, а тут со мной такая штука получилась».

Георгий говорил, что медведь был небольшой и, по всей вероятности, matka, и главное, не рявкал, а молчал и только в воде пыхтел. Мы заключили, что, возможно, эта matka как-то потеряла недалеко своего медвежонка, и, услышав Георгия, кинулась на него в поисках медвежонка своего, несмотря на то, что мы все издали огромный шум и кострище наше на виду. Рассуждали, что бешенства у медведей не должно быть, и голодным сейчас не должен быть, так как уже выросли всякие растения: черемша, пучки и другие, которыми они питаются, да и какого-нибудь зверя может задавить. Словом, такое редкое явление ничем не смогли объяснить. Другое дело – осенью, в октябре, ноябре голодные медведи-шатуны нападают, да и они имеют совесть, боязнь от человека, а этот медведь оказался просто нахалом. Но только голодные такие бывают. Я больше ни от кого не слыхивал о таком нахальстве.

Мы втроем расположились около костра спать, а наши женщины спать наотрез отказались. Мол, этот медведь переплывет Киренгу и нападет на нас, и никакие наши уговоры не помогли, а утром, как светло стало, нас разбудили и попросили уплыть от этого места, а уснули-то часа на три, не больше, так как долго сидели, рассуждая, и многие другие разговоры были.

Расстояние от деревни Усть-Ханда до села Карам считали 35 километров. Нам нечего было делать, и мы по их просьбе поплыли дальше. Когда наши женщины совершенно успокоились, их потянуло ко сну, но и нам тоже спать захотелось, и мы пристали к одному балагану сенокосчиков, проплыв километров 10, и решили здесь отдохнуть. Женщины сразу согласились, и мы здесь до обеда проспали, позавтракали и, пообедав, поплыли дальше.

Киренга становилась все шире, и по обеим сторонам широкие сенокосные луга Хандинского колхоза – объяснил Георгий. Село Карам расположено в долине реки Киренга и имеет этот колхоз «Искра» более двух тысяч гектаров посевной площади, личного скота у колхозников и колхоза уже более тысячи голов, всех надо прокормить. Имеют большие сенокосные угодья, а они расположены все по обе стороны Киренги.

Пашни и луга отвоеваны у тайги упорным трудом русских без всяких механизмов, ручным способом, и невольно думаешь, что русская нация сильна и

могуча во всех отношениях. Ведь по всей Киренге от деревни Усть-Ханда до устья Киренги, которая впадает в реку Лену там, где расположен город Киренск, много деревень и огромное пространство отвоевано у тайги под пашни и луга. До прихода русских переселенцев тут шумела тайга, и когда корчевали пни, конечно, дружно кричали: «Взяли!» – и пень, какой бы то ни был, выкорчевывался под будущие пашни, огороды, луга и пастбища. Русские за что возьмутся, то всегда завершают начатое дело до конца.

Когда Гитлер напал на нашу Родину и хотел поработить русских и другие нации и уничтожить наш социалистический строй, русские сказали: «Взяли!». И взяли да уничтожили, выкорчевали в содружестве с другими нациям такого коварного врага, который рассчитывал, что его никакая сила не возьмет. Исторические данные говорят, что русские никогда не были поработенными и всегда выходили победителями. Таковы теперь все нации нашей Родины и нации социалистического содружества и любого нахала уничтожат. Наш надежный путеводитель – русская нация.

Этот нахальный медведь на Зеленых напал, как Гитлер, без объявления войны, но благо, Георгий не взял ружье, иначе он его уничтожил бы – так мы этого медведя охарактеризовали.

Мы в Карам доплыли часа в три дня, а в такой длинный летний день можно было сразу развернуться и дойти до Нюруткана на расстоянии 35 километров, но мы ночевали. У остальных четверых моих спутников знакомых было в Караме много, а я впервые был в этом селе. Одна женщина упросила остановиться у нее, а приглашающих было много. И так впоследствии я всегда к ней заезжал, к Сафоновой Марии, а все ее звали Марья Матросовская, а почему, расскажу в рассказе «Уникальное село». В таежных деревнях в то время посторонних почти не бывало, и при появлении постороннего человека его принимали очень гостеприимно.

Мы в этом колхозе «Искра» наняли четырех верховых лошадей, а на завтра приехали в Нюруткан. Сопровождали нас два ямщика, которые отказались от оплаты и говорили, что они на два дня отпросились у своих бригадиров, им очень нужно было съездить до Нюруткана. Они и мы взяли много гостинцев, а в обратный путь им тоже много эвенки давали гостинцев, в основном подсоленной рыбы, мяса, которые за шесть, семь часов езды не испортятся. Так карамские к эвенкам часто гостили.

Особенно мне, впервые проплывающему по Киренге, было впечатляющим все виденное: хрустально-чистая вода, бурное течение Киренги, шумные перекаты. По обе стороны реки виднелись высокие хребты, сплошь покрытые густым лесом, в

основном, высокими стройными соснами. Хребты подступали к Киренге, обрушивались ровными скалами, уложенные ровными плитами, либо крутыми глыбами, образуя высокие пирамиды, и все расширяющимися долинами, покрытыми зеленеющими лугами, полянами – все зелено. Среди зелени и водной глади выделяются темноватые, серые, красноватые, голые каменные, неповторимые утесы различной величины. Пение различных птиц и полет множества уток, которых в это время уже никто не стреляет. На зеленых пастбищах пасутся отдельными стадами лошади, коровы, овцы, свиньи под присмотром пастухов, которые упорно всматриваются, стараясь узнать нас. Хотя многие догадались, что мы плывем с эвенкийских стойбищ. Некоторые узнавали нашего Георгия и коротко переговаривались с ним, когда мы проплывали мимо, особенно те, которые заканчивали очистку покосов от нанесенного весенней паводковой водой всякого хлама на заливных лугах. Но мы в разговорах и размышлениях часто возвращались к вечернему случаю – нападению медведя, которому нипочем было наше шумное изгнание.

Раньше, в первые времена, когда я один или коллективно ездил по тайге и плавал по воде, мне чудилось еще долгонько, что опять наскочит такой нахал, но потом позабылось, и свободно в тайге чувствовал себя и без счету раз один ездил и ночевал у костра. Ведь такой случай повторялся примерно в двести лет один раз. У старых эвенков я спрашивал, не было ли таких случаев. Они говорили, что «Такого не было, но наши предки говорили о таком. Бывали случаи, когда ночью на воде веслами неосторожно булькаешь, медведь наскочит, посчитав за какого-нибудь зверя, и когда крикнешь, заругаешься, он сразу уходит, поняв, что это человек», о чем также рассказывал Зеленых.

Следует отметить, что Зеленых Георгий Семенович, русский, уроженец деревни Усть-Ханда, был страстным охотником и рыбаком. Он из Усть-Хандинского колхоза уволился, вступил в эвенкийский колхоз и переехал с семьей на стойбище Нюруткан, где построил себе дом, а дети, еще дошкольного возраста, быстро научились разговаривать по-эвенкийски и свободно разговаривали с эвенкийскими ребятами, а дома с родителями по-русски. Зеленых в армию не брали по болезни. Врачи у него признали порок сердца, советовали ему лечиться и не утруждать сильно себя в работе. Но он слишком был работающим и говорил, что себя чувствует вроде нормально. Впоследствии он умер внезапно. С охоты пришел, в бане помылся, хорошо попарился

и, придя, домой, лег на койку отдохнуть и больше не встал – остановилось сердце. Надо было ему послушаться советов врачей, но он не соблюдал никакого режима.

Вторым колхозником в Нюрутканском колхозе «Нулгиктовки» был русский Зудилкин Михаил, также страстный охотник и рыбак, изъявивший желание вступить в эвенкийский колхоз и оказывал большую помощь в выполнении планов заготовок, физически здоровый, лет сорока с лишним, одноглазый (кривой). Остальные наши спутники: Житов Иван и Венерина Надя – продавцы-заготовители, русские, направленные Вершино-Тутурским райпо, и Наифантьева Матрена, которая также изъявила желание вступить в Муриньский колхоз, уволившись из Усть-Хандинского колхоза после ухода в Армию ее мужа, и с двумя маленькими детьми переехала в Муриню, где работала уборщицей в конторе и на различных хозяйственных работах. Ее семье все эвенки оказывали всестороннюю помощь. Колхоз выделил ей одну сеть для пропитания семьи, а она уж толкаться на шесте и управлять лодкой в совершенстве владела, да и все жители по Киренге этому мастерству обучались с детства. А иначе как жить у реки, где было в летнее время единственное передвижение на этих лодках-долбленках и верховая езда на лошадях по тропам.

Эта короткая поездка запомнилась мне на всю жизнь. А насчет поездки Венериной Нади я предполагал, что она Карам посетила, чтобы у своих знакомых узнать, не продавал ли Кочнев унты и ботинки при посещении Карам в мае месяце, но об этом она не говорила. Итак, я начал глубже знакомиться с эвенками этих двух колхозов и с русскими колхозниками деревни Усть-Ханда и села Карам.

Глава 7. Сороковой медведь опасный

Начиная работать в этих колхозах, я встретил много трудностей. Ведь планы на все виды заготовок дают колхозам общие, их надо разбить индивидуально каждому колхознику, а я еще не знал у кого какие способности. Хотя я работу прошлых лет в архиве просматривал при разбивке планов, но чаще приходилось созывать заседания правления, где члены правления колхозов информировали о способностях каждого. Общие планы по мере выполнения и перевыполнения добавлялись, а основная рабочая сила уходила в армию. Большинство работников – женщины-красноармейки с маленькими детьми, да и сами они в большинстве сухонькие, щупленькие, которым планы давать боязно было, а общий план надо разбить.

В Муриньском колхозе на стойбище Сугджа давали общий план на звеньевого (еще называли бригадиром) Сафонова Федора Алексеевича. Все в округе эвенки и русские его звали дедом Ачинком, и ему около 80 лет было и просто неудобно было такие огромные планы давать старику. Там еще две семьи-красноармейки жили с детьми. Одна – Аверьянова Анисья, русская, вышедшая замуж за эвенка, бойкая женщина была. У нее было три сына и две дочери. Самому старшему сыну было лет 13 и он уже работал вовсю, как глава семьи, после ухода отца в армию. А у другой красноармейки, Любовей Анны, дети были маловаты, но все равно все дети делали все по своей силе, да у Ачинки в летние каникулы помогал его приемный сын Яков. Дед Ачинка с Яковым рыбу там в основном добывали в заездках и небольшим неводом в сентябре, и много сохатых в летнее время. Уже частично старший сын Анисьи Валентин начал участвовать во всех промыслах и на хозработах, приостановив учебу в школе, но и его младшие два брата тоже по своим силам трудились. Словом, звено деда Ачинки свои общие планы выполняло и перевыполняло, а мне казалось, что ему не под силу будет. Здесь, начиная работать среди колхозников, я понял, что, работая в Совете, требовал выполнения планов, а работая в райпо, общий план по колхозам разбивал легко, а тут реализация планов и их выполнение оказалась очень сложным, ответственным делом. Все составленные планы рассматривались на заседании членов правления со многими изменениями, а затем на общем собрании окончательно разрешали. Многие отказывались принимать планы, не рассчитывая на свои силы, а некоторые у таких частично и на себя брали, увеличив свои планы. Так поступал дед Ачинка, уменьшая у некоторых планы и увеличивая свой звеньевой план. После этого, после многих дискуссий, женских слез в своих неуверенностях, все свои планы принимали и каждый за принятый план расписывался. За пожилых и старых людей родные расписывались, так как они все были неграмотными, а дед Ачинка, всегда веселый, со многими шутками расписывался тремя буквами – СФА и каждые его росписи не были похожи друг на друга. Он на свое звено принимал планы и с других снимал совершенно спокойно, с шутками. А ведь за принятые планы все расписывались, и все знали, что эти принятые планы надо выполнять, что это военное задание. Этого прославленного по Совету Ачинку во второй раз мне встретить довелось, и наблюдать за этим еще крепким стариком на общем собрании в апреле, перед весенне-летней путиной, но поговорить не пришлось, так как, исправив свои дела, он долго не задерживался в Муринье. Он весь денежный заработок, и главное, продуктовые и промтоварные карточки получал один и все делил, видимо, поровну

себе и семьям этих двух красноармеек. В апреле, пока еще дорога хорошая, они покупали в магазине продукты и товары и увозили на лето до будущей санной дороги. Если чего не хватало, они летом выючно по тропе доставляли или заказывали. Они сразу оплачивали и деньгами, и карточками. К ним часто ездили поохотиться на сохатых, а также принимать заготовки. Дед Ачинка там на своей Сугдже был очень добрым вожаком и эти две женщины-красноармейки и их дети-подростки очень уважали его. Он умело распределял все работы, имея огромный жизненный опыт, богатейшее охотничье-промысловое знание.

О нем я давно слышал, но хорошо поговорить не было пока времени ни у него, ни у меня. Было ясно, что на Сугдже под руководством Ачинки жили по новому принципу первобытнообщинного строя – работали, питались, одевались одинаково. Остальные эвенки этих двух колхозов все же придерживались индивидуальности, не всегда делились между собой. Совсем быть иждивенцем из трудоспособных никто не хотел. Другое дело временная болезнь или наступающая старость. К таким относились все с большой заботой, а бюллетеней по временной нетрудоспособности, а также никаких пенсий не было в те времена, и такие люди не чувствовали особых трудностей. Помогала в этом дружная жизнь, эвенкийская простота, отсутствие жадности, стремления к наживе.

Работая и живя в гуще среди эвенков, все были на виду и никакого сравнения с жителями сельскохозяйственных деревень, сел и тем более городов. По Муриньскому колхозу для меня удивительно простым, открытым человеком, отличавшимся от остальных, был дед Ачинка; хотя ему было около 80 лет, но за ним угнаться было трудно.

Мне предстояло ехать до стойбища Сугджа, где находились довольно хорошие сенокосные угодья по пойменной долине речки Нотай, левого притока реки Киренги. Здесь Муриньский и Нюрутканский колхозы заготавливали значительное количество сена для колхозного скота, в основном для прибывших зимой лошадей с сельскохозяйственных колхозов Качугского района, на которых по заданию райисполкома привозили на год жителям двух колхозов продовольственные и промышленные товары, а увозили все виды заготовок (рыбу, мясо, ягоды, орехи). Несколько других стойбищ кое-как сено наскребали для личного скота здесь, а также частично для своих колхозных лошадей. Чтобы полностью удовлетворить потребность в сене, большая доля заготовок приходилась на Сугджу, куда уже давно уехали намеченные люди готовить сено.

Бригадир центральной бригады Хромов мне вручил одного заседланного коня и говорит: «Этот конь добрый и никуда не свернет с тропы, а ты ему не мешай в пути, а где он будет сворачивать с тропы, он будет обходить болота и опять выйдет на тропу. До Сугджи всего день езды и к вечеру будешь там, а половину пути, где чай пьем, считаем в сосновом бору, где будет кострище», – и указал, куда ехать.

Конь шел уверенно. Я на хорошей тропе поторапливал его, а местами он сворачивал в сторону, зная, что впереди топкое болото, но я все же всматривался, куда он идет, и всегда замечал кое-где конские следы, которые сходились и сливались в торную тропу. Проехал я порядочно и уже жду, когда доеду до кострища, и вдруг тропа направилась к сосновому бору. Я подъехал к маленькому обрыву, где увидел кострище. Конь сразу остановился, мол, вот половина пути, попей чайку, а я отдохну. Я слез с коня и привязал его к небольшой деревине. Конь отряхнулся и стал спокойно стоять. Внизу не так далеко вилась речка. Эта речка – Нотай. Около кострища нарублены сосновые веточки – это таежная постель, на которую накинешь отрезок оленьей шкуры и спи сколько угодно. Кое-где валялись крупные кости, а мелкие перегрызли собаки, таганы для варки чая и обеда, готовые сухие дрова под сосной сложены – это значит, что если кто-то в дороге запоздал, то вот дрова, а завтра должен столько же заготовить и оставить. Я не стал чай варить и костер разводить. Мне с посошком трудновато было бы сходить за водой, да еще надо костер залить перед отъездом. Всухомятку кусок хлеба поел и дальше поехал, полагая, что еще предстоит ехать километров двадцать с лишним, так как Хромов говорил половина пути, а по-эвенкийски день езды или день ходьбы равнозначны и примерно километров сорок-пятьдесят будет составлять. Конь оказался добрым: нигде не падал по грязи и нигде не запинался по колодникам и корням, но раз вздрогнул и я чуть не слетел с седла, когда совсем рядом в молодом, густом листвяге, с шумом начал взлетать большой глухарь. Вот уже появляются пеньки, уже близко стойбище. Выезжаю на небольшую поляну к речке, а за речкой на бугорке виднеются три дома с пристройками.

Первыми меня встречают собаки с лаем, затем ребятишки. Подъезжаю к домам. Около большого дома стоит и улыбается дед Ачинка. Он сразу коня расседлывает и привязывает к столбу и поглаживает его, что-то по-своему наговаривая, а затем ко мне обратился: «Как проехал на моем Гнедке? Он молодой был горячим, но сейчас к старости стал спокойным. Я, когда вступил в колхоз, его обобществил колхозу, да еще Пеганку, но тот слабее его. Ты же знаешь его». «Проехал хорошо и нигде даже не

запнулся, а Пеганку знаю, но на нем не ездил еще». «Я раньше плохих лошадей не держал, – еще раз погладив коня, позвал меня к себе домой и продолжил. – Вот не так давно я приплыл сверху, приплавил мясо. Вчера ночью добыл большого быка, сохатого, за мясом которого сделал два рейса. Теперь до конца сенокоса хватит мяса сенокосщикам и нам всем. Завтра на одном покосе гребь поспеет и день хороший будет. Видишь, перед закатом солнца все небо чистое, и птицы высоко летают. Я помогаю сено стоговать в зароды. Тут нас всего три мужика, а остальные бабы и подростки, которые не умеют стоговать. Скоро они сюда придут, и шуму будет, хоть отбавляй».

Он обычно веселый, а когда смеется, такой громкий хохот у него получается, что его мускулистое тело трясется. Он похож на бывшего штангиста, боксера или борца. Несмотря на свои преклонные года, он еще бодрый, подвижный и шутник. Лицо мускулистое, румяное. Он был метисом и оттого был крупным, сильным. При смехе видно, что все передние зубы целые и только волосы поседели и, видимо, редкие стали – начал лысеть, а чистокровные азиаты никогда не лысеют.

В этих местах у эвенков коллективизация прошла в начале 30-х годов, то есть всего лет десять, а даже и того меньше, и поэтому большинство колхозных лошадей из бывших единоличных хозяйств. Эвенки до этого жили везде по таежным просторам небольшими группами в две, три семьи. И только при Советской власти, да и то после коллективизации в русских, бурятских деревнях с большим трудом стали объединяться в более крупные стойбища и организовали национальный Совет, первые колхозы, построили школы, интернат, квартиры для учителей, медицинских работников и др., больницу, магазин со складами, пекарню, сельсовет, клуб и другое. Несмотря на бедность нашего государства в то время, большие средства были выделены на возрождение малых наций. Во время объединения эвенкам выдавались безвозмездные ссуды на строительство. Такую ссуду получил и дед Ачинка, который решил обосноваться на Сугдже, с ним еще две семьи обосновались, и эти три дома с надворными постройками были еще новыми. Проложили они дорогу и летнюю тропу до стойбища Мурины, построили общий подвал-ледник, разработали около двух гектаров пашни для посева овса. Это место дед Ачинка выбрал из-за обилия рыбы в речке Нотай, большой плотности сохатых, а вокруг тайга, богатая пушшиной. Таким образом образовалось новое стойбище Сугджа, где оказались и хорошие сенокосные луга. А ранее он жил в 6-7 километрах ниже села Карам Казачинско-Ленского района.

Когда зашли в дом, его жена, видимо, лет на пятнадцать моложе его, встретила приветливо, и она тоже веселая и шутница, еще бойкая, подвижная, командует двумя девчонками, которые ей помогают готовить ужин из свежего мяса и рыбы. Она мне сразу предлагает попить молока и пару яиц с куском хлеба, приговаривая: «До ужина еще далеко, а пока с дороги червячка замори, а наши сенокосщики придут под вечер», – хотя солнце уже на закате было.

В первую очередь спрашивают: «Письма есть?». Отвечаю: «Почты долгонько не было, и писем никаких нет». Самая страшная весть в то время была – получение извещения из военкомата о гибели на фронте, но пока все благополучно было. Расспросили о новостях в Муринье и на остальных стойбищах, а также на фронте. Что я знал, все рассказал.

Затем дед Ачинка повел меня в свой амбар и сказал: «Вот здесь будешь спать и накроешься этим медвежьим тулупом и не замерзнешь», – рассмеялся громко, – хоть и лето, но ночью прохладно стает». Я тут сразу вспомнил, что о нем говорили, как о хорошем медвежатнике, что он добыл более сорока медведей, а никто даже до сорока медведей по всему национальному Совету не добыл. Словом, я находился у чемпиона по этой части, и возникла мысль спросить его, как он сорокового медведя добывал. В народе есть версия, что сороковой медведь — опасный, и действительно ли у него так было.

Я посмотрел и пощупал этот тулуп. Шкура была выделана мягко и имела подклад из какого-то материала, и не особенно тяжелой была. Сшит был тулуп хорошо, для его вышесреднего роста. Спрашиваю: «Сколько шкур ушло?» «Почти три шкуры из молодых медведей, а у крупных медведей шкура толстая и такой тулуп гораздо тяжелее был бы». «Слышал, что Вы за свою жизнь добыли более сорока медведей, и по-разному приходилось добывать каждого, видимо?» «Да, я добыл более сорока медведей, за пятьдесят перевалило, и каждого по-разному добываешь». «Большинство медведей в берлогах, конечно, добыли?» «В берлогах добывают обычно компаниями, и это совсем не считается. Когда один добудешь медведя, тогда можешь и говорить, что добыл медведя, и это берется в счет. Много раз приходилось одному добывать медведей в берлоге. Когда собаки залают берлогу, не бросишь же, но большинство приходилось добывать на воле, особенно около своего мяса».

«Как, около своего мяса? – удивляясь, спрашиваю, – и Вы таким образом более пятидесяти медведей добыли?»

Улыбаясь, отвечает: «Допустим, вечером сохатого добудешь и до утра тушу оставишь или же добудешь, обдерешь, разделашь и мясо оставишь, хорошо сложив. А когда к сохатому прибываешь, ободрать и разделать его или же за мясом на коне или в лодке прибудешь, а медведь уже будет хозяйничать: сохатого твоего утащит подальше в чащу и загребет всего мхом и всяким валежником, а мясо везде растаскает и так же загребают квасить. Хороший медведь свежее мясо не ест, а сначала проквасит, а потом будет кушать и будет караулить тут же, а когда начнешь подходить, сразу налетит на тебя, если собаки нет. Хорошие две собаки медведя садят к деревине. Он за свой зад сильно боится, когда его тербят собаки. Иногда убегает, если тебя заметят, да еще собаки тревожат, но большинство добываешь их. Часто приходилось встречаться с голодным медведем, но тут уж не робей. И вот так считаешь личную добычу».

«Говорят, сороковой медведь опасный, а вы как сорокового медведя добыли?»

«Да, так заведено испокон веков. Мой дедушка, когда я маленький был, говорил, что сорокового медведя бойся, многих сороковой медведь покончил, а отец мой говорил, когда я начал медведей добывать: «Ты, Ачинка, точно ве́ди счет добытых медведей, но к сороковому медведю всегда будь наготове». Я точно вел счет добытых медведей и уже тридцать девятого медведя добыл, а после этого предстояла встреча с сороковым медведем – опасным. Настала осенняя охота на пушнину, и думаю, что в эту осень с этим опасным медведем встречусь. Я свою рогатину несколько раз проверял на прочность черня, остроту лезвия и даже перед выходом на охоту еще раз раскалил его на огне и подправил.

Приостанавливаю его: «А почему надо раскалить на огне и оттягивать острие, а можно же напильником или на точиле выточить и будет острее». Отвечает: «Нет. Раскаленные и оттянутые лучше цепляются и хорошо режут, а если выточить на точиле, то они могут скользнуть и рана гладкая и безболезненная будет. Так это раньше старики говорили и я так делал, – затем сразу достал со стены висевшую на гвозде рогатину без черня и добавил – вот эта моя последняя рогатина была, а теперь давно рогатину охотники не таскают, как появились берданы, винтовки. Бросили, когда заимели ружья с гильзами».

«А что, раньше не было, что ли, таких ружей?»

С такой печалью вспоминает и говорит: «Что ты! Я сначала охотился с кремневым ружьем, из которого выстрелить трудно было. Надо подсыпать немного пороху около курка с кремневым камешком, при спуске курка еще искра не попадает

на порох, если плохо посадил камешек, или же порох высыпался при каких-нибудь движениях, или же при большом дожде вымокнет порох и от искры не воспламеняется. А после выстрела зарядка долго тянется: заряжаешь, как гильзу, в ствол меркой сыплешь порох, дробь, пыжи или же пулю вместо дроби,— соскочил и с другого угла с гвоздя снимает и мне дает это снаряжение и продолжает. — Вот эти вещи таскаешь с собой всегда. У меня давно висит, и я не выбрасываю, а посмотрю на него и вспоминаю, как раньше охотились, да и сейчас еще беру с собой».

Эта вещь интересной оказалась: не очень широкий ремень, который ложится через плечо, а на ремне пороховница прикреплена из скотского бычьего рога. Днище хорошо заделано, а у кончика деревянная пробка и весь рог всякими узорами украшен, а под дробь кожаный мешочек пришит к ремню, по краям кожаные кисточки и посудинка под капсюли, тоже из маленького рога, также испещрена узорами. Еще капсюли там брякают, а капсюли-то не центрального боя, а курковые.

«Когда белкуешь, ружье всегда заряжено дробью, а при встрече с медведем ружье ставишь в сторону, чтоб не мешало, и за рогатину берешься, да еще топор сбоку. Потом появились турки, у которых вместо кремневых камушков вставляли капсюли, — и показывает эти капсюли, — из таких ружей уже быстрее стреляли, но зарядка такая же, как у кремневки. Поэтому еще носили с собой рогатины. В берлоге медведя раз стрелишь, а потом добиваешь рогатиной, если плохо попал. Потом появились централки с гильзами. Вот чудо было! С собой носишь заряженные патроны с дробью и пулями и, главное, быстро перезаряжаешь, и у кого такие ружья появились, те не стали носить рогатины. Были и несчастные случаи от удара по затвору. Один охотник Вася насыпал полный патрон пороху и пулей зарядил, а после выстрела разорвало ствол и у него оторвало два пальца (мизинец и безымянный). Потом охотился с тремя пальцами».

Мне хочется узнать, как он сорокового медведя добыл, но мой Ачинка в своих воспоминаниях разошелся, и я его слушаю с большим интересом и думаю, если прервать его, то он начатое не закончит, и дал ему волю.

Он продолжает: «Мы давно слышали, что есть винтовые ружья и у некоторых богатых стали появляться винтовые берданы, но для бедных это была только мечта, а потом купцы стали продавать, но они стоили дорого. Хороший охотник отдавал купцу всю добытую пушнину за сезон и еле приобретал бердану с пулевыми патронами. Каждый охотник брал в долг у купца перед выходом на охоту боеприпасы и кое-какие продукты немножко, а с охоты придет и сдаст всю пушнину, возьмет товару,

продуктов, и опять же в долгу оставался, но купец хорошо напоит своим вином раза два, три. Тогда никто не знал стоимость товаров и пушнины. Сейчас, смотри, в магазине у всех товаров цены есть и у пушнины цена есть. Наберешь продуктов и товаров, и самому не верится, когда еще деньги остаются от сдачи пушнины после выхода с охоты. А раньше что было – всегда в долгу остаешься и совсем мало берешь товаров. Вот так нас, тунгусов, обманывали купцы. Сейчас нас стали называть эвенками, по нашим названиям, а раньше почему-то русские называли нас тунгусами, да еще тунгусишками», – рассмеялся громко – но мы не сердились и тоже себя называли тунгусами при разговоре с русскими, а по-своему самих себя называли эвенками испокон веков».

В это время залаяли собаки и одна девочка забежала и позвала нас, что-то по-своему говоря, а дед Ачинка перевел мне, что едут сенокосчики и мы пойдем ужинать. Так и не пришлось ему рассказать о встрече с сороковым медведем, но как-то надо выбрать время для этого.

На костре в двух ведрах варилось мясо, а вокруг костра жарились шашлыки рыбные из щук и ленков на березовых палочках, воткнутых в землю. Его жена Марья доила корову, и что-то сказала ему, а он эти два ведра снял с костра и понес в дом, а девочки, обжигаясь, начали вместе с палочками шашлыки вытаскивать, и я помог им. Эти шашлыки сразу заворачивали в кусок материи и уносили в дом. Оказывается, завернутые в материю горячие шашлыки становятся мягкими и вкусными. Дед Ачинка выкладывает куски мяса, сортируя, в два деревянных корытца на двух столах. Нужно, чтоб в каждом корытце было определенное количество кусков мяса, ребер, позвоночника, грудины, продолговато нарезанных кусков от сердца, прямой кишки, как начиненная жиром колбаса – самая вкусная закуска, которую называют мамоном, и что-то еще сортирует. Так заведено у эвенков. Когда добудут сохатого, в первую очередь варят самые вкусные части туши и обязательно должны все покушать досыта, чтоб вареное мясо всегда оставалось, и чтоб бульон был один, без картошки, круп и т.д.

В первую очередь в дом забегают девчата, мои комсомолки. Они сразу увидели Гнедка, и значит, кто-то приехал с Мурины. Затем остальные, порой не заходя в дом с вопросами: нет ли писем и что нового на стойбищах, на фронте. Когда рассказал, что наши войска все гонят обратно фашистов, один из присутствующих добавил, что наши войска скоро добьют его в берлоге, как охотник голодного медведя-шатуна преследует и догнав – добивает, чтоб обезопасить свой участок.

После ужина, тут же за столом организовали открытое комсомольское собрание, на котором основным вопросом в повестке дня было обсуждение вопроса, как можно быстрее закончить заготовку сена, и сразу приступить к сбору ягод, рыбалке, так как ягода уже начала созревать. Сена надо больше прошлогоднего заготовить, так как в этом году заготовлено продукции гораздо больше по сравнению с прошлым годом и лошадей больше приведут на вывозку и их всех надо прокормить, не считая своих. Решили сенокос через неделю закончить. Среди сенокосщиков был Аверьянов Афанасий, которому я опять же начал говорить, что он, видимо, сообщил Кочневу о предстоящем обыске и он все припрятал, но он категорически отказывался, а дед Ачинка высказался: «Раньше даже жадные купцы так не поступали, как Кочнев. У него не было никакой совести, он хуже голодного медведя был, и от жадности и нахальства умер. Туда ему и дорога. Он что-нибудь сделал бы». О Кочневе и его проделках порассуждали порядком. Дед Ачинка, как бригадир, наметил работу на завтрашний день и сказал: «С утра будете косить, а с обеда начнете грести высохшее сено, а к вечеру начнем стоговать – я подойду. Я своему скоту после обеда закончу заготовку сена – осталось работы немножко, а с утра сразу разделаю сохатиную голову, и к вечеру она спарится и будет ужин хороший».

Вечером долго сидели у костра, пели песни, шутили, а из музыки одна балалайка была, на которой играли попеременно. Радио и в помине не было в то время в таких местах. А дед Ачинка со старухой и другие, кто постарше, давно легли спать.

Утром рано нас разбудил дед Ачинка. Все позавтракали. И сенокосчики, прихватив на обед продукты, уехали. Мне рассказы о прошлом разговорчивого, веселого деда Ачинки очень понравились, и я решил остаться с ним и посмотреть, как он голову будет разделывать, а по-моему, топором разрубил, да и все. Он мне предлагает: «Пойдем в ледник, там все наши заготовки: рыба и мясо в бочках соленые и голова сохатиная, которую сейчас разделаем».

Подходим к леднику, который недалеко находится от речки Нотая, а подальше впадает небольшая речка и дед Ачинка объясняет: «Вот эта речка Сугджа. Она идет вот по этому распадку, – и показывает на небольшие пологие хребты, спускающиеся к распадку, – сначала там охотимся, по обе стороны распадка с осени, а потом вот вверх, по Нотаю. Эта речка Сугджа весной от снежной талой воды и после хороших дождей как будто большая речка становится».

К дверям ледника пристроен небольшой сарай, где находится верстак для столярной работы и несколько новых пустых бочек, готовые клепки для поделки

бочек. Он в небольшом оцинкованном тазу разводит дымокур, отгоняющий комаров и мошек, зажигает бересту, зажатую на палочке, и мы заходим в ледник. Говорит: «У меня пока около тридцати бочек рыбы и мяса засолено. До заморозков еще около сорока бочек должны заполнить рыбой и мясом. Вот соли не хватит, придется съездить нам с Яшкой на паре лошадей до Мурины и несколько бочек надо мне сделать. Ох, времени никуда не хватает. Еще под ягоды надо бочки. Наши бабы втроем, да девчонки, насобирают бочек десять еще. Здесь хорошие ягодники. Вот сенокос надо быстрее закончить, – вынес голову, положил на верстак и продолжает: – Этот бык на кормежку ночью спустился в Нотай, где я его караулил. Стрелил раз, но не успел второй раз стрелить, он выскочил на берег и слышу, потихоньку пошагал к противоположному изгибу. По шагу понял, что он хорошо ранен и уплыл обратно на ночуйку. Утром, когда светло стало, притолкался к этому месту и смотрю на месте его след. О-о-о! Зверь-то хорошо ранен. Я пошел следить, а он прямо около берега занемог и свалился. Вернулся обратно к лодке, обогнул мыс и пристал к нему».

Слушал его внимательно, спрашиваю: «А как же ночью узнали, что хорошо ранен, а также утром по следу?». Усмехнувшись, отвечает: «Когда сохатого немножко царапнешь пулей или его спугнешь своим запахом, он рысью убежит, а когда хорошо, смертельно ранишь, он пойдет тихо, опустятся у него уши, голову понурит, и будет прихрамывать, натывается на деревья. Но нельзя сразу за ним идти. Его можно спугнуть человеческим запахом, и тогда он побежит, пока не пропадет, и мясо далеко унесет, а так как тяжело станет, ложится. Полежит сколько-то и совсем не встанет, если сначала не спугнешь. А по следу узнать очень просто: увидишь на капанные капли крови, и копыта расширяются, а у здорового сохатого копыта прижаты. Ты, если изранишь сохатого, сразу за ним не ходи, вернись, чай свари, попей, сосни, а потом иди следить, если утром изранил. За это время он отяжелеет и не сможет встать или же пропадет. У этого быка было четырнадцать отростков на роге – ему шел пятнадцатый год».

«А где же рога?» «Рога мы сразу отрубаем и отбрасываем, чтоб не мешали». «И вы один ободрали и разделали? Хотя у вас топор был».

Он рассмеялся: «Что, человека позову что ли, и долго ли ободрать на берегу и разделать тушу, а топор тут ни при чем. Мы топором только рога отрубаем и голову разрубам на части, а все остальное ножом по суставам разделяваем. Топором разделявают русские и вы – буряты». Между разговорами он ободрал голову, но не ободранные остались губы.

Спрашиваю: «Эти губы будете опаливать?»

«По-нашему, палить – грех. Здесь же вся губа – один жир, и плохо обдирается, а когда хорошо отпаришь, легко отдирается пальцами. Сегодня вечером попробуй, а губа-то у сохатого отпаренная вкусная, а у медведя вкусная лапа, так же хорошо отпаренная, но лапу надо всю ободрать и когти по суставам отделить».

Он отделил язык, челюсти, губу ножом, а затем топором повдоль разрубил на две части голову и в отдельности ушные, глазные части и челюсти на три части разрубил, а голова в пределах тридцати килограмм была. Все это сложил в двух ведрах, в которых вчера варили мясо, и понес, отдал жене, и она начала мыть и направлять парить до ужина.

Спрашиваю: «За свою жизнь сколько же сохатых добыли?»

Он посмотрел на меня, рассмеялся и ответил: «Разве считаешь, сколько сохатых добыл, – и немножко подумав, продолжил, – однажды, когда еще молодой был, добыл за ночь шесть сохатых. Этот случай запомнился. – Я удивился и в уме подсчитал, в среднем по два центнера мяса составляет двенадцать центнеров, а бывают быки до четырех центнеров, и спрашиваю: «Куда же такое количество мяса девать и столько шкур – все испортить можно?» «Как куда? Раньше рыбу, мясо сушили, а солить хорошо, но столько соли где возьмёшь, да тунгусы соленое мясо не ели, а рыбу – сига, вальков немного солили. Соль у купцов дорого стоила. Сушеное над костром мясо вкусное бывает, на зубах хрустит и суп варить можно. Она по-нашему «суховка» или «хуликта» называется. Из сушеной рыбы тоже можно уху варить. На охоту брать суховку и сушеную рыбу хорошо. Сам сытый будешь и особенно собакам хорошо. Раньше мука дорого стоила и кое-когда горсточку муки в собачью еду бросишь, а больше суховкой кормишь их. Когда медведя добудешь, собакам еды много ставало, но смотря где добудешь. Если далеко добыл, таскать не будешь к ночуйке, а сохатых или оленей во время белковки добывать мало приходится – стараешься белок побольше добыть. Шкуры у нас ценились, из них после выделки шили рукавицы и обувь, которые продавали русским, а большинство меняли на муку, а сейчас рукавицы из сохатиной шкуры сдаем в райпо.

Говорю: «Столько мяса, рыбы сушили, а подсаливать? Немного соли все равно надо было». Он сразу отрицательно отвечает: «При сушке мяса и рыбы нисколько нельзя солить. Соль выжмет все вкусные соки, а когда варишь суп или уху, по своему вкусу солишь. Суховку очень хорошо брали русские. Так что у сохатого ничего без

пользы не пропадало. Сухожилия после сушки разбивали и ссучивали различной толщины нитки для шитья кожаных изделий».

У него в амбаре я видел уже выделанные и выдымленные шкуры, более десяти штук и порядком висело сшитых рукавиц. В бочках мука и, видимо, другие продукты, чтоб мыши не испортили, охотничья одежда, лыжи отдельно висели. Словом, амбар был заполнен. Все это надо выделывать и сшить. Одной Марье, по-моему, конечно это не под силу было и, видимо, ей помогали две соседки и их дочери. А до зимы еще сколько предстоит ей выделывать шкур, и сшить рукавиц и обуви.

Дед Ачинка продолжает: «Раньше с охоты выйдешь, собираешь всю пушнину, все сшитые рукавицы и обувь, сушеное и свежемороженое мясо и рыбу и загружаешь на пару, а некоторый раз на тройку лошадей и выезжаешь к русским. В первую очередь купец бежит за пушниной, и кое-что ещё возьмёт, а остальное распродашь, обменяешь на муку и месяц, больше погуляешь, пьёшь водку и самогонку и обратно едешь с продуктами на год. Так это делали тунгусы, жившие далеко от русских. Я сначала далеко от русских жил, а потом поселился недалеко от села Карам. И хоть как тянись, а к началу сезона белковки тунгусы всегда в долг брали у купцов и у других, а сейчас никакого долга не бывает, и всегда деньги имеются. Вот такая жизнь пошла! Эх, я рано родился!»

У семьи Ачинки, видимо, много старого, эвенкийского, сохранилось. Везде были видны различные берестяные посудины, некоторые с узорами, которые умело шила Марья, большие и средние деревянные корыта, чаши в виде таза, миски разного объёма, чашки и ложки, которые мастерил сам Ачинка. Словом, целый музей, а наверху три малых иконы каких-то. Они молились после еды, обращаясь к иконам, быстро перекрестясь по груди. Это, видимо, вошло у них в привычку с молодых лет, и никак не забудут.

Спрашиваю: «Это месяц с лишним гулять, много средств надо? Да и заболеть можно». Улыбаясь, он отвечает: «Водку сами покупали совсем мало, а всё гостились по дружкам. К какому дружку зайдёшь, сразу угощают водкой, самогоном, но и ты что-нибудь подаришь, а старуха нашёт ещё берестяную посуду красивую и ещё листовичной серы наколупает и перекипятит, лепёшки наделает – засмеялся громко – для жвачки, всё подарит своим подружкам. Простой русский народ хороший, а вот богачи жадные были. Теперь их нет совсем. После такой гулянки, правда, плоховато чувствуешь, но, приехав домой, отдохнёшь и опять здоровый становишься и поделишься со своими из привезённых продуктов и других вещей».

Эвенки – народ очень простой, гостеприимный. Последним поделятся. У них нет воровства, о чём и понятия не имеют, никакого лукавства и жадности. Хотя в какой бы ситуации не оказались, всегда спокойные и весёлые, а Ачинка особенно весёлый и недаром врачи говорят, что весёлое настроение – залог здоровья.

Ачинка что-то по-своему сказал жене, и она к чаю принесла творогу со сметаной и уже свежевыкопанной картошки, сваренной в мундире и остатки рыбных шашлыков. Он продолжает: «Мы садим одну картошку, а наши соседки, кроме картошки, сажают всякие овощи для ребят, и наш Яшка – любитель овощей, к ним ходит грызть их».

Я, немножко пожив у эвенков, понял, что если у эвенка не окажется мяса и рыбы при наличии картошки, овощей и молочных продуктов, то он окажется совершенно голодным, поэтому эвенки селятся в таких таёжных местах, где много копытных зверей, рыбы и пушнины.

Ачинка продолжает: «Мы Яшку взяли в дети, когда ему шёл третий год, осиротевшего. Сейчас он хорошо стреляет, а охотиться времени нет ему – он учится в школе. Сейчас все дети учатся в школе. Скоро поедут школьники до Культбазы, до Тутуры, и почти до лета будут учиться. Там они и живут в интернате, их одевают и кормят. Они в школе учатся грамоте, а охотиться их не обучают, и никакой работы они не работают. Потом они могут облениться. Первого сына, Гошку, вырастили, тоже сироту. Он сейчас служит в армии на Востоке и пишет письма. Он хорошо стреляет, далеко на лыжах ходит. Уже настоящий мужик стал. Он будет хорошим, смелым охотником. Я его научил. Яшка слабее его будет».

«А что, у Вас своих детей не было? Ачинка вздохнул и начал: «У меня был один сын. Я его научил охотиться. Это было давно. Однажды мы с ним отправились на охоту за соболями в гольцы. А уходили в самые морозы, когда снег становится тугим, хорошо промёрзнет, чтоб на лыжах ходить было легко и соболя быстрее догонишь. Сын мой сильно заболел, остыл, видимо, а одежда была хорошая. Я ничего не смог сделать с ним, и он у меня там умер. Я его по старому обычаю похоронил. В старину у тунгусов было грех копнуть землю, и покойников не закапывали. Свалют деревину и отрубят подлиннее роста покойника, и это бревно напополам расколют, с двух сторон выдолбят, чтоб покойник свободно поместился внутри бревна. Туда уложат покойника, а второй половиной закроют и кругом обмотают на огне обожженным тальником или березкой, черемушником, а затем ставят к большой деревине и уходят, не оглядываясь назад, безвозвратно. Это место и другие не должны посещать. Вот так я сына похоронил. Соболевать уходишь на месяц и больше. Берёшь одну хорошую

собаку, а продукты себе и собаке слаживаешь на нарту и тащишь, но и собаку приучаешь. Она хорошо помогает тащить. Когда я вернулся домой, до моего прихода умерла моя старуха. Говорили, что она сильно разболелась, и ничего с ней не смогли сделать. После этого жил один, а потом поженился на Марье и почему-то у нее детей не было, и мы вырастили этих двух сирот».

Он что-то призадумался. После такого трагического рассказа можно сразу сделать вывод, что при царизме и раньше в глубокую старину, когда жили в глухих таёжных дебрях маленькими группами и не было никакой медицинской помощи, выживали люди только здоровые и сильные. Иными словами – происходил естественный отбор.

Ачинка встал из-за стола, помолился иконам, набил трубку табаком, прикурил и сказал: «У меня давно гребь поспела, но не было времени, а сейчас со старухой пойдём и быстро закончим. На зиму корове сена хватит, а тёлку с наступлением холодов забьём».

Я посмотрел на Ачинку. Несмотря на свой вес, гораздо меньше ест мяса и рыбы по сравнению с другими эвенками. Эвенки большие любители мяса и рыбы и всегда чтоб свежие были. Но и любят употреблять подквашеное и специально подквасят солёных сигов, вальков, хариусов. Чтоб они были с душком. Среди эвенков есть и чемпионы – мясоеды. Мне говорили, что у нас хорошо мясо ест Чертовских Пётр, что он съедал за раз кабаргу или же глухаря, а так же крохалю и селезня кряквы. Сварит и остатков не окажется. Однажды я у этого Чертовских Петра спрашиваю: «Вы действительно съедали за один приём кабаргу или глухаря»? С гордостью ответил небольшого роста сухонький старичок лет 70-ти: «Да, я в молодости ел мясо и рыбу хорошо. Во время белковки за день ходьбы кого-нибудь добудешь. Однажды добыл и принёс небольшую кабарожку, которую ободрал и всю в ведро сложил и сварил. Сразу съел больше половины кабарги, после чего обдирал и обрабатывал белок, дрова заготавливал, собакам сварил еду и перед сном остальное всё съел, и спать лёг. И глухаря таким же образом сделал, но почему-то, глухаря съешь, тяжелоатно чувствуешь, а кабаргу легче, как обычно покушаешь и всё. Вот теперь-то к старости мало есть начал».

Марья что-то по-своему девочкам говорит и, обращаясь ко мне, объясняет: «Я им наказываю, чтоб с огнём осторожны были, следили за малышами, вымыли всю посуду и приготовили к обеду и ужину еды. Ведь они будущие невесты и их надо всему обучать. Они сейчас одни остаются».

Ачинка мне говорит: «Вот по этой тропинке поедешь к сенокосщикам и по пути несколько раз будешь бродом переезжать Нотай и прибудешь к сенокосщикам. Мой Гнедко знает всю тропу и броды. К вечеру я прибуду, с обеда пусть копнят, а потом застогуем».

Ачинка с Марьей ушли на свой покос, а я, заседлав Гнедка, поехал к сенокосщикам, чтобы подсчитать количество заготовленного сена и еще сколько предстоит заготовить. Я проехал мимо стогов сена и подъехал к сенокосщикам, которые уже копнят. Спрашиваю: «Еще впереди застогованные стога есть?». Отвечает Аверьянов Афанасий – помощник бригадир Ачинки, который замеряет стога и все работы записывает, т.к. Ачинка неграмотный: «Впереди застогового сена нет, а выкошенная трава подсыхает. Мы в таком порядке вперед продвигаемся. Впереди порядком выкошено. В дождь косим, а в ясную погоду стогуем».

Некоторые покосы порядочные, а некоторые маленькие и у всех есть названия, в большинстве эвенкийские. Через некоторое время решили начать стоговать, а самую основную работу – завершение стога, чтобы равномерно стог уплотнился и имел в обе стороны одинаковый наклон для стока дождевой воды, и вершина стога не изменилась до холодов, решили оставить до приезда Ачинки. Я начал копны возить к месту стога на Гнедке, а остальные усердно работают, т.к. на трех покосах сено высохнет до вечера, и надо успеть. Через некоторое время приехал дед Ачинка и заголосил: «До вечера надо все закончить. Завтра будет дождь. Видите, начали появляться разорванные облака, и ветер поддувает с дождевой стороны, и птички низко летают. Давайте быстрее эти три покоса закончим».

К вечеру на этих трёх покосах закончили работу и все в хорошем, весёлом настроении поехали домой, где ждала пропаренная голова – вкуснейший ужин. У эвенков деликатесом считается пропаренная сохатинная голова, на которую хозяин головы, тот, который добыл сохатого, приглашает всех соседей.

Мы уселись за двумя столами, и в этих деревянных корытах подали поровну разделённые и на куски изрезанные части головы. Дети отдельно уселись. За ужином Ачинка спрашивает:

- Ты, однако, одногодок будешь с моим сыном Гошкой?
- Он какого года рождения?
- С 1922 года.
- А я с 1923 года.

– Значит он на один год постарше тебя, а уже умеет приманивать осенью во время гона быков изюбрей трубой. Он до армии несколько быков добыл. Я его научил. После ужина тебе покажу трубу, которую я ему сделал.

Сразу подумал, что сегодня надо обязательно спросить, как он сорокового медведя добыл. Завтра же утром мне надо обратно ехать, а он уже забыл об этом, так как вчера вечером и сегодня не было времени поговорить с ним дальше. Он, конечно, может очень многое рассказать о прошлом, прожив столько лет.

После ужина он позвал в амбар, и все молодые устремились туда же и кто как смог, устроились слушать деда. Он с угла, где висит охотничья одежда и обувь, достал висевшую на гвозде трубу, один раз подул через неё и сказал: «Вот как надо гаркать быков изюбрей и терпеливо учиться, чтобы подражать голосу слабого быка, на которого бык посильнее бежит, чтоб отогнать его подальше и тут становится добычей охотника. На это надо много времени уделить, изучая рёв быков и надо иметь своего рода талант. В заключении он сказал: «Такая охота очень интересная. Сейчас я уже не могу однотонно реветь и ещё надо быть проворным и зоркий глаз нужен, чтобы утром, перед рассветом, разглядеть набегающего быка. Гошка с армии придет и опять начнёт добывать».

После некоторой паузы я улавливаю момент и спрашиваю:

– А вот как Вы опасного сорокового медведя добыли рогатиной?

Он улыбнулся, и все передние зубы сверкнули при свете десятилинейной керосиновой лампы со стеклом и, помолчав немножко, продолжил:

– Я сорокового медведя добыл не ружьём, не рогатиной, не топором. Он чуть меня не съел, а вот и думай – с вопросительным взглядом обратился ко мне и всех обвел взглядом, и действительно никак не придумаешь победить человеку голыми руками такого сильного и опасного зверя.

После некоторой паузы продолжил:

– Отец мой наказывал мне, что когда ложишься спать у костра на открытом месте, всегда около костра держи горячую, немножко кипящую в котелке воду. И чтоб дровины, концы которых горят на костре, располагались повдоль тебя. И чтоб сидя у костра их можно было бы вместо прогоревших подлаживать на угли, схватив руками, а такое расположение дровин является и самозащитой. В ту осень, когда сорокового медведя добыл, не уродились ни ягоды, ни орех кедровый, которыми питаются они и набирают жир себе для лёжки в берлоге. И в такие годы бывают голодные медведи-шатуны, в основном старые, больные, но они очень проворные, сильные. Некоторые

злые бывают и на всё живое набросятся, а хорошие медведи всегда себе пищу находят, питаюсь всякими растениями, зверя какого-нибудь задавят и жир набирают на зиму. Я в тот день пробелковал со своей туркой, ушёл далеко от своего жилища и решил заночевать, хоть и не так далеко оставалось до жилья. Как обычно, выстрелил заряд дробы и турку зарядил пулей, а по утрам перед отправкой на охоту выстреливаешь пулю в дерево и выколупываешь топором пулю. Ведь свинец (дробь) дорого стоил. Срубил не очень толстые сухие деревья и устроил ночуйку. Поужинал, накормил беличьими тушками своих собак, обработал пушнину и лёг спать, устроив около себя ружьё, рогатину, топор, кипяток и костёр подправил, как обычно. Сонный слышу, собаки громко залаяли, я моментально соскочил и вижу, прямо на меня бежит медведь с разинутой красной пастью, не обращая внимания на собак. Я тут моментом сообразил, что ружье не успею схватить и выстрелить, да толку-то – не успею наметиться стрелять в голову. Так же не успею схватить рогатину и направить на него и даже не успел бы схватить котелок и облить кипятком глаза и голову и самую хорошую защиту выбрал – горящую дровину, которую схватил и в разинутую пасть сунул. От толчка я улетел в сторону, а медведь сразу встал на дыбы, опрокинулся и с ревом убежал в лес. Я почувствовал, что цел и невредим, но только тряска взяла немножко почему-то. Медведь все с ревом удалялся, но временами не ревел, а потом совсем перестал реветь. Собаки полаяли ещё, а потом прибежали. Я до утра не смог уснуть. Дождался кое-как до света и пошел его следить. Он сначала делал прыжки, валялся много раз, а впоследствии много места извалял, а потом пропал (сдох). После этого сразу стал рассматривать его пришедший след. Ведь я целый день ходил, и собаки бегали и нигде не пересекали след голодного медведя. Он, конечно, под вечер наткнулся на мой след и начал следить меня по пути к привалу. Иногда медведи идут по следу в обратную сторону. В этом отношении у них плохо развито воображение. Когда рубил вечером дрова и сделал пустой выстрел дробью, он все слышал и притаился. На лежке снег растаял, а потом обледенел. С этой лежки он ко мне маленькими шагами – скрадом приближался, видимо, шуму не стало, часто останавливался. Когда собаки не так далеко учуяли его и залаяли, то я соскочил. Увидев меня, не обращая внимания на собак и на огонь, медведь кинулся большими прыжками на меня. Вот какие нехорошие, злые медведи бывают. Вот так пришлось убить сорокового медведя. Много раз приходилось так, что ночью собаки залают и угонят далеко подошедшего медведя. И никогда до этого и после этого не нападал так

у костра. Видимо, раньше старики правильно говорили, что сороковой медведь – опасный.

Все мы очень внимательно слушали его, и никто не перебивал. Помолчав немного, он продолжал:

– Мне интересно, как он пропал. Я раскрыл ему пасть, а весь рот был черный с кровоподтеком, обгорелый, – расхохотался громко, – и туда дальше в горле ещё уголь находился небольшой, а легкие почти вообще заполнились кровью. Я его ободрал, мясо бросил, а шкуру принес к жилью, сделал раму, на которой шкуру растянул, развел костер и подсушил. На этой шкуре я так мягко и тепло спал до конца охоты и раза три его мясо притаскивал и варил собакам. У голодного медведя мясо плохое и кушать его нельзя, а собаки едят. Собак на охоте надо хорошо кормить, особенно до охоты. Они за день так набегаются и ночью тоже крепко спят, но с человеком не сравнишь – слышат хорошо, а малый шорох тоже не слышат, когда крепко спят. Недаром русская пословица гласит: «Устал, как собака». – Немного помолчав и закулив трубку, продолжал: – По Киренге от нашего села и до устья Киренги, где город Киренск находится, много русских деревень, и мне много раз раньше приходилось летом за грузом плавать до Киренска и купцам товары доставлять.

Я, удивляясь, всё же перебил его и спрашиваю:

– И Вы с Киренска до Карама на шестах толкались с грузом и сколько же километров это расстояние?

Он, подумав, видимо, подсчитав, отвечает:

– Да, на шестах на одной большой лодке-долблёнке загрузились с полтонны и два мужика встаем на шесты и толкаем вверх. В низовьях Киренга гораздо тише, чем у нас здесь. По тихим плёсам лодка идёт хорошо. На шивере (перекат) поднимаешься и опять плёса. Карамский купец со своими мужиками договорится, и лодок пять-шесть сплывали до Киренска за грузом и я, с русскими в компании, доставлял груз. А груз в основном доставляли: водку, товары хорошие, боеприпасы, ружья, керосин и другое. С Киренска до Карама считали около 500 вёрст и мы за 10-12 дней приходили с грузом. Купец за это нам ничего всё же оплачивал. Всё же это адская работа была не лучше репинских бурлаков на Волге.

Опять же мы перебиваем его:

– А что, купцы зимой не возили что ли?

– Зимой много возили крупные груза: муку белую и простую, соль, всякие железные товары, боеприпасы, керосин, но в дороге с Иркутска до Карама тоже около

500 вёрст. То кули порвутся, особенно по таёжной дороге, а там того и смотри – украдут, а жидкое вытечет, а по воде с Киренска весь груз приходит целый.

Между Карамом и Киренском есть село Казарки (ныне Казачинское). Ниже Казарок с одной деревни осенью белковали трое Сухановых вместе. Они с одного места на другое перешли охотиться. Там у них временное жильё было, хвойнка-односторонка. Когда уснули около костра, на них напал голодный медведь и всех троих задавил и съел. Когда одни собаки выбежали домой, а мужиков нет, в деревне собрались мужики – охотники и с хорошими собаками пошли к их охотничьим угодьям по свежим собачьим следам. Когда собаки залаяли, этот медведь, не обращая внимания на собак, бросился на людей, которые были наготове. Его сразу убили и сожгли на костре. Этот медведь за это время всех троих съел и лишь нашли черепа, да кое у кого стопы ног. Эти останки привезли в деревню и схоронили. Они смотрели по следу медведя. Этот медведь точно так же, как мой, сороковой медведь, наткнулся на их след. Следил до жилья, и пока они не спали, этот медведь выждал. Когда все успокоились, он со своей лёжки направился к ним сначала шагом, а потом прыжками на спящих напал. Собаки оказались трусливыми, и какой-то из братьев все же успел схватить топор, и по шее медведя ударил, но топор оказался совсем тупым, и на шее сделал небольшое ранение. Вот если бы топор был хорошим и острым, то отрубил бы голову. Охотнику надо всегда иметь хороший острый топор и нож. У них ружья весели далеко от костра, заряженные дробью, словом, они спокойно себя вели, а в лесу надо всегда быть осторожным и наготове. Этот трагический случай произошел не так давно, лет двадцать прошло или же побольше. Этот медведь у них не сороковой был, а просто среди голодных медведей нередко такие злые, коварные медведи бывают. Раньше медведей много было, а потом всё меньше и меньше их стало, так как русских стало больше, и многие из них стали хорошими охотниками с хорошими ружьями и с хорошими собаками-медвежатницами, и они, так же как и мы, с весны до осени охотятся.

Внимательно его выслушав, спрашиваю:

– Всё-таки, как медведей рогатиной добывали?

Он молча посидел, прикурил, обвёл нас взглядом и начал:

– Как я говорил, что раньше медведей было много, и каждая встреча с ним происходила по-разному. Особенно около своей добычи или когда хозяйничает около твоей добычи они особенно злые бывают и налетывают на человека, хотя чаще убегают. Тут стрелишь раз из кремневки или турки и если плохо ранил, он озверевает,

и прямо налетает. Сразу ружьё в сторону ставишь, чтоб оно не мешало и, схватив рогатину, направляешь прямо в грудь, а он слёту – с ходу напарывается на рогатину. Конец черня у рогатины упирается в землю или в деревину, но самому надо крепко черень держать и правильно направлять рогатину на него. Он, напоровшись, ревёт и за черень хватает, и тянет к себе, ещё углубляя и расширяя рану. Самому надо заскочить за деревину и когда медведь уже свалится, добиваешь топором. Когда белкуешь, если нападает голодный медведь, сразу ружьё бросаешь, заряженное дробью, и хватаешься за рогатину, и в берлогах, если плохо изранил, добиваешь рогатиной, топором. Вот как приходилось с рогатиной обращаться, а теперь, когда у всех стали хорошие ружья, о рогатине только и вспоминаешь.

Он ещё немножко поговорил с нами и ушёл спать.

Утром он опять нас разбудил к завтраку и сказал:

– Я же вчера говорил, что завтра будет плохой день. Видите, всё небо затянуто облаками, и дождь сегодня должен быть. Сегодня вам надо косить и косить, и закончить косьбу, ждать хорошую погоду. Если под вечер утихнет погода, я потолкаюсь вверх зверовать. Может, где сохатого увижу.

У эвенков заведено говорить: «Как бы увидеть зверя», «Не видел зверя» или «Я там увидел и добыл». Из этого вывод: только бы увидеть сохатого и всё – будет добыто и мясо свежее будет.

После завтрака еще раз все вместе наметили, как быстрее закончить заготовку сена. По подсчету не так много оставалось еще заготовить, а косить оставалось дня два-три, после чего надо было ждать хорошую погоду для сушки сена. Все жаждали, чтоб побыстрее закончить работу с сеном и взяться за выполнение плана заготовок. Особенно женщины были «заражены» сбором ягод. Заранее, до начала созревания ягод, проводили разведку во всех ягодных угодьях, у которых были свои названия. Организовывали соцсоревнования среди проворных женщин, среди женщин, которые потише собирали, среди начинающих девушек и женщин преклонного возраста. Сбор ягод проходил дружно, и каждая свою соперницу старалась обогнать.

В конторах этих колхозов были организованы доски показателей соцсоревнования и понедельные итоги сбора и сдачи государству ягод четко проставлялись и сразу видно, кто кого обогнал в личных соревнованиях между собой и кто является лидирующей по колхозу.

Такие соцсоревнования были организованы и среди охотников и рыбаков. У охотников не было коллективной сдачи пушнины, а кто как добыл, но добыча

копытных зверей была и индивидуальная и коллективная, человека два-три и более. У рыбаков же были звенья неводные, сетевые, а также многие индивидуально рыбачили и сдавали.

После завтрака и короткого совещания дед Ачинка вызвал меня на улицу и кратко изложил свои планы: «Моему сыну Яшке скоро будет 17 лет, а ему еще год надо учиться в школе в седьмом классе. В конце августа надо со всеми учениками ехать учиться в Тутуру, на Культбазу на всю зиму до лета». Я подтверждаю, что всем надо ехать. Он свое мнение дальше излагает: «Мы со старухой думаем Яшку не отправлять в школу. Он шесть классов окончил. Хорошо читает и пишет и чего же больше надо. А нынче осенью и зимой с ним будем охотиться. Я его научу охоте, а то когда он научится охотиться. Старший сын Гошка тоже шесть классов окончил и начал охотиться со мной. Он теперь все же охотиться научился, а сейчас служит в армии. Яшку в армию возьмут, а он даже охотиться не умеет».

Я сразу подумал, что его в армию не возьмут, т.к. у него весь подбородок изболевший и зарастающий после нарывов. По-видимому, туберкулез слюнных желез. Я молчу и слушаю, а Ачинка продолжает: «Летом со мной рыбачит и сохатых добываем, этому-то он все же научился».

Я все слушал, и он, не дождавшись ответа, продолжил: «Ты же когда работал у нас в Тутуре в Совете, со многими соглашался, которые переставали учиться». Тут я сразу включился в разговор: «Да, сейчас военное время, рабочая сила крайне нужна, и повзрослевшие ученики пока могут поработать. После Победы, когда гитлеровских фашистов уничтожим, все могут дальше учиться».

Он сразу вставляет: «Яшка рад со мной начать охотиться, а потом, после Победы, пускай учится». И свое мнение высказал: «Сейчас всех заставляют учиться, а раньше нас, тунгусов, не допустили бы учиться. Да на что учиться было, ведь платить надо. Даже русские учились из богатых семей».

Пока мы сидели и разговаривали на крыльце, все вышли на улицу и в том числе Яшка – Сафонов Яков Федорович, комсомолец, состоящий на учете в школьной комсомольской организации. Дед позвал Якова и все ему рассказал. Яков этому был рад, чувствуя, что начинается взросление, т.е. начало трудовой деятельности, хотя уже сейчас он вместе со всеми принимал участия в сенокосе. Ему было сказано, что в сентябре будет общее собрание, на котором его примут членом колхоза и уже ему будут даны планы на пушнину и другие заготовки. Ему надо сняться с учета в школьной комсомольской организации и встать на учет в колхозной комсомольской

организации. Конечно, прекращение учебы будут обсуждать в Совете и в школе, но ничего не поделаешь, и для колхоза прибавка одного колхозника многое значит и для комсомольской организации прибавка одного комсомольца большое дело.

Все засобирались: сенокосщики на покос, а я обратно ехать в Муринью. Мне помогли поймать Гнедка и заседлать его. Когда я отъезжал, все провожали и среди них выделялась крупная фигура деда Ачинки, который, весело улыбаясь, пожелал доброго пути и своего коня Гнедка похлопал по шее, что-то наговаривая по-своему, как будто конь знал эвенкийский язык.

Гнедко сначала шел очень тихо, как будто вся его скорость упала, и пришлось его посошком поторапливать. Ему неохота было идти со стойбища Сугджа или от своего бывшего хозяина, но через 7-8 километров он пошел своим нормальным хорошим шагом.

Обратно поехал, уже зная дорогу и зная, что конь с тропы не свернет, а я ориентироваться в тайге в то время не умел. День, как Ачинка говорил, выдался дождливым, и я приехал в Муринью промокший до ниточки, но документы всегда находились в портфеле, а портфель в кожаной суме.

Когда один едешь по тайге, о многом передумаешь, а за этот день представлялся мне дед Ачинка (прозвище или старое эвенкийское имя), а писался Сафонов Федор Алексеевич, такой удивительный старик. А по существу какой старик, когда у него сохранилась огромная трудоспособность еще, сила, принявший двух маленьких сирот и воспитавший их, всю свою энергию отдающий колхозу, государству. Он старался лучше прокормить всю работающую бригаду, не отрывая никого с работы на охоту за сохатыми, на рыбалку, и в том числе своего Яшку и дополнительно обеспечивая хлебом, молочными продуктами, за что, конечно, ни у кого ни копейки не брал.

Однажды я поплыл с Жерандоевым Афанасием зверовать – так здесь говорят, когда охотятся на сохатых. Поодиночке отплывают от ночуйки примерно через час друг от друга, и таким образом может увидеть сохатого последний отплывающий. Я уже научился беззвучно грести веслом, для чего специально делают двухлопастные вёсла из лиственницы. Тонко выстроганные лопасти и при гребле только слышно как капает с лопастей капельки воды. Афанасий на берегу увидел медведя, который хотел спуститься в реку и переплыть. Он его начал стрелять и убил. Когда я подплыл, он мне и говорит: «Смотрю, вот тут на берегу в густом ельнике хочет спуститься небольшой сохатый, и я стрелил, а это оказался огромный самец, медведь, который с рёвом с обрыва упал в реку и сразу вынырнул и пополз на берег. Тут я его опять стрелил, а он

обратно в воду скатился, заметил меня и прыжками направился ко мне. Когда его стрелил, он обратно и хочет вылезти на берег. Я его опять стрелил, и он опять скатился в воду и также прыжками на меня. В таком порядке три раза на меня накидывался и три раза пытался вылезти на берег, а мне жалко, что он может уйти. Я моментом обойму в пять патронов разрядил и одновременно отгребался назад».

С заселением русскими пустующих территорий Сибири и Дальнего Востока неизменными спутниками их были попы, проповедующие христианскую веру. Попы по Сибири и Дальнему Востоку всякими путями вовлекали в христианскую веру все народности, кроме бурят и хакасов, которые ни при каких приемах попов не вступали в христианскую веру и остались при своей вере. У принявших христианство наций осталась и своя вера, свои шаманы, свои суеверия, но постепенно все это терялось и с приходом Советской власти ликвидировались все веры. Но в сороковых годах у эвенков старшего поколения ещё сохранились остатки веры и всякого рода суеверия. Например, я заметил у старых охотников и рыбаков, что если женщина перешагнёт через чьи-нибудь охотничьи и рыболовные снаряжения или одежду, то это сразу становится «грязным» и надо немедленно выкуривать вселившихся туда каких-то духов, которые в охоте и рыбалке ничего доброго сулить не будут, охота и рыбалка будут неудачной. Специально для этих целей у шаманов отдельно хранятся заготовленные ветки какого-то кустарника. Эти ветки поджигают, и они очень хорошо пылают, как будто облитые керосином, и потрескивают. Эти вещи, через которые нечаянно перешагнула женщина, начинают трясти над этим огоньком, который даёт дым не едкий, можно сказать, с приятным запахом, несколько кругов делают над охотником, и сразу повесят отдельно. Видимо приговаривают что-то; так как выражение лица становится очень серьезным.

У них все охотничьи и рыболовные снаряжения и одежда так аккуратно висят, и с одной стороны это хорошо. Люди приучены к порядку, а с другой стороны – просто дикость. Ведь кожу выделывает и шьет одежду и обувь женщина. При выделке и шитье ногами топчет, сидит на них, тысячу раз перешагнет, а вот готовые одежда и обувь уже подлежат изгнанию грязных духов. Немножко разожгут этот кустарник и над ним потрясут и после чего все уже становятся священными. Или же женщины ремонтируют сети, невода вяжут и садят их и без счету раз по ним ходят, перешагивают, сидят на них, а когда готовыми станут, опять же становятся священными и все готовые вещи обязательно над этим огнем прокурят. Большинство в рыбалке участвуют женщины, а также охотятся женщины и все равно женщина

«грязная». Женщины об этом знают и избегают этого, прибирая и вешая эти вещи, если валяются. Но мало ли, случайно наступили или перешагнули второпях или в потемках и, если мужчина это заметит, приходит беда, сопровождающаяся руганью. А в старые времена, пожалуй, и побои получала женщина. После этого немедленно надо выкурить вселившихся в эти вещи злых духов, соблюдая все правила этой процедуры.

Эти суеверия, видимо, сохранились с глубокой древности и, конечно же, так же поступал дед Ачинка, но я об этом у него не спрашивал, но он обязательно бросит в костер кусочек мяса, когда снимает с костра сваренное в воде мясо, а также кусочек рыбы. Ещё в костёр всплеснёт немного бульона или ухи и даже чая немного всплеснёт. Хотя при закипании на костре из чайника или котла при бурном кипении и так чуть не заливало костёр.

В дни войны никаких сроков охоты не было, а нужно было как можно больше заготовить мяса диких животных, рыбы, пушнины. Но сами охотники регулировали, и эвенки испокон веков занимались регуляцией добычи зверей. Они ни за что не будут стрелять в сохатого – матку с маленьким телёнком. Говорили, что матка бывает плохой упитанности – одни кости да кожа, а телёнок маленький сгинет, а уже с Ильина дня (старинный праздник), с первых чисел августа уже можно стрелять матку, так как она уже упитаннее станет, а телёнок уже полным зверем становится и самостоятельно вырастает. Его уже никто не задавит (он очень чуткий), и чем питаться уже знает.

Ондатру в летнее время не добывали, оставляя для размножения, а начинали добывать с 1-го сентября.

Выдра охотится в ломах. Выдру добывали там, где вода хрустально чистая и всё лето холодная. Добывали всё лето попутно с рыбалкой по реке Киренге и сдавали государству. Выдру добывали капканами в ломах, где днём рыба прячется, особенно хариус. Выдра в ломах (завалы, нанесенные водой деревья) передвигается по одному месту, как по тропке и на подводных колодах бывает смыт ил. Выбрав удобное место устанавливают двухпружинный капкан №2, закрепленный цепью и привязанный за подходящий продолговатый камень, чтобы она не смогла выныривать и дышать воздухом, а чтоб затонула, побившись в капкане. А она, между прочим, сильная, ноги короткие, сильные, мускулистые. Из капкана со слабой пружиной срывается.

Выдр летом добывали из-за того, что с наступлением морозов все уходили в тайгу. И зимой никто не занимался этой охотой, теряя лишнее время и не было успеха добычи зимою. Да и вообще их добывали в небольших количествах.

Глава 8. Нюруткан

Все знают, что любая работа в бухгалтерии бесконечна, и вот, справившись с накопившейся работой, надо ехать поработать неделю во второй Нюрутканский, более мощный колхоз.

Мне Нюрутканская местность нравилась. К стойбищу подходила вплотную вековая, дремучая тайга с высоченными лиственницами вперемешку с елями, кедрами. С северной стороны открытая панорама: сначала озеро Нюруткан, а дальше низменность, покрытая густым кедровником. Далеко вдали виднеется пригорье хребет Джелокон, на котором долго снег белеется и опять же в раннюю осень снег начинает белеться. На озерах, которые связаны между собой неширокими проливами, весной и осенью масса разных уток, гусей и почему-то редко лебедей. Для ондатры – приволье с обильными кормами. Много также разнообразной рыбы. В летнее время много сохатых, косуль, а с наступлением осени на пушных зверьков престарелые охотятся прямо из домов, не выезжая в дальние уголья, куда устремляются молодые, не мешая старикам. Словом, природа создала такой уникальный уголок, но только в стороне от магистральной дороги, а тогда магистральная санная дорога в зимнее время проходила через Муриню, а летом обычно таежная тропа и самое главное – река Киренга, по которой можно уплыть по течению до самого города Киренска. Ближайшая русская деревня – Усть-Ханда и большое таежное село Карам.

Муриня расположилась на берегу реки Киренга в логотине между хребтами, которые в большинстве покрыты соснами, а Киренга, пробивая себе путь, разработала утесы, скалы, около которых обитают много мелких копытных зверьков – кабарожек, также изюбри, сохатые. А в Киренге много белой рыбы. Хозяин тайги – медведь обитает везде, где тайга и будет проверять болотистые места, где можно задавить сохатого, погонять в августе утят-хлопунцов, а в летнюю жару покататься на озерах, реках. Когда ягоды созреют по болотистым местам, он собирает ягоды: клюкву, морошку, а по другим ягодникам малину, смородину, голубику, бруснику, а затем подается в кедровники за кедровыми орехами. Зверь трудолюбивый после зимней спячки в своей берлоге, видимо, мало спит или совсем не спит в летнее время, так как по ночам шарится и видишь его и рано утром, и днем и вечером. А силищи-то! Уж природа его одарила огромной силой. Ведь из-за маленького зверька-бурундука, которого заметит или, говорят, загонит в дупло огромной упавшей древесины (колодины), или учуяв его клад, так как бурундуки на зиму запасают орехи, ягоды и

другие семена, медведю ничего не стоит разодрать в щепки и всю разворочать эту деревину. Говорят, если он в реке задерет огромного быка сохатого, то такую тушу на любой крутой берег или яр вытащит, в охапку возьмет и унесет в лесную чащу. Там загребет его мхом вперемешку с землей, и всего завалит валежником квасить мясо, т.к. хороший медведь свежее мясо не ест, а лакомится проквашенным мясом.

На первый взгляд, когда он идет шагом, кажется неуклюжим, особенно передние ноги косые, ухватом, и недаром его еще называют косолапым, а этот косолапый, когда побежит во весь мах, понунив голову, только мелькает, делая огромные прыжки. Он боится только человека, если его не трогать, не обозлить. Но уж голодный медведь-шатун – другое дело, как у деда Ачинки сороковой медведь, но шатуны не все такие, а тоже у многих еще совесть сохраняется и убегают от человека.

Ох, тайга, какая же ты богатая! Эти богатства могут извлекать на пользу человека эвенки – самые настоящие хозяева тайги, пушкинские «дикие тунгусы». Большинство этих богатств находится вокруг да около стойбища Нюруткан, а Нюруткан в переводе на русский язык небольшое озеро, озерко. Здесь таких озер много и каждое имеет свое эвенкийское название, а первое озеро около стойбища – озеро Нюруткан.

Муриньский колхоз маломощный был против Нюрутканского колхоза тем, что членов колхоза было меньше. Самые боевые охотники и рыбаки были в армии, да и сохатых здесь было меньше, чем в Нюруткане. Здесь почти не было ондатры, мало уток по тем временам, т.к. по быстрой Киренге для ондатры жилье только по курьям, старицам, а утки в большинстве речные: крохали, гоголи, нырки, конечно кряквы, чирки и другие, но против Нюрутканских озер совсем мало, а для меня в первое время казалось много. Зато белой речной рыбы было много, которая дороже озерной, а добывать белую рыбу по быстрой реке нужны умение, сила. Но уж Муриньский колхоз богаче был раз в десять и больше сенокосными угодьями по долине Киренги и на стойбище Сугджа, а пушные и ягодные угодья одинаковые были. В основном нехватка рабочей силы. Председатель колхоза Монастырева Дарья и бригадир Хромов Инокентий и весь состав правления колхоза изыскивали пути выполнения планов заготовок. Особенно много надо было заготовить по паберегам и островам Киренги для своих двадцати четырех лошадей, личных коров и, в основном, для транспортных лошадей. Свой скот хоть голодным оставайся, но оставляй сено для транспортных лошадей, которые привозили на год в магазины различные товары и увозили все заготовки с наступлением зимних холодов и увеличением снежного покрова, при

котором улучшается таежная, ухабистая, санный дорога. Во время сенокоса по реке Киренга одновременно выполняли двойные, тройные работы: заготавливали сено, рыбачили ставными и плавежными сетями, добывали сохатых. Если сенокос затянется ввиду плохой погоды, собирали ягоды, которые везде около берегов росли. Словом, спать приходилось совсем мало, урывками. А женщин, приплывших или притолкавшихся на шестах против течения, дома ждала домашняя женская работа, с которой надо быстро справиться, прихватывая ночь, и опять на сенокос, рыбалку, за ягодами, заполнять всю прихваченную пустую тару. Все, конечно, с ружьями, и по-эвенкийски только увидеть какого-нибудь зверя: сохатого, изюбря, косулю, медведя, – мясо дополнительно будет сдано государству. Или же где заметили по следу днем, что сохатый или изюбр начинает или уже давно лакомится в какой-нибудь курье, старице подводной растительностью, один из охотников, если коллективно сенокосят, ночь прокараулит, а зверя добудет. Утром уже приплавит кучу мяса, которое надо ходом до стойбища доставить для сдачи государству или же замуровать около холодных ключей под мох, как и рыбу слегка подсоленную хранят, если срочная работа предстоит с наступлением хорошей погоды, когда немедленно надо прибрать скошенное сено. Звериное мясо порче менее подвергается, чем скотское мясо, видимо имеет бактерицидные свойства и недаром звериное мясо, как диетическое, ценится дороже скотского мяса, а в странах Западной Европы в несколько раз дороже скотского мяса.

В бригаде сенокосчиков охотятся в ночную, поочередно, т.к. каждому хочется добыть, а когда если женщина увидит, то зверь тоже не уйдет.

Таким образом, с сенокоса возвращаются с загруженными лодками и сразу начинают сдавать заготовки. Все население стойбища, в основном престарелые, старики, старухи у которых уже силы не стало, и ребятишки сбегаются и у всех на лицах веселое выражение и старые интересуются, какие заготовки приплавляли, где добыли зверя, т.к. все курьи, старицы, покосы имеют свои названия.

Всё узнав, старики кое-кого из молодых отругают, что поступил неправильно, что давно было сказано, что нужно делать так, а поступил иначе. В большинстве случаев за то отругают, когда те по неопытности спугнут в курье или в другом месте сохотого или другого зверя, или плохо стрелят и зверь раненый уйдет, и не смогут по следу догнать, т.к. ранение легкое, или же на неположенном месте проплавают сеть плавежную и засадят на подводные задевы и приходится отрезать, рвать сеть и по другим видам работ. Старые охотники, рыбаки, сенокосчики все переработали при

своей молодости, и теперь осталось им на словах учить молодых и отругать их. Старики и старухи не лежат на печке, зная, что наступило военное время, а всячески, по своей оставшейся силе, помогают.

Сенокосчики, сдав заготовки, помывшись в бане, приготовив свежего хлеба, кое-что купив в магазине, справившись с домашними работами, не задерживаясь, опять отправляются на работу.

Смотришь, вниз уплывают, сидят, гребясь на веслах, а вверх против течения толкаются на шестах, стоя, так ловко перебирая руками на средних лодках по одному, а на больших лодках – неводниках, грузоподъемностью до полутонны и больше, по два-три человека. Все толкаются враз, дружно, как на спортивных соревнованиях по гребле, хотя нет соревнований на шестах, и если на этих толкающихся издали смотреть, кажется, что они очень легко толкаются, прорезая встречное течение. На самом деле нужна сила и главное, умение. Я, сначала, когда учился толкаться, столько муки принял, особенно на шиверах невозможно протолкаться, так лодку течением вниз и сворачивает и обратно бродком около берега приходится протаскивать лодку. Но, как говорят: «не намучишься – не научишься». Впоследствии я все же начал подниматься на небольшие шиверы, держать лодку ровнее, не приостанавливать ее ход. А лодки все – всё долблѐнки. Уже вывелись старинные мастера по поделке легких берестяных лодок. Мне казалось, что долбленки в несколько раз легче, чем лодки – шитики из теса. Оказалось, что среди лодок-долбленок есть лодки на ходу легкие и тяжелые, смотря, какой мастер делает, знающий ходовые качества. Были мужчины, которые до старости не могли добиться сделать хорошую, ходкую лодку, а первачку кажется, что все лодки вертявые, что сходу опрокинешься в воду, не научившись держать равновесие, и все-таки долбленки легкие и ходкие против дощатых. На самом деле совсем другие – большие различия, зависят от мастера и еще от деревьев – тополя или осины, из которых выдалбливали лодки.

Правление колхоза знало хороших мастеров, к которым на помощь направляло женщин, подростков, а старые хорошие мастера, которые не в силе уже были, их брали с собой, чтоб они только указывали, руководили, а заодно и учили, и они охотно передавали свои знания. Муриньский колхоз выигрывал в рыбодобыче, перегораживая заездками боковые речки, куда с Киренги на икромет поднимались ленки, хариуса. Такими заездками – корытами перегораживали пять речек, с 17-20 мая, когда, отметав икру, рыба спускалась обратно в Киренгу. К этому сроку правление направляло по два-три человека на каждую речку, которые сначала на устьях дежурят, устанавливая

сети и готова весь материал. Как только ленки начинают попадать в сети по ходу сверху, сразу перегораживают речку и добывают в основном ленков до середины июня и даже позже, до 20 числа. Словом, рыбачат месяц и более.

В одной только речке Талая, ниже Мурины километров двенадцать, добыли рыбы двадцать девять бочек, из которых всего полторы бочки – хариус. Туда уплавляли пустые бочки, соль и добытую рыбу сразу засаливали и в бочках доставляли до Мурины, где принимали и закатывали в ледник. Доставляли рыбу толкачом против течения, попеременно.

Заездки – «корыта» на речках оказались интересными сооружениями без единого гвоздя, проволоки или же веревочки. Все сооружение составляют в основном из прутьев. Все переплетено и есть, конечно, колья. Вода запруживается и создается водопадик, падающий на корыто, редко сплетенное из тонких прямых сосенок и притом корыто это устроено так, чтобы при подъеме уровня речки поднимать, и опускать при понижении уровня речки, а корыто прикреплено на опорах, вбитых деревянным колотом в дно речки. Корыто висит на приготовленных на огне и извитых прутьях из черемушника или талины как канаты, управляемые спуск и подъем рычагами. Созданный водопад падает на корыто спереди, а с середины к задку корыто приподнято над водой и все спустившиеся по водопаду ленки оказываются над водой, а дежурные приходят, открывают корыто, закрытое корой лиственницы или ели, прижатую палочками по ширине, чтобы не покорибило на солнце, а скачущих ленков вынимают. Ленки идут только к вечеру до темноты и утром рано, а днем и ночью не идут. Это сооружение слышно издалека, как вода шумит. Это инженерное сооружение, конечно, пришло из глубокой древности, когда у эвенков не было никаких орудий лова. Еще специально сучили тонкие нитки из сухожилий, а затем из волос конского хвоста для вязки сетей, на это требовалось много труда, но для питания личного хватало рыбы при наличии множества рыбы в водоемах, о чем говорили старые эвенки.

Выходит, что древние эвенки, кроме изготовления заездков – корыт, умели еще вязать и сети. Этими заездками в боковых речках Муриньский колхоз за короткое время добывал от восьмидесяти до ста бочек качественной, ценной рыбы ленков и хариусов. Все же тогда в Киренге было много рыбы – река была рыбной.

В то время можно было везде добыть рыбы, хотя главные сетеставные места тоже все были заняты, т.к. в начале мая на общем собрании все были распределены.

В заездках рыба легко добывалась. Поэтому во время отлова рыбы в заездках вся рыба шла на общее распределение в бригаде рыбаков, среди которых были рыбаки-сетевщики. Среди сетевщиков женщины, престарелые сетями рыбачили вверх по Киренге, т.к. добытую рыбу в бочках по течению приплавлять гораздо легче, чем ту, которую доставляли против течения на шестах.

Сетевщики, чтобы не опозориться перед рыбаками у заездков, усердно рыбачили. Притом часть сетей отнимали у рыбаков, дежуривших у заездков, и временно передавали сетевщикам. По окончании рыбалки на заездках всю рыбу от заездков и сетевщиков объединяли и делили поровну по всем рыбакам, и заготовитель выписывал одну квитанцию на всё количество рыбы. После этого рыбаки разбивались на звенья и даже одиночки, т.к. уровень воды в Киренге падает, настает пора плавежной рыбалки, но и ставные сети действовали, а до неводной рыбалки еще далеко. Где-то с середины сентября, после сенокоса, сбора ягод, когда рыба начинает группироваться, а летом вся рыба в разброде и вечерами особенно везде плещется. Среди всплесков, по звуку рыбаки сразу определяют, что вот ленки плещутся, а вот таймени играют, у которых звук всплеска издали слышно, а хариусы, как крупные капли дождя везде побулькивают. Сиги и вальки, рыбаки говорили, колушаются по донным песчанникам, находя себе корм.

Для рыбаков дни и ночи совершенно коротки при такой напряженной работе, чтобы выполнить и перевыполнить высокие планы военного времени, но как бы трудно ни было – справлялись.

Я в Ньюруткан всегда ехал торопно, а с Ньюруткана на работу в Муринью всегда ехал с неохоткой. Но работа требовала этого, и я в Муринье старался побыстрее справиться с накопившейся работой и ехать обратно в Ньюруткан. Между Муриньей и Ньюрутканом, на расстоянии около сорока километров по летней тропе изучил досконально все: вот скоро будет такой-то пенек, такая-то речка, такие-то кедры с царапинами, такие-то листовки, болота и объезды, такие-то колодины, хребты, косогоры и прочее. Поэтому часто ехал ночами, особенно до Ньюруткана, так как запаздывал с работой.

Другое дело на дровнях по зимней дороге, которая гораздо прямее, по замерзающим болотам и никакая ночь нипочем, а в летнее время ночевки по кедровым хребтам, по которым и днем мало солнца видно, полумрак и прохладно и при ветрах шумят только вершины. Тьма-тьмушая, и впереди себя свой посошок держишь, приходится загоразиваться от веток, которых не видно, а посошок сигналист: если

крупная ветка, то надо беречь глаза. Лошадь идет уже неторопно, умеренным шагом, она видит корни, колодины, через которые перешагивает и никогда не запнется, так как ее уже не торопишь. Опытных таежных лошадей я брал то в одном колхозе, то в другом. Мне председатель Нюрютканского колхоза Монастырев Федор говорил, видя, что я частенько прихватываю ночи: «Ты по ночам так едешь, что можешь попасть прямо в пасть медведю. В таком случае, ты езжай шумно, чаще покашливай, хоть и не кашляешь, коня громко понукай и, если охота, песни пой. Словом, с шумом, чтобы медведь тебя понял, что ты человек. А если тихо едешь, медведь подумает, что какой-то зверь идет и надо его задавить, и прихилится в засаде. А еще всегда с колокольчиком или боталом ездят, они будут звенеть, боталить, и ты сам шумом всех зверей распугаешь. Видишь, у каждого оленя колокольчики или ботала, и олени распугивают зверей и дают знать, где они, когда их ищешь.

Поэтому я даже днем ездил с отвязанным колокольчиком, и звон колокольчика не надоедал, а я вдобавок распевал песни на всю тайгу, перебирая все песни, которыми учил учеников в школе на уроках пения. Уже много военных фронтовых песен появилось, которые я обязательно списывал и учил, а репетицию проводил в тайге. С песнями настроение поднимается. Особенно, когда ночь проработаешь или же пробалагуришь со своими сверстниками. А наутро надо ехать одинаково со всеми, кто приступает к работе. Не будешь же ложиться спать, тогда как временами смертельно тянет ко сну, да еще лошадь качает, убаюкивает, и чуть с седла не слетишь. А как запоешь, и весь сон рассеивается.

В Нюрютканском колхозе «Нулгиктовки» гораздо больше членов колхоза было, и этот колхоз гораздо больше сдавал государству всех видов заготовок. В члены этого колхоза вступили русские семьи, среди которых самым удачным охотником и рыбаком был Зеленых Георгий Семенович. Хорошо трудился Зудилкин Михаил, русский Житов Гавриил женился на колхознице эвенке Карнаковой Аксинье. Продавец магазина Житов Иван, племянник Житова Гавриила был страстным охотником и рыбаком, а его жена Лёля в основном в магазине работала. Она, кстати, окончила техникум советской торговли. Отцу Ивана, Житову Ивану Мироновичу, побольше шестидесяти лет, но он по возможности тоже включался в промысел. Он был деревенским жителем, малость занимался промыслом в молодости и имел все же кое-какие навыки.

Эвенки этого колхоза отличались еще большей старательностью, трудолюбием и были очень дружными.

В этом колхозе было двести восемьдесят с лишним оленей и еще личные олени, у кого до десяти голов, а у Сафонова Евдея пятнадцать оленей было. И еще кое у кого коровы были, а колхозных лошадей было всего одиннадцать голов, а для охоты олени ничем не заменимые – большая сила.

Ведь такой комплекс создавал большую силу, и государству сдавалось большое количество продукции. Здесь работала засольщицей по приемке и засолке рыбы от рыбзавода, окончившая краткосрочные курсы при Иркутском рыбтресте девушка Зуева Ольга и помощница, ее подружка, Житова Неля. Они в пиковые дни не могли справиться с рыбой и на помощь включались рыбаки.

В этом колхозе, для выполнения своих планов, рыбачили молодые женщины и девушки Муриньского и еще двух колхозов. Рыбачить сюда также направили и рыбаков «Гослова», от рыбзавода одну бригаду (звено), человек восемь или десять. Но они немножко пожили и уехали, так как на этих маленьких лодках-долбленках не только что стоя, но и сидя они не в состоянии были плавать. А еще надо работать – рыбачить, да притом в ночное время. Если вывернешься, то, можно сказать, вылезти трудно, так как дно очень топкое, толсто-илистое. Берега почти сплошную – плавни, на которых растет троелистка (трифоль), осока и другие болотные растения, удобные ондатре. В туалет идти, надо знать в каком месте чуть потвёрже берег, чтобы пристать и выйти.

Почему по ночам, с наступлением сумерек и до начала рассвета рыбачат на этих Нюрутканских озерах? Такой вопрос сначала меня интересовал. В этих озерах ставными сетями рыбачат немного время с начала весны, когда вода ледяная, холодная. А чуть теплее становится вода, в конце мая или в начале июля, оживают какие-то водяные горбатые червяки-многоножки, которые хорошо плавают. Их называют местные бормашами, и эти бормаши истончают хлопчатобумажные нитки и, если сеть ночь в воде простоит, то утром от сети остаются одни тетивы (шнур), а ниточное сетевое полотно везде разъезжается.

Озера здесь ото льда освобождаются числа 15-20 мая, и рыбачить ставными сетями и полмесяца не приходится. Поэтому приходится рыбачить в ночную, только ботанием, а ботание – трудоемкая работа. Стоя на таких вертких лодчонках, которые поднимают не более двух человек, а чуть побольше лодка – работа затрудняется. Рыбаку надо сети устанавливать, подгребаясь и постепенно спуская собранную сеть. Сети устанавливают полукругом, а в середине круга втыкают маяк, к которому прикрепляют расширенную бересту белой стороной к рыбаку. Установив полукругом

сети и отплыв немножко подальше, пока белеющая береста видна (тут и хорошее зрение надо), рыбак стоя начинает ботать своим боталом (на конце шеста прикрепляется балдушка), которое создает громкое бульканье, когда рыбак этим боталом ударяет в воду, балдушка с собой захватывает воздух. Рыбак, ботая, направляет лодку зигзагом, чтобы больше охватить озерную площадь, но не теряет белеющий маяк. К маяку зигзаг уменьшают, так как сети где-то уже близко, их боталом можно порвать, так как в воду ударяют с силой, и недалеко от маяка зигзаг выпрямляется и ботание приостанавливается. После этого рыбак садится, и на весле подплывает к одному концу установленных сетей там, где также береста заметна, и начинает выбирать рыбу, загнанную в сети. Затем собирает сети и плывет дальше, где рыба себя спокойно еще чувствует. Каждый рыбак знает, в каком месте должно быть рыбы больше. При ботке, некоторый раз, сороги две, три или одного окуня загонишь, а некоторый раз «урожайно» получается, килограмм до пяти, и так за ночь проворная рыбачка добудет килограмм тридцать и даже больше, уплывая подальше на свои секретные места. В полночь все сплываются отдохнуть и покушать, а часов-то ни у кого нет. Ориентиром ночного времени у эвенков служат ночные птички, которые в полночь перестают щебетать или по звездам, если ясная ночь, да и сами приустанут, когда проголодаются. На такой рыбалке даже эвенки-мужчины отказываются рыбачить. Они рыбачат по Киренге, что считают гораздо лучше. Так как они знают все плавежные и ставные места, а быстрые шиверы им нипочем, хотя и трудновато. Ботать на озере надо успевать только ночью, а как чуть светать начинает – уже рыбу не поймашь. Боткой рыбачат почти одни женщины и притом молодые, у которых ноги цепкие, сильные, голова не кружится. Это объясняется тем, что, считают, зрение у женщин в ночное время лучше, чем у мужчин. Так утверждали эвенки-мужчины. Они говорили: «Баба ночью лучше видит, чем мужик».

Рыбаки «Гослова», которым было каждому по пятьдесят и более лет, были призваны в Армию, а попали на трудовой фронт в распоряжение рыбзавода для организации бригад «Гослова» (полувоенной). Они впервые видят лодки-долбленки. Хоть убей их, они не в состоянии рыбачить ни на озере, ни по Киренге. Они ругали руководство рыбзавода, которое их направило с сетями и одним хорошим неводом. Неводом вообще на этом озере нечего делать, его если и закинешь, то и не вытащишь. Среди них были плотники, столяры, которые могли бы вытесать тес из нетолстых деревин и сделать шитики. А для такой рыбалки шитики ни на озере, а тем более на быстрой Киренге не пригодны. Они с мастерами-эвенками могли бы сделать лодки-

долбленки, но сами были не в состоянии на таких лодках работать, рыбачить, а учиться – они уже немолодые. Они могут только рыбачить на баркасах. Они на все эти обстоятельства посмотрели, а время идет, и уехали обратно в Качуг до начальства рыбзавода, навьючив на лошадей свои вещи. Невод разрезали на две части, чтобы навьючить на два коня, а потом срастят обратно. Им были даны планы рыбодобычи, а они уехали ни с чем. Они говорили, что пусть их направят по реке Лене, где они быстро сделают баркас из теса, и начнут рыбачить. Среди них был один, умеющий рыбачить на больших водоемах, а на этих водоемах он рыбачить отказался. А время военное, им даны военные задания – добыть рыбы. Главный инженер рыбзавода, Коненкин Митрофан Иванович, допустил ошибку, и по прибытии в Качуг они были направлены по реке Лене. Он думал, что если эвенки так много в этих водоемах добывают рыбы, то и эти рыбаки могут также добыть. Эту свою ошибку он осознал позже, когда приезжал и сам убедился, что здесь могут рыбачить только умелые рыбаки.

Искусству озерной рыбалки учились девушки, подростки, а женщины средних лет и пожилые уже ботанием отказывались рыбачить. Но зато усердно они рыбачили короткое время до бормашей и осенью, когда вода станет холодной и исчезает бормаши. Также короткое время до замерзания озера, но зато полностью ондатровали и весной и осенью. В дни войны разрешалось ондатровать зимой на лыжах, в хатках, весной по воде. И хоть летом ондатруй, но эвенки летом, в период размножения, не ондатровали, чтобы с первого сентября отловить больше ондатры. За год нюрютканские колхозницы отлавливали до пяти и более тысяч штук ондатры. Мужчины почти не ондатровали, даже старики, которые при желании могли бы ондатровать. Для эвенков в то время ондатра была зверьком новым, и они ругались, что запустили каких-то водяных мышей, которые все сети перегрызут и всю рыбу кончат. Хотя всем говорили, что ондатра не питается рыбой, а питается водными растениями, которые росли в изобилии на этих озерах. Этих зверьков запустили в 1938 году и они за короткий срок акклиматизировались и быстро размножились. Уже с 1941 года начали вести их промысловый отлов. Ставные сети они действительно рвали, и женщинам много хлопот приносил их ремонт.

С этих озер свое начало берет речка Шона, которая впадает в реку Улькан, а Улькан впадает в Киренгу, далеко, уже в Казачинско-Ленском районе. Ондатра прижилась и по Шоне, и по Улькану, и по Киренге, о чем говорили русские из деревень, расположенных по Киренге. Они также отлавливали ее по курьям, старицам,

где растет подводная растительность. Вот такая оказалась ондатра плодовая и расселяющаяся на дальние расстояния. Конечно, по этим рекам очень её мало добывали, но часто видели, а сначала удивлялись, что за странный водяной зверек, не похожий на выдру. Довоенный запуск ондатры в озера Вершино-Тутурского национального Совета во многом способствовал увеличению пушных заготовок у эвенков в дни войны.

В Нюруткане мужчины были заняты на других работах, в том числе в оленеводстве, где требуется мужская сила (хотя и женщины были оленеводками). По Киренге рыбачили, добывали белую рыбу – как рыбу ленок, и зверей – сохатых, изюбрей, медведей. Добывали и сдавали мясо, делали лодки-долбленки, которые от силы года три дюжили при систематическом ремонте. Некоторые лодки дюжили года четыре-пять даже, смотря какая древесина попалась, и каков был уход за ней. Так как осина или тополь, из которых их выдалбливают, быстро гниет, расщепляется и ведет лодку в какую-нибудь сторону. При длительных рыбалках, когда лодка не успевает просохнуть и все время в сырости, хоть ежедневно после рыбалки все вытаскивают ее на берег и опрокидывают, за день лодка не просыхает. Поэтому озерные лодки быстрее выходят из строя, чем киренгские лодки, так как вода озерная летом теплая, а речная вода всегда холодная, чистая.

При разбивке плана на ондатру давали планы на женщин и подростков. Почти весь план добычи озерной рыбы разбивался только на женщин, но мужчинам зато давали планы на добычу белой рыбы. Некоторые женщины просили дать им планы на белую рыбу, а на озерную рыбу убавить. Ведь женщинам, которые «заражены» добывать белую рыбу и попутно добывать сохатых и которым давали карабины, невтерпеж было долго рыбачить на озере. Их тянула речная рыбалка, хотя она и трудна, но они в совершенстве владели лодкой по любому течению, хоть вверх на шестах толкаться, хоть вниз по течению плыть, где местами хуже бывает, чем вверх толкаться, так как быстрое течение. Если чуть промешкал в управлении, лодку опрокинет и под лом затянет и самому этого не избежать. А ломов-то масса и множество протоков. И надо знать, по каким протокам можно проплыть более безопасно. В некоторых протоках вода прямо струей бьет в лом, в прилуку (изгиб) или в утес.

Такова вершина Киренги, но рыбы много, хотя днем большинство прячется в ломах, а лома-то во многих местах сплошь до дна. В этих ломах выдра живет и лакомится рыбой, но есть много плесов, где плавают сетями, и глубокие омуты, что

местами даже дна не видно, хоть и хрустально чистая вода. Нюрутканские рыбаки рыбачить почти всегда поднимаются вверх по этой капризной реке.

Вверх на шестах рыбак толкается почти на пустой лодке, а вниз по течению плавают добытую рыбу и мясо, и как бы река капризна ни была, умело сплывут с груженными лодками до Уяна. В этом месте Киренга с северо-востока близко подходит к Нюруткану, затем сворачивает на юго-восток и, сделав дугу, подходит к стойбищу Чинонга, а затем протекает через Муриныю. Это довольно большое расстояние она извивается в пути змейкой.

Рыбачить на Киренгу всегда собираются в хорошем настроении. По-эвенкийски с Нюруткана до Уяна рукой подать. Считают всего пятнадцать километров и – Киренга, где ждут впереди различные события интересные. А на Уяне зимовье, чум, ледник и сарай над ледником, куда зимой на санях забрасывают пустые бочки и соль, а оттуда вывозят все заготовки в бочках: рыбу и мясо, заготовленные за лето.

Для меня очень интересной была рыбалка озерная. С вечера до утра по всему озеру женские голоса друг другу откликаются. Рыбка с сети сорвалась – визг, разговоры между собой на расстоянии, хохот. Пожалуй, никакая женщина молчком не рыбачила. Везде слышны работы боталами, а озеро все покрыто мелкими валиками, и только успокоится в полночь, когда все в одном месте сплываются на чай и кратковременный отдых. Там немножко подсушатся у костра, так как при такой рыбалке все становятся промокшими.

Рыбалка ночью срывается, если погода изменится, особенно при ветре валы поднимаются и рыбачить уже невозможно. Все плывут домой, а от пристани до стойбища надо идти через густой ельник. Поэтому на пристани всегда под большой елью приготовлены факела на такой случай, а факела из бересты, прижатые к палочкам. Бересту подожгут, и, подняв вверх, идут, освещая, по темной тропке (наподобие описания Миклухо-Маклая про папуасов).

Придя домой хоть ночью, хоть утром, каждая переодевается в сухую одежду и обувь, после чего порка рыбы и сдача на приемный пункт. А еще, как у всех женщин, домашняя работа, отдых, и опять они свежие и готовы к рыбалке, подремонтировав высушенные сети. Интересно, что при такой ботальной рыбалке бормаши, видимо, не успевают переточить сетевые нитки, но каждая рыбацка, собрав сеть, предварительно ополоснет ее и, выжав одной рукой, уложит в лодку и плывет дальше, а утром в лодке все-таки много оказывается этих червячков, вытасненных из воды сетями.

Рыбзавод должен принимать рыбу от рыбаков непоротую, называемую «сырец». И все цены на все породы рыб идут для рыбаков, а заодно для колхоза за «сырец». Вся принятая от рыбаков поротая рыба, и соленая в том числе, переводилась в сырец, сделав надбавку за отходы (кишки). На озерную рыбу до тридцати процентов надбавка, а на белую рыбу гораздо меньше. Свежемороженая рыба принималась безо всяких начислений, так как она с кишками замерзла. Рыбаки озерную рыбу должны были сдать непоротую, а засольщица-приемщица должна распороть ее и засолить. Но она и со своей помощницей Нелей не в состоянии оказывалась временами справиться с этой работой, а рыба – скоропортящийся продукт. Поэтому решили, во избежание порчи, сдавать поротую рыбу, а в некоторые пиковые, удачливые дни, когда справиться было трудновато, помогали рыбаки.

Самая лучшая рыбачка была Шерстова Евдокия, которая за лето сдала больше всех рыбы и за это была награждена медалью. В дни войны она еще одной медалью была награждена, а по окончании войны награждена еще третьей медалью. Кроме того, она была кассиром в колхозе и еще бригадиром, а когда уезжал председатель колхоза Монастырев Федор Константинович, она замещала председателя. Правда, ей по домашней работе помогала ее свекровка Анастасия, подоить корову, ухаживать за малолетним сынишкой. А муж ее давно был призван в Армию и служил на Востоке, охраняя восточные рубежи нашей Родины, и вернулся после Победы над японскими милитаристами.

Таких молодых красноармеек-эвенок было много, не жалея сил они трудились на какой бы то ни было работе: и на хозяйственных работах, и на заготовках разного вида. Все знали, что здесь, в тылу, все трудятся на трудовом фронте. Об этом приезжающие из Совета, района, области всегда говорили, что наш тыл – это такой же боевой трудовой фронт, который так же бьет фашистов, и что планы – это военное задание. Семьи красноармеек были окружены всеобщим вниманием, шефством комсомольцев, правлений колхозов.

Оставшиеся мужчины трудились вдвойне, втройне, чем до войны в мирное время. По Совету самую высокую награду – Орден Трудового Красного Знамени за свои труды получил эвенк Чертовских Илья Северьянович. Вот вам и пушкинский «дикий тунгус», воспитанный Советской властью и отстаивающий завоевания Октября. Были и те, кто стойко сражался на фронте с немецко-фашистскими захватчиками до звания Героя Советского Союза, и те, кто в тылу показал невиданный трудовой энтузиазм (героизм).

Шерстова Евдокия на доске показателей и по отлову ондатры по колхозу была передовой, отлавливая за сезон (не упуская рыбалку и сбор ягод) до четырехсот и более штук, а с наступлением осеннего промысла пушнины занималась отстрелом пушных зверьков. От нее не отставала и ее свекровка, которая, всегда с трубкой в зубах, выпуская клубы дыма, ежедневно отправлялась с ружьем на плече на охоту прямо из дома – тайга-то вплоть. К вечеру веселая возвращалась с хорошей добычей. Охотничьи участки около дома оставляли для престарелых людей, и они также ревностно вели охоту.

Все мужчины свои планы сдачи мяса выполняли по речке Шоне, уплывая от стойбища километров на 15-20-ть, и почти всегда возвращались с добычей. Речка Шона – это было, можно выразиться, природное пастбище сохатых. Как только подводная растительность начинает появляться – лакомая пища сохатых, изюбрей, они начинают подходить к Шоне, и в основном крупные быки. Так ежегодно, с незапамятных времен, а вырастают они, очевидно, где-нибудь в обширной тайге.

Охота по Шоне ночная, но и вечером, еще по свету, и утром на рассвете можно увидеть и застрелить сохатого. Но всё-таки в основном ночью они все в речке бродят, доставая подводную растительность. Здесь охотник не на весле спускается по течению – оно тут тихое, а ниже начинаются маленькие шиверки-перекатики, а на двух шестиках, сидя в лодке, как на лыжах с лыжными палочками. Так как веслом можно булькнуть, создавая шум при частых поворотах по этой очень извилистой речке. Или же можно веслом ночью задеть о невидимые ветки или же о берег. Берега здесь местами обрывистые, а кругом густой ельник и особенно в пасмурную ночь темным-темно и кое-как по этой узкой речке берега различимы. А в ясную ночь видны звезды с неба и прогалы, по которым идет речка через густые ельники.

Охотятся всегда в тихие безветренные ночи, а если хоть чуть слабое движение воздуха, не говоря уже о ветерке, уже охотиться нельзя – распугаешь своим запахом всех зверей копытных, а также и медведей. Так как при такой узкой извилистой речке охотник бесшумно подплывает совсем близко, местами метров на двадцать. Этими двумя шестиками (здесь называют *говонки*) хорошо управлять лодкой и никакого шума, только с шестиков капельки падают на воду, и чуть слышно как на дне камешки шестиками раздвигаешь (отдается рукам). Утки с испугом вылетают из под носа лодки, ондатры рядом нырнут, громко всплеснув воду, и невольно вздрогнешь, напряженно прислушиваясь к каждому шороху. А вот впереди слышно, как бродит сохатый, и еще беззвучно плывешь. Речка то удаляет своей кривизной, то приближает

и, наконец, видны валики и силуэт сохатого и слышно хорошо, как он траву жуёт, чамкая и опять опускает голову в воду и на дне собирает траву, выпуская из воды пузырьки с бульканьем. После вынимает из воды голову. С головы, с бархатных рогов, вода льется как из ведра и уже заметно, где голова.

Охотник выжидает, когда тот хорошо развернется боком, выбирает место лопатки, где расположены сердце, легкие и печень. Хотя печень расположена дальше, но если пуля пройдет по печени, зверь тоже не уйдет далеко. Охотник сразу опускает в воду свои шестики, так как еще запасные два шестика кроме весла и длинного ходового шеста в лодке находятся, берется за ружье и делает выстрел. После чего сохатый стоит немножко, сразу опутив уши и понутив голову (если светленько, видно) и падает в воду. Но чаще он, как обожженный, выскакивает на берег. Тут охотник успевает перезарядить выстреленный патрон и сделать второй выстрел по силуэту. А если тот на берег кое-как вылезет, то охотник выжидает, когда вылезет весь, после чего выстрелит, чтобы дальше мясо не утащил. Если уж вылез из воды – это хорошо для обработки туши, а когда упадет в воде, то много хлопот доставляет. Тушу надо плавить к пологому берегу, а вдвоем, втроем не вытащишь, и сколько смогут так и начинают обрабатывать бродком, что очень плохо.

Вот так охотятся по этой маленькой речке. Однажды председатель Монастырев за ночь и за утро добыл трех быков. Добудет одного, плывет дальше и опять до второго доплывает, а там и третий. Звери выстрела не боятся, видимо считают, что гром прогремел, хотя изюбри, дикие северные олени вздрагивают и пугаются. Самое главное ни в коем случае нельзя создавать какой-либо шум. Нельзя даже чуть стукнуть об лодку чем-нибудь, если вдвоем – никаких разговоров, только тихим шепотом и мимикой, и другие посторонние шорохи недопустимы.

Когда охотятся группой в пять и более лодок, то друг за другом уплывают через каждые сорок минут. В таких случаях каждый может увидеть зверя, и следующий уплывающий или даже последний.

Охотники говорили, что ночью в медведя ни в коем случае нельзя стрелять. А охотник различает – либо медведь, либо сохатый идет и выжидает, когда медведь пройдет. Если подплыл к медведю, который лакомится, обнаружив в воде кишки от добытого сохатого, которые всегда топят в воде, то также не стрелять, так как ночью с лодки в медведя трудно смертельно попасть. Медведь крепкий на ранение, сразу, заметив, налетит и конец тебе будет. Надо совершенно незаметно отпятиться от него и

уйти. Но если светло, тогда другое дело. Нужен первый хороший выстрел, а потом успеешь перезарядить, если накинется, и сделать еще один, два выстрела.

По этой Шоне много сохатых добывали почти до середины июля, а затем их все меньше и меньше приходило на кормежку. Говорили, что подводная трава начинает закисать. Планы сдачи мяса процентов на восемьдесят выполняли за счет Шоны. Все жители вдоволь обеспечивались мясом и, главное, шкуры очень ценились.

Из выделанных шкур обувь шили зимнюю и летнюю, а летняя обувь быстро изнашивалась в мокроте. Из Карама специально приезжали приобрести обувь и рукавицы. Да и знакомые, друзья, подружки заказывали. Тогда в деревнях, у кого скот какой был, он весь был на учете, и в обязательном порядке следовало сдать все шкуры государству. А опалить забитую свинью чуть не уголовное преступление было, так как Армию, рабочих военных заводов и других остальных людей обувать надо.

Западные, в то время главные животноводческие республики и области, были уничтожены гитлеровскими войсками. Поэтому каждый лоскут кожи дорого стоил для страны, а заменителей кожи: хрома, кирзы тогда еще не было. Много гужевого транспорта работало, куда уходило значительное количество кожи для изготовления различной сбруи, кавалерийских, милицейских седел и на другие цели. Но кое-кто в деревнях и селах как-то выкраивал кожу, а также из кожи, оставшейся с довоенных времен без большой огласки шил обувь.

С обувью в дни войны было очень трудно, а также с хозяйственными рукавицами, когда у тружеников сельского хозяйства почти вся работа была вручную. Поэтому охотниками-эвенками шкуры сохатого, изюбря, дикого оленя ценились. Если далеко добыто, лучше мясо бросят, а шкуры ни за что. Ведь самим надо теплую одежду, обувь и много заказов от русских надо исполнить.

Если кто добыл хорошего быка, то километра за два выстрелит в воздух, извещая население стойбища, что добыл хорошего быка и плавит хорошее мясо. В первую очередь на пристань бегут ребята, а за ними идут взрослые, уже зная, сколько должно быть мяса.

Если охотники уплыли на пяти и более лодках и сделали три выстрела, то добыли трех хороших быков и много мяса плавят. Тогда и людей идет больше, и с пристани все несут мясо, и ребята, кто по одной ноге, кто небольшие куски.

Мясо сразу заносят в сарай приемного пункта, а у кого мало мяса, поделят, а остальное сдают государству и тут же засолят в бочки и закатят в ледник. Так поступает мясо государству, выращенное тайгой. Сухожилия со спины, с ног,

снимают, сушат, расколотят (выделяют) и из них ссучивают разной толщины прочные нитки для шитья кожаной одежды и обуви.

Из шкур с головы сохатых шьют кожаные сумы для выючных перевозок, а из шкур с ног прочную обувь, и даже обдирают шкурки с ушей, из которых шьют теплые, легкие и прочные зимние шапки. Самым вкусным деликатесом считаются пропаренная голова, язык и губы. Ребята еле дождутся мозги с ног. Кости ног ломают, и мозг в сыром виде, посолив, едят с хлебом. Также в сыром виде едят почки, печень в летнее время, а зимою еще лучше, и мерзлое мясо-строганину, но лучшей считают строганину из оленьего и косульевого мяса.

Предпочитают зимой мороженую налибью икру и печень. Налибов зимой добывают в заездках – бережниках (с берега короткие загородки) и притом крупных налибов, в проливе между двумя озерами Нидышкой и Арбуном. Заездки городят часто (рядом) друг от друга и, удивительно, во все попадает одинаково много. Притом почти все крупные, также как на Шону приходят крупные быки-сохатые, выросшие где-то в отдаленной тайге.

Нюрутанские озера очень богаты были утками различных пород, держались гуси и лебеди на пролетах, но эвенки и русские лебедей, а также орлов никогда не стреляли и считали что они священные, божеские птицы.

Всем давались планы на заготовку утиного мяса, которое также засаливали в бочках. Примерно числа с 10-го августа, когда утята на взлете, а некоторые уже летают, начинался отстрел уток. При сдаче в квитанциях указывалось количество уток, вес, цена и сумма. Так как за одну отстреленную утку бесплатно давалось боеприпасов три заряда, несмотря на то, что в дни войны на боеприпасы был строгий учет.

При отстреле пушных зверьков также три заряда на одну беличью шкурку списывали у охотника от выданных боеприпасов перед охотой, а оставшиеся боеприпасы надо было вернуть обратно.

У женщин и так времени никуда не хватало, а тут надо вытерebить перо у уток, так как их запрещали опаливать при сдаче. Видимо, опаленные утки при засолке и хранении в бочках подвергались порче, их надо начисто выскрeбать, распластав через грудку, удалив сердце, легкие, печенку и выскрести спинную кровь, но не мыть в воде. Видимо, вымытые тушки также подвергались порче. Обрабатывать уток в августе хорошо помогали школьники до отъезда в школу, или же у кого есть в доме старухи. Мужчины не брались за это дело. Но на рыбалке, в отдалении, – и не окажись там

женщин, – мужчины для еды добывали по потребности уток и сами обрабатывали. А когда женщина есть в компании – это женское дело, а в домашних условиях и говорить нечего.

В сентябре, когда начинался отлов ондатры, на обработку шкурок которых уходит много времени, и рыбалка, и домашняя женская работа, а тут еще утки. Поэтому многие женщины не стреляли уток из-за нехватки времени. Другое дело, когда в капканы, установленные на ондатру, попадались утки, а это часто бывает и помногу. Тогда женщины ругались: «Эти утchonки в капканы лезут вместо ондатры, место занимая, и распугивая ондатру от ближних капканов. И так времени нет, а тут с утchonками возиться». Но ничего не поделаешь, надо обработать и сдать.

Свои планы по сдаче уток успевали выполнить до начала отлова ондатры в августе, когда ученики помогали. Особенно на зарядку патронов много времени уходит, и тут особенно мальчишки с большой охотой помогали заряжать и отстреливать, а девчонки обрабатывать уток.

Еще был экономический стимул – «премия»: пять метров ситца, сатина и других тонких хлопчатобумажных тканей при сдаче утиного мяса. Не считая количества патронов, которые бесплатно по три заряда за штуку выдавались. Планы были по 40 килограммов каждому, но многие свои планы в два и даже в три раза больше выполняли и получали премиальных десять, пятнадцать метров ткани.

В сентябре у мужчин самый разгар рыбалки на белую рыбу, когда группируются ленки, хариусы, таймени. Сиги и вальки, как байкальские омули, и по вкусу они не уступают омулям. Они также группируются, когда начинается икромет у этих замечательных рыб. Тут уж рыбаки успевают выловить как можно больше. Они знают, где у сигов и вальков места икромета, где скопления ленков, тайменей и хариусов.

Еще в сентябре начинается гон сохатых и изюбрей (спаривание самцов с матками). У них начинается большое передвижение и в ходе рыбалки их можно увидеть где угодно. А если увидел, по-эвенкийски, обязательно нужно будет добыть их. Поэтому карабины у рыбаков всегда наготове и в сентябре заготавливают значительное количество рыбы и мяса.

Месяц сентябрь – закрывающий месяц по выполнению и перевыполнению планов и каждый рыбак по доске показателей в конторе знает, кому и сколько осталось сдать рыбы. Кто уже перевыполнил свой план, помогает товарищу выполнить план, если он по каким-нибудь уважительным причинам за лето не смог выполнить план и еще в большом долгу остается.

У эвенков сентябрь месяц – очень беспокойный месяц, и ни у женщин, ни у мужчин дня и ночи никуда не хватает. Многие из них, имея большое терпение и увлечение хорошей рыбалкой, по Киренге рыбачат и по шуге в октябре месяце, когда уже настанет долгожданный сезон – полное опушение пушных зверьков с наступлением холодов.

На принятую рыбу два раза в месяц выписывали квитанции для подачи сводок рыбозаводу о принятии рыбы, по которым рыбозавод выдавал по колхозам продовольственные и промтоварные карточки, называемые «рулонами». Их получали кассиры колхозов. Их надо было разбить, смотря на то, кто и на какую сумму сдал рыбы. За принятую рыбу, на каждый рубль, рыбозавод выдавал эти «рулоны» по установленным расценкам по граммам на все продукты и копейки на промтовары. В итоге, за месяц – полмесяца по колхозам это выражалось тоннами муки, центнерами сахара, масла и др., а промтоваров на сотни тысяч рублей «рулонов».

Общее количество следовало распределить по рыбакам, по индивидуальной сдаче. На все выписаны квитанции, и по этим квитанциям надо пересчитать по граммам на каждый рубль и составить расчетную ведомость, по которой кассир выдает «рулоны» рыбакам. На составление таких расчетных ведомостей уходило очень много времени, помимо других бухгалтерских работ и приходилось систематически работать ночью, а заготовки поступали и поступали. Люди работали под девизом: «Всё для фронта, всё для Победы!».

Нюрутканский колхоз «Нулгиктовки» выполнял гораздо больший план по всем видам заготовок, чем Муриньский колхоз. Особенно план рыбодобычи выполнялся за счет озерной рыбы (сорога, щука, окунь, елец). Нюрутканские озера давали много ондатры в счет выполнения плана пушнины.

Особый план был на мясо. Всем охотникам в зимнее время давались планы на водоплавающую и на боровую дичь, включая кедровок. В дни войны в обязательном порядке нужно было отстреливать кедровок, наравне с рябчиками, косачами, глухарями. Кедровка – птица полезная, рассадник кедровых деревьев, в мирное время запрещалось отстреливать, и добывали ее вплоть до августа месяца, и даже в августе.

Да. Раньше дары тайги и голубой нивы пропадали бесполезно и эвенки жили в разбросе по тайге. Для Нюрутканского колхоза речка Шона, как скотный двор, т.е. служила таежным сохатиным двором. С начала создания в этих местах торгово-приемочной организации, именуемой Интегралсоюзом, много мяса и рыбы сдано с речки Шона и с этих озер.

Я здесь услышал про редкий случай, когда один охотник перед началом войны со своим напарником убил пять медведей взрослых во время гона, к середине июля, и что они видели стадо медведей в десять голов. Эвенки никогда не врут, и этот случай исключительный. Впоследствии я все же дождался его демобилизации из армии, с Восточного фронта, после Победы над Японией, где он от начала до конца прошел с боями. Этот охотник оказался сыном председателя колхоза Монастырева Федора, до войны был передовым охотником и рыбаком в этом колхозе, чему его научил его отец Федор.

Мне очень интересно было узнать о нем, а он, Монастырев Михаил, однажды рассказывал: «Мы вдвоем с напарником зверовали по Шоне и ночью отстреляли сохатого, который раненый ушел. Мы поднялись обратно вверх до ночуйки, где хорошо отдохнули и назавтра утром поплыли следить сохатого. Когда не так далеко отошли от берега, и перед нами открылось небольшое, безлесое пространство, поросшее невысоким кустарником, видим – с противоположной стороны выходят почти в ряд огромный самец и самка медведей, а за ними другие тянутся. Насчитали девять медведей, в том числе три маленьких медвежонка, а они прямо на нас идут. Мой напарник сразу предлагает мне: «Бежим скорее обратно, они съедят нас», – и уже забеспокоился. Я ему говорю: «Если бежать, то они могут нас заметить и побегут за нами вдогонку, и мы ничего не сможем сделать. Давай лучше подпустим на расстояние хорошего выстрела и начнем стрелять. Патронов хватит, а берданы у нас хорошие. Сначала убьем этого огромного самца с самкой, а потом в остальных начнем стрелять, к себе уже не подпустим». Напарник мой согласился, и мы устроили засаду. Огромный самец остановился, как рывкнет на остальных, и вроде кинулся к ним. Остальные врассыпную отбегают с рыканьем, а медвежата вроде с шипением. Когда огромный самец с самкой двинулся вперед, остальные опять потянулись за ними. А они прямо на нас идут, не изменяя свое направление. Такая картина была, конечно, не из хороших. Напарнику говорю, что я в этого огромного самца начну стрелять, а он – в матку и уже начали метиться, но договорились по команде «стреляй!» сделать первые выстрелы одновременно. Уже они подходят на хороший выстрел, и я скомандовал: «Стреляй!» Выстрелы у нас получились почти одновременно. Огромный самец сразу встал на дыбы, с ревом опрокинулся на бок и начал биться. И матка сразу на бок упала и тоже начала биться. Сразу напарнику говорю: – «Ты стреляй в остальных, которые левее находятся, а я – в правых», и вот мы начали стрелять из своих пятизарядных бердан. Мы убили пять медведей, а один убежал подраненный, и медвежата куда-то

разбежались. Это было в начале тридцатых годов в середине июля – в самый разгар медвежьего гона.

У Михаила спрашиваю: «А куда столько мяса дели, видимо, все бросили»? Отвечает: «Зачем же бросать? Мы ободрали и разделали все пять медведей, мясо хорошо заложили в мох. Еще своего сохатого тут недалеко нашли, его тоже обработали и с полными лодками мяса прибыли к стойбищу, где мужикам сказали, и они сразу же поплыли за мясом. На еду оставили, а все остальное сдали в райпо. Приемщик сразу все засолил в бочки и закатил в ледник, а мы сразу получили расчет. Старые охотники удивлялись, что такого скопления медведей они никогда не видели и ни от кого не слышали. Выходит, что у нас с напарником оказался редкий случай увидеть сразу столько медведей». Да. Видимо, действительно, оказался редкий случай, а Монастырев сделал расчет умелый и точный.

В этом колхозе также славился хорошим охотником и рыбаком и всегда был передовиком в соцсоревновании Сафонов Евдей Николаевич. Он в этом колхозе больше всех добывал пушнины, копытных зверей, белую и озерную рыбу также добывал в значительных количествах. Словом, он был профессором своего дела.

Он, добыв сохатого по Шоне, мясо которого следовало ему доставить и сдать на приемный пункт, отстал от остальных мужиков, которые уже рыбачили и зверовали по Киренге. Справившись с этими делами, он собрался назавтра идти на Уян, догонять мужиков, которые поднялись вверх по Киренге. Провожать его на оленях должна была его жена Ирина, которую здесь все называли Евдеихой.

Они жили вдвоем, а сын служил в армии. Евдею было около шестьдесят лет. Был он ниже среднего роста, сухощавый, но походка у него еще очень легкая и быстрая, малоразговорчивый, но всегда в настроении приподнятом, а когда разговорится, оказывался хорошим собеседником.

Он меня позвал к себе и говорит: «Я добыл вчера сохатого по Шоне, а сегодня пришлось за остатком мяса сплавать. У кого кончилось мясо – поделил, а остальное сдал. Вот, покушай сырые мозги от костей ног, сырые печенки и почки, а Ирина в юрте готовит обед, скоро придет». И вот заходит Ирина с шипящей сковородой, на которой изжарены сороги, у которых обе стороны спинки часто изрезаны до позвоночника. Я сначала думал, что так нарезают для красоты блюда, но этим самым перерезают тонкие волокна косточек, имеющих по обе стороны спинки у сорог и карасей, и при еде не ощущаются эти косточки.

Второй раз приносит опять же шипящую сковороду, на которой изжарены в виде лепешки куски мяса и мясные шашлыки и говорит: – Еще изжарила шашлыки и чукин. Попробуйте наш чукин (недожаренное мясо).

Эвенки для шашлыков вырезают мясо с обеих сторон позвоночника выше ребер и с обеих сторон тазовой части, где у сохатого самое нежное и вкусное мясо. Шашлыки жарят так, что капает сукровица, и едят в полусыром, сочном виде, а все виды рыб хорошо прожаривают и также варят. Чукин – любимое блюдо. Нарезают куски мяса в виде лепешек толщиной 2-3 сантиметра, обваливают в муке и жарят на масле или же на жиру, но опять же снимают недожаренные, сочные.

Ирина еще притаскивает нам по стакану оленьего молока и говорит: «Сначала выпейте по стакану оленьего молока. Мы корову не держим, и огорода-то у нас нет. Мы с Евдеем часто с оленями уходим надолго, а кто же будет ухаживать за коровой и огородом. Например: осенью на охоту уезжаем с Евдеем месяца на три, с оленями кочуем. Сколько надо, у соседей возьмем картошки и овощей, а с Карама русские зимой всего навезут гостинцев. Отсюда до Карама всего 35 километров. У нас своих оленей пятнадцать голов: четыре матки с телятами и семь рабочих быков выложенных, да четыре собаки. В прошлом году в колхозе брали десять рабочих оленей и проохотились два месяца с лишним. Нынче думаем подольше охотиться и в колхозе оленей тринадцать еще возьмем. На них нагрузим продукты для себя и собак и все вещи. Ой, однако, сгорели мои колобошки», – и побежала в юрту.

С юрты на тарелке притаскивает штук шесть хлебных шариков, величиною с крупное яблоко и предлагает: – «Вот, попробуйте наше колобо. Мы с Евдеем часто на охоте выпекаем колобо, но также и хлеб. На охоте доим все время маток и всегда оленьё молоко у нас, а мяса не станет – забиваем оленя. Когда охотишься за пушниной – некогда бывает зверовать. Ведь надо спускаться с хребта в долину. В кедровнике редко приходится добывать сохатого или оленя, там нет зверя кроме медведей, а медвежье мясо мы мало едим. Собакам варим – корм хороший. Евдей сало медвежье немного ест, и я почти не ем».

Колобо – хорошая штука. Эвенки на оленьем молоке замешивают муку до густоты и на старом кострище, где пепла много, пекут. Сначала хорошо прогревают костром пепел, затем разгребают горячий пепел и туда закладывают закатанное в шарики тесто, обратно загребают горячий пепел с углями и костер продолжает гореть. Зная определенное время, разгребают горячий пепел и вынимают эти колобочки,

потрясут на дощечке и оставшийся пепел отстает от них, и они румяные, душистые, чистенькие, очень вкусные становятся.

Пока обедали, зашли две соседки с ребяташками. Так что угощение стало не одному мне. Ирина понемножку налила ребятам оленьего молока, нарезала на кусочки колобо и раздала, наговаривая: «Я мало напекла колобошек, а за молоком вчера сбегала к оленеводам и надоила там маток, принесла около трех литров молока. Сегодня вечером опять надо сбегать за молоком. Мы с Евдеем привыкли к оленьему молоку, а коровье молоко кажется хуже оленьего».

Ребята с аппетитом поели, особенно любители колобо и сырых мозгов, но и наравне едят сырые печенки и почки, чукин, словом, все приготовленное на столе зачистили. А Ирина, поглаживая маленьких по головкам, наговаривала: «Ешьте, ребята, ешьте, быстро вырастете и будете сильными, хорошими охотниками» – и на вилке подавала, чего запросят, и чаще по эвенкийски им что-то говорила, а они ей по-своему отвечали.

Многие дети плохо разговаривали по-русски, большинство на родном языке. Поэтому в школе, в Тутуре, был организован дополнительный класс, где первачки обучались один учебный год русскому языку, счету, азбуке, всему ученичеству и жизни в интернате, а на второй учебный год садились за парты, как первоклассники. Закончившие в Тутуре неполную среднюю школу (7 классов) направлялись в Енисейск, и в Ленинград в Институт Народов Севера им. Герцена. Откуда выходили уже учителями по различным дисциплинам, кто какой факультет закончил, и возвращались специалистами в родные места или к другим народам Севера.

С начала образования национальных Советов, районов и округов в двадцатых и в начале тридцатых годов все двадцать шесть наций Сибири, Дальнего Востока и Европейского Севера начали учиться, начиная с подготовительного класса и кончая институтами, за счет государства. Все расходы на учебу, питание, одежду и на содержание в интернатах, государство взяло на себя, несмотря на экономическую слабость в то время, чтобы спасти все малые нации и дать им образование. Многие нации были на грани полного исчезновения. Всем малым нациям были даны различные льготы в экономическом, социальном, культурном развитии.

Евдей оказался совершенно маловытнм. Немножко «поклевав» то и другое блюдо, уже наелся. После обеда, покурив трубку табака, сказал: «Сейчас уже появляются грибы, а олени любят их и уходят далеко. Часто приходится их искать. От

грибов олени быстро поправляются, но оленеводам трудновато приходится. Я сейчас ненадолго схожу на Киренгу, а женщины пока с оленями остаются».

Евдей, как бригадир оленеводческой бригады, хорошо знал все повадки оленей и где должны находиться невернувшиеся олени. Он по своему выбору кастрировал быков и знал, каких оставить производителями, какие олени подлежат выбраковке, руководил во время отела маток весною и многие другие правила оленеводства. Этому нелегкому труду оленеводства он охотно учил молодых. Насчет появления грибов, не только Евдей, но и другие возмущались, что теперь олени будут убегать далеко. Ни у кого я не видел соленых грибов или пожаренных маслят. Эвенки грибы продуктом не считают, да и вообще не готовят продукты впрок, кроме сушеного мяса (хуликта) и рыбы озерной. Еще перетапливают сохатиный и олений жир и замораживают в небольшие, с килограмм или полтора кружочки для жарки рыбы и мяса. Охотно собирают и едят со сметаной черемшу, но никто не солит ее на зиму. Оставляют на зиму немного подсоленных, с душиком сигов, вальков, хариусов.

Евдей продолжает:

– Завтра придется увезти на Уян соли и бочки штуки четыре-пять. Зимой, когда туда завозили бочки и соль, мы просчитались. Думали, что их хватит до начала белковки, но мы уже сейчас во все бочки засолили рыбу и мясо. Уже почти полный ледник, но скоро прохладные дни и ночи начнутся, и уже можно будет соленые заготовки в бочках оставлять в сарае над ледником.

Пустые бочки в летнее время перевозят на оленях, сначала все боковые клепки и днища пронумеруют, затем разбирают и затаривают в кули, которые выучат на оленей, а по прибытии на место складывают по номерам, родными обручами забивают и бочки готовы к засолке.

Ирина начала собирать сметану с берестяных крынок, сшитых в виде загнутых из листового железа жаровней, наговаривая: «У меня Евдей любит сметану из оленьего молока, и я всегда ему на дорогу направляю ее в этих берестяных чумашках. В другой посуде сметана нам кажется хуже, а в берестяной вкуснее» – и, собирая сметану деревянной ложкой, сливает в берестяной туес.

Туески делают различной емкости, смотря, какая березовая чурка будет. Ее разогревают у костра и выколачивают древесину, отделяя круглую бересту, и к ней пришивают лицевой стороной вовнутрь вторую бересту. Днище нижнее заделывают намертво, а верхнее днище с ручкой закрывается и открывается. Причем эти деревянные днища делают из древесины, которые никакого смолистого запаха не

издают. А еще вокруг верхнего и нижнего днищ с наружной стороны пришивают по синему, красному или зеленому материалу. На бересте вырезают различные узоры, сквозь которые виднеются цвета материалов, и туес получается красивым. Эвенки утверждают, что в берестяных туесках продукты в летнее время сохраняются дольше, чем в другой посуде.

Ирина продолжает: «Завтра Евдея увезу на Уян с бочками, со всеми вещами и продуктами на оленях, а потом мы, все бабы, соберемся на оленях в ягодник. Здесь первый ягодник недалеко, километрах в десяти всего будет. Говорят, что там нынче много смородины. Я возьму оленей 8-10 рабочих. Может, загружу их, а посуда у меня вся готова».

Евдей нож и топор еще раз подправил, хотя они совершенно острые, и ружье – карабин охотничий, видимо, второй раз подчистил, так как эвенки обязательно после выстрела чистят ружья. И даже если ни разу не выстрелят за день, все равно вечером почистят и ножи, топоры подправят на бруске. Это, видимо, вошло в привычку у всех.

Евдей говорит: «В этом году бочек не хватит. Наш бондарь Худэй уже беспокоится и придется ему помогать. В этом году прибудет много лошадей, чтобы увезти наши заготовки, а сена для прокорма этих и наших лошадей должно хватить».

Здесь, в Ньюрукане, Худэй работает уже давно. Он штатный бондарь по поделке бочек, работает круглогодично, и за год более 300 бочек выпускает, но их часто не хватает, и на помощь ему направляют людей».

Говорю: «План заготовки сена выполнится. Наши колхозники на Судже дополняют. Там хорошее сено заготавливают. Скоро закончат работу с сеном и приедут. Они торопились на сбор ягод, а кто на рыбалку и зверовать».

Евдей продолжает: «Мы нынче со старухой пойдем охотиться на дальние участки к вершине Киренги до Чемборчана и дальше. Выйдем в конце января, пожалуй». Спрашиваю: «Вы, видимо, вдвоем по одной дороге охотитесь?»

Улыбнувшись, отвечает: «Разве так можно? Она охотится не так далеко от своего стойбища, а я охватываю подальше, а временами ухожу на ночь, чтобы охватить дальние места. К вечеру придешь – теплая юрта, еда готова для меня и собак, и она сколько-нибудь пушнины добудет. Опромышляешь этот участок, кочуешь с оленями дальше на свежее место. Вот так охотимся».

Ирина, справившись со сметаной, села на пол на коврик, сшитый из шкур оленьих голов, кругом окаймленный пестрениями из черно-белого меха и с пришитыми вокруг кисточками из мягко выделанной кожи, и достала с угла

недошитую оленью дошку. Говорит: «Мы уже готовимся к охоте. Вот уже вторую дошку дошиваю ему и себе. Одежда и обувь – все готово. Сейчас такая работа пойдет, что некогда будет заниматься шитьем. Скоро начнем ягоды собирать, потом надо порыбачить и ондатру добыть, уток пострелять, и уже подойдет время отправки на охоту за пушниной. Поэтому сейчас надо все подготовить. Так все эвенки готовятся».

Евдей, сидя на сундуке, который был накрыт таким же ковром, но пестренья гораздо больше и сшиты из черно-белого меха ромбики, квадратики, прямоугольники, черные и белые линии, так же с пришитыми кругом кистями из кожи, этот ковер довольно забавный, в него вложено много труда и умения, говорит: «Я сделал себе вторые лыжи на запас. Эти лыжи уже подносились – и показывает одну пару лыж, – а у нее лыжи новые, выдюжат сезон. – Он немножко помолчал, и, усмехнувшись, продолжает: – Я в молодости износил одну пару лыж из шкур выдры. Лет семь, однако, проносил, но на этих лыжах ходил только в морозные дни. Они были легкими, каткими и бесшумными, когда идешь, поэтому чаще можно было выследить зверя. Ох, и хорошие лыжи были! Недаром мой отец хвалил такие лыжи. Он тоже одну пару износил в молодости, и я решил походить на выдряжьих лыжах».

Спрашиваю: «Сколько выдряжьих шкур ушло на пару лыж и слишком ли дороги такие лыжи»? – «Почти четыре выдряжьих шкуры ушло, немножко осталось, и этот остаток весь ушел во время ремонта потом. Конечно, дорогие, но хоть раз в жизни надо поносить такие лыжи, они очень легкие, каткие». Спрашиваю: «Самое многое, сколько сохатых приходилось добыть в день или за ночь, а также оленей? Общий счет, конечно, не вели»? – «Да. Сколько сохатых и оленей добыл, конечно, трудно вести счет, – и немного подумав, продолжил – однажды зимой выследил сохатых, они паслись на гари, где начал расти молодой осинник и березняк. Их оказалось восемь голов. Я подкрался к середине их и семь сохатых свалил, а восьмой убежал. Вот хватило мне тогда обдирать и разделывать. Оленей однажды двенадцать штук настрелял, а их было четырнадцать штук. Они копытили на «глади» (открытое место), доставая белый мох, а некоторые лежали. Это было не так давно, вот этим карабином добыл, а сохатых стрелял из пятизарядной берданы. Когда хорошо добудешь, вывозишь на лошадях большими кусками, а оленей – тушами. Когда мало добудешь, берешь оленей, а чтобы навьючить на них, надо разделать мясо на маленькие кусочки и заморозить в снегу, закрыв хорошо».

Говорю: «Можно все время на лошадях вывозить».

«Нет. Некоторый раз, да большинство, добудешь в таком месте, что на лошадях с санями попасть трудно и долго надо прочищать для проезда, а на оленях куда угодно попадешь. Лишь бы ты прошел, кое-где срубая мешающие деревинки, а за тобою все твои олени, связанные за седла друг за другом, пройдут. Сейчас, как колхозы стали, сколько надо лошадей или оленей берешь. Эти колхозы – хорошо придумали. Раньше каждый был связан своими оленями, а теперь все олени пасутся вместе и люди стали свободными, больше рыбачат, зверуют и другие работы проводят. А с оленями отдельные люди работают и им платят, захотят порыбачить, позверовать, – их другие заменяют. Вот скоро все оленеводки пойдут ягоды собирать, а на месте их пока поработают старики, старухи и мужики, а что надо помочь, сразу идем помогать. Так же с лошадьми. Сейчас все лошади колхозные и кому куда надо, берешь лошадей. Наши лошади почти все пасутся на *буруе* почти до середины зимы».

– «А что такое *буруй*»? – «Ты не замечал в ельниках, кедровниках такие вечнозеленые, тонкие и жесткие травы? Их любят лошади. На *буруе* лошади хорошо поправляются, как на зеленке, овсе. Так мы каждый год лошадей держим на *буруе*, и раньше держали, а когда надо – поймашь смирных лошадей, но несмирные лошади просто дичать начинают. У всех лошадей привязаны звонкие ботала и колокольчики. Часто они все приходят на стойбище кусок хлеба с солью покушать, как олени за солью прибегают».

С Евдеем долго поговорили, он что-то разговорился, а говорил тихо и спокойно. Большинство эвенков говорят тихо. Видимо, уже в привычку вошло, так как на охоте, особенно когда зверуют, разговаривают тихо и пользуются мимикой, чтобы не спугнуть какого-нибудь зверя своим громким разговором и все движения должны быть бесшумными. Этим свойством, видимо, обладал и дед Ачинка, который дома, однако и с сенокосщиками говорил громко и громко хохотал.

Пока я у Евдея находился, трое женщин пришли за мясом. У эвенков заведено: всем делить мясо или рыбу у кого нет, а также деньги, если надо, дадут. Такое отношение друг к другу сохранилось с глубокой древности. Эвенки этого колхоза особенно очень дружные и трудятся усердно, глядя друг на друга, чтобы не оказаться в хвосте у остальных. Поэтому этот колхоз всегда перевыполняет планы заготовок. Евдей начал собираться выйти, и сказал: «Надо бочки у бондаря разобрать, которые завтра повезу на Уян. Монастырев Федор и еще двое ушли пешком на Уян налегке. Я еще им повезу продукты. Послезавтра их догоню».

Председатель колхоза Монастырев Федор Константинович совершенно неграмотный. Ему около 60 лет, веселый и большой шутник, любитель с женщинами подыгрывать. Когда его старуха умерла по болезни, он женился на двадцатилетней женщине, и она от него родила первого ребенка – дочку. Он был хорошим охотником и рыбаком, и всегда вместе со всеми колхозниками наравне охотился и рыбачил. Он в документах расписывался тремя начальными буквами своих инициалов – МФК и линии этих букв получались не прямые, а зигзагообразные, причем одна роспись трех букв не походила на вторую, но все документы, особенно чеки и другие банковские документы проходили нормально. Сначала управляющий и главный бухгалтер госбанка улыбались, но что поделаешь с неграмотным человеком, с «печальным остатком царизма». Во-вторых, в такое тяжелое военное время о грамоте слишком и не спрашивали, лишь бы трудились для разгрома коварного врага, а насчет труда – Монастырев был знатоком своего охотпромыслового дела и был очень коллективным человеком. Ему требовалась помощь в обработке цифровых данных, а колхозники его уважали и слушались его указаний. Ведь они же его выбрали своим вожаком, и он пользовался большим авторитетом.

Вечером с Мурины приехала колхозница Надя и привезла почту. Как обычно, все население сбежалось. Ведь каждому хочется узнать новости и получить письма с Армии, с фронта. Получили газеты, а их всего было два экземпляра – областная газета и районная. Плохих известий не было. Каждому хотелось узнать о продвижении наших войск. По сообщениям «Совинформбюро» все узнали, что наши войска на протяжении всего фронта гонят гитлеровские войска на Запад, освобождая временно оставленные города, территории, что фашисты отступают с большими потерями в живой силе и технике. Такие сообщения всегда ободряли всех и люди трудились с приподнятым настроением.

Я получил от Рыбакколхозсоюза несколько указаний по работе, а также извещение о явке на областное совещание рыбаков с одним председателем колхоза из этих двух колхозов. Выбор сразу пал на Монастырева Федора. Председатель Муриньского колхоза – женщина-красноармейка Монастырева Дарья Николаевна, муж которой погиб на фронте, имела пятеро детей, корову, огород. Конечно, она откажется от такой длительной поездки, хотя она мало-мальски читала и расписывалась.

Сразу говорю Сафонову Евдею: «Вы завтра до Уяна доберетесь и, сколько сможете до вечера, подниметесь по Киренге, а послезавтра, как вы говорили, догоните

мужиков, и скажите Монастыреву Федору, чтобы он вернулся обратно, так как нам с ним есть извещение явиться в Иркутск на областное совещание. Пусть быстрее прибудет». Сафонов Евдей согласился, что сразу скажет, и подсчитал, что послезавтра Монастырев будет к обеду здесь, а они втроем продолжают рыбалку и охоту за копытными зверями.

Мне предстояло многое сделать в этих двух колхозах по своей работе до отъезда и, не считаясь со временем, я начал трудиться. Надо все подытожить, и что предстоит на месяц вперед всем сработать для выполнения планов, и каждому в частности. Все эти показатели и планы на месяц надо вывесить в конторах этих колхозов, чтобы каждый знал, что предстоит делать, хотя многие уже выполнили годовые задания по рыбе и мясу. Мне, как секретарю объединенной комсомольской организации этих двух колхозов, надо провести комсомольские собрания и наметить задания на месяц.

Назавтра после обеда ко мне в контору забежали ребята и наперебой сообщили, что тетя Катя добыла большого медведя по Шоне и приплавилла мясо. Сейчас уже с пристани таскают мясо.

Колхознице Корнеевой Кате было лет 35, и она с мужчинами всегда ходила на охоту за пушниной, добывала сохатых и оленей. Она выполняла план сдачи мяса, не считая пушнины, рыбы, ягод и орех. У нее было трое детей, а муж служил в Армии. С ней еще жила престарелая старуха. Она приходилась прабабушкой мужа. Ей было уже 114 лет. Мне довелось увидеть и разговаривать с такой престарелой женщиной, которая родилась при жизни А.С. Пушкина! У нее слух был нормальный, но движения и шаги уже плохие стали. Память еще хорошая была. Она рассказывала о старине.

Говорили, что она в молодости в своих оленях со счету сбивалась, а значит, имея столько оленей, они с мужем были хорошие труженики. Этот физический труд ее закалил. Удивительно то, что у нее зрение было еще хорошее. Говорили, что года два тому назад, а это в 112 лет, она еще нитку продергивала через ушко иголки и ремонтировала свою одежду безо всяких очков.

Я вообще у эвенков ни у кого не видел очков, и глухих стариков тоже не встречал, кроме старичка Чертовских Петра, который съедал кабаргу, глухаря, крохалю с селезнем кряквы. Но он говорил, что однажды в молодости сильно остудил голову и оглох. На охоте он водил на поводу вторую собаку, которая, услышав лай первой собаки, тянулась на лай. Он ее отвязывал, а она напрямик убегала к лающей первой собаке. По ее следу он приходил и, застрелив зверька, опять привязывал эту собаку и шел дальше. Таким путем он не хуже остальных добывал пушнину.

Зверовать всегда с собой брал зверовую собаку. Вот увидит какого-нибудь зверя или где-то собака почует по запаху, он в свою очередь, становится предельно осторожным, чтобы не сделать малейшего шума для того, чтобы не спугнуть зверя. А собаку приучал со щенка так, чтобы она нисколько не билась, не вставала, не лаяла, чтобы тоже не издавала никакого шума и шороха. Таким образом, он добывал сохатых, медведей наравне с остальными охотниками.

Чтобы зимой следить сохатых и оленей, требовались ловкость, кошачья походка, хорошее зрение и знание повадок зверей, меткая стрельба, которые у него не отнимешь. Также я не видел слепых стариков, кроме одной старухи, у которой, видимо, была катаракта глаз и при оперативном лечении она стала бы зрячей. Поэтому старики до глубокой старости охотились, различая все шорохи в тайге и замечая притаившуюся в густых ветках кедра белку.

Старик Чертовских Петр очень много рассказывал о прошлом, об услышанном от стариков в молодости. Он говорил: «Я же родился при кочевье во время охоты зимой. В старину тунгусы почти круглый год кочевали. Было хорошо – всегда на новых местах. Когда я начал охотиться, мне показывали, где я родился. Это место я и сейчас найду».

Спрашиваю: «Как же с новорожденными в зимнюю стужу в юртах обращались?». «Очень просто. Женщина родит ребенка на кочевье и, если с мужем, то муж с бабушкой стоит и принимает ребенка и что надо, она ему говорит. Сразу он сделает зыбку тунгусскую. Они поживут, пока она выздоровеет и дальше кочуют, тепло завернув ребенка в оленью шкуру, навьючив с одного бока оленя. А в юрте, хоть какой холод на улице, у костра всегда тепло. Муж в это время все женские работы делает: готовит еду для семьи и собак, дрова готовит, с оленями возится и все другое. Любой мужик-охотник должен уметь делать все женские работы. Ведь мужики часто одни уходят на охоту надолго. Он должен уметь испечь хлеб, колобо, подоить оленей, готовить всякую пищу и многое другое».

Чертовских Петр был очень разговорчивым. Много говорил о своем детстве, молодости. Он говорил: «Я, маленький, сильно боялся появления русских, которые очень редко приезжали во время наших стоянок зимою, и я сразу убегал в лес. Сильно боялся попов, которых два раза всего видел. Меня крестили, когда мне было 12 лет. А потом, когда в первый раз к русским приехал с отцом, когда мне было около 15 лет, я сильно напугался свиньи».

Сколько раз видел медведей и уже помогал обдирать их, а свинья показалась хуже медведя. Меня раньше звали Натопыри, а после крещения стали звать Петром. Все русские жили по Киренге, а старики, когда я маленький был, рассказывали, что давно, до появления русских, по Киренге везде были тунгусские стойбища, но в один год почти все вымерли. Какая-то страшная болезнь по тунгусам прошла. Все стойбища остались опустевшими, остались одни собаки и олени».

В семьдесят шесть лет у него во время охоты лопнул аппендикс, но он набрал силы и пришел вечером к зимовью, а назавтра верхом на коне приехал домой, проехав тридцать километров. Только на четвертые сутки к вечеру ему сделали операцию, зачищали брюшную полость, но, видимо, общее заражение началось и на шестые или седьмые сутки он умер. Если бы не аппендицит, то еще долго бы трудился и жил, а какая огромная выдержка у него была.

Дождавшись прихода домой Кати, я пошел к ней поинтересоваться, как добыла медведя. Она объяснила: «Я поплыла по Шоне добыть сохатого. Вот бесшумно плыву и плыву. Ночь проходит и начало светать, но еще плыву и за каждым поворотом ожидаю увидеть сохатого и вдруг на берегу встал на дыбы медведь, немножко рывкнул, и смотрит на меня. А мне что делать – схватываю карабин и выстрелила в него, он сразу опрокинулся назад и слышно, побился немного и перестал. Я еще немного посидела в лодке и тихонько вылезла на берег с карабином. Смотрю – лежит, не шевелится. Ободрала его, разделала, сложила в лодку и кое-как приплавилла мясо. Оставить мяса сколько-нибудь не захотела, поэтому пришлось еще раз сплавать за остатком мяса.

Вот она, женщина, одним метким выстрелом по убойному месту свалила такого крепкого зверя. Катя продолжала: «У него мясо хорошее – я проверила, чем он питался. У него в желудке были одни ягоды». Указав на старшую дочь, которой лет двенадцать, продолжила, – Вот, дочка уже готовит из медвежьего мяса ужин. Мои дети любят медвежатину, и я ем, а ты подожди и попробуй свеженину мою. Скоро мои дети поедут учиться в школу, и последний сын Петька поедет учиться в Тутуру. Он у меня дрова наколет, натаскает и уже начал стрелять уток, а дочка уже в прошлом году уточила. У них 32-го калибра ружье и патроны сами заряжают – научила их. Дочка кожи выделывать и шить помогает, дома все выстирает, приберет – хорошая помощница стала. В школу поедут, мне скучно станет. Я хотела сейчас на Уян, половить с мужиками белую рыбу, но надо пожить с ребятами до их отъезда, а потом пойду до самой охоты. Как раз начнется гон сохатых и изюбрей, и белой рыбы добуду.

Сейчас мы собираемся на ягодник, все четверо поедем. Дома останется наша бабушка. Ей подготовили дров и воды, но и соседи будут ее посещать. Мы с дочерьми должны подходяще насобирать ягоды, а Петька будет с оленями на стоянке оставаться и дров подготовит. К охоте я подготовилась, только лыжи надо немного подремонтировать. Завтра их отнесу дедушке Степану».

Дедушке Степану Шерстову около 90 лет, но он еще на охоту ездит на оленях поблизости. Они живут вдвоем со старухой, бездетные. Он еще бодрый и всегда веселый, однако, улыбка с его лица никогда не сходит, а старуха Анна тоже веселая, но уже на охоту перестала ездить. По-русски оба разговаривают с акцентом.

Старуха Анна большая любительница играть в карты в простого дурачка и всегда в кармане носит игральные карты. И хоть когда ей не предложи поиграть в карты, она все в сторону отложит и начнет играть. Если дома что-нибудь шьет или убирается, то все отложит и начнет играть, такая радостная. Часто приходилось ее видеть, играющую в карты с малышами около пня. Ребята увидят ее, идущую за водой или с водой, бегут и предложат поиграть в карты, а она сразу соглашается и ведра ставит в сторону и начинает играть с ними. Уж она знает все правила игры и начинает спорить с ними, если кто нарушил эти правила, особенно с теми, которые только начинают играть и путаются в игре. А кто из них останется дураком или дурочкой, поднимается такой хохот, эхо которого раздается по тайге, и особенно веселая бывает бабка Анна, которая громко хохочет, указывая пальцем на неудачника.

Когда ее долго нет с водой и если срочно нужна вода, то дед Степан идет за ней, зная, что она задержалась, играя в карты. Остановившись около играющих, которые окружают пенек и играют стоя, дед Степан подождет, кто дураком останется и также вместе посмеется и, если в ведрах есть вода, унесет домой или же за водой сходит, а она продолжает играть. И не дай бог, если она останется дурочкой, а ребята разбегутся, что они часто делали. Бабка Анна начинает вдогонку умоляюще упрашивать, чтобы еще раз хоть сыграть, а ребята убегают, да еще кто-нибудь из них будет кричать, что бабка Анна осталась дурочкой. Но она свое возьмет. Где-нибудь игроков подкараулит и предложит поиграть, а ребята тоже сразу соглашаются, но тут она осторожно играет и обязательно кто-то останется дураком или дурочкой. Она сразу собирает карты в карман и уходит от них такая довольная, и сколько смеху и хохоту у неё получается. Вот так веселая пара прожила долгую жизнь.

Пока с Катей разговаривали, ее дочка Шура уже отварила медвежатину и поджарила рыбные пашлыки, поставила тарелку голубицы, обсыпанную сахарным песком, принесла чайник чаю и все сели за стол.

Я у большинства эвенков заметил, что бульон отваренного медвежьего мяса и сала не хлеблют, а выливают собакам. За столом говорю Кате: «А лапы-то не бросила, пожалуй»? «Бросила». «А зачем же? Дед Ачинка мне говорил, если медвежьи лапы хорошо пропарить, они очень вкусные. Я бы хотел попробовать». Она, усмехнувшись, продолжает: «Этот медведь не такой жирный был, как берложный или перед лежкой в берлогу, а мясо-то хорошее уже стало, с жирком. Видишь, на ребрах – слой сальца. Он только начал набирать жир после гона, а гон у них в Петровку (в середине июля). Лапы сейчас худые еще, а у берложного медведя – другое дело».

Покушав медвежатину, поблагодарив и пожелав дальнейшей удачи, я пошел на квартиру, а Катя мне говорит: «Если понравилось тебе медвежье мясо, возьми сколько надо. Я завтра сдавать буду. Кому нужно – возьмут, а остальное я сдам». Я отказался взять мясо, зачем мне, холостому в то время. Многие эвенки медвежье мясо не едят почему-то, хоть и добывают.

На третий день к обеду пришел с Уяна Монастырев Федор, захватив килограмм двадцать подсоленных сига, вальков, и сразу же с улыбкой говорит: «Я никогда не был в городе, как ехать туда?». «Ну и что. Посмотришь город, а ехать-то что: мы с Качуга за день уедем до Иркутска, проехав 250 километров на машине. А тут мы до Качуга 250 километров едем целых 6-7 дней». «Я и на машине-то никогда не ездил». «Вот и на машине проедешься. Словом, увидишь то, чего за свои почти 60 лет не видел и на областном совещании рыбников побудешь, послушаешь выступления директоров рыбзаводов, председателей крупных рыболовецких колхозов, особенно с Байкала, инженеров и техников и лучших рыбаков послушаешь, как рыбу ловить надо». Он посмеялся: «Рыбу как ловить, уж не меня учить». После такого ответа, что же скажешь ему.

Еще один день передневали в Муринье, вроде всю работу сделал, провел заседания правлений колхозов и комсомольские собрания с участием комсомольцев, которые вернулись с сенокоса с Сугджи.

Мы с Монастыревым прибыли в Качуг, где нас ждал уполномоченный Рыбакколхозсоюза по Качугскому району Семенов, и все намеченные люди на областное совещание собрались, около пятнадцати человек. Семенов для всех нас достал билеты на автобус, которые не так давно начали курсировать между Качугом и

Иркутском. Их всего два автобуса было – один утром выезжает с Иркутска, а второй – с Качуга и билеты достать на автобус – целая проблема была.

Зачастую приходилось ехать «зайцем», так как автоинспекция запрещала брать пассажиров и грузы. Всякими путями приходилось ездить, да и работников ГАИ было мало, но дорожно-транспортных происшествий что-то не помнится, так как все шофера работали с предельной осторожностью. А автомашины у многих были на грани списания, шоссе Иркутск – Качуг было в плохом состоянии.

По старому Якутскому тракту, по которому раньше ездили на лошадях, с крутыми поворотами, множеством ухабов, выбоин, приходилось обгонять лошадиные обозы и обозы на быках. Там молодые лошади и быки могут попасть под машины, частые остановки при ожидании проезда такого беспокойного транспорта и очень медленный их обгон.

Работники дорожного отдела при малой механизации трудоемких работ и недостатке рабочей силы в полной мере не в состоянии были отремонтировать шоссе на отлично, но все проезжие части деревянных мостов, крутых поворотов, большие ухабы ремонтировали.

Эта дорога Иркутск–Качуг имела большое стратегическое значение. Все люди, призывающиеся в армию из районов близ шоссе, а также нижних районов по реке Лене, ехали до Иркутска по этой дороге. Почти все грузы и рабочая сила, предназначенные для Севера, военные грузы и военные передвигались по этой дороге. Качугская судостроительная верфь, которая до войны снабжала Северный флот судами, стала военным заводом и выполняла военные заказы.

Все водители знали, что все грузы и людей надо доставить срочно. Все они работали дружно, спаянно. Если у кого машина сломалась, останавливались и помогали, чем могли, хоть впервые встретились друг с другом. Так что все шоферы, на военных билетах у которых имелись полоски «бронь», трудились, не считаясь со временем. По этой дороге движение автомашин не утихало ни днем, ни ночью. Несмотря на большой недостаток автомашин в то время, на эту дорогу их выделяли значительное количество.

Среди наших отечественных автомашин промелькнул и единицы американских «Студебеккеров», но мне ни разу не пришлось проехать на нем, несмотря на массу выездов в Иркутск, да и по улицам Иркутска почти не видел их. Также, изредка, над Иркутском прошумят американские самолеты «Дугласы», но зато видно было всегда,

как красиво летали наши истребители после выпуска с завода на испытательных полетах – наши «соколы», которые громили гитлеровскую машину.

Многие наши автомашины, трактора были переведены на газогенераторы, то есть вместо бензина автомашинам и солярки тракторам сжигали, в круглых специальных печах около кабины, древесные чурочки наподобие «кубиков Рубика». В этих печах сжигалось большое количество древесных кубиков, которые в определенных местах по шоссе заготавливали рабочие и всё вручную: валили лес топорами, подвозили к шоссе на лошадях, быках. Здесь круглосуточные сменные рабочие отпиливали от бревен круги поперечной пилой. Эти круги раскалывали топорами на кубики, которые надо было транспортировать на отдельные кучки (кубометры). На этих работах в большинстве трудились женщины, подростки, пожилые (руководящие наставники).

Очень редко на больших пунктах кружки от бревен отпиливали механическими круглыми дисковыми пилами. Эти чурки также вручную надо раскалывать на кубики, которые называли газочурками. Эти газочурки отгружали кубатурой шоферам, трактористам, которые все расходовали по норме сжога. И вот шофера закладывали газочурки в боковые, круглые печи и не более 40 километров давали пробегу и чурки сгорали, после чего опять надо шоферу загружать печи, но и пассажиры тоже помогали шоферу. На таких автомашинах в саже, вместе с шофером, окажутся и пассажиры. А скорость у них гораздо меньше, чем у автомашины на бензине, но в дни войны ощущался большой недостаток горючего, особенно когда фашистские войска подходили к Волге, Сталинграду и Северному Кавказу.

У фашистов до бакинской нефти лишь мечты остались, но тормозили они добычу и доставку горючего с Баку, основного поставщика горючего в то время. Наши конструкторы в целях экономии горючего многие автомашины и тракторы перевели на газогенераторные моторы, хотя это очень много трудов, хлопот доставляло всем рабочим, шоферам, трактористам, но выстояли и победили.

И вот мы сели в автобус. Мы с Семеновым решили Монастырева посадить на самое заднее сиденье, зная, что он будет курить часто, не обращая внимания на окружающих. Он сидел довольный и улыбался, а рядом сидящие от него оказались спокойными, и ему ничего не говорили, а он так и покуривал всю дорогу. Ему очень интересно было, когда на ухабах, в выбоинах он прискакивал на мягком сидении высоко и смеялся, а мы с переднего сиденья ему тоже улыбкой отвечали. Автобус шел

все же тихо, и мы в Иркутск прибыли ночью. Все пассажиры разошлись пешком по квартирам. Остановка была в центре города.

Когда вылезли с автобуса, Монастырев Федор сразу воскликнул: «У-у-у, какие большие дома, как скалы в тайге, как утесы у реки». Когда дошли до двери квартиры, и я начал стучаться, Федор выбросил булыжину. Я и не заметил, когда он ее подобрал. Спрашиваю: «Чего ты выбросил»? «А я его сразу подобрал. Здесь, говорят, хулиганов много и если бы кто-нибудь напал на нас, я бы его стукнул» – и засмеялся. «Ну, что ты? Никто не нападет. Мы же с тобой в Качуге ходим ночью, когда идем с кинокартины, и никто не нападает. Также здесь, в Иркутске, нам придется по ночам ходить. Это тебе старушки просто наболтали».

В дни войны в Иркутске не было никакого городского транспорта (автобусов, трамваев, такси), а только курсировали два автобуса маршрутных: «железнодорожный вокзал – аэропорт», которые нигде в городе не останавливались. Поэтому везде приходилось ходить пешком, и рабочие и служащие, живущие далеко от работы, вставали рано, чтобы не опоздать на работу. Опоздание строго наказывалось.

Утром на нашу квартиру пришел Семенов, и мы трое пошли в контору Рыбакколхозсоюза. Федору здесь все было ново и интересно. Он несколько раз останавливался, ему требовались разъяснения. По пути зашли на центральный рынок. Когда стали подходить к рынку, Федор воскликнул: «У-у-у, сколько народу!».

Тогда почти все горожане посещали рынок, а в магазинах с продуктами и промтоварами было плохо, а здесь можно было что-то купить и чего-то продать. Тогда продуктовый и вещевой (барахолка) рынки находились на одной площади, разделенные между собой тесовой заборкой, имеющей несколько проходов, соединяющих оба рынка. Здесь сельские жители продавали свои излишки продуктов, а горожане – свои вещи. Так проходил взаимообмен между городом и деревней, и эта тысячная толпа начинала разрастаться с семи часов утра, а к восьми часам вечера расходилась.

Мы трое влились в эту толпу и через некоторое время мы потеряли Монастырева. Он, видимо на что-то глазел и приотстал, а мы в толпе скрылись. И ни у кого из нас в голове не было мысли, что Федор может потеряться в толпе, если чуть приотстанет. На всякий случай надо было на бумажке записать адрес квартиры и дать ему, чтобы он подальше положил эту бумажку и сказать, к кому обратиться при такой ситуации. Мы же ему предложили, чтобы он портмоне с деньгами и документами

положил подальше во внутренний карман пиджака и пристегнул на пуговицу. А про то, что он потеряется, мы и не подумали.

Мы с Семеновым посмеялись и все же вернулись в предполагаемое место, но безуспешно – где его найдешь в такой огромной толпе народа. Он же теперь никакими богами не найдет квартиру, хоть и кто согласился бы его до квартиры довести, так как надо знать и сказать улицу, номер дома и квартиры, о чем он представления не имел.

Мы решили, что наш Федор с этого рынка не должен уйти куда-нибудь, а будет все ходить и искать нас, а когда рынок начнет закрываться, мы должны встать на дежурство у выходных ворот, а их, основных, четыре. Выходит, надо еще двоих мобилизовать на это дежурство и к семи часам вечера надо быть здесь.

Мы с Семеновым пошли до конторы Рыбакколхозсоюза, оставив Федора на рынке, зная, что у него деньги есть, и он что-нибудь купит пообедать. Сразу зашли в кабинет председателя правления Рыбакколхозсоюза Шестак и сообщили, что с нами приехал на совещание председатель рыболовецкого колхоза «Нулгитовки» Монастырев Федор Константинович. Он впервые в городе и мы его сейчас потеряли на рынке, поэтому вечером к семи часам нам надо быть на рынке и еще двоих надо пригласить на дежурство. Все присутствующие посмеялись, но Шестак знал, что Монастырев совершенно неграмотный, а приехав впервые в город, может заблудиться не на шутку, и предложил: «Надо кроме главных дежурить и около боковых выходов. Надо человек восемь вам пойти и если его не найдете на рынке, то надо сообщить в милицию и все дежурные милиционеры должны знать фамилию, имя и отчество, его приметы, одежду и адрес квартиры. Надо обязательно его найти».

Мы мобилизовали еще шесть человек, которые согласились пойти с нами. Совещание должно начаться через день. Поработав в конторе, пошли на рынок к семи часам. Остальным все его приметы обсказали, хотя они все были с нашего района, и мы ехали в автобусе вместе. Наказали еще, если окажется какой-нибудь мужчина, по приметам похожий на него, то окликайте: «Монастырев Федор Константинович!». Если это он окажется, сразу обернется. У него слух хороший. Итак, мы встали на дежурство почти во всех проходах (выходах).

В начале восьмого вечера Монастырева «поймал» Семенов. Он сначала даже Семенова не узнал, но, потом, узнав, так обрадовался, что такой радости в его жизни, пожалуй, не было. От радости прослезился. Затем мы все сошлись и стали расспрашивать, как он время провел на рынке и что делал. Успокоившись, он начал рассказывать, временами с хохотом: «Когда вас я потерял, пошел быстро, но толпа

мне не дает идти быстро, и все вокруг и вперед через людей смотрю, но нигде вас нет, а дальше заметить трудно. Потом ходил, ходил, но бесполезно, и думаю: «Вот меня оставили здесь, и что я буду делать, вот привезли меня на пропажу». Вышел из рынка и пошел искать квартиру, а улица пошла в гору, я сразу подумал, что когда шли на базар, не было никакого подъема и спуска и обратно базар никак не найду – вот где пропажа настала, и я даже сплакал. С малых лет никогда не плакал, а тут пришлось сплать. Потом к идущей навстречу пожилой женщине с сумкой обратился: «Куда идете?», – а она удивленно на меня посмотрела и сказала: «Ну, на базар, а что?». Я сразу, обрадовавшись, говорю ей: «Не могу базар найти». Она кивнула головой: «Идите за мной и на базар придем». Я за этой женщиной шел молча, и она шла молча, и на базар пришли. Я еще у нее спросил: «Еще базар бывает здесь»? Она сказала: «Этот самый большой базар и он один. Есть базары еще, но они маленькие и далеко отсюда». Но, думаю, этот же базар должен быть, и неужели вас не найду. Опять все хожу, хожу. Потом толпа начала редеть, но вас нигде не могу заметить. Люди стали все больше и больше уходить с базара, а дело уже к вечеру стает я и думаю, что же буду делать ночью, хулиганы на меня нападут, и я пропал. Но думаю, что далеко от базара не уйду, а все же пошел за уходящими людьми и вот встретился с Семеновым и даже сначала не узнал. Мне за день в глазах примелькались русские, а они, почти все, стали похожи друг на друга. А тебя – обратился ко мне – по хромоте с посошком далеко узнал бы, но много хромых с посошками и на костылях навидался, но все чужие. Здесь что-то много хромых».

Семенов сразу ему говорит: «Здесь, в Иркутске, много военных госпиталей, где лечатся раненые на фронте бойцы. Многие вылечиваются и начинают ходить на прогулку. Вот, видишь, сколько ходят» – показал на идущих на костылях, в больничной одежде людей. Мы объяснили ему, что все мы, восемь человек, встали у выходных ворот рынка, чтобы его увидеть, а Семенов спрашивает: «Чего покупал кушать в обед»? «Ничего не покупал и не ел. Мне не до еды было, а сейчас поел бы – надо идти на квартиру».

Семенов, посоветовавшись с остальными, говорит: «Ну что же, Федор Константинович, пойдем все в ресторан, где послушаешь музыку и можешь заказать танцевальную музыку, потанцуешь, – пошутил, – а главное – хоть раз в жизни побудешь в ресторане». Федор отвечает с улыбкой: «Я сегодня за день натанцевался так, что сейчас ноги мои гудят и подошвы болят. А там как, покушать можно?».

Семенов, улыбаясь, отвечает ему: «Там, в ресторане, покушать закажем и вина можем заказать». «А что, продают вино еще?». «Да, продают вино, и пиво попробуешь». «Тогда идем» – заторопил он нас.

Мы пошли все до ресторана «Ангара», который не так далеко от рынка, а Федор действительно отбил ноги, хотя был в кирзовых сапогах. Обычно эвенки, привыкшие ходить по тайге по мягкому грунту, сразу отбивают ноги при ходьбе по твердому грунту, и Федор, успокоившись после дневного волнения, начал прихрамывать и смеясь, говорил нам: «Больно ногам стало – хоть на костылях иди».

В ресторане ему все ново было, и музыка понравилась. Заказывали знакомые ему мелодии. Пиво пить он отказался, так как его впервые ему пришлось попробовать, а музыкантов он похвалил: «Как хорошо они играют!».

В Иркутске мы прожили пять дней и за это время в свободные часы ознакомились со многими достопримечательностями города: были в цирке, в двух кинотеатрах, в историческом музее, где очень интересным показался показ старинного быта эвенков и Монастырев воскликнул: «Смотри, нас, тунгусов, показывают», – и нашел ошибки.

Большое впечатление на него произвел мост через Ангару. Он очень удивлялся, как человек смог построить такое грандиозное сооружение. А когда шли через мост, сделали маленькую остановку над железнодорожной линией, чтобы посмотреть на движение поездов, но военный часовой окликнул, что стоять и наблюдать нельзя, и мы тихонько продолжали шагать дальше, наблюдая за поездами.

Очень интересно ему было в цирке, где как раз показывали дрессированного медведя, воздушных акробатов. Здесь он сделал вывод, что воздушные акробаты и жонглеры не настоящие люди, а колдуны. А насчет медведя заключил, что это тоже не настоящий, молодой медвежонок, а подделанный: «Ему сделали морду продолговатую и он катается на велосипеде. Попробуй медведя заставь покататься – он в комок сделает велосипед, да и раздавит. Вот не так давно у нас на Уяне медведь выдрал боковину сарая, а там два таза и два ведра превратил в лепешки и комки». Ему говорю: «Этот медведь уже взрослый, но другой породы. Он смирнее нашего бурого и его обучают».

Не раз проходили мимо госпиталей, из окон которых выглядывали лечащиеся и на улице отдыхающих видели, и мимо заводов проходили, где круглосуточно не утихал гул машин.

Я ему говорил: «Вот, Федор, раненым бойцам, которые лечатся, много нужно ягод и как им дороги хорошие продукты. Все это нужно и рабочим на военных заводах и на фронте». Он от меня теперь ни на шаг не отставал, и что интересное [увидит], останавливал, хотя у него в кармане уже была бумажка с адресом квартиры. За пять дней он никак не смог научиться ориентироваться в городе, и не знал в какую сторону идти на квартиру. А в конторе, днем, когда я работал, он никуда не уходил и нигде ни на шаг не отставал. Такой коренной таежник, который в любой дремучей тайге никогда не заблудится и всегда себе найдет пищу, тепло, уют, в городе оказался совершенно беспомощным.

Идя по улицам Иркутска, Федору говорю, что раньше Иркутск был купеческим городом, что здесь жили главные купцы, которые скупали, допустим, у ваших карамских купцов вашу пушнину, еще по более дорогой цене и продавали дальше американским, английским купцам, а также отправляли в Петербург. Здесь были разные купцы, и очень богатые и бедные. Это видно по их домам: и кирпичные и деревянные. Лес тут под боком, вверх по Ангаре до Байкала, оттуда сплавляли плотами. Купцы были разными, одни торговали мясом, хлебом, пушниной и другими товарами, а богатые купцы, которых называли промышленниками, ведали добычей золота, слюды, каменного угля, соли и др.

Федору говорю, что ты знал купцов жадных, но были купцы гуманные. Здесь есть большое кирпичное четырехэтажное здание областной больницы, которая сейчас переполнена лечащимися ранеными бойцами. Это здание построил на свои деньги богатый купец Кузнецов, и до сих пор некоторые называют больницу Кузнецовской.

Федор возмущался, что здесь воздух чем-то пахнет, на что я объяснял, что он сам видит, сколько дымится черным дымом больших и малых труб. Что голуби и воробьи стали черными почти, а наши белые рубахи за день чернеют. А когда встретили обоз лошадей около десяти, везущих за город «очистки уборных» (туалетов), в первый раз Федор чуть не задохнулся и с удивлением спросил: «Что такое в этих посудинах? Такое вонючее везут, что терпеть невозможно».

Я ему сказал, что все старые здания и дома только силами лошадей построены, и Москва, и Ленинград (раньше Петроград) построены силами лошадей. Лошадь – это большая сила. На это он согласился, но все равно для него олень в тайге – большая сила. С этим я тоже согласился. Федору все интересно было. Мы с ним подолгу стояли, любуясь архитектурой здания областного исторического музея, драмтеатра, но в драмтеатре не были – тот был закрыт, и это жаль.

Пребывание в городе уже стало для него скучным. Скучно, что он столько времени не работает и уже часто начал вспоминать о доме: и как там трудятся, об Уяне, там самая рыбалка начинается, и он кое-как дождался, когда у нас дела закончились.

После отметки в наших командировочных удостоверениях о выбытии из Иркутска мы сразу выехали и, пожалуй, Федор за всю свою жизнь никогда так не скучал, хотя для него было все новое, все чудесное. Один вечер мы провели в саду «Парижской коммуны» и оттуда пришли на квартиру ночью, так как до квартиры далековато идти пешком. Там, в саду, вдоволь насмеялись в «комнате смеха» над своими ломаными изображениями перед каждым зеркалом. Многое увиденное для Федора было впервые, но все это ему надоело. Но многими деревянными домами он интересовался, что так хорошо построено, с различными неповторяющимися оконными, дверными узорами, украшения ворот, крыш очень хвалил. Вот, мол, где настоящие мастера работали.

Мы везде ходили пешком, и я часто отдыхать садился. Ему со мной трудно ходить было, конечно, очень тихо передвигались. Он во все хорошо всматривался – было время, а ноги у него уже на второй день отошли, и он теперь мог совершать дневные переходы, покрывая расстояния в 40-50 километров в день, а со мной он просто уставал простаивать, толкаться.

Все виденное на Монастырева произвело большое впечатление. Приехав сначала в Муриную, он собрал всех, кто был дома, на производственное совещание, и все говорил и говорил по-своему. Часто все дружно хохотали, видимо говорил, как блудил на рынке, о цирке, и о другом. Особенно старики и старухи слушали очень внимательно и какие-то вопросы ему задавали. При выступлении он также говорил и по-русски, что видел госпиталя и выздоравливающих, раненых на фронте бойцов, что проходил мимо военных заводов, где круглосуточно люди работают, и слышал и днем, и ночью гул моторов, станков, и что нам нужно как больше готовить рыбы, мяса, ягод. Передал, какие беседы вел с председателем Шестаком.

Такое же совещание веселое провели в Нюруткане, хотя почти все мужчины находились на промысле по Киренге и в том числе – Катя-«медвежатница». Все дети с этих стойбищ уехали в школу учиться, но они хорошо помогли в сборе ягод и на сенокосе.

При обработке поступающих документов (квитанции) вижу, что нюрутканские рыбаки на Киренге и на Уяне добывают в большинстве вальков и сигов, а рыбзавод

принимал белую рыбу в три цены. Вальки и сиги были дороже, затем ленки и таймени, затем хариусы. За сигами и вальками рыбаки далеко вверх поднимались на шестах, но до Уяна еще далеко оставалось, в основном вальков добывали по речке Тонгода, левый приток Киренги, далеко ниже Уяна.

Все же моя заинтересованность к Уяну победила, и я предложил Монастыреву Федору, не возьмет ли он меня раз порыбачить с ними. Федор согласился: «Скоро собираемся на неделю порыбачить выше Уяна втроем, а ты будешь четвертый, но хорошо помучаешься». Я доказываю: «Я с Мурины по Киренге научился на шесте толкаться немножко». «О-о-о! От Уяна вверх Киренга – это не около Мурины. Она к вершине намного уже, чем около Мурины и местами очень быстрая. Ты один никуда не уйдешь – сразу утонешь, а мы с тобой на одной лодке будем подниматься и рыбачить. Там, на Уяне, есть лодка-неводник, и ты не вывалишься из нее, только силу применяй, а я подучу».

Я, обрадованный, докладываю: «Я же совершенно не умею плавать. С шести лет нога заболела, и я три года пролежал с больной ногой на кровати дома, а потом, после двух месяцев лечения в Иркутской детской больнице, начал ходить и учиться в школе. Так, в детстве совсем не купался в реке. Если я вылечу из лодки, сразу лови меня».

Это было в конце августа или в начале сентября 1943 года. Рыбаки по Киренге добывали рыбу «плавежом», и я, окрыленный согласием Федора взять меня на рыбалку, быстро съездил в Мурию, где справился с работой в бухгалтерии, а также в нюрютканском колхозе. И мы вчетвером отправились на Уян.

Нас отвозила на двух верховых лошадях Ирина, которая сразу начала ремонтировать подлежащую ремонту берестяную посуду, под вид ягодных горбюшков с берестяными крышками, которых много было в сарае над ледником. Двое – Евдей и Георгий Зеленых вперед потолкались, вверх, по отдельности, а Федор наказал им, что в таких-то местах не рыбачить. Это там, где мы с ним должны рыбачить.

Каждый взял более десяти этих берестяных посуды, а мы с Федором штук пятнадцать самых больших взяли, каждая посуда емкостью в среднем около двадцати килограммов. Федор меня на носу лодки поставил, а сам на корме стал и все время учил, как толкаться, чтобы на быстром течении я не свернул ход лодки. Да, до поту хватало толкаться, и ноги устают, и руки утром гудят за день напряженного толкания. Тем более, когда еще не владеешь этим.

Эти берестяные посуды оказались очень удобными. Добыл рыбы за ночь килограммов двадцать, и сразу посолил легонько. Выроют ямку под мох около

холодного родника, а таких родников много, поставят посудину, мхом плотно закроют и дальше вверх идут рыбачить. Мы с Федором за одну ночь «плавежом» и ставными сетями килограмм пятьдесят добыли рыбы. Сразу около трех посудин засолили и под мох заложили.

А одну ночь просидели в одной курье, сохатого караулили. Бык часа в два ночи пришел, и мы его застрелили. Федор мне запретил стрелять зверя в воде, а когда после его выстрела сохатый стал вылезать на берег, он крикнул: «Стреляй!» – и еще успев перезарядиться выстрелил. Зверь упал на берегу и вроде застонал, а Федор только и вымолвил: «Вот и хорошо, мясо на берегу». Оставив быка, мы до рассвета еще плавили сеть.

Примечательно то, что он знает – где и как ночью плавить, где подводная «задева» должна быть. У нас было более десяти ставных сетей, которые мы расставили к вечеру еще по свету. Мы за ночь добыли килограммов тридцать рыбы и сохатого.

До начала рассвета мы попили чай, и Федор предложил: «Давай немножко приуснем, а потом сохатого обработаем и поплывем обратно на Уян. Наши товарищи, видно, на полную загрузку своих лодок не добыли еще, а мы-то уже добыли рыбы и мяса на полную лодку». Это всего за две ночи – вот как!

Ободрав сохатого, все внутренности выволокли к воде, а затем в курье по воде выволокли на течение и отпустили. Он только выговорил: «Все это затянет под лом, а там рыба истребит. Все мясо, шкуру, ноги, погрузили в лодку, а остатки крови затоптали. Федор в берестяной посуде приносил раза два или три воды и заливал остаток крови.

Когда я у него спросил: «Почему кишки тут не оставили, а кровь смываешь?», он разъяснил: «Если тут на берегу кишки оставим, сразу ворон или ворона обязательно заметят и начнут клевать. Они поклюют и начинают кричать и каркать, поднявшись высоко над этим местом, и все ближние слетятся и сколько крику наделают. А на этот крик всегда идет медведь, зная, что какая-то падаля есть, полакомиться надо. А если бы мясо оставили, также закопав под мох, и мясо растащил бы медведь.

Говорю: «А мы же сейчас уплываем, и пусть медведь ходит, сколько ему надо». Федор утверждает: «Мы тут добыли, а после этого должно быть все чисто, без запаха, чтобы вскорости опять прижился сохатый. Через недельку опять надо по этим местам рыбачить, немножко дав отдохнуть этим местам. И рыба подкормится».

Задаю вопрос: «Если сохатого добыть далеко от воды, тогда как с кишками»? Сразу, не обдумывая, ответил: «Если далеко добыл и мясо заложил под мох на

мерзлоте, то обязательно все кишки также под мох надо спрятать. А если мясо сразу увезешь на коне, на оленях или охотники на себе унесут, то пусть клюют и едят кишки. Плохо, когда раненого сохатого, на который раз выследив или собаку отпустив, добиваешь километра за два-три от берега, и мясо приходится на себе таскать».

Мы, сложив этого быка, пошли и в пути захватили все запрятанные под мох берестяные посудины с рыбой. Лодка оказалась в полной загрузке. Пустые посудины оставили. По быстрому течению еще греблись и все свои ночуйки под большими елями быстро промелькнули. Приплыли на Уян, где сразу засолили мясо и рыбу, перекладывая из этих посудин, сортируя и досаливая, в бочки. Справившись с этой работой, легли приуснуть уже в чуме, где дымом выгнали весь гнус и наложив небольшой костер-дымокур.

Вечером, как Федор спланировал, мы должны сеть проплавить километра 4-5-ть, до лома. Немножко успели приуснуть, как приплыли Евдей с Георгием. Они также приплавляли полные лодки рыбы и двух небольших сохатых добыли. Быстро все стаскали в сарай, а Георгий, попив чаю, потолкался обратно вверх, чтобы с наступлением темноты начать плавить до Уяна. Мы втроем стали мясо солить и рыбу сортировать, подсаливать в бочки. Затем мы с Федором поплавили сеть до лома. Евдей решил отдохнуть.

Мы с Федором хорошо добыли – килограмм сорок или больше, а Георгий около тридцати. Всего мы добыли около полтонны рыбы и столько же мяса. За пять ночей столько заготовили! Богат же Уян! Пусть отдохнет с недельку – так сказали рыбаки. Всю добычу разделили поровну.

Георгий был засольщиком на Уяне. Они меня оставили и ушли пешком, чтобы отправить ямщика на коне, но я вслед за ними пошел и уже прошел больше половины, когда встретил ямщика и на коне доехал до стойбища. Рыбалка и охота оказались очень интересны. Узнал, как рыбачат здесь, в вершине Киренги, но не всегда так удачно получается. На это Федор мне сказал: «Ты фартовый!».

Существует обычай: перед рыбалкой на определенное дерево к ветке привязывать штуки четыре, пять разноцветных ленточек материала, шириною сантиметра два и длиною сантиметров 15-20. Это священное дерево все завешено разноцветными лоскутками и даже денежными купюрами до червонца, как новогодняя елка. И при ветре все это так красиво развевается. Я тоже повесил свой «подарок» перед отправкой на рыбалку, а они весною повесили и, видимо, повесят еще через

определенное время, если неудачные рыбалки начнутся. Чтобы хозяину реки сделать подарки даже водку или самогон привозят и шаманят.

Шаманов-профессионалов давно не стало, а пожилые и старые эвенки просто, видимо, думают, что исполнили ритуал, побрызгав водкой или самогоном на огонь, которые дают яркую вспышку, уважили каких-то добрых духов, которые изгонят злых духов. Также брызгают прямо в воду Киренги со столовой ложки или же около священного дерева и что-то тихо проговарят. Такие священные деревья во многих местах красовались разноцветными лоскутками и денежными купюрами, но однажды начали замечать, что денежные купюры стали исчезать куда-то со всех деревьев. Были догадки, что какой-то дух ожил и начал собирать купюры, особенно старухи «догадывались» и вообще удивлялись этому явлению, но впоследствии нашли виновника – русского мальчика Васькова Васю.

На стойбище Чинонга райпо открыло кожевенный цех, где выделывали кожи скотские и сохатиные для обуви. В этом цехе работал мастером русский Васьков Андриян, и у него был сынишка Вася. Отец внезапно умер, а Вася остался один. И ни матери, ни родных у него не оказалось, и уже вопрос встал его отправить в детдом, но эвенки не дали, чтобы его куда-то далеко отправляли и взяли на свое попечение. Так он вырос среди эвенков до призывного возраста. Вася в совершенстве владел эвенкийским языком, стал отличным рыбаком и охотником, физически закаленным. Он был призван в Армию.

Еще мальчиком он отучил эвенков денежные купюры вешать на ветки священных деревьев. Его никто не ругал, а просто пожурили его, а молодые посмеялись. После этого пожилые и старые говорили, что теперь все наши ребята, как этот Васька, могут также стаскивать с веток купюры, если сделать подарок каким-то добрым духам, чтобы удача была в рыбалке и охоте. И теперь больше не видно было, чтобы денежные купюры на сучьях священных деревьев развевались. Многие суеверные предрассудки, дошедшие из глубины веков, доживали последние годы. Молодое подрастающее поколение, воспитанное в школе, в комсомоле настоящими атеистами, со смехом в душе, чтобы не рассердить старших, кое-что исполняли, ради потехи.

Эвенкийские суеверия исполняло старшее поколение русских. У хороших русских охотников почти вся одежда и обувь была, как у эвенков, которая была легкой, теплой, а также перенимали опыт в рыбалке и к таежным условиям жизни,

которые веками были выработаны эвенками. Многие русские охотились с эвенками с кочевьем на оленях, участвуя в самой эффективной охоте.

Многие русские старшего поколения из ближних деревень знали эвенкийский язык, а некоторые на удивление хорошо разговаривали по-эвенкийски, как эвенки. Это потому что русские приезжали к эвенкам, а эвенки часто ездили к русским, и многие охотники после охоты, сразу, соскучившись по своим друзьям, уезжали к русским в гости. Эта, видимо, дружеская связь русских с эвенками, которые жили недалеко от русских, шла с самого начала заселения русскими пустующих мест в тайге.

Русские селились на более широких местах с плодородными землями, чтобы хорошо заниматься земледелием и скотоводством, и одновременно перенимали опыт охоты и рыбалки. Некоторые здешние эвенки были метисами от браков с русскими.

Почти все эвенки по-русски говорили чисто, без акцента, а на праздниках пляски и танцы на все колена отбивали и все русские песни звучали, шутки, прибаутки, поговорки, а национальных танцев и песен не было. Я только две коротенькие эвенкийские песни слышал от подпивших вина старух. Они какие-то протяжные, плачевные песни исполняли, вероятно, оставшиеся, сохранившиеся с глубокой старины.

У этих эвенков уже была христианская вера, и в домах у пожилых и старух эвенков в углу на божничках находились разные иконы, и они молились, что-то шепча, видимо, знали молитвы. Старики знали все религиозные христианские праздники, и при больших праздниках ни за что не работали, считая это великим грехом. Они никаким убеждениям не поддавались, а наоборот, молодых считали греховодными, когда молодые, не признавая никаких религиозных праздников, трудились.

Царизм грамоте не учил эвенков, да и всех представителей народностей Сибири и Дальнего Востока, а насмерть забивал религией темных людей ради своей наживы. Об этом вспоминал старик Чертовских Петр: «Когда поп какую-то молитву исполнит, мой отец попу давал пушнину и специально для следующих молитв оставлял пушнину, а у эвенков помаленьку давать нет привычки, уж дадут, так дадут, чтобы чувствительно было. В этом отношении слишком простыми были».

Живя и работая в гуще эвенков, я о многом узнал. Узнал, как легко летом добываются сохатые, и о трудных для меня рыбалках на озерах и по Киренге. На первый взгляд, мне показалось легко – этот добытый нами бык, который упал на берегу у воды. Но, как говорил Федор, бывает и так, что плохо раненый зверь уходит

далеко, километров до пяти, где его добьют с собакой назавтра или же за ночь тот отяжелеет и уснет. Приходится на себе таскать мясо день, два и больше, так как у эвенков был закон – ни кусочка не бросать мяса, а то злой дух в дальнейшем не покажет ни одного зверя. Поэтому каждому охотнику надо стрелять в зверя по убойному месту, чтобы далеко не ушел. Это летом, а зимою – любого раненого по снегу выследит и добьет, а на оленях вывезет. Такова оказалась культура охоты.

Я теперь познакомился с эвенкийской работой: рыбалкой на озерах, по реке, сбором ягод, орех, с сенокосными угодьями, охотой на водоплавающую и боровую дичь, на зверей копытных и пушных, поделкой лодки-долбенки и др. Мне стало гораздо легче планы общие на индивидуальные разбивать колхозникам, которые на общих собраниях принимались с небольшими изменениями.

Выполнение планов заготовок шло хорошими темпами, и мы в этих двух колхозах решили с доходов создать премиальные фонды и награждали из них передовиков соцсоревнований. Наши радости разделяли работники Рыбакколхозсоюза, рыбзавода, райисполкома, национального Совета, так как ни по каким видам заготовок не чувствовался провал в выполнении плана.

Все же тайга и водоемы здесь были богатыми и мы, извлекая эти богатства, поставляли Родине на разгром врага очень много продукции.

Обо всех этих богатствах и об умелых эвенках-профессионалах я не раз рассказывал своим родным, знакомым, работникам рыбзавода и Рыбакколхозсоюза. Но меня больше всего заинтересовала одна рыбалка с Монастыревым Федором. Когда на общем собрании решали, каких рыбаков отправить на длительную экспедиционную рыбалку, а рабочей силы не хватало, я изъявил желание принять участие, и Федор сразу согласился.

Я знал, что отрываюсь от своей работы на длительный период, и по прибытии мне придется наверстывать упущенное, работая днями и ночами в конторах этих двух колхозов. Это уже вошло в привычку после командировок в райцентр и Иркутск с отчетами, там при очень быстрой езде уходило 22-25 дней, после чего также приходилось работать ночами в этих конторах. Перед отъездом надо все сделать, все планы работ наметить, провести собрания, заседания, и все комсомольцы должны знать что делать на порученных им участках работ.

В свою очередь, председатель Нюрутканского колхоза «Нулгиктовки» Монастырев Федор Константинович, который часто уходил на охоту и рыбалку, всегда поручал свою работу своему заместителю Шерстовой Дусе Северьяновне,

передовой рыбачке. Она еще была и бригадиром, и кассиром, а по прибытии председателя она отчитывалась о проделанной работе. Монастырев Федор, хоть и совершенно неграмотный, владел исключительной памятью и сразу находил допущенные ошибки. И на этот раз он также оставил ее за себя.

Рыбакколхозсоюз, рыбзавод настойчиво требовали не ограничиваться ближними рыбалками, где при интенсивной рыбалке истощаются рыбные запасы, а чаще организовывать дальние экспедиционные рыбалки по нетронутым или мало охватываемым местам, где скопление рыбы больше, и можно больше добывать рыбы. При экспедиционном лове рыбакам оплачивали за доставку рыбы по расценкам с тонны-километра до приемных пунктов. Такая рыбалка была очень эффективной, но трудоемкой и всегда поощрялась.

Итак, мы на собрании наметили рыболовецкое звено в составе пяти человек, а звеньевым, конечно, назначили Монастырева Федора. Мы с ним двое мужчин и трое женщин. Я-то, собственно, первачок и не в полной мере физически здоровый, а женщины – рыбачки-профессионалы по быстрой Киренге, не говоря уже о Федоре.

Эту интересную рыбалку, которая завершала весенне-летнюю путину, хочу особо отметить и описать отдельным рассказом, именуя «Экспедиционным ловом».

Глава 9. Экспедиционный лов

К этой экспедиционной рыбалке все тщательно подготовились, а я справился с работами в этих двух колхозах. В Муриньском колхозе так же на общем собрании закрепили неводные звенья.

В эти осенние дни у рыбаков ответственная пора, так как до конца навигационной рыбалки остаются считанные дни. При этом отлавливается рыбы больше, чем летом, когда она в разброде и выловленную рыбу хорошо сохранять с наступлением холодов. Хотя рыбалка становится труднее, чем летом по теплу, но это в расчёт не берётся. И все рыбаки осеннюю рыбалку проводят в приподнятом настроении, как бы хорошо провести прощальные рыбацкие дни весенне-летней путины, а затем долго коротать осенние-зимние дни, месяцы, хотя все переходят на другие виды работ. Но всё же каждую весну все рыбаки ждут с большим нетерпением.

Председатель колхоза «Олломочевки» Монастырёва Дарья Николаевна ранее отлично рыбачила по Киренге, но уже не в состоянии была принимать участие в осенней неводной рыбалке, имея пятерых детей, хотя двое учились в школе, а трое маленьких были дома. Эта энергичная женщина очень умело распределяла рабочих. На собраниях, прежде чем начать говорить, сначала завернёт толстую, длинную

папиросу из махорки и, прикурив, начинает говорить без всякой записи, зажав пальцы рук в кулаки, и размахивая ими. Говорила уверенно, без остановки и запинки и все планы выступлений у неё держались в памяти. Она обладала ораторской способностью и, думалось, если бы она окончила факультет журналистики, была бы в числе передовых ораторов, дипломатов. В своих выступлениях она чисто, без акцента по-русски и частенько по-эвенкийски говорила. За прошедший период между собраниями она всё охватит – и плохие, и хорошие стороны своих колхозников. Люди слушались и уважали её. Муж её погиб на Западном фронте в боях с немецко-фашистскими захватчиками, и ей оказывали всестороннюю помощь.

Итак, в этих двух колхозах наметили планы завершения весенне-летней путины, и мы впятером, навьючив лошадей продуктами, в основном хлебом и мукой, необходимыми вещами, отправились на Уян. До Уяна расстояние пятнадцать километров и для эвенков это не считалось расстоянием, и любой местный житель соглашался отвезти туда.

Я ехал на Уян уже семейным человеком. В это лето мы поженились с эвенкийской девушкой Щукиной Пелагеей, у которой была уже моя фамилия – Бурлаева. Ее отец, Щукин Игнатий служил на востоке в армии, и когда Поля написала отцу, что выходит замуж, он ей написал о своём согласии. Согласна была и её мать Марина, но не согласна была её бабушка Матрёна, мать Марины, теперь уже моей тёщи. Бабушка была не согласна, что её внучка выходит замуж за бурята, а надо было за свою нацию, за эвенка. Потом всё же согласилась, но по виду всё же была недовольная.

Эта бабушка, которой было около 80 лет, была твёрдого характера. Она проводила в армию трёх своих сыновей, уже семейных и какая же несчастная – получила три извещения о гибели на фронте в боях с фашистами всех своих трёх сыновей. Осталась одна дочь Марина и около десяти внуков, в том числе моя Поля. А Поля в семнадцать лет уже владела всеми женскими профессиями, в том числе рыбалкой на озере, и по Киренге, а также охотой. Удивительно было то, что когда мы с ней соревновались в стрельбе из малокалиберной винтовки, из карабина и берданы, Поля временами превосходила меня в стрельбе, а я все же руководитель кружка «Ворошиловский стрелок». По летящим уткам она гораздо лучше меня стреляла, но я в стендовой стрельбе по летящим тарелкам никогда не принимал участие, а Поля с детства стреляла по уткам.

Вообще женщина, если применится к стрельбе, то она лучше мужчины будет стрелять – таково моё заключение из многих примеров. Полю к стрельбе, к охоте, к рыбалке приучила её мать Марина, так как она была единственное дитё у нее, и Марина её водила с малых лет. А когда та немножко подросла, Марина брала её на охоту в кочевье с оленями, и последние годы в школу её отправляла с большим опозданием, к середине ноября, мотивируя, что незачем почти целый год учиться. Поля все же окончила семь классов. Сама Марина была совершенно неграмотная.

Бабушка Матрёна была грозным учителем по выделке кож и шитью кожаных изделий. Поля помогала матери в этих делах и летом оленеводила, так как у них личных оленей было десять голов, которые паслись в колхозном стаде оленей. Словом, Полю мать с бабушкой научили всему, а бабушка уже не охотилась и не рыбачила, а всегда была в работе по выделке кож различных и по пошиву. Она без очков продёргивала нитку в ушко иголки и шила, и всегда жила в юрте у костра (чум, крытый лиственничной корой). Она в юрте жила почти до середины ноября, а в доме покушает, немного посидит и в юрту метров за 15-20 от дома уйдёт, говоря, что дома душно, так как она почти единственная женщина-эвенка была некурящей. Кое-как зиму прожив в доме, она уже с конца марта начинала жить в юрте, и у неё над костром всегда висел горячий чай, суп или уха и обязательно шашлыки мясные и рыбные, словом у нас всегда еда была готовой к завтраку. Поля провожала меня до Уяна, а назавтра уехала домой, поневолив ночь вместе с нами.

Раз я уже ездил на Уян, и дорога мне знакома была. С нами ехали, вернее, везли продукты и вещи рыбаки, которые с Уяна должны толкаться на шестах вверх на рыбалку. Мы поплывём по течению вниз с Уяна, а Киренга, подойдя к Уяну, сворачивает на юго-восток, а затем на юг к стойбищу Чинонга и дальше течет на северо-запад до Мурины. Считалось, что это будет километров двести, если не больше. Нам предстояло на всем этом расстоянии прорыбачить все хорошие места, а Фёдор и трое женщин все места знают. Фёдор без счету раз проплывал и поднимался по этим местами. Только для меня все было впервые, и я фантазировал про себя, что нас ожидает впереди, и какие успехи и приключения ожидают.

На нюрютканских озёрах с наступлением прохладных ночей и похолоданием воды эти вредные червяки (бормаши) уже исчезли. Люди переключились с ночных ботов на ставные сети. Каждый рыбак имеет свои секретные места. Знает где и какой ячеи сети поставить под вечер, а утром, просмотрев и вынув попавшуюся рыбу, обязательно надо все выставленные сети вынуть из воды и развешать на тычках для

просушки до вечера. Иначе фелтикосовые (хлопчатобумажные) нитки ослабнут, сгниют вместе с тетивой (шнуровка). И так – ежедневно.

Сентябрь месяц для озёрных рыбаков очень беспокойный. Надо успеть до ледостава отловить ондатр, в последние дни по открытой воде добыть рыбы и попутно добывать уток и гусей. Но многие их не стреляли, особенно уток, так как они создавали дополнительную работу для одиноких женщин и престарелых. А уж если в капкан вместо ондатры утки попадутся, надо их обработать и сдать государству, а на еду много не нужно. Другое дело, у кого большая семья или в доме есть старуха. Они быстро обработают уток, гусей, а в том числе и трудоёмкую в обработке ондатру.

Вот где можно вдоволь пострелять уток, нисколько не делая перестрелок, а норма выдачи боеприпасов на одну утку – три заряда, бесплатно выдавали. И с этой нормы много оставалось.

Вечерами молодые собирались в конторе и время до глубокой ночи проводили с песнями и разнообразными играми. Словом, весело проводили время, а тут, уезжая на экспедиционный лов, все оставил, работу и развлечения, и прибыл на Уян.

Живя на стойбище в домах, эвенки, выезжая на рыбалку, на охоту, говорили, что выезжали в тайгу, хотя кругом стойбища была дремучая тайга. И вот мы выехали в тайгу, а тайга в сентябре преобразилась в осенний золотой наряд, но только ели, сосны и кедры в своих вечнозелёных нарядах говорили, что ничего не изменилось. Тайга есть тайга.

Все вместе попили чай. Наши четверо спутников, в том числе Катя-медвежатница, потолкались вверх на четырёх лодках, а мы впятером остались. Наш вожак Фёдор нам разъяснил, что здесь, на Уяне, проживём дня три-четыре, смотря как добудем рыбы. Он распределил нас по лодкам, а на большой лодке-неводнике поплывёт он, сложив невод, который висел в сарае и при просмотре оказался исправным, не требующим ремонта.

Мы втроём поплыли вниз до лома километра четыре, пять от Уяна и в пути более десяти сетей расставили и к сумеркам приплыли к лому. Здесь вся Киренга забита нанесёнными по большой воде деревьями, и этот лом тянется вниз на километры, где днём прячется рыба. Перед ломом был большой и глубокий омут, где мы должны неводить. С наступлением сумерек рыба начинает выходить из лома к омуту, где рыбаки отлавливают ее неводом и плавежной сетью. Оставшиеся две женщины должны на одной лодке с наступлением сумерек начать плавить сеть, а мы втроём всю ночь около лома должны неводить.

С наступлением сумерек выше лома везде начала плескаться рыба, и мы закинули невод. Я на веслах. Впереди лодки два однолопастные весла закрепляются к бортам лодки и, сидя вперёд спиной, надо грести, а Фёдор, стоя на корме, выбрасывает невод, командуя мне, куда и как грести. А третья у нас моя тёща Марина – бережная, держит конец поводка невода и этой верёвкой систематически похлопывает по воде, чтоб рыба прибрежная удалялась дальше. Марина должна идти наравне с неводом, а мы, когда весь невод окажется закинутым кольцеобразно, пристаём к берегу и начинаем подтягивать его к берегу, смыкаясь с бережной – Мариной.

За первое притонение мы хорошо добыли, а потом всё меньше и меньше. За ночь, до утра всё на одном месте четыре, пять раз закидывали. К утру приплыли к нам оставшиеся наши две женщины Болданова Анна и Шерстова Анисья, которые добыли больше 50 килограмм.

Утром мы все потолкались к зимовью, где распоролы всю рыбу, в основном хариусов, и засолили в бочки, которые поставили в сарае над ледником, так как начались ночные холода, а по утрам иней. Ледник уже открыли. В нем хранилась в бочках солёная рыба и мясо, добытые с весны – то есть за всё лето. Здесь мы неводили три ночи. На третью ночь, когда мы добыли килограммов 50-60, Фёдору это показалось мало, и мы поплыли дальше, забрав с собой двенадцать пустых бочек, а здесь засолили более пяти бочек хариусов, ленков, сигов, вальков. Но ни одного тайменя не добыли здесь почему-то.

Выше этого лома начинается маленькая протока, и вот в эту протоку надо заплывать и плыть дальше. Местами Киренга разбивается на множество протоков, но Фёдор и женщины знают все эти места как свои пять пальцев, так как без счету раз проплывали и поднимались здесь на шестах.

Я плыл за Фёдором. Он меня предупредил, чтобы я плыл так, как он проплывает, а местами надо среди ломов лавировать и проплывать быстрые, извилистые шиверы. От Уяна до стойбища Чинонга нигде не было зимовий и ночевали мы под открытым небом, под огромными елями у костра. В некоторых местах ночевали ночи три. То от ночуйки вверх поднимались, с расчетом проневодить за ночь, то вниз с наступлением сумерек начинали неводить до утра. А утром на шестах поднимались обратно вверх до ночуйки, и попутно ставили капканы на ондатр и выдр.

Добывали по берегам рябчиков, а впоследствии и белок, уже годных к сдаче. Две наши собаки бежали по берегу и женщины, то одна, то другая добывали белок, а мы с Фёдором следили за капканами. Федор говорил, что сейчас идет гон сохатых и

изюбрей. Они сейчас все на хребтах, на старых гарях и около реки можно случайно увидеть переходящих. Перед рассветом местами слышен был рев изюбрей, а с вечера мычание сохатых.

В одном месте, выше устья речки Тонгода Федор поплыл под вечер вперед один. Он рассчитывал, что должен увидеть изюбря. И действительно увидел, и застрелил у воды из своей берданы большого быка. Мы его приплавляли к ночуйке на устье Тонгоды, где жили четыре дня. Здесь добыли порядком рыбы неводом, ставными и плавежными сетями. Этого быка засолили в одну бочку, оставив на еду мяса, хотя на еду добывали уток: крохалей, гоголей, чернетей, а рябчиков копили на сдачу государству.

В одном месте, на Калакачане, тоже переночевали. Однажды утром, во время завтрака, Федор заметил волка и сразу шепотом предупредил лежащих рядом женщин. Две женщины сразу поймали собак и прилегли с ними, а Федор схватил свою бердану и подсел к пеньку. Всех предупредил не шевелиться, а волк немножко подбежит, остановится, посмотрит по сторонам и опять трусцой побежит, а мы все как вкопанные наблюдаем за ним. Костер наш тлеет, немножко выпускает дым. Волк все приближается к противоположной стороне и главное кое-когда на нашу сторону посмотрит. Когда он поравнялся напротив и немножко остановился, Федор выстрелил в него, а волк сразу сгорбился и ускочил с пабереги в чащу.

Мы с Федором и двумя собаками на лодке-неводнике переехали Киренгу и пристали на том месте, куда скрылся волк. Федор сразу отпустил собак, а собаки, учуяв след и запах волка, начали бегать и часто мочиться, а затем скрылись туда, куда скрылся волк и не так далеко, но только выше, открыли драку без лая.

Федор сразу туда устремился и через некоторое время выстрелил и волочет мертвого волка. Первая пуля просквозила через кишечник, вырвав при выходе, как обычно, большую дыру. По этой дыре вылетела кишка около метра, которая собрала сухие листья, хвою, а когда собаки настигли его, он еще начал драться. Волк белому кобелю Федора прокусил одну переднюю ногу и Бельчик захромал, а второй кобель Орлик оказался невредимым.

Федор говорил, что когда подошел к волку, то собаки его давят, то волк начинает подниматься и накидываться на собак, и он кое-как уловил момент выстрелить в волка, опасаясь застрелить собаку в этой драке. Волк был еще шести или семимесячным щенком, родившимся весной и почему-то один бежал. Но все равно ростом он был больше собаки.

Мы все бочки заполнили немножко подсолёной рыбой, а более крупная рыба, уже подмороженная, была затарена в кули. Федор сделал заключение: «Мы около месяца прорыбачили и хорошо добыли. Здесь у нас больше тонны рыбы и больше наши лодки не поднимут вместе с быком изюбрем. Завтра поплывем напрямую до Чинонги, где все заготовки сдадим. Мы еще больше полтонны добыли и оставили на Уяне. До Чинонги отсюда, с Секели, побольше двадцати километров осталось. Сейчас все охотники выехали на пушную охоту, а мы еще с рыбой возимся».

Назавтра, погрузившись, поплыли до Чинонги. В последнее время стало тяжеловато, так как надо загружать весь груз и плыть до определенного места, где надо все выгружать и продолжать рыбалку, а бочки, каждая полная рыбой, весом больше центнера.

Федор, как обычно, плыл впереди. Вдруг видим, на берегу два сохатых стоят и смотрят на нас. Федор сразу схватил свою бердану и выстрелил в матку, а бык немножко отбежал и вернулся к матке, которая лежала уже. Федор после этого сразу крикнул нам: «Не стреляйте!». Плывшая рядом со мной Анна Федору кричит: «Стреляй в быка!» – а бык, с огромными ветвистыми рогами, на снежном фоне так красиво смотрится. Но когда он уши свои приложил, голову склонил ниже, Федор закричал: «Ружья держите наготове! Стопчет!» – а сам веслом машет и кричит на него.

Бык все же неохотно убежал. Оказывается, на него ветром нанесло человеческий запах, а Федор одновременно по противоположной стороне быстро греб, зная, что ветерок нанесет на быка запах.

Мы удивились, что Федор не стал стрелять в быка. Федор объяснил нам: «Вы же знаете, что все наши лодки загружены полностью. Эту матку я все же застрелил, так как она яловая и очень жирная, а бык-то вон какой сухой. У него одни кости, он избегался, а потом, летом он кому-нибудь попадетсЯ уже жирный, да и некуда грузить его. Сейчас нам надо сухие еловые бревешки найти. Мы их свяжем, и в середину лодки поставим. Только так можем загрузить эту жирную матку».

Федор сразу обстановку оценил. Мы пристали к этой матке. Сначала выгрузили все лодки, так как тут надо ночевать. Пока обедали, обдирали, разделявали эту матку, которая была весом около трех центнеров со шкурой, ногами и головой, а эвенки ничего не бросают от добытого зверя. Пока искали по берегам сухие еловые деревинки на подвязи и готовили дрова на ночь, уже отемнело.

Назавтра утром три лодки посадили на связанные сухие бревешки, а при нагрузке эти боковые бревешки немножко топятсЯ в воде, и грузоподъемность гораздо

увеличивается, но тяжеловатой становится управляемость. Все же мы эту матку загрузили и благополучно приплыли до Чинонги, где все сдали. Итого сдали более полутора тонн рыбы и мяса, более двухсот ондатр, около ста белок. Две выдры добыли и сдали, одну шкуру волка, более ста рябчиков и одного глухаря.

С Чинонги до Мурины, где считали расстояние в 35 километров, мы еще три дня рыбачили и около трех центнеров еще сдали в Мурины. В итоге добыли и сдали более двух с половиной тонн первосортной рыбы и мяса. Этот экспедиционный лов запомнился на всю жизнь мне со всеми мельчайшими деталями, хотя местами трудновато приходилось всем нам.

Самой интересной рыбалкой для меня была, когда в холодные дни понесло по реке шугу, от которой рыба прячется под лед, а все тихие места покрываются льдом. Тут прямо днем устанавливают невод повдоль льда, после чего топорами около берега лед прорубают и, встав на него, этот лед выталкивают на течение через невод, и вся подледная рыба оказывается в неводе. Такая рыбалка трудоёмкая, но интересная. Фёдор же знает, где рыба прячется и где ее должно быть много, и как её взять.

Федор же нам говорил, что мы как можно больше должны добыть рыбы выше середины расстояния между Уяном и Чинонгой. До этих мест и летом редко поднимаются рыбаки, которые ниже добудут рыбы и зверей и, загрузив полные лодки, уплывают обратно. Эти места за лето мало тронуты, мы рыбы добудем больше. А с середины расстояния, ближе к Чинонге, начнем встречать муриньских и чинонгских рыбаков: и сетевщиков, и неводчиков. Ими уже будут заняты определенные места, но мы тоже будем рыбачить. Мы гораздо меньше будем добывать рыбы, но там поможет нам шуга, наступление холодов. Ведь есть многие хорошие рыбные места, где нельзя ни неводить, ни плавить сети из-за подводных ломов и крутых поворотов, где вода бьет в скалы и в лома. А шуга рыбу загонит под первые льды по тихим местам около таких рыбных мест.

Мы начали встречать первых рыбаков и узнавать, в каких местах ниже находятся рыбаки. Ночевали со встречными рыбаками уже около двух костров, разгребая снег под ночуйки. Мы впятером всегда ночевали вокруг подходящего костра. Я уже стал настоящим таежником и мог спать у костра, да и многие другие таежные правила освоил. Для меня было уже смешно, как впервые ехал с Романом. Мы около встречных рыбаков уже не рыбачили, а сплывали ниже уже по прорыбаченным местам, где рыба после небольшого перерыва все же скапливалась. А как шуга

началась и тихие заводи покрылись льдом и стали выдерживать человека, тут уже кто где успел занять место, те там и рыбачили.

Это очень трудная рыбалка, но один эпизод запомнился, где наш Федор, когда мы подплыли, сразу сказал, что здесь мы должны добыть рыбы и около льда установили невод. Почти с обеда до потемок мы впятером очищали лед и последнюю подходящую льдину около берегов пробили топорами. Федор, встав на эту льдину вдвоем с напарником, вытолкали шестом на течение. А мы лодки с течения сняли, а все же интересовались, выдолбив лунки, посмотрели рыбу подо льдом. Рыбы много, в основном передвигались сиги, и у нас работа пошла еще азартнее.

На невод мы надеялись, что он целый, без единой дырки, так как женщины очень придирчиво следили за состоянием невода. Когда эту последнюю плащину льда, под которой еще пряталась рыба, освободили, вся вода замутилась, и видно было бульканье, и как рыбины ударяются о берег. Когда невод стали подтягивать к берегу, вода просто кипела. Это, оказывается, сиги такие беспокойные, которые даже через невод могут перепрыгнуть и на пологий берег выскакивают. Тут на лодках две женщины ботают, а над матней (неводный куль) поднимают верх невода, а мы с Федором и моя теща Марина подтягиваем невод.

Я впервые видел такое количество рыбы и подумал, что как же мы невод (матню с рыбой) вытащим. Оказалось одних сигов около двух центнеров почти, были и ленки, и хариуса, но не так много. Когда всю рыбу из матни невода освободили и разложили на подготовленную площадку, устроили перекур, окружив эту площадку. Все в таком веселом настроении, сколько веселых разговоров, смеху, а рыба еще трепещется, но скоро она застынет. Мы, все обрызганные, подмокшие стали белеть, покрываясь ледяной корочкой.

Когда невод подтягивали к берегу и сиги бурлили в неводе, мы все кричали, как дурные, не зная кто о чем кричит. Тут и усиленная ботка, от которой все обрызгались, но хороший костер все высушил, и все в сухую обувь переоделись, и как будто не были у воды.

Такая шумная неводьба у нас была единственной. Обычно невод подтягивали тихо, осторожно, а где течение подхватывало, успевали быстро выбрать, но все команды Федора были понятны. Таймени всегда слышны в руках, как ударяются о невод, но такого бурного волнения рыбы не бывало.

Ночи стали прохладными, и дров для большого костра готовили порядком. Ужинали уже поздним вечером, а под оленьими дошками тепло спится всю ночь,

только попеременно поддерживай устойчивый костер. Утром, накинув на спины доски, вокруг костра завтракаем. Шугу по утрам все гуще и гуще стало нести, а снег под ногами хрустит как зимою. Пора заканчивать весенне-летнюю путину.

Утром, как обычно, каждый сложил свои вещи и привязал к поняге. Погрузили во все лодки добытые заготовки. Всю свежемороженую рыбу затарили в кули и погрузили в лодки к бочкам. Все наши пять лодок оказались до предела загруженными. Федор сказал, что теперь всё поплывим до Чинонги напрямую, без рыбалки, но еще добыли матку сохатого, о чем упоминалось выше, и встречные рыбаки нам завидовали.

Мне уже хотелось завершить рыбалку и приехать домой в Нюруткан к жене Поле, которая давно завершила рыбалку и отлов ондатры на озере. После замерзания озер она поблизости уже давно с собаками охотится за белкой. Она ждет свою мать Марину, чтобы ехать на кочевье на оленях на большую охоту. Я знал, что она от своей бабушки Матрены получает много поучительных руганий. Особенно по выделке кож и по пошиву из кож различной обуви и одежды, где Поля еще допускала ошибки, за что получала замечания и от матери.

Мне еще предстояло, доплыв до Мурины, сделать основную работу, и только затем ехать домой к Поле, пока она не ушла на охоту с матерью. Но надо слушаться своего звеньевго Федора и остальных женщин, которые старались добыть рыбы больше, а рыбалка становилась все труднее. После каждой рыбалки вся наша одежда оказывалась обледеневшей, и только у хорошего костра обсушивались и обогревались. Леденели и сети и невод, которые приходилось обливать кипятком, но никто из нас не простывал. Все были здоровыми, бодрыми, но только наша Анисья Шерстова временами бывала задумчивой, так как она, невестка бабушки Матрены, получила извещение о гибели своего мужа на Западном фронте. Муж Болдаковой Анны и мой тесть Щукин Игнатий, а так же сын Федора Михаил служили на Востоке, охраняя восточные рубежи нашей Родины, и вернулись с Победой над японской Квантунской армией.

Когда мы доплыли с рыбалкой с Чинонги до Мурины и сдали добытую рыбу в Мурины, да еще немножко пушнины и рябчиков, подвели полный итог своей работы почти за месяц.

Фёдор и все три женщины в период этой экспедиционной рыбалки многому меня научили. Для меня почти каждый день всё новое было, а белую речную рыбу по такой

быстрой, ломовитой и разбитой на протоки реке не так-то просто и ставными, и плавёжными сетями, да и неводом добывать.

Крупных зверей никто из нас больше не видел, кроме быка изюбря, которого Федор застрелил и двух сохатых в последний день на Чинонге. Следов по новому снегу много видели, а летних следов, когда они летом находились около воды и питались подводной растительностью, очень много. И мне, как первачку, казалось, что все истоптано местами как на колхозном скотном дворе.

Насчет застреленной матки я у Федора все же после этого спросил: «Почему ты именно матку застрелил, а не быка?» – хотя насчет быка он сразу объяснил, что он сухой, очень плохой упитанности. Он, не задумываясь, сразу ответил: «Ты видел, matka такая круглая, упитанная стояла. Осенью матки, которые вырастили теленка одного или чаще двух за лето, такие не бывают – телята же высасывают ее, а эта холостая, яловая. Она больше телят рожать не будет, как у наших домашних оленей и у коров так же бывает. Таких яловых маток оленей забиваем на мясо, и мясо мягкое, жирное и вкусное, и так же у сохатых. Видишь, какое жирное, хорошее мясо?».

Насчёт быка Фёдор мне говорил, чтобы в дальнейшем я был осторожен во время гона. Быки в это время бывают злые и могут налететь на человека и стоптать. А если убьёшь сначала матку, бык сразу не убежит и очень легко бывает его застрелить, если он ещё упитанный. У сухих быков мясо синее, твёрдое и при этом мало – одни кости да жилы.

Да, эвенки в своей родной стихии – тайге настоящие «улуakitканы». Федор не умел в трубу подзывать ревущих быков изюбрей, но такую трубу он брал с собой. Сразу по приезду на рыбалку он мне сказал: «Эта труба моего сына Михаила, который сейчас служит в армии на Востоке. Он хорошо умел пригаркивать быков изюбрей, и много их передобывал, а я не умею, возможно, ты научишься. Скоро по утрам мы начнем слушать ихний рев».

Бык бежит драться со своим соперником и становится добычей охотника. И действительно, по утрам перед рассветом, когда первые петухи, везде вокруг был слышен рев быков, а я, сколько ни тренировался, не смог пригаркать их. Два раза они уже подходили близко, но видимо чуть изменялся звук, они сразу переставали отзываться и уходили. Надо было звать одним тоном как начал откликаться и нисколько нельзя изменять.

Эту профессию не каждый осваивает, а быков сохатых здешние эвенки не подзывали. С вечера, с наступлением сумерек они мычат и по-разному у них рев. У

изюбрей звучный однотонный, протяжный, красивый рев. Да. Столько зверей пасется в тайге, что по вечерам и утрам вся тайга в звуках, отдаленных и близких, а днем рябчики свистят по берегам. Всего двух глухарей видели, а косачей (тетеревов) совсем не видели.

Жалко было одну выдру, которая оторвала цепь и с капканом ушла под лом и там бесполезно пропала. У Федора было всего два капкана на выдру двухпружинные ещё и с зубами, так как ноги у выдры сильные. Она и сама сильная и со слабого капкана вырвется. Фёдор ругался на неудачу с выдрами, так как всего две выдры добыли, а он рассчитывал на больше.

В ту осень в этих двух колхозах были созданы неводные звенья, и многие по реке рыбачили, по два-три рыбака в коллективе. На озере рыбачили остальные, в основном женщины. Многие женщины уехали с Муриньского колхоза на Нюрютканские озера рыбачить, с целью выполнить свои планы по рыбодобыче, ондатровать, но и уток добыть. Хотя для муриньских колхозников не было планов на водоплавающую дичь.

Моя Поля уже в совершенстве рыбачила, ондатровала и уточила. Бабушка Матрена оказывала большую помощь в обработке ондатры и уток. Утиное перо без крупных перьев с крыльев и с хвостов она собирала в кули для карамских русских на подушки и для русских шила одежду и обувь. Русские зимою часто ее увозили в Карам погостить и обратно привозили с большими гостинцами. Я знал, что Поля хорошо добудет рыбы, ондатры и уток.

В итоге, наше звено сдало государству больше остальных. После завершения этой рыбалки я говорил своим товарищам: «Мы около месяца прорыбачили, хоть и трудно нам досталось, но столько ценной продукции сдали Родине».

Теперь нам предстояла другая работа. Мне – работа в бухгалтерии в этих двух колхозах, а им – быстрее собраться и начать охоту за пушниной. Речные рыбаки еще некоторые рыбачили, попутно добывая пушнину, а озерные рыбаки после покрытия льдом озер уже давно охотились за пушниной.

После экспедиционной рыбалки мне предстояло как маятнику ездить между двумя колхозами, и вот Федор посоветовал, что я между Муриньей и Нюрютканом могу белковать.

Хозяин квартиры в Муринье Егор Иванович дал мне рабочую собаку с кличкой Найда. Она очень хорошей собакой оказалась, далеко в стороны не убегала и недалеко от дороги находила белок. Я в магазине купил новую ТОЗовку. Тогда во всех эвенкийских магазинах ТОЗовки и гладкоствольные ружья разных калибров свободно

продавались, но эвенки ружья 16-го калибра не покупали, потому что они много расходуют боеприпасов. Покупали ружья малых калибров: 32-го, 28-го, 24-го, редко 20-го калибров, а 16-го калибра двустволки висели в магазине.

Милицейские разрешения были только на карабины и берданы и можно сказать, формальные. Многие их и не имели. А большинство охотников с кем-нибудь разрешения отправят в милицию, если вспомнят об этом, на год продлят. А если года два-три разрешения оставались незарегистрированными, то сразу за все года отметят и дальше на год продолжат. У кого карабин изнашивается, то в магазине новый купит, где продавец для отчета сделает отметку о разрешении – и все.

Бердан в продаже не было, но боевые берданочные патроны продавались свободно по потребности. Берданы, видимо, практически не изнашивались, так как у них винтовые нарезки на стволе в четыре линии были глубокими, а пули все были чисто свинцовыми. Эти берданы, называемые еще четырехлинейками, с пулями в диаметре более десяти миллиметров, были очень мощными, старыми, царскими армейскими ружьями. Запасы их, видимо, иссякли, а патроны выпускались или уже были последними из запасников. А жаль, что такие винтовки не выпускались, о чем все охотники выражали свое сожаление. Карабины гораздо слабее бердан были и много зверей подранками отпускали. Звери, убежав далеко, конечно, погибали бесполезно, на съедение медведям и воронам.

Итак, я сделался охотником. Начал часто ездить между этими стойбищами, то в одном, то в другом колхозе передневывая. Самый удачный день охоты был, когда за день добыл 33 белки, а бывало, и десять белок не добудешь за день. Все мои белки обрабатывала бабушка Матрена. В итоге я сдал государству более трехсот белок и узнал, как некоторые белки прячутся в густых ветвях кедра. Надо смотреть куда собака смотрит. Собака была спокойная, не царапала дерево, а подлаивала издали. Некоторые белки сидели спокойно на нижних сучьях, а хитрые белки прячутся, но собака ее из своего виду не упускает и следит за ней. Такие собаки очень ценные для охотника, о чем я понял.

Моя Поля с матерью ушла с оленями в кочевье охотиться, а мы с бабушкой Матреной остались в Нюруткане, а в Муринье мои родители и сестренка семилетняя. Их я привез в конце марта, вечных скотоводов и землепашцев. Отцу было уже более шестидесяти лет, а мать моложе его была более чем на двадцать лет – так раньше буряты женились, вернее их женили, отдавая калым (выкуп невесты) родителям или старшим братьям и сестрам, если родителей нет.

Таким образом, за лето и осень 1943 года я и охотником, и рыбаком сделался.

Моя первая рыбалка на ленков была с удочкой на червяка. А ленки некоторые были до двух и более килограммов. Однажды утром я добыл сорок ленков, сдал рыбы более сорока килограммов на большое удивление моих родителей и эвенков, которые никогда не применяли удочки (крючковой лов). И это за одно утро.

Я с опозданием начал удить длинным удилищем с прочной длинной леской, которую с тяжеловатым грузилом надо забрасывать дальше, на что надо и умение и опыт. Я все летние школьные каникулы увлекался только удочками разным способом, но такой рыбалки в наших деревенских краях не бывало.

Если когда-нибудь одного, двух ленков добудешь, то слава пройдет по всей деревне, а добывали в основном гольянов, ельцов, окуней. На некоторых озерах водились караси, а приток Лены – небольшая речка Анга, где располагались наши деревни, была бедна рыбой.

Таким образом, я сдал государству ленков около трех центнеров, но потом ленки разошлись по плесам мушковать. Я тогда не владел этой техникой рыбалки, но начал учиться рыбачить плавежом в ночную, для чего приобрел одну небольшую плавежную сеть. Ей в удачные ночи добывал до двух ведер хариусов, но бывали и ленки.

Самое трудное для меня было толкаться на шесте против течения. Моя лодка «гуляла», а через шиверу я не в состоянии был протолкаться. Если до середины шиверы дотолкаюсь, то лодку обязательно с пути свернет. Одну шиверу под Муриньей пришлось протащить бродом в кирзовых сапогах, заполненных водой, сначала холодной, но затем согретой, потеплевшей от теплых ног.

Резиновых сапог в то время не было, а эвенки с весны до осени рыбачили в обуви из сохатиной кожи и ноги были в вечной мокроте. Портянки и обувь сушили в обед и вечером. Мне казалось, что у них ноги с детства привыкшие к мокроте, потому что даже старики на ноги не жаловались.

Я больше рыбачил около стойбища, но меня привлекал ниже Муриньи длинный широкий плес с чистым дном, называемый плесом Кадая. До Кадаи я редко спускался, так как много времени уходило на разъезды и работу, но все же уделял на это время. Это была сила молодости, которая охватывает все, присущее молодой силе.

От сетевой рыбалки сдал всего около центнера. Временами моя мать уносила рыбы сдавать даже менее одного килограмма. В итоге общая сдача рыбы составила более четырех центнеров личной сдачи. Это для меня было большим событием.

Окончив экспедиционный лов, я уже, можно сказать, в совершенстве овладел рыбалкой, и та шивера под Муриньей уже для меня была смешной. Вот как молодой человек может быстро освоить любые профессии, если есть желание. Но на озере Нюруткан я боткой не в состоянии был рыбачить по состоянию здоровья.

Родители мои теперь ничего не говорили, хотя перед поездкой на работу к эвенкам в Тутуру были против. Сейчас они всегда перед моими выездами говорили: «Бог тебя видит, бог тебе поможет!». Моя сестренка в период моей командировки в Иркутск с отчетом умерла, и ее уже похоронили. Она вместе с ребятами начала купаться в Киренге, в такой холодной воде и забрела подальше, но не смогла справиться с течением, и ее унесло. Захлебнувшись, она скрылась под водой, а оставшиеся на берегу ребяташки закричали. Услышав крики детей, прибежала одна женщина, которая побежала по берегу и видит, что ее несет по дну и прибывает к берегу, так как тут Киренга поворачивает и течение прибывает к берегу. Женщина быстро забрела в воду и ее вытащила. Тут кто был дома, сбежались и начали откачивать воду из легких, после чего девчонка начала оживать и дома вошла в сознание. После этого вскорости она заболела воспалением легких, и ее ничем не смогли спасти, так как в то время таких эффективных лекарств не было.

Вот так быстро моей сестренки Маруси не стало. А когда я поехал в Иркутск, она меня обнимала и нехотя сошла с колен, и провожала меня до самой Киренги с массой разговоров. В летнюю пору уровень реки Киренги падает, и на конях в одном месте перебредают, а сестренка все стояла, и что-то по-детски громко говорила. Она все стояла и ручонками махала, пока я не скрылся за рекой в лесу. Это как будто она предчувствовала, что в последний раз со своим братом прощается.

Я до сих пор вижу, как она машет ручонками, когда я скрывался в лесу, и я ей в последний раз помахал прощально. Когда я приехал из Иркутска, непросто было перенести такое горе. С наступлением зимней дороги я родителей перевез в Нюруткан, а моя сестренка Маруся осталась навечно в могиле на Муриньском кладбище.

Глава 10. Осенне-зимний промысел

У эвенков в году два основных сезона. Весенне-летняя путина, которую еле дождутся за долгую зиму и начинают рыбачить с большим подъемом, к ней подготовившись за зиму. И второй – осенне-зимний промысловый сезон, который начинается с наступлением холодов, когда мех у пушных зверьков «созревает».

По снегу можно выслеживать копытных зверей, а также проверить несколько раз за зиму места их зимней жировки, и всю зиму употреблять свежемороженое мясо – строганину из печени и почек, свежие мозги с костей ног, а также медвежье сало добытых в берлогах медведей. К этому приучаются самые смелые пушные собаки, которые также загоняют на дерево росомах и рысей, но крупная рысь некоторый раз раздирает одинокую собаку. Охотник лишается хорошей собаки, и в семье создается большое горе, большая утрата, но такие случаи редки, так как собаки рысь берут обычно коллективно. Одну собаку на рысь не посылают и, видимо, собака тоже рассчитывает опасность рыси, если она одна.

К осенне-зимнему сезону эвенки готовятся тщательно все лето. Все подготовительные работы к каждому сезону решаются на заседаниях, собраниях колхозов. Помощь оказывают советские, партийные и заготовительные органы. Старые эвенки вспоминали свои горечи при царизме, в каком жалком положении они встречали эти два основных сезона.

Весенне-летняя путина была лишь для личного питания с примитивными орудиями лова. От этого зависел низкий жизненный уровень, не говоря о социальном положении.

Итак, закончив весенне-летнюю путину, перевыполнив план рыбодобычи, в этих двух колхозах прошли общие собрания, на которых решались вопросы: как лучше завершить год, как больше добыть пушнины, мяса диких животных, рыбы, боровой дичи и другие неотложные вопросы, а также выявились передовики и отстающие.

В Муринском колхозе передовым, как обычно, стало звено деда Ачинки (Сафонова Федора), выполнившее почти два годовых задания, а в Нюрютканском колхозе личное первенство удержала Шерстова Евдокия Северьяновна, выполнив почти четыре годовых плана рыбодобычи, больше всех сдав ондатры, а также ягод. За это ее наградили почему-то только медалью, возможно неточные данные оказались.

Успехи в этих двух колхозах были впечатляющими, но в дальнейшем намечались еще более высокие сдачи заготовок государству. Было решено от двух этих колхозов создать одну бригаду и направить в отдаленный колхоз «Омакта Бэе Бэйсен». Где эта бригада должна будет принять участие в подледной рыбалке, которая там начинается с 15 ноября (по мере утолщения льда).

Все знали, и в том числе я, работая в Совете и райпо, что в этом колхозе на подледной рыбалке добывают в огромных количествах свежемороженую рыбу. И что

Качугский рыбзавод за счет этой рыбодобычи выходит из положения, хотя этот эвенкийский колхоз очень далеко расположен.

Бригаду создали всего из семи человек (четыре женщины и трое пожилых мужчин). Ведь рабочей силы никуда не хватало, а в такую даль нужны люди сильные.

На комсомольском собрании решили направить в бригаду самую боевую комсомолку, Чертовских Аню. Ей было поручено вести работу от нашей комсомольской организации. Она должна будет отчитаться после возвращения о своей работе и выполненных ею поручениях. На собрании распределили всех оленей по охотникам, хотя у многих были личные олени, оставленные после обобществления при организации колхозов и временно колхозное стадо оленей разошлось по рукам.

На созданную бригаду (назвали ее Хандинской бригадой) выделили около шестидесяти добрых оленей, в том числе около двадцати или более телят, которые в октябре уже становятся подходящими, но от матери-матки не отстают и еще подсасывают ее, хотя уже гон (спаривание) у них почти закончен.

На остановках телят привязывают, остальных отпускают на выпас, но матки все равно прибегают к своим телятам и вместе с ними быки, кастрированные и производители, у которых уже агрессивность угасает. Все они соли просят – лизнуть мешочек с солью. Если кочевье переезжает, то утром рано надо всех рабочих оленей поймать и снарядить каждого. А какая сбруя (узды, ремни, седла, потники) и какой груз на какого оленя предназначен, каждый оленевод или оленеводка знают, в зависимости от индивидуальной силы маток и быков. На быков грузят до 50 и более килограмм, а на маток по 30-40.

Во время снаряжения и погрузки, в любой мороз, все работают голыми руками без рукавиц. Но есть специальные рукавицы – *коколды*, у которых меховая прореха чуть выше ладоней, из которых моментально можно вынуть руки, а рукавицы остаются на руках и также быстро их можно одеть. Но в большинстве требуется работать голорукими при снаряжении, погрузке, разгрузке, необходимости привязывать и отвязывать массу ремней и вот тут женщины работают гораздо быстрее, чем мужчины. Если они вообще помогать начнут.

На сбор транспорта уходит много времени, начиная со сбора оленей в раннее утро, которых можно было приучить приходить на звук рожка, трубы, или других сигналов. У них заведено оленей звать окриками, у кого какой выработан. Олени знают своих хозяев и бегут на зов и в первую очередь им надо лизнуть соль в мешочке. А мешочек весь пропитан солью.

И вот утром рано слышны разные окрики: женщины звучно зовут «э-ле-ле-леее..., хэ-хэ-хээ...», и другие подобные зовы во весь голос и эхо далеко уходит по тайге, а некоторые протяжные громкие песни поют. Вот где развивают свои голоса молчаливые, тихо разговаривающие на охоте, рыбалке, и в пути по рекам, озерам и по тайге, где часто видят зверей, эвенки.

Рыбаки Хандинской бригады беспокоились, чтобы в пути не встретиться с русскими охотниками, у которых собаки, не знающие домашних оленей, могут напасть на них. Тогда собаки особенно телят раздирают и стадо разгонят так, что трудно собрать. Ведь злобные собаки даже на своих оленей кидаются и маленьких телят давят, но в таких случаях им от хозяина крепко попадает, так что больше такого не повторится.

Эта бригада боялась также хандинских собак. У хандинских эвенков уже давно вывелись олени. Их олени в основном с дикими оленями уходили, так как там, в Ханде, много диких оленей, которые массами мигрируют весной к высокогорьям, гольцам, где летом мало гнуса, а к зиме – обратно, где снег мельче.

В эту пору хандинские эвенки добывали оленей помногу и весной и осенью, а также зимой при их остановках. Таким образом, здесь домашние олени в основном одичали. Кроме того, с увеличением русских в ближних деревнях, русские стали уводить их воровски, а также просто воровски убивать и мясо увозить. Эти две причины вынудили ликвидировать своих оленей и приобретать лошадей, на которых во все охотничьи места добирались, доставляя продукты для осенне-зимнего промысла.

Охотники с оленями при охоте на копытных зверей устраивают жильё (чумы) в густых мелких листвяжках, где на ветках этих деревцев растёт белый мох, видимо похожий на ягель на земле, которым любят питаться олени. Здесь взрослых оленей, а также собак не отпускают, соблюдая тишину. Оленю достаточно срубить обросшее ягелем деревцо и за середину привязать длинным ремённым поводом от узды. Олень весь мох соберёт, да ещё копытами весь снег выгребёт, собрав ягель на земле, и сыт, можно сказать, на сутки и телята вокруг вдоволь наедятся.

Олени не боятся ни пурги, ни жестоких морозов и лежат на снегу, как на тёплой подстилке. Во всех отношениях олень своей неприхотливостью не сравним с лошастью. Но ему требуется постоянный уход и уход со знанием оленевода и с любовью к этой профессии. Олени плавают по воде очень быстро и спины у них

сухие. Они проходят по любым болотам, а где сильно топкое «ключевитое» место, достаточно перекинуть пару жердей и они по ним перейдут.

Природа одарила народности Севера ценнейшим животным, которое дает мясо, молоко, шкуры для обуви и теплой одежды, а также для покрытия чумов в зимнее время, и транспорт незаменимый. А в последнее время ученые начали вырабатывать из рогов северного оленя ценное лекарство, видимо, не отличающееся от пантокрина. Сейчас большие оленеводческие колхозы и совхозы народностей Севера дают значительное количество мяса, шкур, из которых промышленность вырабатывает отличную замшу, и в больших количествах начнут давать пантокрин.

Оленеводство народов Севера – это ценнейшая отрасль народного хозяйства страны, которую надо развивать и приумножать. Учить молодежь и прививать любовь к этой профессии, хотя она очень трудная, требующая силы и хорошего здоровья, и оплата за труд оленевода должна быть высокой.

Ведь в больших хозяйствах дополнительно можно получать много молока и сливки. А оленье сливочное масло после переработки – это ценный продукт питания, за которое я бы платил дороже, чем за коровье сливочное масло, такое оно белое и, видимо, диетическое, лечебное.

Итак, Хандинская бригада собралась в продолжительную трудную дорогу. Они в пути должны вести промысел на пушнину, останавливаясь на хороших участках тайги во многих местах, а расстояние до этого колхоза более двухсот километров. Бригадиром назначили председателя Нюрутканского колхоза Монастырева Федора Константиновича.

Хотя все эвенки в тайге свободно ориентируются и, видимо, какой-то природный инстинкт вырабатывается, не даром любую экспедицию напрямик приведут, куда им нужно. Но Монастырева Федора все знали как отменного рыбака, с которым я порыбачил дважды за лето, и как лучшего проводника по тайге.

Вот в городе, когда мы с ним ездили на совещание в Иркутск, никакой ориентировки у него не было. Даже квартала два пройдет, а обратно то место, откуда вышли, не найдет. А тайга его родная стихия. Не владея компасом, да о компасе и представления не имея, до жилья и куда задумали дальше, уведет напрямик через хребты. Словом, по тайге, как по родной деревне себя ведет – так о нем говорили.

Эта Хандинская бригада должна до Ханды добраться к 15-му ноября, охотясь в пути, и приступить к подледной рыбалке. А про рыбалку узнают при встрече с местными охотниками.

На Ханде все ждут крепких морозов, чтобы лед стал толще, так как одна неводная бригада в составе 25-30 и более человек за одно притонение вылавливает пять, десять и более тонн рыбы и весь этот груз лед должен выдержать.

Там находилась бригада «Гослова» Качугского рыбзавода, местные колхозники, и довольно крупная круглогодичная бригада рыбаков Бодайбинского золотопродснаба, организованная по решению Иркутского облисполкома для снабжения рыбой золотопромышленников далекого золотого Бодайбо, куда добытую этой бригадой рыбу доставляли на лошадях по зимней дороге все сельскохозяйственные колхозы Казачинско-Ленского района. Хотя и очень трудная, далекая (около пятисот километров) зимняя санный дорога, а Родине нужна была золотая валюта на оплату за поставки продуктов, техники из США и Англии.

Качугский рыбзавод из Ханды всю принятую рыбу, мясо, ягоды, орехи, также на лошадях доставлял до Качуга. Это тоже около пятисот километров везли лошадьми всех сельскохозяйственных колхозов Качугского района, по решению Качугского райисполкома, по которому, работая в райпо, я заключал договора со всеми колхозами района. Качугский рыбзавод здесь принимал более трехсот тонн рыбы, а бодайбинская бригада – до двухсот тонн вылавливала.

Наша страна в дни войны фактически почти приостановила морскую рыбалку на Азовском, Черном, Баренцевом и Белом морях, и в других рыбопромысловых местах. Да и наш рыболовный флот был в то время гораздо слабее. Поэтому наше правительство приняло решение как можно больше рыбы отлавливать во внутренних водоемах, в тылу. Для этого создали различные рыболовецкие бригады, колхозы, рыбзаводы, которые должны были снабжать население животными белками. И как бы трудно ни было, добывали рыбу, мясо диких животных, ягоды, орехи. Еще труднее было с доставкой. Но нигде ничего не оставляли и боже упаси, заготовленную продукцию испортить хоть килограмм, не говоря уже о недостачах принятой продукции. Таков был закон военного времени, что знали все тыловики.

После собрания, разобрав всех оленей и хорошо подготовившись к длительному выходу в тайгу, все дружно погуляли день, повеселились. В магазинах в продаже в двестилитровых бочках спирт питьевой всегда бывал на розлив. Все дружно отправились на промысел, и все стойбища, можно сказать, опустели.

У многих домов, амбаров двери подперты чурками, чтоб собаки не залезли, и ни у кого не было замков, так как насчет воровства понятия не имели. Уходя семьями на рыбалку, на промысел, во всех домах открыто оставляют на столе, в шкафу деньги,

продуктовые карточки, продукты, вещи. Словом, вся домашняя обстановка открыта и только двери подперты от собак, которых, конечно, не приучишь к честности.

Когда я впервые поехал работать к эвенкам в августе 1942 года, некоторые говорили, что эвенки – любители спиртного, но поработав у них более года, я убедился, что ничего подобного не наблюдалось. Они трудились так, что и прогуливать времени не было, а по прибытии с рыбалки, охоты вечером подопьют, повеселятся и назавтра опять за работу. Особенно пожилые мужчины и женщины молодых держали, как говорится, в вожжах, и они покорно слушались родителей, дедов, бабушек.

После ухода на промысел обновлялись разноцветными ленточками «священные» деревья, к веткам которых каждый уходящий привязывал несколько разноцветных ленточек, вырезанных из материалов, и на ветру они так красиво развевались. Это как подарок лесному духу, хозяину, на удачный промысел, на полное здоровье, на счастье.

Дома оставались старики и старухи, но некоторые в составе семьи уходили в кочевье, где на местах стоянок в чумах также трудились «по дому». Оставались женщины беременные и с грудными детьми. Многие и с грудными детьми уходили в кочевье, тепло укутав в оленью шкуру ребенка и посадив в полусидячем положении в походную зыбку. А ночью у костра в чуме всегда тепло, в любой мороз, но в таких семьях были няньки-старухи, чтобы мать могла охотиться днем.

Многие старики и старухи охотились около дома, километров на пять и более отходя от стойбища. Для таких специально оставляли неопромышленные места поблизости в тайге. Оставшиеся дома с нетерпением ждут прибытия охотников.

Вот первые охотники прибыли и сразу начинают оживать стойбища: лай собак, по стойбищу бегают олени, побрякивая своими копытами. Слышится звон колокольчиков, боталов, которые привязывают каждому взрослому оленю за шею, ведутся веселые разговоры, проводят просмотр добытой пушнины. Да мало ли еще что произошло после отлучки от стойбища на два, три и более месяца, находясь без единой связи за это время. Так друг за другом, группами начинают прибывать на стойбища.

Хандинская бригада с оленями, не доходя километра 4-5 до жилищ, остановилась, устроив чумы. До жилищ, до стойбища за делами (покупка продуктов, сдача мяса в счет рыбы, помыться в бане и т.д.), водили организованно только быков без телят. Остальные олени с телятами находились у временного стойбища под

присмотром женщин и личных сторожевых собак, которые посторонних собак уже не допустят.

Всех жителей на стойбище предупредили: «Крупных злобных собак привязать на цепи», но в связи с частыми приходами оленей и эти собаки привыкли. Ведь собаки породы сибирская лайка умные, а в те года у эвенков сплошную были сибирские лайки, и любой кинолог мало какую бы выбраковал. Ведь не было никакой помеси с дворняжками и другими породами.

Эти года были уже последними годами чистопородных собак. Позже начали появляться и вислоухие и неповоротливые большой величины, и малошерстные, и пушистые, словом всякие собаки, которые по сравнению с сибирской лайкой несравнимы на промысле в тайге. Сейчас лаек осталось совсем мало. Это дело кинологов и самих таежных охотников сохранить и увеличить эту ценную породу собак.

Меня больше всего интересовало прибытие Хандинской бригады, которая и охотилась и рыбачила. Наконец дождались и их. Они все семеро прибыли здоровыми, бодрыми. Монастырев Федор всем собравшимся, которые интересуются, – он видит это по выражению их лиц, – сообщает: «До Ханды сходили хорошо, но мало белок добыли, всего около полторы тысячи штук, три росوماхи, две рыси, трех медведей, а сохатых да оленей вперед (дорогой туда) добывали только на еду и собакам. При остановках охотились на пушнину. Большее время провели на рыбалке, и на пай на нашу бригаду досталось двадцать одна тонна рыбы, а с мясом 24 тонны сдали».

Из сумки достает квитанции на сдачу рыбы и пушнины, которую добыли передним путем (дорогой туда). Рыбные квитанции часть оказались датированы в январе уже 1944 года, а пушнина вся сдана за 1943 год. Эта пушнина пошла в счет сверхплановой сдачи.

На обратном пути снег уже стал глубоким, и шли на лыжах. Женщины в большинстве своем ехали верхом на оленях-быках, но на морозе долго не усидишь и надо разогреться пешком на лыжах. Пушнину на обратном пути добыли плохо, так как собаки по глубокому снегу уже «плавают» и мяса не стали много добывать – всего около тонны привезли. А говорили, что так много сохатых, оленей и в передний и в обратный путь видели, но чтобы быстрее добраться домой, вдали вообще не стреляли, чтобы оленей не загружать издалека. И для самих людей на стоянках погрузка тоже тяжеловата. Да. Легко ли сказать, что «сходили» по таежному бездорожью, покрыв расстояние в оба конца напрямую около 500 километров при 40-50 градусах мороза.

Федор еще с гордостью добавляет: «Обратно все наши олени до единого прибыли очень жирными. Вся Хандинская территория богата оленьими кормами (ягелем) и от стоянки они далеко не уходят». Да, действительно, все олени прибыли справными, круглыми, без «надавов» на спинах под седлами. И конечно, вся сбруя исправна.

Во время подледной рыбалки в Ханде две женщины всегда попеременно находились с оленями. При таком бережном уходе эта бригада не потеряла ни одного оленя, но опасения от собак остались.

В период рыбалки, во время отдыха, всей бригадой семеро уходили в кочевье по местам жировок диких оленей и сохатых, которых добывали и сдавали по цене как рыба ленок, что гораздо дороже озерной рыбы.

Уж там-то Федор со своими товарищами втроем постреляли вдоволь, а значит надобывали много оленей и сохатых. А женщины на оленях транспортировали, все женские работы выполняли и очень строго следили за оленями. Мяса сдали более трех тонн. Оно вошло в общее количество рыбы, и с мясом побольше 24 тонн получилось.

Уже на комсомольском собрании наша Аня отчитывалась очень хорошо, и многие ей завидовали. Она так мужественно выполнила комсомольское задание, посмотрела столько таежных мест, столько сохатых и диких оленей перевидала. Помогала обдирать, разделывать туши добытых зверей. Так много добытой рыбы помогала вытаскивать из воды на лед и долбила пешней лунки для ботки и иордани для установки подледного невода. И о многом другом она еще рассказывала.

Все задавали ей вопросы, и она без задержки отвечала, и вообще она обычно быстро разговаривала, а если рассердится, то как из пулемета из ее уст слова вылетали – таков был ее характер, и в работе она была быстра. Она говорила, что уж хватило им переваживать мяса, а сдали всего более трех тонн. Много мяса раздали старикам и русским женщинам-красноармейкам.

Я, работая в Совете, при первой командировке бывал в Хикагне, которое большинство называют еще стойбищем Ханда. В первую очередь интересовался здоровьем председателя колхоза Попова Иллариона и кого знал. Аня с огорчением говорила: «Мы отсюда вышли на стойбище Дивиткан, где нам сказали, что еще не все охотники колхоза вышли с охоты, и рыбалка еще не началась, после чего на неделю ушли обратно в тайгу охотиться. Когда прибыли на Ханду, там уже давно начали рыбачить рыбаки Гослова Качутского рыбзавода и Бодайбинского золотопродснаба,

но местные колхозники лучше знали места. Мы с ними начали хорошо добывать, а всю добычу делили поровну, и на нашу бригаду досталась 21 тонна».

Самым последним из тайги вышел Сафонов Евдей со своей Ириной, которую обычно звали Евдеихой. Вся его пушнина пошла в счет выполнения плана уже начавшегося 1944 года. У Евдеевых, у этих передовых охотников Нюрютканского колхоза, ежегодно так сдавались. В январе или в феврале 1943 года уже годовые планы по пушнине у них были заранее перевыполнены. Вдобавок еще Ирина в сентябре сдавала ондатр.

1943 год был годом напряженного труда в этих двух колхозах, и все военные задания по всем видам заготовок выполнили и перевыполнили, кроме кедрового ореха. После богатого урожая осенью 1942 года в этом году почти совсем не было орех в этих местах. А когда мало орех, эвенки ни за что не будут работать, терять лишнее время, когда можно в сентябре ондатровать, хорошо рыбачить, добывать сохатых во время гона, и другие более ценные работы выполнять.

При подведении итогов социалистического соревнования между двумя этими колхозами, как обычно, Нюрютканский колхоз вышел победителем, там больше хороших охотников и рыбаков. Хотя остальные также охотились, но насчет Сафонова Евдея и его Ирины и об ихней охоте следует отдельно рассказать. У них при возвращении с охоты получился один редкий случай при охоте за оленями, и этот случай можно назвать «неожиданностью». На охоте возникают всякие неожиданности.

Глава 11. Неожиданность

Евдей со своей супругой Ириной всегда вдвоем охотились с кочевьем на оленях. И вот как обычно, в конце января возвращались с дальнего его любимого промыслового участка Чемборчана, где всегда больше добывали пушнины, перекочевывая с места на место за сезон несколько раз, всегда охватывая свежие места.

Ирине мало приходилось охотиться, хотя у нее тоже, как у Евдея было две охотничьи собаки на пушных зверьков. Эвенки обычно на пушную охоту не брали зверовых собак, так как они гоняются за сохатыми, изюбрями, дикими оленями и даже за кабаргой, и уведут пушных собак, которых могут испортить. То есть пушная собака может бросить искать пушных зверьков и лаять на них, переключившись на копытных зверей. Таких зверовых собак либо дома оставляли, либо при кочевке почти всегда на поводке водили, а на остановках те сидели на привязи около чумов. А по ночам их отпускали только как охранных собак.

У Ирины много посторонней работы, как обычно у женщин на охоте с мужьями, сыновьями. Ей надо готовить еду для семьи, собак, заготовить дрова, много времени уделять уходу за оленями, которых бывает до двадцати и более голов. То сбрую оленью надо ремонтировать и личную одежду и обувь. При перекочевках надо для व्यюков на оленей поровну продукты и весь багаж направить. Разбирать и устанавливать чумы, да мало ли еще всякой работы по передвижному хозяйству.

Мужчина с раннего утра до позднего вечера на охоте, а когда придет с охоты уставший, с ношей добытой пушных зверьков, в чуме тепло, уютно, и хороший ужин готовый. Если не успеют вечером у костра в чуме обработать вдвоем за день добытую пушнину, то она назавтра обработает и высушит. Но обязательно ей надо, избрав время, сбегать на охоту – эта «зараза» у всех женщин эвенков уже с детства. Поэтому женщины работу по хозяйству делают быстро-быстро, чтобы и на охоту выкроить время. Такова и Ирина была.

Они уже пятый день двигались, и к вечеру должны были добраться до дому, до стойбища Ньюрутан. Всё же уже по глубокому снегу передвижение замедляется и у оленей, и самим на лыжах. И вот пересекли свежие следы небольшого табунка диких оленей. Погода позволяла следить их – тихая и снежок подваливал. Евдею уже невтерпеж стало, хоть и приустал, но дал понять Ирине, что пойдет следить, охотиться за ними. Остановив оленей своих, с व्यюков взял котелок, чашку деревянную самодельную и такую же ложку, продукты, чая на две-три заварки, подстилку (матрасик) из оленьей шкуры и тихонько сказал ей: «Ты с оленями иди домой, уж не так далеко осталось – к вечеру доберешься, а если не так далеко услышишь выстрелы мои, то вернись ко мне, и мы около добытых оленей ночуем, а завтра с мясом доберемся до дому», – и разошлись.

С Ириной четыре пушных собаки ушли и одна зверовая. Ирина знает, если Евдей несколько раз выстрелит из своего трехзарядного карабина, то добыл не одного оленя и надоворачиваться к нему. Вот она идет и прислушивается, а выстрелов нет и нет. Она и думает, что эти олени идут ходом, не останавливаясь на жировку и все сытые, а Евдей не может их догнать или же вспугнул, не успев даже выстрелить – бывает и такое.

Ирина отошла с оленями уже далеко и вроде слышала выстрел. Сразу остановилась, но больше так и не могла услышать выстрелов, и пошла дальше. К вечеру добралась со своим табором оленей до дому. Кто был дома – все пришли и помогли развьючить всех оленей и все вещи стаскать в амбар и домой. У всех эвенков

был обычай, сразу с дороги не спрашивать о добыче, о здоровье, словом, о новостях, особенно у старых эвенков. Когда отдохнет, чай попьет, покурит, потом помаленьку начинаются разговоры.

Конечно, у всех было на уме: куда девался Евдей, ведь почти четыре месяца они охотились, а если какое-нибудь несчастье с Евдеем было бы, то у Ирины самочувствие совсем другое было бы, а то Ирина бодрая и веселая. Ирина об этом сразу догадалась и, посмотрев на вопросительные лица, доложила: «На Уяне Евдей остался оленей следить. Мы перехватили свежие следы небольшого табунка. Они прошли к Кислоруку, и он ушел за ними. Я вроде один выстрел слышала».

Тут все повеселели и заговорили: «Да, в ту сторону чащевитые места, не ловкие». Все же председатель колхоза Федор поинтересовался: «Как нынче на Чемборчане белка была?» «Белок там было средне. Евдей сказал, что побольше полторы тысячи белок сдадим. Добыли две росوماхи, одну рысь всего и 18 колонков».

Ирина, помолчав, продолжила: «Там сначала появился голодный медведь. Евдей следил его и на второй день убил. На оленях мясо привезли и собакам варили. Больше голодных медведей не было. Нынче собаки ни одной берлоги не находили. Вперед шли – Евдей трех оленей добыл, нам почти хватило на еду, своих оленей не забивали». Так кратко сообщила об охоте.

Назавтра к обеду пришел Евдей и, как обычно охотники приходят, в первую очередь достает с поняги немножко мерзлых ребер и две олени печенки. Ирина, увидев две печенки, удивляется: «Ты же, кажется, раз только стрелил, а откуда две печенки стало?»

Усмехаясь, Евдей отвечает: «Да, раз стрелил, а убил два оленя. Я их догнал и начал скрадывать по чаще и только в ближнего раз стрелил, а остальные скрылись в чаще, не успел еще раз стрелить».

Думаю, сначала костер разложу, а потом обдеру и разделаю этого оленя. Пошел срубить небольшую сушинку, и вижу, второй олень лежит, такой же «горячий». Я, когда ближнего оленя скрадывал, вроде за этим оленем не видел второго. Оказывается, второй олень прямо ко мне стоял в чаще, и пуля пробила сквозь по лопаткам первого оленя и попала прямо в лоб второго. Тут нарубил дров на ночь и заночевал. Вот какая неожиданность» – закончил кратко.

Все новости быстро расходятся по домам стойбища. Услышав об этом, я пошел к нему. Он, как обычно, спокойно сидит за столом и обедает. Мне предложил покушать нарезанной строганины из мороженных печени и почек. Мне все так же, как Ирине,

коротко обсказал о случившемся. Я поинтересовался: «Такие неожиданности часто бывают на охоте?».

Он, подумав, начал: «На охоте всякое бывает, когда стреляешь в бегущих сохатых, изюбрей и других, или же в ночное время, то попадаешь в глаз, ухо, в рога, или же челюсти сломаешь, но и по другим частям тела. Метишься по лопаткам, а в чащевитых местах пуля срикошетит и совсем в другое место попадет. На глядах стараешься первым выстрелом пасущихся зверей спарить, а вчера ближнего небольшого оленя пропустил и, нагнувшись, подкрался к большому быку и стрелял по лопаткам, а второй небольшой олень, видимо, кормился за ним, и надо же, пуля этого быка просквозила и попала прямо в лоб второго оленя» – закончив, улыбнулся.

После паузы продолжил: «Когда второго начал обдирать, то нигде по телу не нашел ни входного, ни выходного пулевого отверстия, а потом на лбу обнаружил пульное отверстие кровавое. Пуля в шейном позвонке застряла. Завтра оленей пять возьму и за мясом схожу» – закончил Евдей.

Охотники, когда разделявают тушу зверя, делят на равные куски и замораживают. Так же шкуры складывают, чтобы хорошо выючить оленей, лошадей, как можно уменьшая объем. Все хорошо прячут под снег, забросав мелкими деревьями, повесив рядом пугало от мелких хищников и ворон (снимут нижнюю рубашку и др.).

У Евдея при кочевье всегда с собой навьючены на оленях свертки рулонов из бересты, которой покрывают свои походные чумы, сначала установив из жердушек каркас чума. Бересту каким-то особым способом варят, затем две пластины бересты белыми сторонами вовнутрь сшивают, и это полотно двухслойное шириною около метра, вырезанное по ширине ровное достигает в длину пяти-восьми метров.

Что характерно, эластичная, мягкая береста на морозе застывает, грубеет и требуется у костра ее разогревать и рулон этот разворачивать. Им покрывают каркас. Рядом три-четыре в высоту по каркасу ложат, смотря какой каркас, и чум готовый. Когда дальше покочевали – эти полотна свернут в рулоны и на оленей навьючат.

Однажды у Евдея спрашиваю: «Почему чумы брезентом не покрываешь и быстро и удобно, а тут надо разогревать и рядом в три-четыре каркас чума покрывать»? Он сразу ответил: «Так-то так, но брезент холодный и сквозь брезент идет холод и ветер холодный просачивается, а берестяные эти полотна ничего не пропустят, а где чуть щелки, неплотно прилегшие друг на друга, мхом позатыкаешь и в любой холод тепло в чуме, а летом любой дождь и солнечные жгучие лучи нипочем».

Таких берестяных полотен уже мало у эвенков было, большинство возили с собой плотный брезент, который продавался в магазинах. Это уже остатки древней старины доживали последние времена. А между прочим, я в таких чумах у оленеводов ночевал: и в мороз тепло, и в летние, знойные дни прохладно, только дымокур в середине чума дымится от гнуса. Если хоть один комар за тобой залетел, то дымом размахал, и этот комар вылетит вместе с дымом в дымоход и опять чистейший воздух в чуме. Таково преимущество чума против палатки, в которой летом душно, нет циркуляции воздуха, а комара, мошку скоро не выживешь. Если ночью прохладно станет, то в чуме разложил небольшой костер из маленьких кругляшей, которые не искрят, повернулся спиной к костерку и отдыхай спокойно. Сухие сучья, колотые дрова, пихта, ну и ель трещат, искрятся, их эвенки используют, когда не спят, еду варят, следя за искрами, а для отдыха такие дрова не годные.

Насчет противопожарных мероприятий эвенки очень строги и своих детей обучают с малых лет, иначе люди таежные давно бы спалили всю тайгу, а тайга – жизнь эвенков, дом родной. Тайга – это зеленое золото, и все таежные жители берегут тайгу – народное богатство, а прибывших степных, городских людей сразу предупреждают – с огнем быть очень осторожными, о чем сначала мне всегда говорили, зная, что ранее в лесу я не бывал.

Пожар в лесу – это бедствие и за первый пожар в старой Чаре, при первой моей командировке, столько меня укоряли, что нужно думать головой и смотреть в оба. И деду Роману тогда досталось, но огонь дождем потушило, и ближние охотугодя остались целыми.

Про пожары, возникшие от удара молнии или трения деревьев от ветра, говорили, что это злой дух карает за совершенные грехи, и эти «грехи» обнаруживали, если такой-то то-то сделал неправильно, обозлил злого духа. Потому что очень много было суеверий, которые уже исчезли навсегда, но еще кое-какие, с глубины веков доживали последние года, как берестяные полотна.

Евдей насчет добытых этих двух оленей сразу сказал: «Это мясо я сдавать не буду, а повезу русским друзьям в Карам на гостинцы и еще за рыбой надо на коне съездить на Уян и привезти бочку, в которой осенью посолил сига, вальков и хариусов все вместе и из бочки немножко взять в Карам на гостинцы тоже надо».

Нюрутканские и Муриньские эвенки на зиму для себя и на гостинцы солят только сига, вальков и хариусов, а ленков и тайменей для себя не оставляют. Притом рыба чтобы была немножко с душиком, только в исключительных случаях. Насчет

этого никто никогда не возражал. Так поступали все для своих русских друзей из деревень Усть-Ханда и Карам.

Такие случаи у охотников-эвенков не единичные, особенно у добрых охотников. Ведь находясь столько на охоте, исходив за три с лишним месяца сотни и тысячи километров по тайге, истрепав несколько пар обуви, а также другой одежды, уже, казалось бы, уставший после такой упорной охоты, еще за оленями взялся поохотиться. Но он видел, что совершенно свежие переходы и погода хорошая, а главное, по-эвенкийски, около дома – такова уж охотничья страсть и Евдей уже знал, что должен добыть не одного оленя.

Другой, ленивый охотник поспешил бы до дому быстрее добраться и не пошел бы следить за этими оленями. Или же собаки далеко залают пушного зверька, он махнул бы рукой и пошел бы вперед, а собаки в таких случаях, не дождавшись прихода своего хозяина, бросят этого зверька и догонят хозяина. Такие охотнички портят своих собак и результат охоты гораздо ниже по сравнению с хорошими охотниками, хоть и ноги крепкие.

Когда соболя появились в этих местах, так называемые заядлые охотники не потеряют соболиную собаку, которая за соболем убегает временами далеко и загоняет соболя под корень дерева, в пустую колодину или на дерево и будет «держат» долго. В таких ситуациях охотник, разобравшись, по следу идет, а затем, чуть услышит лай собаки, идет на лай несколько километров. Добыв соболя, ему приходится ночевать, сидя у костра, так как уже отемнеет на обратном пути. Уходят так далеко, что и не слышно выстрелов товарищей у зимовья или у чума, которые, подождав до позднего вечера, начинают стрелять. Запоздалый охотник, идущий к жилью, обязательно откликнется выстрелом и придет поздно. А если он далеко, то голодный у костра всю ночь прокрутится и назавтра с хорошей добычей придет к жилью.

Насчет блуждания в тайге у эвенков случаев не бывает. Молодые сначала сезон с отцом, родственниками, с опытными охотниками проохотятся и всему научатся, а если кто-то слабовато освоил, еще один сезон проохотится, после чего уже станет самостоятельным охотником. Тогда эвенки говорят, что теперь он стал настоящим мужиком – «кошила бэе оран», и вот этот мужик (бэе) вступает в охотничью жизнь. Охотничья профессия трудная, требующая хорошего здоровья, силы и умения.

На новом участке в первые дни охоты охотник за день далеко не уходит, так как плотность белок и других зверьков большая, собаки их находят часто и охотник

возвращается с хорошей добычей. Затем изо дня в день круг охоты расширяется, собаки в поиске зверьков убегают далеко и добыча зверьков уменьшается.

Охотник искаживает большие расстояния, а добыча уменьшается, после чего он перекочевывает на свежее, нетронутое место. И так весь промысловый сезон в ходьбе и в ходьбе, всегда в движении. Такова работа охотника-пушника, а пушнина – мягкое золото, добывается трудом здоровых, сильных охотников – таежных спортсменов.

А Евдей с Евдеихой – не единственная пара охотников-эвенков. Все эвенки охотятся так. Видимо, еще есть кое у кого свои секреты, которые долго не держатся: либо сами расскажут, как лучше добыть, либо соседи, догадавшись в превосходстве нового способа, разгадают разработанный секрет. Эвенки ко всему придирчивы, хотя и знают все повадки зверей, а также рыб, но будут всегда ревизировать – это же «улуakitканы», а иначе не быть таежником.

Евдей все же был хорошим таежником, передовым рыбаком-охотником, так как все тонкости законов тайги знал и был здоровым и сильным в свои преклонные годы. Такая же здоровая, сильная и очень проворная была Евдеиха. А эвенкийская женщина с детства становится проворной, так как эвенкийке предстоит ежедневно множество работ, которые надо успеть сделать за день. Поэтому они вечно торопятся и все делают быстро, чему учат матери своих дочерей. Словом, девушка все должна уметь делать быстро: выделывать кожи, шить, ремонтировать одежду, обувь, берестяную посуду, охотиться и рыбачить, ухаживать за оленями и снаряжением оленьего транспорта. Как будущая мать, должна уметь ухаживать за ребенком. Приготовить пищу и много, много другой работы по хозяйству, как будущей домохозяйке, и все надо сработать в срок.

Прожив у эвенков, удивлялся тому, что у них до глубокой старости зрение было хорошим. Ведь это основа жизни в тайге. Казалось бы что вечно живя в тайге, находясь около дыма с детства до глубокой старости, все глаза дым должен изъесть. Дышат дымным воздухом и все легкие должны быть больными, а выходит наоборот.

Ведь ни у стариков, ни у старух нет очков. Хотя они были сплошь неграмотными, то есть не читали, не писали, а в ушко иголки продернуть нитку вечером или ночью у костра в чумах нужно хорошее зрение. В чумах никаких керосиновых ламп никогда не бывало – единственное освещение костер средний тлеет и все, а надо шить, мужчинам обрабатывать пушнину и другие работы выполнять.

На охоте белку, притаившуюся в густых ветвях кедра, увидеть надо зрение хорошее, или узнавать следы рыб на дне заводей, свежие или старые, и какие сети

здесь установить. Ленки ворочают камешки, из-под которых разных червячков находят, а сиги обычно в песчаном дне лунки проделывают, доставая пищу и по лункам видны размеры сигов, какой величины сети нужно ставить.

Словом, охота и рыбалка, особенно в ночное время, требуют хорошего зрения и слуха, а охотнику нужно, чтобы он не кашлял, кашель услышит любой зверь на большом расстоянии. Вот всеми этими качествами обладают эвенки пожилые и старые. Дым видимо обладает каким-то бактерицидным действием. Ведь чай, суп и уха, сваренные на костре пахнут дымом, и шашлыки мясные, рыбные и сушеная рыба и мясо (хуликта) сушеное над кострами в чумах – все пахнет дымом.

Для приготовления пищи и сушки эвенки используют только лиственничные дрова, иногда талиновые, березовые, но ни в коем случае не сосновые дрова, от которых, говорили, еда будет пахнуть смолой. Вообще эвенки сосновые дрова дровами не считают.

Когда они выходят с продолжительной охоты, у них вся одежда, да и сами они пахнут дымом. Кажется, что в чумах около костров они насквозь пропитались дымом, хотя с собой берут сменные одежды, в случае если промокнут. Без бани находятся такое продолжительное время, что, казалось бы, можно основательно обовшиветь. Но нет, и вшей, как таковых, многие не знают.

Старые эвенки всегда были людьми веселыми, жизнерадостными и трудоспособными. У многих зубы целые, а основное питание – звериное мясо (сохатые, олени, изюбри), речная и озерная рыба, оленьё молоко. Многие уже и коровье молоко начали употреблять. Картошку и овощи старые эвенки едой не считали, и грибов я ни у кого не видел, чтобы собирали для себя (жарили, солили).

А грибов местами такие огромные плантации нетронутыми пропадали. Ими питались сохатые, олени, а также белки, которых зимою уже не видно было, про запас сушили на ветвях деревьев. Еще старые эвенки любили употреблять в пищу рыбу и мясо с душиком, а зимою – строганину мясную, печеночную, почечную и расколотку из свежемороженой рыбы.

Долголетие и трудоспособность эвенков оказались отличительные, чем у степных деревенских жителей. Они все легкие, сухопарые, и только к старости некоторые женщины все же толстеют, как бабушка Матрена, мать моей тещи. Но опять же трудоспособные. Хотя уже не охотятся и не рыбачат, но не боятся никакой простуды. Что-то не помнится, чтобы кто-то простудился.

Зимою в домах ночью не подтапливают железную печку, как обычно в деревнях в жестокие морозы и к утру в доме почти не отличается холод с наружным так, что вода в ведрах, в тазу покрывается толстым льдом. С улыбкой хозяйки разбивают лед в ведрах, чтобы готовить завтрак.

Другое дело, где есть маленький ребенок, да и у молодых семей, где такая прохлада в помещении уже недопустима и они утепляют и ремонтируют дома. Старые пожилые эвенки не любят тепла, любят прохладу и кое-как дождутся марта месяца и начинают жить в юрте (чуме) у костра, а рядом дом пустует или же молодые живут. Вот что значит людям, родившимся, выросшим в чуме: лучше чума для них другого дома нет. А также костер в тайге для них в любое время года родной дом. Деревенские люди по этой части с ними никак не смогут посоревноваться, а тем более люди городские.

Новое поколение эвенков, которое проучилось и жило в интернате, уже не в состоянии соревноваться со старшими. Евдей, да и остальные старики, как дед Ачинка, бабушка Матрена и другие, говорили, что «Сейчас молодежь хлипкая, слабая пошла. Живя в интернатах, они боятся холоду, остывают, чаще болеют и свой родной язык начинают забывать, хорошо не могут охотиться и рыбачить, а девки хорошо не могут выделывать кожи и шить одежду и обувь. В школе их одевают и обувают и готовую пищу в столовой дают. Они совсем облениваются, и мы не знаем, как они будут жить дальше».

Старые, неграмотные эвенки были противниками длительной учебы. Мужчины утверждали, что раньше женщины все делали наравне с мужиками, а женщины подтверждали, что в их года все женское делали и мужчинам помогали. В дни войны подростки и молодежь все работы выполняли, а старикам все казалось, что они плохо работают и всегда были наставниками, притом строгими.

Глава 13. Карамская трагедия

В середине лета 1943 года, когда по реке Киренге в разгаре была ночная рыбалка, мы с хозяином, эвенком Сафоновым Георгием Ивановичем, у которого я находился на квартире, за ночь плавежной сетью добыли около двадцати килограммов разной рыбы (ленки, сиги, хариусы) в местности Талая, километрах в десяти от Мурины. Обработав эту рыбу, немножко подсолив и зарыв под мох, легли спать в юрте (чуме), разложив маленький костер, чтоб дымом разогнать гнус. Он был первым моим учителем и учил меня, как толкаться на шесте, как управлять лодкой, как плавежом рыбачить. Показывал, что тут-то на дне задева и нельзя плавить сеть, хотя и много

рыбы. При разговорах он все возвращался к своему сыну Якову, который служил в армии. Он в свои шестьдесят с лишним лет был бодрым, вполне трудоспособным, огромным шутником и время проходило быстро. Я, вперед проснувшись, вышел из юрты и вижу: снизу к нам толкается кто-то, человек высокого роста, незнакомый, о чем доложил Георгию Ивановичу, разбудив его. Выйдя из юрты, тот сразу узнал его, хотя он еще далековато был и мне сообщает: «Да это с деревни Усть-Ханда Иванов Семен Власович толкается до Мурины к Хромову Павлу – они великие друзья. Павел вчера приплыл с рыбалки и сохатого добыл. Гостинцев у него много».

Я давно слышал о Семене Власовиче, да и кто не слышал о нем. Но, возможно, это другой Семен Власович – это сразу промелькнуло у меня в голове, и пока он не приблизился, я удостоверился у Георгия Ивановича. На мой вопрос он утвердительно ответил: «Да. Он и есть».

Я тут весь сосредоточился, что впервые вижу прославленного человека, который уничтожил последнего белогвардейца в этом округе – убил Сеньку-бандита, о чем далеко за пределами очень многие слышали. Но его, Семена Власовича, очень многие не видели, хотя прошел почти двадцать один год с того времени.

В 1921 году в ноябре месяце, через Карам, убегая от преследования красногвардейцев, проходили остатки недобитых белогвардейцев, которые учинили казнь 16-ти коммунистов (здесь: члены коммуны, коммунары. – *Ред.*) в селе Карам и скрылись в сторону Байкала.

Это было в 1922 году летом. Говорили, что этот Сенька-бандит откололся от этой банды и где-то там, в таежной глуши уговорил одного эвенка-дурачка стать его ординарцем. Вооружившись до зубов, этот Сенька со своим ординарцем Афонькой-дурачком начал совершать бандитские налеты на Карам и другие деревни Казачинско-Ленского района. Убивал активистов и коммунистов, попавших под руку, и грабил. Забирал у населения продукты, одежду, якобы для обеспечения своего отряда, который будто бы следовал по его пятам и при первом сигнале в любую минуту этот «отряд» мог со всеми покончить. Награбленные продукты и вещи увозили в тайгу.

Они появлялись внезапно то в одном, то в другом населенном пункте и также внезапно исчезали, совершив свои преступления. Против них организовали отряды добровольцев, куда включались первые работники милиции, но они пока были неуловимы, а свои дела продолжали творить то тут, то там, грабя и убивая коммунистов.

Я, впервые услышав, что у Сеньки-бандита ординарцем был эвенк Афонька-дурачок, задавался вопросом, не тот ли это эвенк Афонька-дурачок, который в вершине Лены вдали от деревни Дудовки с эвенком Сахаркой скрытно ото всех добывал золото.

На это все старые эвенки отвечали, что не он, что того все мы знали, что он был старым, а этот бандит – молодой. Да и никто из нас о нем не спрашивал, откуда он был, а так-то ближайших эвенков всех знаем. Все мы смеялись, что у эвенков все Афанасии – Афоньки-дурачки, как в русских сказках – все Иваны – дураки, но они всегда выходили победителями, были сильными.

Однажды они появились в деревне Усть-Ханда, и тут житель этой деревни Иванов Семен Власович любезно пригласил их к себе и начал угощать самогоном. Выбрав момент, он обоих насмерть заколол ножом, один. А о Сеньке-бандите говорили, что он был очень проворным кадровым офицером царской армии, очень метким. На лету он ворону из винтовки поражал и ворона летела камнем, а из пистолета любую ближнюю цель поражал, а также ножом попадал в цель без промаха. А тут Семен Власович своим ножом моментально прикончил этого Сеньку. За это его все благодарили, но все жалели, что зря в своем запале убил Афоньку-тунгуса, который мог бы все рассказать нашей милиции и показать все припрятанные вещи и продукты, а возможно, они все сжигали, после чего опять грабили. Были и такие предположения.

После этого в районе стало спокойно, и люди продолжали решать проблемы перестройки Советской власти, полной ликвидации царизма, раскулачивания, полного искоренения всех эксплуататоров, организации колхозов (коллективизация), укрепления власти Советов – власти трудящихся.

Такой прославленный человек приближается к нам, толкаясь на шесте, преодолевая пониже нашей юрты довольно крутой перекат (шивер). Пристав к нам, спокойно вылез с кормы лодки-долбленки и поздоровался за руку. Вытер пот с высокого лба, пальцами подправил уже редеющие и начавшие сесть свои светло-русые волосы, а также с небольшой лысины протер выступивший пот, а лицо, можно сказать, красное, совсем разгорелось. Движения у него были небыстрыми, но высокое его телосложение говорило, что в молодости он был хорошим спортсменом, его открытые голубые глаза так ласково сверкали, а разговор был басистым, медленным.

Я, встретив такого человека впервые, наблюдал все его движения, старался как можно больше поговорить, взглядеться в него. Он с нами чай попил и в первую очередь

спросил о здоровье Хромова Павла, и узнав, что он дома, поторопился. Дорогой он ночевал, а теперь уже не так далеко осталось толкаться, расстояние между Муриньей и Усть-Хандой по реке около 50 километров считают. Он нам немножко дал батуна (лука) и несколько первых свежих огурцов. На носу в его лодке бугрилось – это он доставлял гостинцы муриньским эвенкам, но в первую очередь своему хорошему дружку Хромову Павлу.

В свою очередь Григорий Иванович узнал о своих друзьях, о новостях в деревне. Он оказался веселым, разговорчивым. Отдохнув у нас, встал на корму лодки и так легко потолкался вверх. Смотря на его сутуловатую, крупную фигуру, любой скажет, что в молодости у него была и сила и проворность, хотя и сейчас не чувствовалось утери силы, а ему было примерно 55 лет.

Я, еще учась в школе и живя далеко в другом районе, слышал, что в Караме белогвардейцы зверски казнили много первых коммунистов в то время, как отряд Каландарашвили прошел по нашему району, громя остатки белогвардейцев. Видимо осколок оставшихся белогвардейцев бежал через Карам на восток к Байкалу от преследования наших красногвардейцев.

Описав о Сеньке-бандите и уничтожении его Семеном Власовичем, мне хотелось точно узнать о нашествии остатка этой банды на Карам, да и любой захочет узнать. А это было так. В ноябре месяце 1921 года внезапно в село Карам в дневное время прибыл небольшой отряд на верховых лошадях, все хорошо вооруженные белогвардейцы. Они в первую очередь сразу собрали всех коммунистов, которые оказались дома, ложно выдав себя красногвардейцами.

Живым свидетелем тех событий в первую очередь оказалась ныне жительница села Казачинское Казачинско-Ленского района Иркутской области, сейчас уже пенсионерка Сафонова Нина Степановна. Ей в то время было всего два года, но ей старшие братья, сестры и взрослые родные и соседи обо всем впоследствии говорили. Когда я обратился к ней, она начала объяснять сразу: «Что могу сказать, мне тогда было всего два года, а эта трагедия произошла в ноябре 1921 года. Я впоследствии узнала со слов своих старших братьев и сестер и односельчан. Они говорили, что эта банда казнила наших маму и папу».

Спрашиваю: «Коммунистами были и карамские женщины?» «В числе шестнадцати казненных была одна наша мама, а когда предводительница банды Черепаниха у мамы спросила: «Зачем ты сюда пришла?», – мама ответила: «Куда иголка, туда и нитка, а раз мой муж коммунист, то и я коммунистка». Она, Сафонова

Екатерина Спиридоновна, родившая шестнадцать сыновей и дочерей, стала шестнадцатой жертвой, над которой глумились эти бандиты бесчеловечно.

Нина Степановна продолжает: «Сначала казнили всех пятнадцать коммунистов-мужчин, а над нашей мамой издевались в нашей бане, а потом босую, полуголую на конях провели по Караму уже бессознательную, а затем обрубили все пальцы, после чего саблём разрубили напополам с головы. После этого они устроили гулянку в нашем пустом доме, а старшая наша сестра Дарья нас, малышей спрятала в овине и с нами находилась».

Говорю: «В овине холодно же было в ноябре». Она отвечает: «Нет. Говорили, что отец наш в овин свозил и расставил снопы пшеницы, жатые серпом и дрова к овину подвез. Уже под снопами хлеба развел огонь для сушки зерна, после чего собирался молотить, а сестра Дарья и постарше братья, сестры поддерживали огонь, от которого и нам было тепло, и зерна в колосьях сохли, хотя и дымно было».

Опять задаю вопрос: «Когда мужчин казнили, возможно, кто-то слышал»? Нина Степановна отвечает: «Говорили, что мой отец успел выговорить: “Вы нас убьёте, а наше дело не пропадет, и будет жить века”! Вот слова моего отца. Старший наш брат служил в армии и участвовал в Гражданской войне, воюя с белогвардейцами».

Посидев немножко молча, продолжила: – Эти бандиты сразу убрались, а к Казачинску побоялись двинуться и свернули на Байкал, а в пути от Карама в первой деревушке Тыэкане убили ещё двух коммунистов».

Нине Степановне напоминаю: «А все же эту Черепаниху позже обнаружили?». Она подтверждает: «Говорили, что её опознали в собесе, куда она пришла оформляться на пенсию, что её муж был красным командиром и погиб в боях с белогвардейцами. Видимо втайне от неё работники собеса проверили по её документам, предъявленным в собес. И здесь обнаружили её как матерую белогвардейку, муж у которой был убит красными. А она командовала оставшимся отрядом вместо своего мужа, командира белогвардейцев. Она жила под чужим именем, фамилией, а фактически её звали Анной, а фамилия её была Черепихина. От возмездия никто не уйдёт» – закончила.

Посидев немножко молча, я опять спрашиваю её: «Об этой трагедии описывали, пожалуй, не раз?». Нина Степановна, посидев молча, вроде припоминая, отвечает: «Чтобы в книге описывали, я не знаю, и не слышала, а какой-то Навалихин описывал в газете, и я эту газету хранила, но она у меня потерялась – дотаскали. Многие просили

почитать, и даже на дом читать остальным утаскивали. Впоследствии совсем эта газета потерялась и не могла ни у кого найтись».

Еще спрашиваю: «А не припомните, когда эта газета была напечатана»? Подумав, отвечает: «Примерно в 1949, 1950 или даже в 1951 годах было напечатано в этой газете под заголовком «Карамская трагедия», вот и все подробности, что я знаю» – завершила беседу. Она еще сказала, что здесь, в Казачинске, живет наш карамчанин Сафонов Георгий Петрович, и он мальчиком тогда все видел и сейчас все помнит.

Я Сафонова Георгия Петровича нашел, и он рассказал, что запомнилось ему на всю жизнь: «Я с 1915 года рождения и мне тогда было шесть лет, седьмой шел, но я очень крепко запомнил, как два казака с саблями на боку, сидя верхом на конях, посередине за косы вели Екатерину Спиридоновну. Она временами крикнет, но большинство хохотала уже без сознания с расширенными глазами, вели ее босую, полуголую по снегу, а казаки ее за длинные косы, держа с обеих сторон, можно сказать, тащили, а потом у ней отрубили все пальцы на руках и саблём напополам раздвоили ее голову. После ухода бандитов около церкви всех шестнадцать казненных похоронили в одной братской могиле.

Спрашиваю: «А вас, мальчишек, эти бандиты не трогали»? Георгий Петрович сразу отвечает: «Эти бандиты нас, ребяташек, отгоняли, кричали на нас, а мы любопытные, да и дети казненных были, то из-за угла, то из-за забора в щели за ними следили. Всех пятнадцать мужиков, наших коммунистов, они рано утром выводили по одному и колуном, чем дрова колют, одним ударом по голове, пробив черепа у каждого, убивали. Вот эти нечеловеческие пытки мне запомнились очень крепко, хоть мне шел седьмой год, а мне кажется, что все это я видел совсем недавно. Нас, очевидцев этого ужасного происшествия, сейчас осталось совсем мало.

Из этого поколения многие об этом не знают, но приезжая в Карам, узнают, так как там у нас за этой братской могилой бережно ухаживают, все отдают почести и всегда около могилы цветы. В школе ребят в пионеры принимают около этой могилы и другие мероприятия проводят. Я, когда приезжаю на свою родину в Карам, в первую очередь покупаю бутылку водки, и мы со своими сверстниками идем на эту братскую могилу помянуть наших первых коммунистов».

После этого мы оба молчали некоторое время. Я нарушил эту паузу: «А ведь в Караме должна быть большая партийная организация»? «Да, в то время по району после Казачинска в Караме большая партийная организация была. Много коммунистов находилось на работах далеко от дома, но бандитам некогда было

задерживаться. Они поспешно убрались, совершив такое злодеяние. Если задержались бы немножко, то могли бы остальные коммунисты организовать отряд и вступить с этой бандой в борьбу, а главное, уничтожить всех главарей и в первую очередь, Черепаниху и других имеющих офицеров. Ох, и жестоко обманулись наши коммунисты!». Так заключил Георгий Петрович Сафонов.

Мне удалось в пятидесятых годах вместе работать с карамчанином Сафоновым Петром Васильевичем, участником Великой Отечественной войны, офицером, старым карамским коммунистом, который обо всем так же говорил.

Петр Васильевич активное участие принимал в становлении Советской власти в Караме, в коллективизации, в ликвидации всех эксплуататоров. Он часто вспоминал: «Наша карамская партийная организация во много раз возросла после трагической гибели наших коммунистов и активнейшим образом все коммунисты, все активисты претворяли в жизнь все законы, все постановления нашей партии и нашего государства. В этом отношении наша карамская партийная организация всегда по району была передовой, активной, и до, и в период Великой Отечественной войны.

В дни войны меня дома не было – я сражался на фронте с фашистами наравне с другими нашими коммунистами. Много наших коммунистов погибло на фронте, но и с Победой вернулось немало, но некоторые с большими ранениями. Мои ранения все же дают знать временами: сильно шумит голова, слух и зрение ослабели, но мы вернулись победителями и сейчас наша карамская партийная организация передовая по району; мы, карамчане, всегда будем передовыми».

Всегда так Петр Васильевич говорил. И, действительно, карамские всегда впереди. Карамские отказались в 1965 году при реорганизации колхозов в коопзверпромхоз реорганизовать свой колхоз, а все остальные колхозы района реорганизовались. Затем эти же колхозы опять превратились в совхоз, отделившись от коопзверпромхоза. Этот совхоз уже имеет направление: снабжать продуктами сельского хозяйства БАМ, который проходит через Казачинско-Ленский район. А карамский колхоз «Искра» организовался одним из первых в начале коллективизации и по сей день является колхозом передовым и будет передовым и впредь, так как все карамчане трудолюбивые и за что возьмутся, всегда качественно завершат. Таков и есть карамчанин – это, образно говоря, «марка карамская».

Если кто встретил или узнал где-нибудь мужчину или женщину, юношу или девушку карамских, то нет никаких разговоров, никаких дефектов – все понятно. Я

впервые село Карам посетил в начале июня 1943 года, когда мы прибыли в пятером в сопровождении Зеленых Георгия, о чем упоминается в главе «Наглец».

В завершении о селе Карам и его людях в дни войны и о настоящем Караме через сорок с лишним лет. Это село я считаю уникальным, возникшим в такой отдаленной таежной глуши. Трудолюбивые люди могут в любом месте создать все, как карамчане, которым эвенки, особенно эвенки нюрютканские в труде подражали. И большая была взаимосвязь, большая дружба между большой и сильной нацией русскими и малой нацией эвенками.

После этого трагического события прошло более шестидесяти лет, когда погибли самые преданные молодой Советской власти люди, первые наши коммунисты. Эту «Карамскую трагедию» многие молодые не знают даже в пределах нашего Казачинско-Ленского района. Особенно приехавшие работать на БАМ и в другие организации района, что в далеком, в этом таежном районе на заре Советской власти трагически погибли первые строители социализма от рук остатков царизма.

Следует отметить, что старые эвенки муриньские и нюрютканские всех казненных коммунистов знали, были большими друзьями, гостили друг к другу, со многими вместе охотились, рыбачили. Особенно дед Ачинка, Хромов Павел, Евдей и другие о них вспоминали как о самых лучших гостеприимных людях, вышедших из беднейших слоев населения, переживших царский гнет.

Глава 14. Село Карам (Уникальное село)

В таком отдаленном таежном месте, в глубине сибирских таежных дебрей такое село любого приезжего и проезжего веселит. И уже забывается, что находишься так далеко от обжитых мест, где частые на виду друг от друга деревни и села. Вдруг в такой таежной глухомани вырисовывается по-сибирски довольно большое русское село Карам Казачинско-Ленского района Иркутской области.

Это село расположено на расстоянии около 250 километров от своего райцентра – села Казачинское. В летнее время связь только водным путем по быстрой реке Киренге, да конная тропа по тайге, которая проходит через множество хребтов, заболоченных местностей, множество речушек и рек, притоков Киренги. Только в зимнее время есть санная дорога.

В то время никто не мечтал о моторных лодках, автомашинах, самолетах и вся транспортная тяжесть ложилась на лошадей и лодки-долбленки, которыми надо управлять шестом и веслом, имея силу и умение. Вот только почта до Карамы

поступала с большим опозданием. Ведь почту хоть уже самолетом доставляли до города Киренска, а с Киренска до Казачинска на верховых лошадях на расстояние около 250 километров, и с Казачинска до Карам на такое же расстояние. Но, тем не менее, Карам жил полнокровной жизнью.

Карамский колхоз «Искра» был самым крупным колхозом по своему району и притом передовым колхозом, выполняющим и перевыполняющим все государственные планы военного времени по сельскохозяйственным продуктам (зерна, мяса, молока). Вместо молока сдавали топленое сливочное масло в деревянных бочках, куриные яйца с птицефермы и другие продукты заготовок.

Все это сплавляли на плотках по Киренге до Киренска, мясо в живом весе (свиней со свинофермы) на плотках, а крупный рогатый скот, лошадей самогоном (гуртами) по таежным тропам.

В основном продукты сельского хозяйства шли на снабжение золотопромышленников Бодайбинских золотых приисков, а на золото наше государство закупало у английских и американских капиталистов в дни войны продукты, товары, автомашины «Студебеккеры», самолеты «Дугласы» в незначительных количествах. За военную технику капиталистам нужны капиталы и всегда роскошь. Также этим капиталистам в обмен поставляли пушнину – «мягкое золото». Капиталистам еще надо одеваться шикарно.

Нам, советским людям, нужна была Победа, Победа и еще раз Победа над коварным врагом, который в то время уничтожал наши города, села, деревни и гибли миллионы советских людей.

Сотни карамчан были призваны в Армию и сражались на фронте, большинство в сформированных сибирских ударных полках, а оставшиеся в глубоком тылу карамчане – подростки, женщины, мужчины преклонного возраста, старики не сдавали темпов работ и всегда славились.

Село Карам расположилось в долине вдоль левого берега реки Киренги длинной улицей. А рядом еще вторая улица Степная, с выстроенными добротными домами и надворными постройками. Характерно, почти у каждого дома колодцы, хотя вода киренская хрустально-чистая рядом, но во время половодья вода в реке немножко мутнеет, и карамчане предпочитают пить круглогодично чистую колодезную воду и поить свой скот такой водой.

В первый раз, когда я прибыл с Зеленых Георгием, нас как будто ждали, дорогих долгожданных гостей и всех нас, главное, наперебой «растасили» по своим домам. Я

согласился идти к одной женщине, которая просто убедительно упрашивала идти к ней в гости. Она показывала на свой дом, который стоял недалеко от берега.

Я удивился такому гостеприимству карамчан и сразу сравнил с жителями пригородных деревень и сел. Мне вспомнилось, когда однажды с Иркутска до Качуга ехал. В жаркий июльский день, проехав от Иркутска 40 километров до села Оек, слез и начал «голосовать» на другие автомашины, следующие до Качуга. Подошел к одной ограде и попросил у женщины преклонных лет одну кружку воды утолить жажду. Эта суровая женщина резко ответила, что нет воды, и не напасешься всем таскать воды, а сама с бачка под сарайчиком черпала воду в ведро.

А тут, в Караме, впервые меня эта женщина видит и радостная, схватив мою пустую сумку, повела меня домой, с гордостью поглядывая на других, которые также меня звали к себе. Мы познакомились. Ее звали Марьей, а она оказывается уже знала, что я работаю бухгалтером в двух эвенкийских колхозах.

Эта женщина на редкость очень разговорчивая, веселая, подвижная оказалась, и почти не переставая, говорила и говорила. И притом быстро рассказывала: сколько у нее скота, куриц и свой огород показывала, что вот здесь посажены лук, капуста, морковь, конопля, подсолнух и другое и рассмеялась, когда показала, что здесь посадила табак, хоть и не курит, и добавила: «Мой муж курящий, а сейчас он на фронте. Недавно получила письмо от него. У меня четверо ребятишек. Тяжеловато приходится одной работать в колхозе и по дому».

Она еще мне сказала: «Меня зовут еще Марьей Матросовской». Я подумал, что видимо это фамилия ее, и все же спросил: «Матросовская – это фамилия Ваша»? Она рассмеялась и сразу отвечает: «Это прозвище. Мой свекор в молодости в царской армии служил матросом, и впоследствии наше семейство карамчане прозвали почему-то Матросовскими, а фамилия моя Сафонова, да и почти все карамские Сафоновы».

Я удивился, что столько людей в этом селе и все почти Сафоновы и все же осмелился спросить: «А что, родня на родне женились или женятся что ли»? У нее еще шире раскрылись ее голубые глаза, и она сразу: «Ой, Боже упаси, чтоб кто-то хоть на дальней родне поженился. Раньше попы строго следили за этим, прежде чем венчать и этот грех все знают. И кому охота рожать детей слепых, немых, глухих, дураков. Ой, Боже упаси!».

Она быстро накрыла стол, а сама все говорит и говорит и шутит, сопровождая смехом. Ее дети маленькие не плачут, а играют, и на меня, черномазого, не обращают внимания. Они привыкли к черномазым, так как эвенки частые гости и они, русские,

частые гости у эвенков. Все знают друг друга и всегда с гостинцами друг к другу приезжают. Мне тогда было неудобно, что я пустой приплыл. У Зеленых Георгия бочонок соленой рыбы. У Житова, Венериной и Наифантьевой было тоже что-то у каждого понемножку.

Она наставила на стол столько закусок, – и это в военное время, и притом одна женщина ведет хозяйство. К ней зашли еще две женщины. И они, и Марья у меня спрашивают: кто, как поживают из женщин и мужчин эвенков. И мне в то время было удивительно, что они всех эвенков знают.

Марья нас посадила за стол и быстро слезла в подполье, оттуда достает неполную бутылку разведенного спирту и, улыбаясь, говорит: – «Это у меня еще с Первого Мая осталось».

В те времена в магазинах продавали большинство разведенный спирт, так как гораздо легче было доставить двухсотлитровую бочку спирта в такие отдаленные места, чем в бутылках вино, водку.

Я еще в двух домах был по приглашению, хотя в тот первый приезд в Караме переночевал у Марьи всего одну ночь, а когда поехал с Карамы, Марья мне нагрела муки, килограммов около 10-ти, наварила на дорогу яиц, в берестяной посудине – туюсь творогу со сметаной, калачей душистых.

В последующие приезды в Карам, в том же 1943 году, в августе, сентябре и декабре я обязательно заезжал к Марье и всегда с гостинцами приезжал.

В Караме тогда меня удивило обилие продуктов у жителей. Во второй приезд в Караме я пробыл два дня. Побывав в клубе, поразговаривал с молодежью. Нашел секретаря комсомольской организации – девушку, с которой поговорил о колхозных делах, так как меня очень интересовала жизнь карамчан. Работу их комсомольцев сопоставлял с работой своих комсомольцев, когда работал учителем в 1941 и 1942 годах и одновременно был комсоргом в сельскохозяйственном колхозе, а в данное время был комсоргом объединенной комсомольской организации двух эвенкийских охотпромысловых колхозов.

Побывал на птицеферме, свиноферме и посмотрел прославленных карамских свиней. Вот где увидел такое большое свиное стадо и притом крупных, чистых, упитанных. Вот где был поставлен настоящий уход за ними!

Посмотрел карамских лошадей, крупных, упитанных, посмотрел в августе как буйно растет и колосится рожь, пшеница, ячмень, овес и порядочная площадь конопли и в огородах различные овощи. И все эти росшие здесь культуры никак не сравнишь

со степными. Вот что значит плодородная земля, не знающая недостатка влаги, а также любовный уход. Чем отличаются карамчане, так это своим большим трудолюбием и недаром они славятся далеко за пределами своего района.

Посмотрел также на прославленных карамских охотничьих собак – сибирских лаек, так как почти все мужчины – охотники, которые, быстро справившись с полевыми работами, осенью уходили в тайгу на охоту за пушниной и другими зверями и были прекрасными рыбаками.

Карамские комсомольцы привели меня к братской могиле казненных белогвардейцами 16-ти коммунистов в начале Советской власти около старой церкви. Мы почтили память минутой молчания. Карамчане бережно охраняют эту братскую могилу.

Если задаться вопросом: «Почему в такой отдаленной таежной глуши образовалось село?», с уверенностью можно сказать: «Здесь хорошая, плодородная земля». Как раньше говорили, матушка-земля одарит человека всеми благами, только приложи свои руки.

Здесь выдалась довольно обширная ровная долина, которую разработали до самых хребтов и пашни начинаются прямо за селом и не надо куда-то далеко ездить. Лес для постройки и дров на виду, а река Киренга богата рыбой, тайга кругом богата пушниной и другими зверями, словом, все под боком. Только сенокосные угодья по островам и по паберегам Киренги, на которых в любое засушливое лето растет буйная доброкачественная трава, питаясь дыханием тайги и реки. А тысячи голов различного скота пасутся прямо около села и на островах.

Здесь коровы – прекрасные пловцы, не говоря уже о лошадях. У каждой семьи коровы и другой скот и куры, а когда к вечеру коровы идут к своим домам на вечернюю дойку все улицы запруживают с многоголосым мычанием, давая знать, что за день накопили много молока.

Колхозное стадо отдельно пасут пастухи, а также личных овец – отдельные чабаны. Огороды дают богатый урожай овощей, а также пашни. Здесь нет рынка сбыта и значительное количество картофеля и овощей идет на корм скоту.

Карамчане не любят тощий скот. Поэтому у карамчан круглогодичное обилие продуктов, а раз хорошо и рационально питаются, карамчане всегда здоровые, сильные люди и дети рождаются крепышами.

Когда в августе я прибыл во второй раз в Карам, шел самый разгар сенокоса. Ведь сначала надо выполнить план заготовки сена колхозу, а затем готовить для своего скота.

Всюду, в основном женщины, подростки, девушки, сновали по реке на лодках-долбленках: то сверху приплывут, то толкаются на шестах снизу. В лодку заглянешь – попутно собранные ягоды, грибы, а также рыба (ленки, сиги, хариус).

Здесь в летнее время единственный транспорт – лодки и потому все девчонки и мальчишки уже обучаются навыкам управлять лодкой по такой быстрой реке шестом и веслом. Вот где ежедневная физзарядка хорошая. К вечеру весь берег бывает усеян этими лодками.

На житье на дальних покосах, где имеются летние балаганы, посреди которых горит костер, и в таких балаганах нет никакого гнуса и воздух чистейший у берега реки, уплывают или же поднимаются на шестах на определенное время. А оттуда возвращаются, закончив работу, с хорошим уловом рыбы, сбором ягод, грибов, особенно женщины, которые так умело толкаются на шестах – как эвенкийские женщины.

Жители деревень, сел, районов до Иркутска знают карамских сильных сытых лошадей, карамский лук, вкусные душистые карамские калачи, карамских двухцентнеровых свиней и огромных хряков. У карамских ничего плохого нет и не было, а если кто узнает, что мужик карамский, значит он сильный, здоровый и трудолюбивый.

Узнать карамских очень просто было в то время, так как у карамских говор отличительный был. Допустим, карамские вместо сена, соломы, сосны, скажут: шено, шолома, шошна.

По Киренге ниже Карама в деревнях другие говоры. В сентябре 1946 года мы с супругой Полей впервые проплыли вдвоем на лодке до Казачинска, и, не доплывая до Казачинска, пристали к одной деревушке и спрашиваем, что за деревня и как называется. Нам ответили, что эта деревушка Сяданкино, с двумя ударениями на «я» и на «а» в одном слове. И мы так и начали называть эту деревушку Сяданкино, а фактически называлась Седанкино, с ударением на «а», и вместо буквы «я» следовала буква «е». Словом, говор оказался якающий – акающий.

Характерно было то, что одна группа деревень говорила своим говором, а следующие две-три деревни – другим говором. Это сказалось от первых переселенцев

– ссыльных с России, где также были разные говоры. Эти говоры в этих деревнях сохранились благодаря крепкой оседлости и из поколения в поколение передавались.

Свои фамилии: как в Караме почти одни Сафоновы, а в райцентре – селе Казачинском и около этого села в спутниках-деревушках почти одни Антипины. И узнаешь, что Добрынины, Третьяковы, Ярыгины, Потаповы и другие фамилии с таких-то деревень и по говору определишь, что у него такая-то фамилия должна быть.

При таких множествах одинаковых фамилий отличительной чертой служили старинные имена и отчества у многих от имен: Калистрат, Ксенофонт, Платон, Савва, Анисья, Марья, Степанида, Конон, Сидор, Силиверст и другие старинные имена, но не было Акакия. Казачинские еще подразделялись по говору и по фамилиям: верховские – выше Казачинска и низовские – ниже Казачинска, а у Антипиных говор свой.

Эвенки, выезжая к русским, говорили: «Поехали на Русь», «на Руси хорошо погуляли» и т.д. А русские, особенно старые, говорили: «Наша Русь нынче хороший урожай хлебов собрала» или же «На нашей Руси нынче навалилось осеннее ненастье». Словом, хоть и маленькая деревушка, все равно называли Русью.

По праздникам очень весело проходили гуляния большими компаниями из дома в дом и без усталости песни, пляски, шутки, сменные гармонисты. Очень много старинных песен, частушек впервые в этих деревнях я слышал. Это, конечно, еще сохранилось от первых ссыльных с России со всеми русскими обрядами.

Вот где можно было собрать фольклористам старинные народные песни, частушки. Часто слышно было в веселом настроении стишок:

Много нас, Иванов,
На святой Руси
подавай по семь стаканов
– Только подноси.

В этих деревнях и селах очень крепко укоренилась христианская вера, что грешно употреблять в пищу конское мясо – конину. А сами знают, что лошадь – самое чистоплотное животное, которое не будет есть плохое сено, пить плохую воду. Ведь в дни войны не у всех с продуктами было вдоволь, но ни за что не будут есть конину, даже молодняк – жеребятину. Ведь много было атеистов, которые также не ели.

Это было на руку бурятам, татарам, которые специально приезжали в эти места и закупали совсем по дешевке выбракованных лошадей и гуртами угоняли. У себя ставили их на усиленный откорм и забивали на мясо для себя и в основном для спекулятивных целей.

Насчет гостеприимства во всех деревнях люди оказались одинаковыми, как и в Караме. В этих таежных местах любого постороннего человека принимали как дорогого гостя, каких в то время было очень мало. А в любой деревне между собой жили очень дружно, иначе не могло и быть в таких таежных глубинках.

Раньше корчевали тайгу, строили дома, как говорится, семейным подрядом. Ведь раньше не было никаких аборт, и многие семьи были большими до пятнадцати и больше сыновей и дочерей, которые, вырастая, уже составляли полдеревушки. И так «на виду» русское население росло. Конечно, сначала родителям в больших семьях было тяжело детей поставить на ноги, и сочиняли всякие частушки, стишки, прибаутки. Допустим: «Бедным – ребята, богатым – жеребята».

В больших семьях, в домах делали пристройки над дверью, большинством называемые полатами, куда поднимались по лесенке около стены и эта пристройка наподобие квадратного или прямоугольного ящика служила как спальня для родителей с младшими детьми, где не требовалось никаких одеял и лишь примитивная постель, а остальные спали на полу. Престарелые члены семьи спали на русской глинобитной печи и на пристройке к этой печи, называемой гопчиком. Словом, на полатах, на печи, на гопчике можно спать и отдыхать без укутки. Но и на деревянных кроватях, которых в доме не более двух-трех, не холодно. А уж на полу нужна кое-какая укутка, и что-нибудь постелить – шкуры какие-нибудь и прочее, и лечь потеснее, чтоб друг друга обогревать.

Такова была крестьянская «хитрость» и «секрет» по сравнению с купеческими, поповскими и другими барскими семьями, а беднота сочиняла стишки: «Тятя с мамой на полатах, а я бедный на полу» и многие другие частушки, прибаутки. Но русские все увеличивались, могучевели и сильнели, а тайга все отступала, увеличивались пашни и луга, умножался скот.

Старые эвенки говорили, что русские плодятся как грибы, а строят дома быстро, как ласточки или стрижи свои гнезда лепят, да и дома-то строят теплущие.

Первые переселенцы, конечно, многое переняли у местных аборигенов – эвенков, но многое не в состоянии сделать как эвенки. К примеру: выделка звериных кож и шитье из них обуви и одежды монопольными остаются у эвенков. Эвенки на своих оленях охватывают обширные территории охоты по своим местам, они лучше знают повадки зверей, и в итоге больше добывают, и другие стороны деятельности. А русские увлечены и большинство заняты сельским хозяйством, но дружба между карамскими и хандинскими, русскими и эвенками очень большая.

Когда русские приезжают в гости к эвенкам, эвенки не знают, чем и как угостить, а также и русские, когда к ним в гости приезжают эвенки. И каждые приезжают с гостинцами. Особенно хандинские русские и эвенки часто друг друга посещали, а многие даже разговаривали по-эвенкийски. И мне говорили, что некоторые хандинские – метисы с эвенками и действительно некоторые хандинские были смуглые.

А когда настанет зимняя дорога, которая с Карама через Усть-Ханду проходила по реке Киренге до стойбища Мурины, то гостили друг к другу чаще. Карамские в большинстве своем ездили до стойбища Нюруткан в 35-ти километрах от Карама, а хандинские до Мурины на расстояние около 50-ти километров по ледяной дороге. Тут уж за лето отдохнувшие лошади мчались так, что снежная пыль оставалась позади, и вожжи держи крепче.

Карамчане отправлялись в дорогу за грузом до Качуга, до Иркутска транспортом в 60, 80 и более лошадей, запряженных в новые дровни. Сбруя у всех была выездная, с нашитыми кисточками и разукрашенными, до блеска начищенными бляхами и все лошади сытые, гладкие и подстриженные. Такой транспорт лошадей был только у карамских.

Жители деревень и сел, мимо которых проходила дорога до Иркутска, на расстоянии около 500 километров, все знали, увидев такой транспорт, что это едут карамские, хотя сами никогда не были в Карама.

За каждым возчиком были закрепленные три, а то и четыре запряженных лошади. В каждом транспорте был старший, который получал груз (продовольствие и промтовары) для своего сельпо и Казачинского райпотребсоюза, и распределял по лошадям.

Все везли обратно до Карама, а как весной вскроется Киренга, предназначенный для Райпотребсоюза груз по Киренге до Казачинска на расстояние около 250 километров сплавляли на плотах. Хотя Райпотребсоюз в последнее время войны приобрел небольшую баржу и катер, который громко назывался «Победа», чтобы летом по Киренге доставлять грузы с города Киренска. Туда грузы, доставленные с Иркутска на автомашинах, сплавляли с Качуга по Лене.

В Качуге строили карбасы, а на один карбас загружали до сорока тонн. Четыре таких карбаса связывали и связку эту по Лене сплавляли на сотни километров до Киренска. И вот с Киренска все лето доставляли грузы на этом катере до Казачинска.

Катер, видимо, был старенький и часто ломался, да и механики неопытные были и насчет этого катера сочинили шуточный стишок: «Победа ходит до обеда...».

И в самом деле, говорили, что с Киренска этот катер вышел 9 августа 1945 года, когда началась война с Японией, а когда катер добрался до Казачинска, уже война с Японией закончилась.

С Казачинска срочные грузы доставлялись вверх по деревням и до Карама на лодках-долбленках толкачом на шестах. Как бы тяжело ни было, грузы доставлялись к месту назначения. А теперь, за сорок лет все неузнаваемо изменилось: такой транспорт, как лодки-долбленки, гужевой транспорт, ушли в прошлое.

Сейчас через Казачинско-Ленский район проходит трасса БАМ, и все грузы доставляются по железной дороге и не такие катера ходят по Киренге. Где эта деревушка Седанкино была, теперь мимо нее проходит БАМ и стоит бамовский поселок Магистральный с населением в пятнадцать тысяч человек и все увеличивающийся ежегодно. Здесь железнодорожная станция «Киренга» – садись на пассажирский поезд и езжай куда надо или же на самолете с Казачинского аэропорта лети в любой город нашего Союза.

Сейчас БАМ проложил зимнюю автодорогу до Карама, а Карамский колхоз до БАМа в 1950-х годах проложил зимнюю автодорогу до Качуга. Теперь с Казачинска через Карам в зимнее время круглосуточно курсируют автомашины до Качуга, затем с Качуга до Иркутска по асфальтированному шоссе.

В летнее время бороздят по реке Киренге катера и различных мощностей моторные лодки. Теперь весь берег села Карам усеян уже корпусами различных подвесных моторов. Современная молодежь не сможет теперь управлять долбленками, а девушки, напудренные, накрашенные, одетые в одежду и обувь по последней моде не смогут даже устоять на таких вертких лодках-долбленках.

В Караме открыт аэропорт, садись и лети куда угодно, а по улицам Карама полно бегают личных автомашин и мотоциклов колхозников различных марок.

В Караме сейчас пять магазинов, средняя школа, большой дом культуры, кинотеатр, библиотека, телевизионная установка. У всех колхозников телевизоры, не говоря уже о радиоприемниках. Есть электростанция, пекарня, столовая, колхозный радиоузел, больница, рация, почта, метеостанция, сельпо, сельсовет, комплекс детского учреждения (ясли, детсад) и др.

В колхозе много автомашин, тракторов, комбайнов и другой техники, а Караму рабочие и специалисты очень нужны. В нашем социалистическом обществе нет безработицы, каждый по себе найдет работу и везде нужны работники.

Сейчас деревни Усть-Ханда уже нет и все оставшиеся жители переехали в Карам, сплавив по Киренге все свои постройки. Здесь теперь сенокосные угодья Карамского колхоза и участок откорма скота.

Многие с этой деревни Усть-Ханда погибли на фронте и семьи переехали в Карам. Не вернулся с фронта хандинец – Герой Советского Союза Иванов Роман. Погибли на фронте, на поле сражения и карамские, а многие впоследствии умерли от ран и память о них хранит молодое поколение.

За эти сорок с лишним лет неузнаваемо изменился облик Карамы – уникального села в глубине сибирской тайги. Свою славу карамский колхоз «Искра» и сейчас не теряет, поставляя государству большое количество продуктов сельского хозяйства.

У всех колхозников, рабочих и служащих свой личный скот, да какой же сельский житель без скота и огорода. Личное подсобное хозяйство не только у карамчан, и в других деревнях есть. Но и приехавшие осваивать наши таежные места в бамовских поселках заводят личный скот и огороды.

Это же очень интересно, вырастить своими руками скот на мясо и овощи. У молодых на все времени хватает. Сейчас в нашем Казачинско-Ленском районе Иркутской области четыре бамовских поселка с железнодорожными станциями и множество поселков леспромхозов, которые все расширяются, увеличиваются, и это не только в нашем районе, а по всей огромной трассе БАМа, где в дальнейшем возникнут фабрики, заводы, города.

Ведь по трассе БАМа, в этой огромной зоне Сибири и Дальнего Востока в недрах таятся огромные залежи полезных ископаемых почти всех элементов таблицы Менделеева. И не только по зоне БАМа, но и в других местах этого огромного региона нашей страны. Их надо осваивать, где нужны сотни тысяч, миллионы рабочих рук различных специальностей, а у кого ее нет, здесь приобретают смежные и новые профессии.

А откуда взять столько рабочих, служащих и людей других специальностей? На этот вопрос ответит наша молодежь и подрастающее поколение нашей многонациональной страны, и наша молодежь всегда горячо откликается на призыв нашей Партии и нашего Правительства и с твердой уверенностью можно сказать: «Приезжайте в наш богатейший край, всем найдется работа!».

Они приедут. Как не приехать в такой уникальный край, где советские люди начали раскрывать тайны веками скрытых сокровищ в недрах этого огромного региона. Всем известно сибирское углеводородное сырье, которое поставляем за рубеж, обеспечив свои потребности.

За рубеж идет сибирский лес, пушнина, каменный уголь и многое другое, и теперь даже торгуем сибирскими алмазами, а еще впереди уникальные открытия сокровищ недр нашего региона.

Великий русский ученый М.В. Ломоносов, в свое время прозорливо видел будущее нашего, в то время дикого, региона. Он высказывался, а вернее, вывел свою формулу: «Российское могущество будет прирастать Сибирью» и вторая мечта у него была: открытие Северного морского пути.

Все это воплотилось в Советское время советскими людьми и дальше продвигается, но нужны кадры – молодые строители. По Северному морскому пути почти круглогодично перевозятся важные народнохозяйственные грузы мощными атомными ледоколами, сопровождая грузовые суда, на полную мощность работает авиация.

Сейчас, в связи с перестройкой во всех отраслях народного хозяйства, во всех сферах жизни идет бурная революция, местами с промахами, но наш революционный народ всегда выходил победителем, и нет сомнения, что и тут в скором времени выйдет победителем и пойдет по новому построенному пути уверенными шагами.

По части карамского колхоза «Искра» – хозрасчет уже в полном смысле слова начал действовать. Они все перевернули, просеяли в лучшую сторону и претворяют в жизнь.

Они уже построили молочный завод. А до этого молоко перерабатывали на сливки и в летнее время на самолете, а зимой на автомашинах, отправляли (продавали) жителям БАМа нашего участка. При такой переработке много отходов оставалось, а сейчас хозрасчет сделал иначе, и доходы колхоза увеличатся. Еще необходимо увеличивать дойное стадо коров. Это лишь один пример хозрасчета, начало перестройки.

Вообще Карам перестроили. Почти все село свои дома на новые типовые дома поменяли.

Содержание

Рагулина М.В., Сирина А.А. Верховья Лены и Киренги в научно-прикладном и народном знании первой половины XX в.	
Сирина А.А., Рагулина М.В. Предисловие к публикации.....	
Некипелов В.А. Отчет землеустроителя.....	
Бурлаев И.И. Воспоминания бухгалтера эвенкийского колхоза.....	

Научное издание

По верховьям Лены и Киренги.

Отчет землеустроителя. Воспоминания бухгалтера эвенкийского колхоза
(1920–1940-е годы)

Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Институтом географии им. В.Б. Сочавы Сибирского Отделения РАН
и Иркутским областным краеведческим музеем

Сдано в набор XX.XX.XXXX. Подписано в печать XX.XX.XXXX.
ФорматXXXXXXX Печать офсетная.
Усл. п. л. XXXX. Уч.-изд. л. XXXX.
Тираж XXXX. Зак. № XXXXXXXX

Издательство XXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

